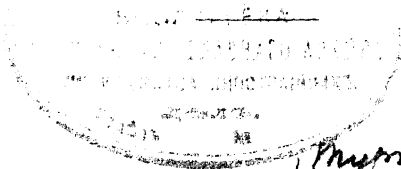
"Пров 49"
№ 800
Хр

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.



Тургенев, Н.

ПОРА!

т. 2 т. 1-4 ч. 3 т. 1-2 ; Кропоткин, собрание
А. Герцена

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ I.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1858.

„Пров 49"
Пров. 1987

2мк
Р

АКАДЕМИИ.

868
26

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Предувѣдомленіе v

I. Общія разсужденія о современныхъ обстоятельствахъ Россіи. — Вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права . . 3

II. Безполезность мѣръ пріуготовительныхъ. Необходимость и выгоды мѣръ единовременныхъ и рѣшительныхъ . . 10

III. Невозможность выкупа 25

IV. Освобожденіе съ $^1/_3$ земли 33

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Предлежащее разсужденіе было написано въ концѣ прошлаго 1857 года. Тогда не было еще ни рескрипта 20 Ноября, ни циркуляровъ Министра Внутреннихъ дѣлъ, рѣшительно поставившихъ, въ извѣстномъ видѣ, вопросъ освобожденія крестьянъ.

Но великодушныя, незабвенныя изрѣченія Императора, обращенныя къ дворянству въ Москвѣ, уже раздались въ Россіи и въ Европѣ. Мысль народная устремилась къ великому дѣлу освобожденія. Начали объ этомъ говорить, толковать, писать.

Какъ будто воскреснувшій къ новой жизни отъ сей благой вѣсти изъ родной земли, я не могъ не обратиться съ новымъ рвеніемъ къ предмету, который наполнялъ мою душу, былъ главною цѣлію моей дѣятельности въ продолженіе всей моей жизни.

Когда мнѣ сдѣлался извѣстнымъ и рескриптъ и циркуляры Министра, я увидѣлъ, что Правительство ограничиваетъ надѣленіе крестьянъ усадьбою, что приведеніе новыхъ мѣръ въ исполненіе разпредѣляется на нѣсколько лѣтъ, и что — это всего

важнѣе — правительство обратилось къ самому дворянству, требуя его содѣйствія къ успѣшному совершенію дѣла.

Прошло уже семь мѣсяцевъ и мы видимъ, что дворяне спокойно разсуждаютъ о предложенномъ имъ вопросѣ правительствомъ, крестьяне спокойно ожидаютъ роковой минуты разрѣшенія. Государь не ошибся въ своемъ довѣріи къ помѣщикамъ и къ крестьянамъ. Благословеніе Божіе, столь очевидно сопутствующее дѣяніямъ Царя, служитъ намъ вѣрнымъ залогомъ окончательнаго успѣха.

Я всегда всемъ сердцемъ любилъ и уважалъ русскихъ крестьянъ; я всегда былъ увѣренъ, что они имѣютъ всѣ тѣ добрыя качества, кои возможны въ ихъ положеніи — не забудемъ, что для раба есть добродѣтели недосягаемыя —, я зналъ ихъ христіанскую преданность въ волю Провидѣнія, ихъ кротость, ихъ долготерпѣніе, ихъ здравый смыслъ. Зная все это и сочувствуя имъ всѣми силами души, я былъ однакоже изумленъ, радостно и счастливо изумленъ несравненнымъ, безпримѣрнымъ, величественнымъ зрѣлищемъ, которое представляютъ теперь крѣпостные крестьяне! Они вездѣ спокойны. Этого мало. Даже тѣ безпорядки, кои всегда являлись между ними, теперь уменьшились или вовсе пресѣклись. Всѣ ожидаютъ окончанія святаго дѣла съ упованіемъ на Бога и съ безпредѣльною довѣренностію и надеждою на Государя ими теперь конечно обожаемаго.

Я въ полной мѣрѣ раздѣляю съ ними сіи чувства. Я увѣренъ, что тѣми или другими средствами, согласными или несогласными съ частными мнѣніями кого бы то ни было, великое и святое дѣло совершится и что главный виновникъ благодѣянія будетъ благословляемъ не только милліонами, коихъ онъ освободитъ, но десятками милліоновъ ихъ потомства и неизчислимымъ множествомъ всѣхъ людей вѣрующихъ въ Бога и любящихъ правду!

Въ семъ положеніи я могъ бы, вмѣстѣ съ крестьянами, въ молчаніи ожидать того что̀ неминуемо должно воспослѣдовать. Не напечатавъ моей статьи до изданія рескрипта 20 Ноября, я могъ бы продолжать держать ее въ портфелѣ вмѣстѣ съ другими по предметамъ болѣе или менѣе прикосновеннымъ къ вопросу освобожденія. Но я вижу, что говорятъ другіе: одни толкуютъ о постепенности въ дѣйствіи, о мѣрахъ пріуготовительныхъ; другіе требуютъ выкупа или правительствомъ или крестьянами; иные, въ предоставленіи крестьянамъ ихъ усадьбъ и въ предназначеніи имъ для пользованія половины помѣщичьей земли, находятъ какія-то соціалистскія начала, le droit au salaire и пр. и пр.; встрѣчаются даже такіе доброжелатели бѣдныхъ русскихъ крестьянъ, кои заступаются за Годунова, разглагольствуютъ о законности его избранія. — Годуновъ! Одно это имя наполняетъ душу мою какимъ-то неизъяснимымъ чувствомъ ужаса и омерзенія.

Видя и читая все это, я подумалъ, что мое слово будетъ не лишнее въ такой полемикѣ, хотя бы и по тому что уже за 40 лѣтъ, говоря о крѣпостномъ состояніи я заявилъ (въ печати) мой образъ мыслей, замѣтивъ, что "угнѣтеніе одного класса народа другимъ не можетъ быть залогомъ благополучія государственнаго.... что народъ вездѣ платилъ признательностію и довѣріемъ за благодѣянія правительствъ и что возмущенія происходили отъ иныхъ, противныхъ причинъ."

18. Іюля 1858.

ПОРА!

I.

Если мы взглянемъ на Россію въ теперешнемъ ея положеніи, то мы должны будемъ признать и признать съ горестію, что Русское солнце .... частію затмилось!

Но это затменіе видимое Европою, очевидно ли оно для самихъ Русскихъ? Нѣтъ, конечно!

Русскіе находятъ, что вліяніе Россіи на ходъ дѣлъ и политики въ Европѣ уменшилось въ слѣдствіе послѣднихъ произшествій, что Россія уступила, хотя весьма малую, часть одной изъ пограничныхъ областей, что вліяніе ея на Дунаѣ изчезло, что властительство ея на одномъ изъ прибрежныхъ морей было органичено. Все это Русскіе знаютъ также какъ и другіе народы. Но Русскіе сверхъ сего подлинно знаютъ и чувствуютъ, — о чемъ другіе только могутъ догадываться, — что народъ Русскій не потерялъ истинной своей силы, своего народнаго достоинства. Они знаютъ какое стеченіе различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ привело Россію къ войнѣ, которой у насъ не предвидѣли, и какимъ образомъ двѣ непріятель-

скія арміи, 70000 человѣкъ, были встрѣчены на землѣ Русской 18ю тысячами. Они знаютъ какъ солдаты Русскіе стояли за свою землю, какъ Русскіе крестьяне толпами стремились на защиту ея. Всякой Русской размышляя о подвигахъ нашихъ солдатъ, о твердости, о самоотверженіи ихъ, о бѣдствіяхъ, которыя они претерпѣвали внѣ поля битвы, не можетъ не чувствовать съ сердечнымъ умиленіемъ и вмѣстѣ съ гордостію, весьма позволительной, что судьбы Россіи не измѣнились, и что, если призваніе ея велико, то и средства къ достиженію цѣли продолжаютъ быть велики и дѣйствительны. И такъ въ затменіи видимомъ Европою, сама Россія видитъ или по крайней мѣрѣ должна видѣть одну только остановку ..... не въ грязи, какъ сказалъ одинъ Французскій Маршалъ о Франціи въ 1830мъ году *), но на просторѣ дѣятельности гражданской. Въ самомъ дѣлѣ: немедленно по окончаніи послѣдней войны, вниманіе, умъ, совѣсть народная обратились, сильно и бодро, ко внутреннему состоянію государства. Возникло множество важныхъ, жизненныхъ вопросовъ, кои начали быть обсуждаемы иногда съ замѣчательною точностію, съ честностію, съ искуствомъ и талантомъ, по крайней мѣрѣ въ обозрѣніяхъ и изслѣдованіяхъ, если не въ результатахъ.

Это инстинктивное, внезапное движеніе умовъ является для насъ какъ нѣкое указаніе, самымъ Про-

*) „Ce n'est qu'une halte," сказалъ одинъ изъ министровъ въ Камерѣ Перовъ. — „Oui, mais une halte dans la boue," воскликнулъ Маршалъ Лобо (Lobau).

мысломъ, пути по коему должна итти Россія къ цѣли симъ же Промысломъ ей предназначенной.

Испытанія посылаемыя Провидѣніемъ какъ на людей въ отдѣльности такъ и на цѣлые народы, не рѣшаютъ всего ни въ жизни человѣка, ни въ жизни народа. Многое, если не все, остается во власти самого человѣка, самого народа. Многое, если не все, зависитъ отъ того, какъ человѣкъ, какъ народъ пріемлетъ испытаніе, какъ онъ его понимаетъ, какое извлекаетъ изъ него нравоученіе, однимъ словомъ, какъ онъ направляетъ свои дѣйствія къ дальнѣйшему преслѣдованію цѣли жизни.

Бросимъ взглядъ на произшествія почти современныя. Въ началѣ сего столѣтія Пруссія, однимъ махомъ судьбы, была погружена въ бездну бѣдствій. Завоеванная, разоренная, связанная трактатами, надзираемая со всѣхъ сторонъ суровымъ непріятелемъ, она не уныла. Духъ народный пробудился къ новой, но новой совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ жизни. Добросовѣстный Король понялъ смыслъ народнаго движенія. Онъ вручилъ власть человѣку, къ которому обращалось довѣріе народа. Баронъ Штейнъ, съ помощію нѣсколькихъ сподвижниковъ, между коими замѣчательнѣйшій, по важности въ то время преобразованія арміи, былъ Генералъ Шарнгорстъ, управлялъ Пруссіею не долѣе какъ 9 мѣсяцевъ, и въ это короткое время Пруссія переродилась и достойно приготовилась къ незабвеннымъ событіямъ 1813, 14 и 15 годовъ, къ событіямъ, кои не ограничивались военною

славою, но имѣли послѣдствіемъ и правильное гражданское благоустройство. Такимъ образомъ Пруссія не только не погибла отъ ужаснаго испытанія; но съумѣла извлечь изъ него самыя блистательныя и самыя существенныя блага величія народнаго и устройства гражданскаго.

Франція, въ свою очередь, имѣла свое испытаніе. Потерявъ господство надъ большею частію Европы, заключенная въ предѣлы существовавшіе до 1789 года, обложенная сильными контрибуціями, Франція спаслась и обновилась .... чѣмъ? — Умники называютъ это клочкомъ бумаги; — мы назовемъ это обыкновенно принятымъ именемъ Хартіи, дарованной ей въ самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ королемъ Лудовиномъ XVIII., каковому дарованію такъ сильно содѣйствовалъ нашъ славный Императоръ Александръ I!

Эта хартія, этотъ клочекъ бумаги, если хотите, — произвела чудеса. Возвративъ народу его права, его достоинство, она открыла всѣ многообразные пути матеріальной и нравственной его дѣятельности. Оживилась промышленость, воскресла торговля, воспрянула словесность. Сіе послѣднее явленіе, т. е. успѣхи французской литтературы, всего болѣе свидѣтельствуетъ о силѣ и плодовитости послѣдовавшаго измѣненія. Преуспѣвая на различныхъ поприщахъ земледѣлія, промышлености, торговли, наукъ, словесности, Французы догадались, что внѣ побѣдъ и завоеваній, существуютъ предметы, достойные соревнованія народа просвѣщеннаго и разсудительнаго. Новый поря-

докъ вещей, допустивъ возможность развитія всѣхъ силъ народныхъ, тѣмъ самымъ вызвалъ и устроилъ сіе развитіе. Ежедневный опытъ доказывалъ, что истинное могущество равно какъ и благоденствіе государства, наиболѣе зависитъ отъ внутренняго благоустройства, и мало по малу Французы дошли весьма близко до убѣжденія, что самыя выгодныя завоеванія суть тѣ, кои народъ дѣлаетъ въ собственныхъ своихъ предѣлахъ, обработывая пустопорожія земли, соединяя города и селенія каналами и дорогами, и что самая чистая слава состоитъ въ нравственномъ достоинствѣ человѣка и гражданина.

Такимъ образомъ и Франція съ достоинствомъ и со славою отвѣтствовала испытанію, свыше ей низпосланному.

Мы приведемъ еще одинъ примѣръ, показывающій, что Провидѣніе не оставляетъ тѣхъ, кои сами въ себѣ не отчаяваются.

Въ этой небольшой Подъ-Алпійской странѣ, называемой Піемонтомъ, мы еще недавно видѣли всѣ признаки закостнелой дряхлости, всѣ явленія какъ бы отжившаго народа: вверху многочисленная, исполненная предразсудковъ, бѣдная умственнымъ образованіемъ аристократія; внизу сильная физически, весьма слабая нравственно масса народная; и тѣ и другіе погруженные въ самое печальное изувѣрство. Одно только среднее состояніе являло нѣкоторые проблески новѣйшей Европейской гражданственности. Все это, казалось, жило безсознательно, или лучше сказать

произрастало, если не гнило. Вдругъ грянула гроза. Непріятель побѣдоносно вторгся въ Піемонтъ. Армія разбита. Сильная контрибуція наложена непріятелемъ, Король отказался отъ престола и удалился въ Португалію. Издержки войны и контрибуція должны были, по видимому, по крайней мѣрѣ разорить землю, не говоря уже о другихъ послѣдствіяхъ неудачной войны.

Испытаніе ужасное! Но и здѣсь народъ встрепенулся, собрался съ духомъ и съ новымъ блескомъ явился на новомъ поприщѣ гражданской жизни. Первымъ орудіемъ сего перерожденія и въ семъ случаѣ былъ такой же листъ бумаги какой такъ кстати явился во Франціи въ 1814мъ году. Развѣнчанный король, разставаясь съ родною землею, оставилъ ей, какъ душевное завѣщаніе, новый законъ государственный. Преемникъ его свято сохранилъ благое завѣщаніе. Народъ понялъ въ чемъ дѣло; понялъ свои права, свое достоинство и оживился. Нашлись люди прямые, добросовѣстные, просвѣщенные, которые помогли новому духу укрѣпнуть, новымъ силамъ развиться, — и теперь, спустя едва нѣсколько лѣтъ, Піемонтъ представляетъ собою землю благоустроенную, процвѣтающую, и, что всего разительнѣе, преуспѣвающую не только въ нравственномъ но и въ матеріальномъ благосостояніи. Всеобщаго разоренія, которое тамъ было, по видимому, неизбѣжно, ни мало не замѣтно, и лучшимъ доказательствомъ успѣховъ сего матеріальнаго благосостоянія служитъ возвысившаяся цѣнность земли въ семъ государствѣ.

Такіе примѣры возможности, для народовъ, воспрянуть къ новой жизни въ годину испытанія, конечно утѣшительны. Но нѣтъ ли въ нихъ вмѣстѣ съ симъ и чего нибудь печальнаго? Не ужели никакой народъ не можетъ возродиться къ новой, лучшей жизни иначе, какъ пройдя, такъ сказать, сквозь огонь и воду? Не ужели русская пословица: „Пока громъ не грянетъ, русскій человѣкъ не перекрестится," всегда и вездѣ справедлива?

Мы сего ни по теоріи, ни по опыту допустить не можемъ. Добро конечно слѣдуетъ довольно часто за зломъ, иногда даже и происходитъ отъ него. Но оно можетъ также происходить и изъ другихъ источниковъ, когда сіи источники чисты, и когда то что̀ изъ нихъ произтекаетъ можетъ свободно и безпрепятственно разливаться и плодотворить нравственную и матеріальную почву.

Франція переродилась съ 1789 года. Но съ того времени переродилась и Англія. Англія современная столь же мало похожа на Англію прошедшаго вѣка, какъ теперешняя Франція на Францію Лудовика XV. И такъ переходъ къ лучшей гражданской жизни можетъ, при извѣстныхъ данныхъ обстоятельствахъ, совершиться безъ особенныхъ переворотовъ и потрясеній, посредствомъ постояннаго, усерднаго и свободнаго стремленія къ лучшему. Говоря объ Англіи, мы оставляемъ въ сторонѣ теперешнюю безтолковую и безнравственную политику Англійскаго Правительства, которая есть въ своемъ родѣ не иное что какъ затменіе въ жизни Англійскаго народа.

Какъ бы то ни было: утѣшительны ли, печальны ли примѣры Пруссіи, Франціи, Піемонта, нами приведенные, — они во всякомъ случаѣ наставительны, поучительны.

Обращаясь къ нашей родной землѣ, къ Россіи, мы видимъ, что между различными вопросами, возникшими въ послѣднее время, существуетъ одинъ главнѣйшій, несравненно важнѣйшій всѣхъ прочихъ и безъ разрѣшенія коего невозможно приступить ни къ какимъ улучшеніямъ. Это вопросъ объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Обсужденіемъ сего-то вопроса мы намѣреваемся заняться здѣсь исключительно.

II.

Общій вопросъ о самомъ уничтоженіи крѣпостнаго права, кажется, рѣшенъ какъ въ мнѣніи Правительства, такъ и въ мнѣніи большинства дворянскаго сословія. Сужденія и толки идутъ только о томъ когда и какъ крѣпостное право можетъ быть уничтожено.

Многіе полагаютъ, что къ немедленному, безотлагательному освобожденію помѣщичьихъ крестьянъ приступить не возможно.

Что надлежитъ приготовить сіе освобожденіе исподоволь, мало по малу.

Въ подкрѣпленіе сего мнѣнія приводятъ съ одной стороны, что одинаковая мѣра освобожденія не можетъ быть принята для всѣхъ, столь различныхъ

между собою частей Россіи, различныхъ по количеству и по качеству земли, по климату, по нравамъ, по обычаямъ и проч. и проч.

Что Правительство, въ коемъ сосредоточивается все управленіе государственное, не имѣетъ достаточныхъ свѣденій о бытѣ и объ особенностяхъ всѣхъ мѣстностей обширнаго государства.

Съ другой стороны защитники сего мнѣнія указываютъ на различныя опасности, которыя возникнутъ отъ крестьянъ освобожденныхъ немедленно, однимъ почеркомъ самодержавнаго пера.

Предполагая и не имѣя права мыслить иначе, что сіе мнѣніе вполнѣ искренно и добросовѣстно, мы представимъ противъ него нѣкоторыя объясненія.

Мы конечно знаемъ, что одно слово, одна мысль объ освобожденіи крестьянъ порождаетъ въ умахъ ихъ, въ ихъ воображеніи, вмѣстѣ съ нѣкоторыми здравыми, множество самыхъ ложныхъ понятій. Но сообщенія сей мысли, произнесенія сего слова ни какъ не возможно избѣгнуть при самомъ первомъ шагѣ къ освобожденію, какъ бы онъ ни былъ незначителенъ. Желая приготовить дѣло освобожденія постепенно, исподоволь, надобно однакоже сказать что̀ или къ чему приготовить; предпринимая постепенныя пріуготовительныя мѣры, нельзя не означить тѣмъ самымъ въ чемъ состоитъ цѣль сихъ мѣръ, къ чему онѣ клонятся, какой долженъ быть ихъ результатъ. Сколь бы ни была велика осторожность въ предпринятіи сихъ мѣръ, не возможно будетъ скрыть отъ глазъ и

совѣсти народа ихъ сущности и ихъ значенія. При первой мѣрѣ, на первомъ шагу, съ перваго слова произнесеннаго Правительствомъ въ смыслѣ освобожденія, всѣ поймутъ, поймутъ немедленно, что дѣло идетъ о свободѣ, о вольности. Въ общемъ заключеніи, т. е. что предварительныя, пріуготовительныя мѣры ведутъ къ освобожденію, мнѣніе народное никогда не ошибется. Но сколько заблужденій, сколько обманчивыхъ мечтаній, сколько преувеличенныхъ ожиданій, сколько страстныхъ ощущеній, сколько горячихъ порывовъ родится въ сердцѣ, въ умѣ, въ воображеніи народномъ отъ сей мысли, глубоко падшей въ душу, но неясной въ головѣ, неопредѣленной въ разсудкѣ! Въ семъ-то невольномъ, безотчетливомъ, но сильномъ, непреодолимомъ, внезапномъ движеніи силъ и страстей душевныхъ, добрыхъ и сомнительныхъ, чистыхъ и подозрительныхъ, въ семъ-то именно движеніи кроется та опасность, которой защитники постепенности напрасно страшатся въ противуположныхъ способахъ освобожденія.

Отстранить эту опасность возможно только однимъ средствомъ: высказать разомъ, однажды на всегда, всю сущность дѣла; объявить въ простыхъ, ясныхъ словахъ, что Правительство, которое одно только имѣетъ голосъ въ Россіи, рѣшилось уничтожить крѣпостное право; что крестьяне крѣпостные будутъ впредь крестьянами самостоятельными, подобно крестьянамъ казеннымъ. Вмѣстѣ съ симъ Правительство означитъ пути, кои должны вести къ достиженію сей цѣли.

Что касается до приведенныхъ выше замѣчаній, что одна и таже мѣра освобожденія не можетъ быть принята во всѣхъ столь различныхъ мѣстностяхъ Имперіи, и что правительство не имѣетъ достаточныхъ свѣденій о частномъ быту и объ особенностяхъ каждой изъ сихъ мѣстностей; то сіи замѣчанія, по видимому столь важныя и полновѣсныя, въ сущности своей совершенно ничего не доказываютъ, ничего не объясняютъ, и совершенно ни къ чему не ведутъ. Различіе между мѣстностями, между частями одного и того же цѣлаго естественно, неизбѣжно, неотвратимо. Предпринять составленіе особенныхъ правилъ освобожденія для каждой изъ сихъ мѣстностей, сообразно особенному ея быту, нравамъ и обычаямъ, былобы стольже удобоисполнительно какъ и предпріятіе привести всѣ сіи мѣстности подъ одинъ уровень, и всѣ мѣстныя обстоятельства, нравственныя и физическія, всѣ мѣстные обычаи къ одному общему для всѣхъ правилу. Хотя бы это было и возможно, то оно не менѣе было бы безполезно. Столь же тщетно и безполезно было бы отлагать освобожденіе до того времени, когда высшія правительственныя мѣста пріобрѣтутъ всѣ подробныя свѣденія о состояніи крестьянъ и помѣщиковъ, о количествѣ и о качествѣ земли въ различныхъ селеніяхъ, о взаимныхъ отношеніяхъ владѣльцевъ къ владѣемымъ, о способахъ промышленности народной, и проч. и проч.

То что сіи верхнія правительственныя мѣста могли доселѣ узнать о состояніи народномъ во всѣхъ

сихъ отношеніяхъ, то онѣ безъ сомнѣнія узнали, по мѣрѣ возможности при существующихъ обстоятельствахъ управленія. Собираніе новыхъ справокъ, новыхъ донесеній, однимъ словомъ новыхъ свѣденій не подвинетъ ни на шагъ вопроса*). Одно что въ семъ отношеніи былобы истинно полезно, это возможность безпрепятственно обсуждать сей вопросъ въ печати.

Сіи краткія объясненія, которыя каждый мыслящій и добросовѣстный человѣкъ можетъ пополнить дальнѣйшими собственными разсужденіями, достаточно, въ нашемъ понятіи, показываютъ всю шаткость, всю

---

*) Пріобрѣтеніе достаточныхъ и надежныхъ свѣденій по различнымъ предметамъ до управленія ли государственнаго, или до состоянія различныхъ мѣстностей касающихся, едва ли возможно посредствомъ собиранія справокъ, посредствомъ донесеній мѣстныхъ начальствъ и соображенія оныхъ въ министерствахъ. Единственное успѣшное средство достичь, въ семъ отношеніи, до желаемой цѣли состоитъ въ изслѣдованіи дѣла посредствомъ особо учрежденной коммиссіи, предъ которую будутъ призываемы всѣ лица, кои могутъ дать основательныя свѣденія по предлежащему дѣлу. Коммиссія, имѣя въ виду цѣль, для которой она была назначена, будетъ обращать къ симъ лицамъ различные вопросы о различныхъ предметахъ, и, на основаніи отвѣтовъ даваемыхъ людьми свѣдущими и благонадежными, составитъ свое заключеніе. Все происходящее въ коммиссіи должно быть гласно, такъ чтобы всѣ тѣ кои имѣютъ особыя свѣденія о разсматриваемомъ предметѣ могли являться въ коммиссію и быть выслушиваемы членами оной. Эта метода изслѣдованія употребляется во всѣхъ дѣлахъ вообще въ Англіи, гдѣ при разсмотрѣніи всѣхъ важныхъ правительственныхъ мѣръ парламентъ назначаетъ подобныя коммиссіи. Все происходящее въ коммиссіи обнародывается въ печати. Франція, во время конституціоннаго правленія, также присвоила себѣ сію методу изслѣдованія и успѣхъ былъ очевиденъ.

невѣрность, всю безполезность мнѣнія въ томъ состоящаго, что освобожденіе должно быть приготовлено безконечнымъ изысканіемъ положенія всѣхъ различныхъ мѣстностей Имперіи и столь же безконечнымъ собираніемъ, для назиданія правительственныхъ мѣстъ и лицъ, справокъ о состояніи жителей всѣхъ сихъ мѣстностей.

Обратимся теперь къ опыту и посмотримъ какъ дѣла сего рода совершались въ другихъ земляхъ.

Одна изъ важнѣйшихъ мѣръ освобожденія, едва ли не важнѣйшая по своей рѣшительности, была предпринята въ Пруссіи въ 1811 году *). Баронъ Штейнъ, коему Пруссія, послѣ Бога всемогущаго, обязана болѣе нежели кому либо своимъ перерожденіемъ, между различными преобразованіями въ государствѣ, положилъ главныя основанія къ освобожденію крестьянъ съ землею. Обстоятельства политическія, въ коихъ находилась тогда Пруссія и особенно принужденное удаленіе Барона Штейна не позволили привести сего

*) Въ другихъ моихъ запискахъ по сему предмету я означилъ 1817 годъ какъ эпоху окончательнаго освобожденія крестьянъ съ землею въ Пруссіи. Дѣйствительно въ семъ 1817 году состоялось узаконеніе (20 Іюня) объ учрежденіи генеральныхъ коммиссій и ревизіонныхъ коллегій для точнаго опредѣленія отношеній между помѣщиками и крестьянами и вмѣстѣ о порядкѣ производства дѣлъ въ сихъ присутственныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ въ 1817 году было окончательно устроено дѣло. Но самый законъ, на коемъ сіе основывалось, состоялся въ 1811 году. Законъ 1823 (8. Апрѣля) предписываетъ особенно совершенное отдѣленіе помѣщичьихъ земель отъ крестьянскихъ и сихъ послѣднихъ одного отъ другихъ. Сіе предписаніе оказалось особенно полезнымъ въ Познанскомъ Герцогствѣ.

освобожденія тогда же къ предназначенному окончанію. Наконецъ, въ 1811 году, освобожденіе съ землею было объявлено и приведено въ дѣйство волею правительства. Все совершилось порядочно и успѣшно, какъ сего заслуживалъ святый подвигъ правительства. Земледѣльцы получили въ собственность одни (наслѣдственные, Erbbauern) двѣ трети, другіе (Срочные, Laszbauern) половину земли, за пользованіе коею они были прежде обязаны работами, и продолжали пользоваться остальною частію посредствомъ покупки или вольнаго найма. Крестьяне имѣли также право, удержавъ за собою отходящую къ помѣщику $^1/_2$ или $^1/_3$ земли, заплатить за сіи части деньгами. Теперь помѣщики и крестьяне благословляютъ благую мѣру правительства, и Пруссія совсѣмъ забыла, что въ началѣ нѣкоторые изъ недальновидныхъ помѣщиковъ съ сокрушеніемъ ожидали всеобщаго разоренія поземельныхъ владѣльцевъ.*)

---

*) Das Edict vom 14. September 1811 stellte in der Hauptsache den Grundsatz auf, dass erbliche Wirthe ein Drittel ihrer Ländereien oder deren Werth, nicht erbliche die Hälfte an den Gutsherrn abzutreten haben, um letzteren für seine bisherigen Anrechte vollständig zu entschädigen.

(S. „Edict vom 14. September 1811, betreffend die Regulirung der gutsherrlichen und bäuerlichen Verhältnisse.“ Gesetzes-Sammlung vom 1811. Lette und Rönne, „Die Landesculturgesetzgebung des preussischen Staats“ I. Einleitung pag. C.)

Узаконеніе 14. Сентября 1811, постановляетъ правиломъ, что крестьяне должны возвратить или уступить своимъ помѣщикамъ: наслѣдственные крестьяне одну треть, срочные крестьяне половину занимаемой ими земли, или стоимость сихъ частей деньгами, и что сія уступка должна служить полнымъ вознагражденіемъ помѣщиковъ за всѣ права, коими они доселѣ пользовались.

Послѣ сего примѣра мы укажемъ на другой, являющійся совершенно въ иныхъ обстоятельствахъ.

Англійское правительство движимое сильно распространившимся мнѣніемъ общественнымъ противъ рабства Негровъ въ Англійскихъ колоніяхъ, рѣшилось представить Парламенту проэктъ закона объ уничтоженіи рабства съ денежнымъ вознагражденіемъ 20 мил. Ф. ст. въ пользу владѣльцевъ, что и было принято Парламентомъ безъ затрудненія. Но не войдя въ подробное разсмотрѣніе вопроса и потому самому придавая слишкомъ много важности обыкновеннымъ разглагольствованіямъ о постепенности, о необходимости мѣръ пріуготовительныхъ и т. п., Правительство не рѣшилось исполнить благаго дѣла однимъ разомъ. Оно придумало новое средство освобожденія постепеннаго, которое состояло главнѣйше въ томъ, что бѣдные Негры должны были оставаться въ теченіе 9 плу 10 лѣтъ, въ зависимости отъ своихъ владѣльцевъ, зависимости, подобной той, въ которой находятся отъ мастеровъ малолѣтныя дѣти отдаваемыя имъ въ ученье. Потому это положеніе Негровъ и называлось apprenticeship. Права владѣльцевъ и обязанности работниковъ были опредѣлены закономъ. Для наблюденія за точнымъ исполненіемъ сего закона и для огражденія Негровъ отъ притѣсненій со стороны владѣльцевъ, Правительство должно было назначить особенныхъ коммиссаровъ. Выборъ сихъ коммиссаровъ былъ хорошій. Понимая смыслъ и значеніе ихъ призванія и одушевляемые тѣмъ же духомъ любви хри-

стіанской, который былъ главною побудительною причиною, главнымъ основаніемъ всего дѣла, они не могли избѣгнуть разныхъ непріятныхъ столкновеній съ землевладѣльцами. Во многихъ мѣстахъ непріязненныя отношенія возникли между сими послѣднимп и коммиссарами Правительства, кои стояли за бѣдныхъ Негровъ, не имѣвшихъ ни привычки, ни способности защищать собственныхъ своихъ интересовъ. Иногда споры и распри достигали до того, что коммиссары должны были, не ожидая позволенія отъ Правительства, оставить мѣсто ихъ пребыванія и возвратиться въ Англію. Какъ бы то ни было, это учрежденіе ученичества (apprenticeship), эта временная мѣра, долженствовавшая облегчить освобожденіе, съ самаго начала не преставала причинять множества различныхъ затрудненій и неудобствъ, такъ что наконецъ сами землевладѣльцы увидѣли и убѣдились, что не только для Негровъ, но и для нихъ самихъ немедленное и окончательное освобожденіе будетъ гораздо лучше. Они обратили представленія свои въ семъ смыслѣ къ Правительству, которое съ своей стороны признало свою благонамѣренную ошибку и гораздо ранѣе, за нѣсколько лѣтъ до истеченія постановленнаго срока, предписало полное и немедленное освобожденіе.

Доскажемъ конечное совершеніе сего святаго дѣла. Правительство рѣшило, что полное освобожденіе должно быть объявлено Неграмъ на канунѣ свѣтлаго праздника Воскресенія Христова въ самую полночь. Негры собрались въ храмахъ Божіихъ. Въ роковую минуту

священники прочли имъ законъ о ихъ освобожденіи. Нельзя безъ сердечнаго умиленія читать описанія очевидцевъ того, что въ сіе время происходило въ церквахъ наполненныхъ людьми, кои съ Воскресеніемъ Спасителя обрѣтали и собственное свое воскресеніе. Нѣсколько минутъ царствовала во храмѣ глубокая тишина. Вдругъ слезы полились изъ глазъ ощастливленныхъ. Они пали ницъ и съ рыданіями возсылали молитву и благодареніе къ Небу, и благословенія народу, отъ коего они получили неоцѣненное благодѣяніе.

Получивъ свободу Негры должны были продолжать работать, но работать за плату. Здѣсь они нашли себя лицемъ къ лицу съ прежними владѣльцами, кои не могли рѣшиться платить имъ за ихъ работу столько сколько слѣдовало платить работнику вольнонаемному. Не имѣя возможности долго торговаться съ землевладѣльцами, потому что при свободѣ надобно также ѣсть и пить какъ и въ неволѣ, и не умѣя ни противиться предложеніямъ бывшихъ ихъ владѣтелей, ни избѣгнуть ихъ хитростей въ договорахъ, бѣдные Негры были угрожаемы сдѣлаться жертвою алчности и несправедливости землевладѣльцевъ. Коммиссаровъ-защитниковъ тогда уже не было. Добрые священники и миссіонеры пришли имъ на помощь. Именемъ Негровъ они заключали условія о работѣ съ помѣщиками, ограждая сколь возможно выгоды слабой стороны.

Какія послѣдствія имѣло это освобожденіе Не-

гровъ въ Англійскихъ колоніяхъ? Съ того времени количество производимаго сахара упало, особливо въ первые годы. Но ввозъ изъ Англіи и Америки всѣхъ товаровъ потребляемыхъ Неграми, какъ то различныхъ издѣлій служащихъ для одежды и т. п. немедленно увеличился вдвое, втрое, вчетверо: доказательство, что Негры сдѣлались достаточнѣе, богаче нежели прежде. А помѣщики? Не смотря на то что Англія заплатила имъ за каждаго Негра 30 Ф. ст. они не переставали жаловаться на разореніе. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ оказывается, что имѣнія проданныя до освобожденія за извѣстную сумму, продавались, послѣ освобожденія, за сумму высшую одною четвертію или даже третію. Этимъ рѣшительнымъ и неоспоримымъ доказательствомъ, въ пользу освобожденія, мы обязаны также добрымъ миссіонерамъ.

Примѣръ Англіи не остался совсѣмъ недѣйствительнымъ и для Франціи. Морской Министръ, Адмиралъ Макау, занялся составленіемъ проэкта освобожденія Негровъ во Французскихъ колоніяхъ. Была учреждена коммиссія состоявшая изъ людей просвѣщенныхъ и благонамѣренныхъ. Къ несчастію система пріуготовительности, постепенности и здѣсь одержала верхъ, не столько впрочемъ въ коммиссіи какъ въ министерствѣ. Освобожденіе долженствовало совершиться исподоволь. Различныя предварительныя мѣры были предписаны. Между прочимъ была опредѣлена цѣна, за которую Негръ могъ откупиться. По сдѣланному изчисленію выходило, что Негръ имѣя возмо-

жность работать на себя только въ извѣстное время, не могъ заработать опредѣленной суммы выкупа, 1500 фр. сколько я помню, иначе какъ въ продолженіе 60 или 70 лѣтъ! Предсѣдатель коммиссіи освобожденія, Дюкъ де Броглій, въ объясненіяхъ своихъ не преминулъ замѣтить, что откупъ посредствомъ накопленной работомъ суммы (pecule) былъ извѣстенъ между прочимъ въ Испанскихъ колоніяхъ, но что нигдѣ онъ не имѣлъ никакого заслуживающаго вниманія успѣха. Негры, разумѣется, остались рабами, доколѣ Республиканское Правленіе, въ 1848 году, не освободило ихъ просто и рѣшительно, безъ всякихъ околичностей, давъ впрочемъ владѣльцамъ почти тоже вездиздіе, которое Англія дала имъ въ своихъ колоніяхъ. Успѣхъ и въ семъ случаѣ, въ полной мѣрѣ, оправдалъ благое дѣло. Морскимъ министромъ былъ тогда знаменитый астрономъ Араго. Товарищъ министра Шельшеръ, извѣстный уже въ литтературномъ свѣтѣ своими описаніями Французскихъ колоній, былъ главнымъ дѣятелемъ въ семъ освобожденіи *).

Обращаясь къ странамъ болѣе къ намъ приближеннымъ, мы видимъ, что по образованіи Французскимъ Правительствомъ Герцогства Варшавскаго, крѣпостное состояніе крестьянъ, хотя и не совсѣмъ похожее на наше, было также уничтожено безъ малѣйшихъ пріуготовительныхъ мѣръ. Сіе уничтоженіе совершилось, такъ сказать, само собою, въ слѣдствіе

*) Рабство во Французскихъ колоніяхъ было уже однажды уничтожено Конвентомъ въ 1794 году; но черезъ нѣсколько лѣтъ оно было возстановлено Наполеономъ.

введенія въ Герцогствѣ французскаго гражданскаго кодекса, провозглашающаго равенство всѣхъ предъ закономъ. Впрочемъ въ семъ случаѣ освобожденіе было только личное, безъ земли.

При освобожденіи Ост-зейскихъ крестьянъ въ царствованіе Императора Александра Iго хотя и были приняты нѣкоторыя мѣры, отвладывавшія полное освобожденіе или, лучше сказать, свободу перехода отъ одного помѣщика къ другому, на нѣсколько лѣтъ; но сіи мѣры ни къ чему иному не послужили, какъ развѣ къ доказательству ихъ совершенной безполезности. Здѣсь крестьяне были также освобождены безъ земли. Замѣтимъ при семъ случаѣ, что опытъ былъ неблагопріятенъ для защитниковъ личнаго освобожденія.

Наконецъ полное освобожденіе съ землею крестьянъ въ различныхъ Австрійскихъ владѣніяхъ особенно свидѣтельствуетъ въ пользу единовременнаго и такъ сказать мгновеннаго исполненія и слѣдовательно противъ мѣры постепенности и пріуготовительности. Сіе освобожденіе съ землею въ Венгріи, Богеміи, Галиціи было сопряжено, въ нѣкоторой степени, съ выкупомъ и совершилось на слѣдующихъ основаніяхъ.

Занимаемая крестьянами земля была предоставлена въ полное ихъ владѣніе. Но такъ какъ за пользованіе сею землею крестьяне доселѣ были обязаны исполнять въ пользу землевладѣльца различныя работы, то было постановлено, что землевладѣлецъ, уступая крестьянамъ землю и лишаясь ихъ работъ, долженъ

получить возмездіе или вознагражденіе. Сіе вознагражденіе было опредѣлено слѣдующимъ образомъ:

Стоимость работы каждаго крестьянина въ пользу помѣщика была изчислена за цѣлый годъ деньгами. Ежегодная сумма представлявшая годовую работу крестьянина, бывъ взята въ 20ти лѣтней сложности, составляла капиталъ, который долженствовалъ замѣнить отстраненную на всегда работу крестьянина. Положимъ, что стоимость годовой работы крестьянина была изчислена въ 100 руб. Въ такомъ случаѣ двадцатилѣтняя сложность составляла 2000 руб. Эти 2000 руб. представляли сумму, которая долженствовала вознаградить помѣщика за потерю его правъ на землю крестьянскую и правъ на крестьянскія работы. Но на кого падала обязанность уплаты сей суммы помѣщику? Очевидно, что крестьяне не могли заплатить всей сей суммы. Правительство также не находило возможнымъ принять на себя полной уплаты оной. По сему оно рѣшилось раздѣлить сію сумму на три доли: одну треть должны были выплатить помѣщику сами крестьяне, уплату второй трети приняло Правительство на себя, а послѣднюю треть долженъ былъ нести или потерять помѣщикъ.

Такъ какъ, въ слѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ, крестьяне или ничего не платили, или платили неисправно, то было постановлено, что крестьянская треть должна быть уплачена помѣщикамъ кредитными билетами отъ Провинціальнаго управленія, между тѣмъ

какъ сіе управленіе разложило бы уплату сей крестьянской трети на крестьянъ въ видѣ налога, который долженствовалъ быть взимаемъ вмѣстѣ съ другими налогами. Такимъ образомъ уплата крестьянской доли начала происходить исправно. Курсъ провинціальныхъ кредитныхъ билетовъ, выданныхъ въ удовлетвореніе помѣщиковъ, стоитъ теперь 10ю со ста ниже курса государственныхъ бумагъ.

Какое послѣдствіе имѣло сіе надѣленіе крестьянъ землею?

Не смотря на трудныя обстоятельства, не смотря на возмущенія крестьянъ въ нѣкоторыхъ провинціяхъ и именно въ Галиціи, возмущенія, если не произведенныя, то явно покровительствуемыя безчеловѣчнымъ и постыднымъ вмѣшательствомъ Австрійскаго Правительства, не смотря, однимъ словомъ, ни на что, имѣнія помѣщичьи, съ возстановленіемъ спокойствія общественнаго, удвоились въ своей цѣнности!

Что скажутъ объ этомъ противники освобожденія съ землею?

Всѣ сіи примѣры достаточно, кажется, доказываютъ превосходство методы единовременнаго, полнаго освобожденія предъ методою постепенности, пріуготовительности, и т. п. Нужно ли послѣ сего доказывать, что если что либо можетъ быть еще пагубнѣе и сей послѣдней методы, то это метода безпрестанно откладывать всянія мѣры и продолжая питать въ умахъ надежды и ожиданія, не дѣлать совершенно ничего?

Освобожденіе единовременное, полное и безъ по-

тери времени — вотъ наше убѣжденіе относительно одной части вопроса. Мы съ довѣріемъ обращаемся ко всѣмъ людямъ искреннимъ и добросовѣстнымъ и просимъ ихъ обдумать и обсудить дѣло въ его сущности, въ его подробностяхъ. Если они рѣшились достичь желаемой цѣли, то они не могутъ отвергнуть едва ли не единственныхъ средствъ удачнаго достиженія *).

III.

Приступая къ обсужденію способовъ освобожденія, т. е. какъ оно должно быть произведено въ

Вотъ что между прочимъ писалъ въ одной запискѣ представленной Королю, Князь Гарденбергъ:

„Самый многочисленный и важнѣйшій классъ народа, о которомъ однакоже всего менѣе заботились досель и который болѣе всего подверженъ угнетенію, классъ крестьянъ, долженъ сдѣлаться особеннымъ предметомъ попеченія Правительства, и освобожденіе отъ наслѣдственнаго подданства (крѣпостнаго состоянія), должно кратко, просто и немедленно воспослѣдовать."

Der zahlreichste und wichtigste, bisher am meisten vernachlässigte und gedrückte Stand im Staate, der Bauernstand, müsste vorzüglich ein Gegenstand der Sorgfalt der Regierung, und die Aufhebung der Erbunterthänigkeit durch ein Gesetz kurz und gut und sogleich verfügt werden.

Это слова человѣка, проведшаго всю жизнь въ важныхъ государственныхъ дѣлахъ, который съ честію и славою управлялъ Пруссіею въ качествѣ канцлера и который, относительно сего вопроса, вѣрно и честно исполнилъ предначертанія Барона Штейна. Здѣсь не можетъ быть мѣста для этихъ пошлыхъ восклицаній, кои такъ часто встрѣчаютъ, какъ нечистыя теоріи, всякое предложеніе здравое, прямое и рѣшительное.

дѣйство, намъ прежде всего представляется два рода освобожденія крестьянъ: освобожденіе личное и освобожденіе съ нѣкоторою частію земли.

Невыгоды личнаго освобожденія, безъ земли, очевидны и столь важны, что дѣлаютъ такое освобожденіе, въ Россіи, едва ли возможнымъ. Что касается до насъ, то мы конечно, не имѣя другаго выбора, предпочли бы видѣть въ Россіи нѣсколько милліоновъ пролетаріевъ, бобылей, нежели столько же милліоновъ крѣпостныхъ людей. Но мы ни мало не убѣждены въ необходимости ограничиваться такимъ выборомъ. Впрочемъ сей вопросъ, какъ намъ кажется, болѣе или менѣе, уже рѣшенъ въ мнѣніи общемъ. Съ тѣхъ поръ какъ начали серіозно толковать объ освобожденіи, предоставленіе крестьянамъ нѣкоторой части земли вообще признается необходимымъ. Весьма рѣдко встрѣчаются люди останавливающіеся на личномъ освобожденіи.

Здѣсь возникаетъ важный вопросъ о выкупѣ. Многіе полагаютъ, что земля предназначаемая для крестьянъ должна быть выкуплена отъ помѣщиковъ или самими крестьянами или Правительствомъ. При семъ обыкновенно предполагается, что крестьяне должны быть надѣлены всею тою землею, коею они доселѣ пользовались, такъ что въ имѣніяхъ оброчныхъ, по видимому, придется выкупать всю землю къ селенію принадлежащую.

Еслибы такой выкупъ земли крестьянской былъ возможенъ, то мы съ радостію приняли бы сіе сред-

ство освобожденія. Но выкупъ очевидно невозможенъ.

Одни полагаютъ сотворить капиталы потребные для выкупа посредствомъ выпуска банковыхъ билетовъ, коими Правительство заплатитъ за землю помѣщикамъ. Прибавить нѣсколько сотъ милліоновъ къ теперешнему количеству бумажныхъ денегъ былобы неминуемо и немедленно привести государство къ совершенному банкрутству. Тогда и новые и старые кредитные билеты упали бы въ своей цѣнности и разореніе было бы всеобщее.

Скажутъ, что новыя бумажныя денги будутъ обеспечены землями крестьянскими и что крестьяне будутъ обложены извѣстными налогами для выкупа мало по малу и изтребленія сихъ билетовъ. Но для такого выкупа и изтребленія билетовъ потребуется нѣсколько лѣтъ, если впрочемъ сей выкупъ возможенъ, а пущенные въ обращеніе милліоны новыхъ бумажныхъ денегъ вдругъ наводнятъ всю Имперію, и присоединившись къ милліонамъ уже существующихъ кредитныхъ билетовъ, скоро и неумѣренно превзойдутъ потребности денежнаго обращенія внутри государства, и потому самому стольже скоро и неумѣренно упадутъ, какъ одни такъ и другіе, въ своей цѣнности. Залогъ состоящій въ землѣ, ничему не поможетъ, по той простой причинѣ, что симъ залогомъ не возможно будетъ распоряжать съ тою легкостію и скоростію, съ каковыми можно располагать движимостями. Во время Французской революціи, тогдашнее правительство желая

возстановить кредитъ ассигнацій, выпустило въ обращеніе новыя бумаги, подъ названіемъ мандатовъ, обезпечивъ ихъ національными имуществами и притомъ такъ что имѣя извѣстныя суммы въ сихъ мандатахъ, можно было избрать соотвѣтственное количество земли изъ національныхъ имѣній и вступить во владѣніе, заплатя опредѣленную цѣну. Лучшаго обезпеченія придумать было не возможно. Не смотря на то, мандаты послѣдовали за ассигнаціями, и тѣ и другія превратились въ ничтожные лоскутки бумаги!

Мнѣніе другихъ защитниковъ выкупа состоитъ въ томъ, чтобы заставить самихъ крестьянъ выкупить нужныя для нихъ земли отъ помѣщиковъ, опредѣливъ цѣну земель по мѣстной оцѣнкѣ.

Мы не будемъ говорить о всѣхъ затрудненіяхъ такой повсемѣстной оцѣнки всѣхъ крестьянскихъ земель Эти затрудненія очевидны. Мы ограничимся однимъ вопросомъ: гдѣ крестьяне возмутъ денегъ для выкупа всѣхъ нужныхъ для нихъ земель? Мы конечно знаемъ, что крестьяне по сему предположенію должны были бы уплачивать за землю постепенно, мало по малу, въ теченіе многихъ лѣтъ. Но какъ бы то ни было, какъ бы цифры ни были группированы, платежъ долженъ быть произведенъ сполна рано или поздно. Но этотъ-то платежъ и невозможенъ. Можно математически доказать, что крестьянинъ, принося помѣщику въ теперешнихъ обстоятельствахъ извѣстный доходъ, никогда не можетъ быть въ состояніи никакимъ прилежаніемъ, никакою бережливостію, и при

самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ: безъ неурожаевъ, безъ пожаровъ, безъ повальныхъ болезней, принести или доставить помѣщику двойнаго и тройнаго дохода; а сія двойная и тройная противъ прежняго плата необходима для вознагражденія за землю.

Сверхъ сего надлежитъ имѣть всегда въ виду, что освобожденіе съ землею должно постепенно вести къ образованію въ Россіи самостоятельнаго, крѣпкаго, болѣе или менѣе благоденствующаго сословія земледѣльческаго, сословія крестьянъ. Не ясно ли, что вы или вовсе отстраняете благотворную цѣль сію, или по крайней мѣрѣ много затрудняете ея достиженіе, подвергая крестьянъ на самомъ первомъ шагѣ къ самостоятельной жизни, такимъ пожертвованіямъ и усиліямъ, кои должны истощить ихъ нравственныя и физическія средства? Нельзя ли будетъ опасаться, что тогда крестьяне, устрашенные при видѣ сихъ пожертвованій, или даже утомленные неудачными усиліями, предпочтутъ вовсе отказаться отъ земли и пойдутъ искать иныхъ промысловъ? Что, кромѣ строгой, принудительной, безпрестанно угрожающей сильными наказаніями власти, можетъ удержать крестьянъ на землѣ, которая имъ не принадлежитъ, или за которую они должны заплатить цѣну для нихъ чрезмѣрную или губительную? Клочокъ земли данный въ собственность крестьянину, сильнѣе всего привяжетъ его къ землѣ, а эта земля питаетъ все государство!

Читая одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ проэктовъ на выкупѣ основанныхъ, и находя, что онъ написанъ весьма умнымъ и знающимъ человѣкомъ, я не могъ безъ изумленія видѣть до какихъ крайностей довело автора желаніе упрочить успѣшное исполненіе его предложеній. Такъ, напримѣръ, изыскивая средства къ обезпеченію точности оцѣнокъ, онъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, подвергаетъ отвѣтственности самихъ оцѣнщиковъ. Такимъ образомъ живущій въ своемъ имѣніи дворянинъ, не обязанный ни службою, ни какими либо должностями, будучи призванъ къ оцѣнкѣ сосѣдняго имѣнія, можетъ безвинно, или по крайней мѣрѣ безъ злаго умысла, подвергнуться взысканію за невѣрную оцѣнку. Спрашивается: кто же тогда согласится быть оцѣнщикомъ земель?

Сей же авторъ придумывая различныя средства для понужденія крестьянъ къ исправному взносу выкупной суммы, доходитъ до угрозъ переселенія въ Сибирь, и наконецъ не обинуясь предлагаетъ невыплатившихъ выкупной суммы крестьянъ дѣйствительно переселять въ Сибирь, забывъ притомъ сказать: гдѣ, какъ, на чей счетъ, на чьихъ земляхъ, въ чьихъ избахъ крестьяне должны будутъ жить въ Сибири, равно какъ и какимъ образомъ и на какія деньги они должны предпринять это долгое путешествіе!

Отстранивъ такимъ образомъ всѣ тщетныя изысканія защитниковъ методы выкупа, мы не можемъ не замѣтить, что они упускаютъ изъ виду единственное средство освобожденія на выкупѣ основанное, средство,

коимъ можно было — прежде, едва ли теперь — выкупить, если не всѣхъ и даже не большее число, то по крайней мѣрѣ многихъ крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи. Это средство основывается на низшей цѣнѣ денежныхъ капиталовъ въ иностранныхъ государствахъ въ сравненіи съ Россіею. Разница между количествомъ обыкновенныхъ процентовъ на занимаемые капиталы въ Россіи и за границею будетъ въ семъ случаѣ настоящимъ орудіемъ освобожденія.

Защитники выкупа изъясняя предлагаемыя ими средства, имѣютъ всегда въ виду одни русскіе капиталы, Правительствомъ ли образуемые посредствомъ выпуска ассигнацій, или крестьянами скопляемые для совершенія выкупа. Но Русскіе капиталы дороги, т. е. проценты платимые по займамъ въ Россіи выше нежели въ другихъ земляхъ. Мѣнять дорогое на дорогое не прибыльно. Прибыль является тогда, когда дешевое обмѣнивается на дорогое. И такъ капиталовъ для выкупа надлежитъ искать не въ Россіи, а за границею. Займы иностранные возможны только для Правительства. Такимъ образомъ Правительство можетъ занять извѣстную сумму за границею по $4\frac{1}{2}$ и 5 со ста. Сію сумму Правительство можетъ ссудить благонадежнымъ и въ порядочномъ состояніи находящимся крестьянамъ за 7 со ста. Излишекъ, $2\frac{1}{2}$ или 2 со ста будетъ употребленъ на погашеніе долга. Мы имѣли случай давно уже говорить о семъ средствѣ освобожденія въ иномъ мѣстѣ, и потому, не входя въ подробности, мы только повторимъ, что средство выкупа можетъ быть, съ пользою, основано

изключительно на меньшей цѣнѣ денежныхъ капиталовъ въ чужихъ земляхъ въ сравненіи въ Россіею. Повторимъ также, что сіе средство можетъ быть приложено не ко всей массѣ крѣпостныхъ крестьянъ, но только къ одной, можетъ быть не весьма значительной, части сего сословія. Нельзя также не согласиться, что оно представляло болѣе удобностей за 30 и за 40 лѣтъ, нежели теперь, когда мысль освобожденія распространилась повсемѣстно и когда тѣ мѣры, кои требуютъ долгаго времени для окончательнаго исполненія, сдѣлались едва ли возможными.

Отстраняя способъ чистаго выкупа мы обратимъ вниманіе занимающихся симъ предметомъ людей на одно средство, основанное, такъ сказать, на выкупѣ безпрерывномъ, на вѣчномъ платежѣ оброка за землю; средство заслуживающее полнаго изслѣдованія и содержащееся въ запискѣ Господина К. Предположеніе автора состоитъ въ слѣдующемъ:

Въ слѣдствіе различныхъ доводовъ, авторъ утверждаетъ, что помѣщичьи имѣнія вообще должны, по предписаніямъ закона, содержать въ себѣ по крайней мѣрѣ по $4\frac{1}{2}$ десятины на душу. Половину сей земли т. е. $2\frac{1}{4}$ десятины, авторъ предполагаетъ предоставить крестьянамъ, обязавъ ихъ платить за оныя такой же оброкъ, по соразмѣрности, какой платятъ Правительству за владѣемую ими землю казенные крестьяне. По предположенію Гна К., за исправный платежъ оброка должно отвѣчать сельское общество, и всѣ отношенія помѣщиковъ по ихъ имѣніямъ будутъ про-

исходить не прямо съ крестьянами, но съ симъ обществомъ. Такимъ образомъ, въ краткихъ словахъ, сей способъ конечно обѣщаетъ освобожденіе съ землею, но освобожденіе сопряженное съ платежемъ вѣчнаго оброка.

Мы и здѣсь скажемъ, что еслибъ мы не имѣли инаго выбора между теперешнимъ порядкомъ вещей и способомъ Гна К. то мы не замедлили бы принять его, признавая сверхъ того, что сей способъ лучше способа личнаго освобожденія.

IV.

Всѣ изчисленные нами доселѣ способы освобожденія представляются намъ недостаточными, неудовлетворительными, несоотвѣтствующими благой цѣли великаго дѣла.

Одинъ, только одинъ, способъ можетъ, по нашему глубокому убѣжденію, быть достоинъ сей благой цѣли, сего великаго дѣла. Этотъ способъ состоитъ въ освобожденіи крестьянъ съ надѣленіемъ ихъ нѣкоторою частію земли безвозмездно.

Сіе количество земли должно быть весьма умѣренное, такъ чтобы оно обезпечивало только частію, а не вполнѣ, ихъ продовольствіе и обязывало ихъ искать дальнѣйшихъ средствъ существованія въ наймѣ земли остающейся во владѣніи помѣщиковъ. Мы полагаемъ, что вообще можно ограничить сіе коли-

чество крестьянской земли одною третьею частію владѣемой нынѣ земли помѣщикомъ, за изключеніемъ лѣсовъ, съ тѣмъ, чтобы сія $^1/_3$ ни въ какомъ случаѣ не могла превышать 3 десятинъ на тягло.

Отдѣленіе и отводъ крестьянскихъ земель къ обществамъ сельскимъ, не каждому крестьянину лично, долженъ быть произведенъ посредствомъ начальствъ казенныхъ и удѣльныхъ имѣній, для избѣжанія прямыхъ столкновеній крестьянъ съ помѣщиками.

Мы не скрываемъ отъ себя великихъ неудобствъ сопряженныхъ съ такою развязкою труднаго дѣла освобожденія. Нѣтъ сомнѣнія, что помѣщики почитаютъ земли свои неотъемлемою ихъ собственностію. Нѣтъ сомнѣнія, что, по нашему предположенію, Правительство отдастъ часть сихъ земель крестьянамъ, безъ вознагражденія для помѣщиковъ.

Все это справедливо; — но не менѣе сего справедливо и то, что отъ уничтоженія крѣпостнаго права зависитъ благосостояніе, честь, скажемъ прямо: спасеніе государства!

Въ сей дилеммѣ, какъ это часто встрѣчается въ дѣлахъ человѣческихъ, дѣло состоитъ не въ мечтательномъ стремленіи къ достиженію какой-то неясной, неопредѣленной, даже неизвѣстной цѣли, но въ избраніи изъ двухъ золъ зла меньшаго.

Это правило избранія неудобствъ меньшихъ противъ бо̀льшихъ такъ справедливо, такъ вѣрно, что оно прилагается ко всему что есть священнѣйшаго въ

обществѣ человѣческомъ, къ закону. Законъ, говоритъ глубокомысленный Бентамъ, законъ, стѣсняя, ограничивая природную свободу человѣка, есть зло, но зло отвращающее еще сильнѣйшее зло, которое произошло бы еслибъ не существовало закона.

Обращаясь къ понятію о правѣ, о правѣ помѣщиковъ на землю, и изыскивая основанія сего права, мы найдемъ, что и здѣсь, такъ какъ во всѣхъ вопросахъ гражданской жизни, нѣтъ ничего полнаго, совершеннаго, безусловнаго; все ограничивается главною, великою, всеобъемлющею цѣлію блага общаго.

Summum jus — summa injuria! вотъ правило здраваго смысла и совѣсти!

Отголосокъ сихъ словъ мы встрѣчаемъ въ изрѣченіи нашей великой Императрицы въ письмѣ къ одному изъ ея иностранныхъ корреспондентовъ: Justice n'est pas justice — justice est equité!

Если истина существуетъ гдѣ либо, то это конечно въ сихъ аксіомахъ, кои возвышаясь до возможной точки совершенства права и справедливости, остаются однакоже въ предѣлахъ слабости и несовершенства всего человѣческаго.

Всѣ права, какого бы рода онѣ ни были, ограничиваются различными условіями: условіями общественнаго порядка, общаго блага, условіями совѣсти и нравственности. Рѣзкая черта такой ограниченности представляется намъ въ законодательствѣ нѣкоторыхъ земель, гдѣ запрещается жестоко поступать съ безсловесными животными. Человѣкъ, принуждающій побо-

ями свою лошадь везти возъ слишкомъ много нагруженный, или поступающій болѣе или менѣе непозволительно съ различнымъ скотомъ пригоняемымъ на рынокъ, и т. д. можетъ быть остановленъ и преслѣдуемъ предъ судомъ кѣмъ бы то ни было. Однимъ словомъ, всякое, хотя нѣсколько жестокое, обращеніе съ безсловесными и слѣдовательно беззащитными тварями, карается закономъ, хотя твари сіи и составляютъ неотъемлемую собственность какой нибудь другой двуногой и словесной твари; чего — замѣтимъ мимоходомъ — не существуетъ въ иныхъ земляхъ даже и для людей. Одинъ Англійскій лордъ вздумалъ сгонять съ своихъ земель всѣхъ тѣхъ земледѣльцевъ, кои въ парламентскихъ выборахъ давали голоса не кандидатамъ своего землевладѣльца, но кандидатамъ противной партіи. Знаменитый лордъ оправдывался приводя въ свою пользу общее правило, что „всякій можетъ дѣлать съ своимъ добромъ что хочетъ.“ Гомерическій смѣхъ всей Англіи убѣдилъ наконецъ консервативнаго вельможу, что и въ семъ случаѣ право его имѣетъ свои ограниченія и условія.

Обратимся къ праву землевладѣльцевъ. Они утверждаютъ, что земля принадлежитъ имъ. Положимъ что такъ. Но развѣ нѣтъ никакихъ ограниченій, никакихъ условій сему праву владѣнія? Первое и главное ограниченіе состоитъ въ томъ, что помѣщикъ не можетъ согнать съ земли крестьянъ на ней живущихъ. Сего не довольно. Помѣщикъ, въ слѣдствіе нѣкоторыхъ узаконеній излагаемыхъ весьма ясно въ

записнѣ Гна. К. обязанъ надѣлить каждаго крестьянина извѣстнымъ количествомъ земли, и именно $2^1/_4$ десятинами. Въ противномъ случаѣ онъ можетъ лишиться крестьянъ своихъ. Это обстоятельство столь важно, столь значительно, что оно, одно уже и само по себѣ, совершенно отстраняетъ всякое понятіе о полнотѣ, о неограниченности права землевладѣльца.

Въ Пруссіи, какъ и вездѣ, права помѣщиковъ на землю были тѣже какъ и права помѣщиковъ въ Россіи. Но когда Правительство Прусское приступило къ полному освобожденію крестьянъ съ землею, то оно признало положеніе дѣла такимъ какимъ оно дѣйствительно было на самомъ опытѣ, т. е. что одни земли были крестьянскія, земли на коихъ жили крестьяне, другія господскія, кои крестьяне обязаны были обработывать за пользованіе первыми. Приступая къ новому разпредѣленію правъ на землю какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ, оно не провозгласило, что часть помѣщичьихъ земель должна отойти къ крестьянамъ, но напротивъ, что часть земель крестьянскихъ должна отойти въ полное владѣніе помѣщиковъ, и сей отводъ одной половины или одной трети крестьянскихъ земель во владѣніе помѣщика законъ называлъ выкупомъ (Ablösung).

И подлинно! Сей отводъ половины и трети крестьянскихъ земель помѣщику былъ настоящій выкупъ половины или двухъ третей земель, остававшихся во владѣніи, но уже въ полномъ и независи-

момъ, крестьянъ. Помѣщикъ, получивъ половину или треть крестьянскихъ земель, пріобрѣталъ также полное и независимое право распоряжать оными по своему усмотрѣнію, между тѣмъ какъ прежде онъ былъ обязанъ оставлять всѣ крестьянскія земли или въ наслѣдственномъ или въ срочномъ владѣніи крестьянъ (Erb- und Lassbauern)*).

Опытъ доказалъ, что такое разпредѣленіе правъ на землю было по крайней мѣрѣ стольже выгодно для помѣщиковъ какъ и для крестьянъ. Это не подлежитъ теперь никакимъ спорамъ и никакому сомнѣнію.

Такимъ образомъ, между тѣмъ какъ Прусское правительство находило и называло сіе разпредѣленіе правъ на землю выкупомъ со стороны крестьянъ въ отношеніи къ помѣщикамъ, мы, въ нашемъ пред-

---

*) Es besteht nach dem strengen Rechte durchaus keine Verbindlichkeit des Staates, die Gutsherrn für angeblichen Verlust durch Aufhebung der Erbunterthänigkeit zu entschädigen. Denn das Erbunterthänigkeitsverhältniss ist nie etwas Anderes, als eine polizeiliche Anordnung gewesen, welche nach dem jedesmaligen Culturstande der Nation abgeändert werden konnte und auch wirklich abgeändert worden ist.

(S. „Circular-Rescript vom 15. März 1809, betreffend mehrere Gegenstände des Edicts vom 9. October 1807“ §. 11. c.)

По строгому праву Правительство или Государство нимало не обязано вознаграждать помѣщиковъ за мнимый ущербъ, могущій произойти отъ уничтоженія крѣпостнаго права. Ибо крѣпостное право всегда было не что иное какъ учрежденіе полицейское, которое, смотря по различнымъ степенямъ образованности народной, всегда могло быть и дѣйствительно было измѣняемо.

(См. Рескриптъ 15. Марта 1809.

положеніи, называемъ оное надѣленіемъ крестьянъ одною третью всей земли помѣщичьей.

Сущность и характеръ нашего предположенія тѣже какъ и въ Прусскомъ законѣ, съ тою только разницею, что въ Пруссіи земля отводилась каждому лицу особенно, а въ нашемъ предположеніи она отводится сельскому обществу. Ни въ Европѣ вообще, ни въ Германіи въ особенности никому не пришло въ голову называть Прусскій законъ нарушеніемъ священныхъ правъ собственности. Напротивъ того общее мнѣніе образованнаго свѣта вполнѣ одобрило благое дѣяніе Прусскаго правительства, и многія Германскія правительства поспѣшили послѣдовать доброму примѣру. Если, въ самой Пруссіи, были, въ началѣ, слышны жалобы и негодованія и если встрѣчались даже нѣкоторыя сопротивленія новому порядку вещей, то все это давно уже умолкло и забылось предъ неотрицаемымъ свидѣтельствомъ опыта, блистательно оправдавшаго благія и народолюбивыя намѣренія Правительства.

Имѣя въ виду это главное, коренное ограниченіе помѣщичьяго права на землю, въ томъ состоящее, что помѣщикъ не можетъ согнать съ земли крестьянъ, мы почитаемъ излишнимъ изчислять всякаго рода иныя ограниченія, проистекающія отъ различныхъ обязанностей на помѣщикѣ теперь лежащихъ, какъ то: обязанность кормить крестьянъ когда у нихъ нѣтъ хлѣба, строить имъ избы и проч. и проч. Отъ всѣхъ сихъ обязанностей помѣщикъ естественно освобож-

дается со введеніемъ въ дѣйство нашего предположенія. По сему-то Прусское правительство совершенно справедливо назвало мѣру окончательнаго устройства отношеній между помѣщиками и крестьянами выкупомъ и мы находимъ, что принятое нами выраженіе: надѣленіе не вполнѣ означаетъ мысль нашу и, можетъ быть, ослабляетъ всѣ наши доводы въ пользу нашего предположенія.

Замѣтимъ, что при введеніи новаго порядка вещей, Прусское правительство, между прочимъ, уничтожило всѣ различія между имѣніями поземельными. Доселѣ однѣ земли могли принадлежать изключительно членамъ дворянскаго состоянія (Rittergüter), другія только членамъ мѣщанскаго или крестьянскаго сословія. Съ сего времени всякаго рода поземельныя имѣнія могли быть пріобрѣтаемы и владѣемы кѣмъ бы то ни было, безъ всякаго различія состояній.

Въ Россіи, съ освобожденіемъ крестьянъ, естественно владѣніе поземельными населенными имуществами откроется для всѣхъ состояній. Теперь цѣна ихъ опредѣляется только требованіемъ однихъ дворянъ. Тогда число требователей или покупщиковъ увеличится огромнымъ образомъ, между тѣмъ какъ предметы купли и продажи останутся одни и тѣже. Это очевидно ведетъ къ заключенію, что стоимость недвижимыхъ имѣній должна необходимо и сильно возвыситься, и помѣщики неминуемо получатъ не только полное вознагражденіе за хлопоты и потери,

кои, можетъ быть, встрѣтятся на первое время, но и достаточное и справедливое обезпеченіе всѣхъ помѣщичьихъ выгодъ въ недальнемъ будущемъ.

Чтожь касается до такъ называемаго крѣпостнаго права, т. е. до права помѣщиковъ на самихъ крестьянъ, — на чемъ оно основывается?

За триста лѣтъ предъ симъ коварный, лицемѣрный похититель Царскаго престола, какъ бы приготовляясь къ совершенію сего преступленія, въ видахъ личныхъ, ни мало не государственныхъ, воспретилъ крестьянамъ, живущимъ на помѣщичьихъ земляхъ, переходъ съ сихъ земель на другія: онъ укрѣпилъ крестьянъ землѣ. Далѣе онъ не пошелъ. Напротивъ того различныя изданныя имъ узаконенія въ послѣдствіи свидѣтельствуютъ, что онъ искалъ, частію и въ извѣстной степени, возвратить крестьянамъ право вольнаго перехода. Но древо зла было насаждено преступною рукою, рукою убійцы законнаго Наслѣдника престола. Оно не замедлило укорениться и покрыть своими ядовитыми вѣтвями всей почвы земли Русской. Мало по малу укрѣпленные землѣ дѣлались укрѣпленными лицу помѣщика; настоящее рабство развивалось, и едва прошло сто лѣтъ, какъ мы видимъ Петра Iго повелѣвающаго Сенату запретить продажу людей по одиночнѣ. „Въ Россіи, говоритъ великій Императоръ въ указѣ своемъ Сенату, въ Россіи ввелся обычай продавать людей какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, и отъ чего не малый вопль бываетъ . . . .“

Послѣ Бориса Годунова, Екатерина IIая запятнала свое славное царствованіе укрѣпленіемъ къ землѣ крестьянъ Малороссійскихъ въ 1783мъ году. Но и въ семъ случаѣ законодатель не пошелъ далѣе.

Откуда же произошло, на чемъ основывается это огромное различіе между состояніемъ крестьянина укрѣпленнаго землѣ, и состояніемъ теперешняго крѣпостнаго человѣка, который, по закону, не имѣетъ права ни владѣть какой либо собственностію, ни принести какой бы то ни было, даже самой справедливой, жалобы на своего господина? Какими несчастными судьбами землевладѣлецъ сдѣлался вмѣстѣ и душевладѣльцемъ? Такое измѣненіе не было ни въ видахъ, ни въ выгодахъ никаного Правительства, и ни мало не оправдывается никакими дѣйствіями и мѣрами ни одного изъ царствовавшихъ въ Россіи лицъ, исключая развѣ Шуйскаго. Императоры и Императрицы, до царствованія Александра 1го, раздавали земли населенныя крестьянами дворянамъ, такъ какъ прежде Цари и Великіе Князья раздавали земли безъ крестьянъ. Но Императоръ, такъ какъ и всякій человѣкъ, даетъ только то, что онъ самъ имѣетъ. Что имѣлъ Императоръ отдававшій населенную землю дворянину? Онъ имѣлъ эту землю и имѣлъ доходъ съ этой земли, доходъ представляемый оброкомъ, который платили крестьяне за пользованіе землею. Императоры не гоняли мужиковъ на барщину, не брали ихъ въ личное услуженіе, не продавали ихъ на свозъ, и по сему самому не могли передать всѣхъ сихъ ненавистныхъ правъ дворянину.

Испытавъ такимъ образомъ настоящія начала крѣпостнаго права, объемъ и прочность основаній, на коихъ оно, мало по малу, различными беззаконными притязаніями и узурпаціями, было созиждено, мы видимъ, что такъ называемое нарушеніе священнаго права собственности, не есть, въ настоящемъ смыслѣ, нарушеніе, и что тутъ нѣтъ ничего священнаго.

Не забудемъ сверхъ сего, что самое понятіе права предполагаетъ, что всякое право ограничивается требованіемъ и обязанностію одного лица въ отношеніи къ другому. А. ссудилъ сумму денегъ Б. А. имѣетъ право требовать уплаты. Б. обязанъ сдѣлать сію уплату. Тутъ есть право, и обѣ стороны должны сообразоваться съ тѣми послѣдствіями, кои раждаются изъ сего права. Но если въ слѣдствіе какихъ бы то ни было сдѣлокъ и разпоряженій, примѣшивается третье лице, состоящее въ какихъ бы то ни было отношеніяхъ съ однимъ изъ двухъ первыхъ лицъ, то нѣтъ и не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сіе третье лице должно имѣть свой голосъ, должно имѣть возможность и, скажемъ прямо, право, защищать само себя, когда два первыя лица разсуждаютъ между собою какимъ образомъ над-

лежитъ разрѣшить и устроить дѣло до всѣхъ трехъ лицъ касающееся.

Разсужденія, соображенія и всякаго рода предположенія касательно вопроса освобожденія, обыкновенно представляются въ такомъ видѣ, какъ будто бы все дѣло зависѣло отъ соглашенія двухъ сторонъ: Правительства и помѣщиковъ. Всѣ обстоятельства дѣла, всѣ затрудненія, выгоды и неудобства, все это обозрѣвается съ точки зрѣнія правительственной или дворянской. Третье лице или сторона, наиболѣе заинтересованная въ вопросѣ, какъ бы оставляется въ забвеніи. Конечно иногда два лица, двѣ власти рѣшаютъ безотчетно участь третьяго лица, третьей стороны. Это также называютъ правомъ, но правомъ — сильнаго.

Право сильнаго есть одно изъ печальныхъ, но вмѣстѣ и неизбѣжныхъ условій бытія обществъ человѣческихъ. На немъ основывается многое, чему нѣтъ и не можетъ быть никакого инаго основанія.

Но къ сему праву сильнаго, служившему основаніемъ всей феодальной системѣ, изъ коей проистекаетъ теперешній бытъ государствъ европейскихъ, къ сему праву наши русскіе защитники помѣщичьяго права никакъ прибѣгнуть не могутъ. Крѣпостное состояніе въ Европѣ возникло въ слѣдствіе завоеванія. Побѣдитель обратилъ въ рабство побѣжденнаго. Въ Россіи было совершенно противное. Народъ Русскій самъ свергнулъ съ себя иго завоевателей, кои не основали между тѣмъ крѣпостнаго состоянія въ завоеванной

землѣ, и оно оставалось неизвѣстнымъ Россіи и прежде и во время и послѣ чуждаго владычества до временъ Годунова; и между тѣмъ какъ это крѣпостное право развивалось и болѣе и болѣе тяготило надъ народомъ-побѣдителемъ, всѣ люди иностранные, всѣ чужеродцы, не изключая даже и побѣжденныхъ Магометанъ, пребывали внѣ роковой опричины рабства! Оставалось нѣсколько Латышей и Чухонцевъ, кои еще подлежали крѣпостному праву — и тѣхъ освободили — ..... такъ что теперь рабство, въ Россіи, есть удѣлъ одного только православнаго русскаго народа!

И такъ нѣтъ никакого права, даже и права сильнаго — право сильнаго противъ силы милліоновъ! — которое позволяло бы поставить вопросъ освобожденія изключительно между Правительствомъ и землевладѣльцами, оставивъ въ сторонѣ крестьянъ, объ участи коихъ именно идетъ дѣло. Ихъ выгоды, ихъ интересы, если не ихъ права, должны быть приняты въ соображеніе при совѣщаніяхъ о рѣшеніи столь близко касающагося до нихъ вопроса освобожденія. Но такъ какъ они сами не имѣютъ голоса въ совѣщаніи, то очевидно, что попеченіе о ихъ благосостояніи падаетъ на верховную власть, на Правительство, или, точнѣе сказать, на самого Государя, въ рукахъ коего заключается вся власть державная.

Такимъ образомъ, обсуживая вопросъ съ различныхъ сторонъ, мы пришли наконецъ къ настоящему началу, къ единственному источнику, изъ коего можетъ произойти счастливое разрѣшеніе всего вопроса.

Самодержавная власть основала крѣпостное право. Она же и да разрушитъ его! *)

Теперь мы просимъ позволенія сдѣлать слѣдующе предположеніе:

Представимъ себѣ Царя богобоязливаго и народолюбиваго. Благо всѣхъ подданныхъ равно близко его сердцу. Онъ видитъ, что одно коренное зло, отъ коего произтекаетъ множество другихъ золъ, т. е. крѣпостное состояніе большей части его народа, губитъ государство. Онъ убѣдился, что настало время положить этому злу рѣшительный конецъ. Онъ находитъ, что съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права польза многихъ

---

*) Я осмѣлился однажды сказать въ запискѣ представленной Императору Александру Iму по предмету крѣпостнаго права, что если самодержавіе полезно и благодѣтельно, то это потому что оно можетъ положить скорый конецъ рабству. Записка была принята и прочтена милостиво.

Вообще мѣры освобожденія крестьянъ были всегда и вездѣ предпринимаемы самими правительствами. Какъ общій планъ такъ и средства исполненія обыкновенно возникали отъ воли державной власти. Правительства, какъ кажется, вездѣ чувствовали, что по справедливости, въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, нельзя положиться на помѣщиковъ, конхъ предразсудки, если не выгоды, часто не согласуются съ выгодами крестьянъ. Необходимое въ такомъ дѣлѣ безпристрастіе можно найти только въ самомъ Правительствѣ, которое по существу своему въ состояніи взвѣсить и оцѣнить обоюдныя права и обязанности крестьянъ и помѣщиковъ. Одно только изключеніе изъ сего правила встрѣчается въ Исторіи. Это достопамятная ночь 4 Августа 1789 года, когда, въ Народномъ собраніи, знаменитѣйшіе представители французскаго дворянства, Ноали, Монморанси, и проч., именемъ всего сословія, торжественно отреклись отъ всѣхъ феодальныхъ правъ сему сословію принадлежавшихъ. Черта прекрасная! искупающая многое въ жизни французской аристократіи.

будетъ сопряжена съ потерею для нѣкоторыхъ; по крайней мѣрѣ, что сіи нѣкоторые питаютъ сіе опасеніе. Онъ взвѣшиваетъ выгоды однихъ и невыгоды другихъ. Съ одной стороны онъ видитъ неправильное и бѣдственное положеніе людей беззащитныхъ, безгласныхъ, кои сами не знаютъ какими путями они были доведены до настоящаго положенія; съ другой онъ встрѣчаетъ людей, кои стольже безсознательно повелѣваютъ, какъ первые безсознательно повинуются. Соболезнуя однимъ, онъ не осуждаетъ другихъ: они владѣютъ себѣ подобными людьми добросовѣстно: „не вѣдятъ бо что творятъ!“ Въ полномъ безпристрастіи, съ равнымъ блоговоленіемъ ко всѣмъ, онъ можетъ притти къ заключенію, что святый законъ справедливости, что общее благо, что благосостояніе государства, требуютъ, чтобы нѣкоторые поступились малою частію ихъ достоянія въ пользу многихъ. Съ этою мыслію онъ предстаетъ, теплою молитвою, предъ лице Бога всемогущаго, Творца всѣхъ людей, моля направить стопы его на пути истины, испрашивая благословенія свыше на совершеніе добраго дѣла.... Богъ видитъ сердце Царя..... Подъ страхомъ вѣчнаго осужденія, мы смѣло скажемъ, что Богъ благословитъ добраго Царя на доброе дѣло!

Наконецъ напомнимъ существованіе того общаго, непреложнаго, нравственнаго закона, по коему всякая

причина неминуемо должна имѣть свое дѣйствіе. На семъ законѣ основываются послѣдствія, кои имѣло для рода человѣческаго паденіе перваго человѣка, послѣдствія первороднаго грѣха. Сему закону соотвѣтствуетъ искупленіе людей кровію и смертію Бого-человѣка: родъ человѣческій не иначе былъ избавленъ отъ послѣдствій грѣха Адама, какъ жертвою принесенною Христомъ-Спасителемъ.

Грѣхъ Годунова тяжело палъ на Россію. Неправедное развитіе послѣдствій сего согрѣшенія усугубило первоначальное зло. Нѣсколько поколеній жило безъ надежды и умерло безъ отрады подъ незаслуженнымъ игомъ крѣпостнаго права. Наконецъ настало время искупленія! . . . . . Помѣщики! Не торгуйтесь. Святымъ пожертвованіемъ искупите Россію!

30. Октября 1857.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

Тургенев, И.

О СИЛѢ И ДѢЙСТВІИ РЕСКРИПТА 20 НОЯБРЯ 1857 ГОДА.

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ II.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

О СИЛѢ И ДѢЙСТВІИ

РЕСКРИПТА

20 НОЯБРЯ 1857 ГОДА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. Содержаніе Рескрипта и отношенія Министра . . . стр. 7
II. О временномъ положеніи крестьянъ . . . . . „ 13
III. Объ окончательномъ положеніи . . . . . „ 18
IV. Положеніе помѣщика . . . . . „ 21
V. Примѣръ Пруссіи . . . . . „ 23
VI. О другомъ средствѣ освобожденія . . . . . „ 25
VII. О сельскихъ обществахъ . . . . . „ 29

I.

Въ высочайшемъ Рескриптѣ на имя Литовскаго Генералъ-Губернатора, отъ 20 Ноября (2 Декабря), касательно улучшенія участи крестьянъ помѣщичьихъ и учрежденія по сему предмету мѣстныхъ дворянскихъ Коммиссій, между прочимъ предписывается симъ послѣднимъ имѣть въ виду слѣдующія основанія:

Помѣщикъ сохраняетъ право собственности на всю землю, но крестьяне сохраняютъ свои усадьбы, кои могутъ быть пріобрѣтены ими въ собственность посредствомъ выкупа.

Сверхъ сего крестьяне пользуются извѣстнымъ количествомъ земли, достаточнымъ какъ для ихъ продовольствія, такъ и для удовлетворенія ихъ обязанностей предъ правительствомъ и помѣщиками.

Въ вознагражденіе за сіе пользованіе крестьяне обязаны или платить помѣщику оброкъ, или на него работать.

Дальнѣйшее развитіе сихъ правилъ предоставляется мѣстнымъ коммиссіямъ.

Отношеніе Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Литовскому Генералъ-Губернатору отъ 21 Ноября (3 Декабря) упомянувъ, что мѣстныя губернскія Коммиссіи должны окончить дѣло въ теченіе 6 мѣсяцевъ, и что главной Коммиссіи назначается таковый же 6 мѣсячный срокъ, содержитъ въ себѣ между прочимъ слѣдующее:

I. ОБЩЕЕ ПРАВИЛО.

Освобожденіе крестьянъ должно состояться не вдругъ. Для сего крестьяне будутъ въ началѣ находиться во временномъ положеніи, оставаясь болѣе или менѣе крѣпкими землѣ. Только въ послѣдствіе они рѣшительно войдутъ въ состояніе свободныхъ людей, когда Правительство дастъ имъ право переходить изъ одной мѣстности въ другую. Срокъ существованія таковаго временнаго положенія не можетъ простираться далѣе 12 лѣтъ. (I.)

II. МѢРЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЯ.

1) Права свободнаго состоянія и право на усадебную осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами не прежде какъ по уплатѣ слѣдующей за сію усадьбу суммы. (II, 2.)

2) За изключеніемъ усадьбъ, вся остальная земля должна быть раздѣлена на двѣ части: земля помѣщичья и земля предоставляемая крестьянамъ. (II, 4.)

3) Земля однажды предоставленная для пользованія крестьянамъ, никогда не можетъ быть присоединена къ землямъ помѣщичьимъ; она всегда должна оставаться въ пользованіи крестьянъ, въ замѣну повинностей, работъ и оброка на нихъ лежащихъ. (II, 5.)

4) Количество земли отводимой крестьянамъ опредѣляется по условіямъ и обыкновеніямъ каждой мѣстности. (II, 6.)

5) Тамъ гдѣ существуютъ сельскія общества, надлежитъ, ни мало не нарушая сего учрежденія, сохранить каждому семейству право на извѣстный пай земли, стараясь избѣгать частыхъ перемѣнъ сихъ паевъ.

Тамъ гдѣ земля раздѣляется по дворамъ, или на поселки, имѣющіе хозяевъ и батраковъ, надлежитъ упрочить симъ послѣднимъ постоянное жительство и опредѣлить правильныя отношенія ихъ къ хозяевамъ. (II, 7.)

6) Платежъ помѣщикамъ повинностей работою, оброкомъ денежнымъ или натурою, имѣетъ мѣсто тогда только когда крестьяне пользуются землею. Въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ крестьяне раздѣляются на хозяевъ и на батраковъ или работниковъ безъ земли, сіи послѣдніе обязаны работать не иначе какъ за плату. (II, 8.)

7) Какъ оброкъ такъ равно повинности и личная работа должны быть опредѣлены въ точности сообразно количеству и качеству земли предоставленной крестьянамъ въ пользованіе. (II, 9.)

8) Повинности и личныя работы возлагаемыя на крестьянъ должны быть опредѣлены сообразно урочнымъ

положеніямъ, кои должны быть составлены Коммиссіями въ самомъ простомъ и практическомъ видѣ. (II, 10.)

9) Въ случаѣ неисправности въ платежѣ оброка, помѣщикъ можетъ требовать отъ неисправнаго плательщика личной работы; въ случаѣ неисправности въ исполненіи работы, помѣщикъ имѣетъ право лишить крестьянина того участка земли, который былъ ему данъ въ пользованіе.

III. МѢРЫ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЯ.

1) Земская полиція остается въ рукахъ помѣщика.

Крестьяне должны быть раздѣлены на сельскія общества.

Управленіе дѣлами сельскаго общества, судъ и расправа, предоставляются мірскимъ сходамъ, міру, или сельскимъ судамъ составленнымъ изъ крестьянъ подъ надзоромъ и съ утвержденія помѣщика.

2) Для введенія и исполненія новаго устройства, равно какъ и для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами, можно учредить въ каждомъ уѣздѣ особый судъ, по примѣру Ост-зейскихъ губерній. (IV.)

IV. МѢРЫ ОКОНЧАТЕЛЬНЫЯ.

По утвержденіи и введеніи въ дѣйствіе новаго положенія,

1) Уничтожается всякая продажа крестьянъ безъ земли, равно какъ и всякое отсужденіе ихъ отъ земли посредствомъ дарственныхъ записей и какимъ бы то образомъ ни было.

Равномѣрно запрещается переводъ крестьянъ въ другія мѣстности безъ ихъ согласія.

Съ другой стороны крестьяне не будутъ имѣть права, прежде нежели пріобрѣтутъ полную свободу, оставить мѣсто своего жительства безъ согласія помѣщика. (V, 1.)

2) Обращеніе крестьянъ въ дворовыхъ людей должно быть запрещено. (V, 2.)

3) Во все продолженіе временнаго положенія крестьянъ помѣщики будутъ имѣть право, съ общаго согласія ихъ съ сельскими обществами, отдавать въ рекруты тѣхъ изъ крестьянъ, кои окажутся виновными въ какомъ либо проступкѣ или замѣчены по дурному поведенію. Таковыхъ они могутъ также предоставлять разпоряженію Правительства для перевода въ другія губерніи, но токмо по утвержденіи сей мѣры переселенія особенными судами, кои будутъ учреждены въ каждомъ уѣздѣ. (V, 3.)

4) Проэкты, кои будутъ изложены въ губернскихъ Коммиссіяхъ, должны, между прочимъ, содержать правила, коимъ надлежитъ слѣдовать въ исполненіи рекрутской повинности. Назначеніе рекрутъ должно принадлежать самимъ обществамъ, съ согласія помѣщиковъ.

Вникая въ точный смыслъ какъ Высочайшаго рескрипта, такъ и отношенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по Высочайшему же повелѣнію послѣдовавшаго, мы находимъ,

1) Что Правительство постановляетъ цѣлію предпри-

нимаемыхъ мѣръ освобожденіе помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостнаго состоянія.

2) Что для достиженія сей цѣли, Правительство поставляетъ крестьянъ предварительно въ положеніе временное, которое не можетъ продолжаться долѣе 12 лѣтъ.

3) Что со вступленіемъ въ положеніе окончательное крестьяне будутъ имѣть право собственности на ихъ усадебную осѣдлость и право переходить изъ одной мѣстности въ другую.

4) И что наконецъ земли, кои должны быть окончательно отведены крестьянамъ для ихъ пользованія, въ замѣну лежащихъ на нихъ повинностей, не могутъ быть никогда присоединены къ землямъ помѣщичьимъ.

Вотъ, въ краткихъ словахъ, сущность и значеніе новыхъ постановленій.

Постараемся теперь опредѣлить силу и послѣдствія сихъ постановленій относительно какъ временнаго положенія, въ которомъ крестьяне будутъ находиться, болѣе или менѣе крѣпкими землѣ, такъ и положенія окончательнаго, въ которомъ они найдутся въ послѣдствіи.

II.

О ВРЕМЕННОМЪ*) ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

И смыслъ и слова новыхъ постановленій достаточно показываютъ, что это временное положеніе необходимо должно быть различно отъ настоящаго положенія крестьянъ. Иначе Правительство не сотворило бы сего новаго положенія. Впрочемъ сіе различіе новаго, временнаго положенія отъ доселѣ существовавшаго, постояннаго, доказывается нѣкоторыми ясными и прямыми указаніями новыхъ постановленій. Такимъ образомъ мы находимъ въ статьѣ V, § 3, что въ продолженіе временнаго положенія, помѣщики будутъ имѣть право отдавать крестьянъ въ рекруты не иначе, какъ съ согласія сельскаго общества.

Сего ограниченія, столь яснаго, столь прямаго, во власти помѣщика, доселѣ неограниченной, достаточно, чтобы доказать дѣйствительное измѣненіе во взаимныхъ правахъ и обязанностяхъ помѣщиковъ и крестьянъ. Сіи послѣдніе остаются еще болѣе или менѣе крѣпкими землѣ, т. е. не могутъ еще переходить съ одного мѣста на другое, между тѣмъ какъ первые удерживаютъ въ рукахъ своихъ власть полицейскую. Но прежній произволъ не можетъ уже болѣе имѣть мѣста.

---

*) Мы не можемъ употребить здѣсь выраженія: переходное состояніе, находя, что именно въ семъ положеніи крестьяне лишены права перехода.

Такимъ образомъ едва ли кто либо возметъ на себя утверждать, что, при новомъ временномъ положеніи крестьянъ, помѣщики могутъ ихъ продавать безъ земли, переводить съ одного жительства на другое, какъ сіе дѣлалось доселѣ, не смотря на общее мнѣніе, что это было запрещено закономъ.

Конечно, мы находимъ въ отношеніи Министра Внутреннихъ Дѣлъ, между прочимъ, что со введеніемъ новаго порядка вещей, уничтожается всякая продажа, даръ и переводъ крестьянъ, обращеніе ихъ въ дворовыхъ людей. Но на сіе мы замѣтимъ:

Во первыхъ: Что за сими словами отношенія, въ томъ же § слѣдуютъ слова, что „съ другой стороны крестьяне не могутъ, прежде пріобрѣтенія полной свободы, оставлять своего жительства безъ согласія помѣщиковъ;“ — такъ что можно, безъ всякой натяжки признать, что запрещеніе продажи и проч. условливается уже и при временномъ положеніи, запрещеніемъ перехода для крестьянъ. Иначе Правительство условливало бы будущее измѣненіе правъ помѣщичьихъ настоящимъ лишеніемъ крестьянъ права на переходъ съ одного мѣста на другое.

Во вторыхъ: Со введеніемъ новаго порядка, право или возможность продажи, перевода и обращенія въ дворовыхъ, изчезаетъ само собою. Слѣдовательно отношеніе Министра могло бы пройти сей предметъ въ совершенномъ молчаніи. Если же оно объ уничтоженіи сего права, по введеніи новаго порядка, упоминаетъ, то это очевидно для бо́льшей опредѣлительности послѣдствій сего порядка.

Впрочемъ ни въ какомъ случаѣ и никакимъ образомъ не возможно предполагать, чтобы Правительство, ограничивая, и при временномъ положеніи, право помѣщика въ отдачѣ въ рекруты, предоставило, вмѣстѣ съ симъ, помѣщикамъ право продавать, дарить, переводить, брать во дворъ крестьянъ во все продолженіе временнаго положенія. Такихъ правъ никакое Русское Правительство помѣщикамъ не давало: всѣ эти такъ называемыя права суть злоупотребленія, и ни мало не мудрено, что и теперь, излагая правила для новаго порядка вещей, Министръ почелъ нужнымъ еще разъ подтвердить, что въ семъ порядкѣ нельзя уже будетъ, никакими ухищреніями дѣлать того, что дѣлалось столь нагло, и столь притомъ противузаконно, доселѣ.

Доказавъ такимъ образомъ точными словами Министра, что временное положеніе крестьянъ не есть продолженіе доселѣ существовавшаго положенія ихъ, но положеніе новое, въ коемъ крестьяне не могутъ подлежать прежней неограниченной власти помѣщика, мы перейдемъ къ дальнѣйшему обсужденію сего предмета и постараемся означить настоящій характеръ, сущность сего новаго положенія крестьянъ.

Таковаго означенія мы можемъ искать въ духѣ, или, какъ нѣкогда говорили, въ разумѣ новыхъ постановленій, равно какъ и въ прямыхъ логическихъ соображеніяхъ и заключеніяхъ.

Если, въ новомъ временномъ положеніи крестьяне остаются болѣе или менѣе крѣпкими землѣ, то естественно, что они, вмѣстѣ съ симъ, дѣлаются болѣе или

менѣе, свободными. Одно безъ другаго итти не можетъ. Еслибы Правительство не желало теперь же сдѣлать ихъ болѣе или менѣе свободными, то оно не сдѣлало бы ихъ болѣе или менѣе крѣпкими землѣ, не сотворило бы для нихъ сего временнаго положенія, а оставило бы ихъ, по прежнему, просто крѣпкими въ полной мѣрѣ, впредь до окончательной перемѣны въ ихъ бѣдственномъ состояніи. Снявъ нѣкоторую тяжесть съ одной доски вѣсовъ, оно тѣмъ самымъ дало болѣе силы доскѣ противуположной. Еще, на сей противуположной доскѣ, нѣтъ права перехода; но оно торжественно обѣщано и будетъ со временемъ содѣйствовать справедливому равновѣсію.

Вникая далѣе въ духъ новыхъ постановленій, мы убѣдимся, что онѣ очевидно провозглашаютъ личное освобожденіе крестьянъ. Это въ особенности доказывается явнымъ стремленіемъ и заботливостію упрочить крестьянамъ, въ замѣну ихъ повинностей, достаточнаго количества земли и прямымъ изложеніемъ правила, что крестьяне не имѣющіе земли, батраки, не обязаны работать иначе какъ за соотвѣтственную плату. (II, 8.)

Здѣсь возникаетъ трогательный, сердечный вопросъ: въ какое положеніе новыя мѣры поставляютъ малолѣтныхъ дѣтей, какая участь обрекается тѣмъ новорожденнымъ младенцамъ, кои увидятъ свѣтъ Божій, въ теченіе этого временнаго, для отцевъ ихъ, положенія?

Мы видѣли, что до окончательнаго введенія новаго порядка вещей крестьяне не могутъ перемѣнять мѣста своего жительства. Лишеніемъ только сего права перехода ограничивается теперь личная свобода крестьянъ.

Это явствуетъ изъ новыхъ постановленій и изъ всѣхъ предположеній Правительства въ оныхъ заключающихся. Мы весьма хорошо понимаемъ, что Правительство, до водворенія новаго устройства, желало удержать крестьянъ при землѣ, ими теперь занимаемой и предупредить множество затрудненій и неудобствъ отъ права перехода, при теперешнемъ порядкѣ вещей, возникнуть могущихъ.

Но малолѣтные, но младенцы, — для нихъ нѣтъ и не можетъ быть права перехода. Слѣдовательно для нихъ нѣтъ никакой причины ограниченія въ дарованіи полной личной свободы.

Я никогда не почиталъ весьма сильнымъ и рѣшительнымъ средствомъ уничтоженія рабства, этого средства начать освобожденіе съ новорождаемыхъ. Оно было только однажды, сколько мнѣ извѣстно, употреблено Датскимъ Правительствомъ въ его колоніяхъ. Не смотря на то, когда, по возшествіи на престолъ Императора Александра II, дошелъ до меня слухъ, что первою мѣрою послѣ коронаціи, будетъ освобожденіе всѣхъ съ сего времени рождающихся въ крѣпостномъ сословіи, то душа моя исполнилась самой живой радости, самаго сладостнаго восхищенія при мысли, что въ новое царствованіе всѣ новорожденные будутъ вступать въ жизнь озаренные свѣтомъ истиннымъ, просвѣщающимъ всякого человѣка грядущаго въ міръ. (Іоан. I, 9.) Богъ да поможетъ Ему, доброму и народолюбивому, освободить на всегда и младенцевъ и старцевъ, отцевъ и матерей! Когда и какому Царю, какому смертному, предстояло болѣе великое, болѣе достойное, болѣе святое дѣло?

Означивъ такимъ образомъ отличительныя черты новаго, временнаго положенія крестьянъ и показавъ, что будучи поставлены въ сіе положеніе, они пріобрѣтаютъ нѣкоторыя обеспеченія, несовмѣстныя съ прежнимъ произволомъ помѣщичьей власти, мы приступимъ къ изслѣдованію и возможному опредѣленію сущности положенія крестьянъ окончательнаго.

III.

ОБЪ ОКОНЧАТЕЛЬНОМЪ ПОЛОЖЕНІИ КРЕСТЬЯНЪ.

Новыя постановленія провозглашаютъ, что права свободнаго состоянія и право на усадебную осѣдлость пріобрѣтаются крестьянами по уплатѣ слѣдующей за усадьбы суммы.

Теперь положимъ, что одно извѣстное селеніе совершило сію уплату. Пріобрѣтутъ ли крестьяне немедленно право перехода?

По содержанію 1ой статьи (общее правило) можно предполагать, что для пріобрѣтенія сего права крестьяне должны будутъ ожидать особеннаго разрѣшенія отъ Правительства. Можетъ быть оно дастъ сіе разрѣшеніе тогда только, когда въ одной или въ нѣсколькихъ смѣжныхъ губерніяхъ новый порядокъ безъ изключенія введенъ будетъ, для огражденія выгодъ особенно тѣхъ изъ помѣщиковъ, кои прежде другихъ введутъ сей порядокъ.

Теперь положимъ, что въ нѣсколькихъ смѣжныхъ губерніяхъ, такъ сказать, въ цѣломъ краю Имперіи, новый порядокъ былъ приведенъ въ дѣйство въ первыхъ своихъ началахъ, т. е., что всѣ помѣщичьи крестьяне, выкупомъ или уступкою со стороны помѣщиковъ, пріобрѣли въ собственность свои усадьбы, и вмѣстѣ съ симъ право перехода. Какими свойствами опредѣлится тогда окончательное положеніе крестьянъ?

Выше было показано: что

1. Крестьяне должны пользоваться достаточнымъ количествомъ земли. (См. Рескриптъ.)
2. За изключеніемъ усадьбъ, вся земля должна быть раздѣлена на двѣ части: земля помѣщичья и земля крестьянская. (II, 4.)
3. Земля крестьянская никогда не можетъ быть присоединена къ землѣ помѣщичьей. (II, 5.)
4. Работа, оброкъ и вообще повинности крестьянскія должны быть опредѣлены въ точности сообразно количеству и качеству земли крестьянской (II, 9.), и сообразно урочнымъ положеніямъ, которыя должны быть составлены губернскими Коммиссіями въ самомъ простомъ и удобоисполнительномъ видѣ. (II, 11.)
5. Земская полиція предоставляется помѣщику. (III, 1.)
6. Управленіе дѣлами сельскаго общества, судъ и расправа предоставляются мірскимъ сходамъ, міру, или сельскимъ судамъ, составленнымъ изъ крестьянъ подъ надзоромъ и съ утвержденія помѣщика. (Id.)

7. Для введенія и исполненія новаго устройства, равно какъ и для разбора споровъ между помѣщиками и крестьянами, можно учредить въ каждомъ уѣздѣ новый судъ, по примѣру Ост-зейскихъ губерній. (IV.)
8. Запрещается продажа крестьянъ, даръ, переводъ и взятіе во дворъ.
9. Губернскія Коммиссіи должны составить правила для исполненія рекрутской повинности. Назначеніе рекрутъ предоставляется обществу, съ согласія помѣщика.

Въ семъ состоятъ отличительныя черты окончательнаго положенія крестьянъ.

Въ слѣдствіе сего крестьянинъ, уже свободный, будетъ имѣть въ собственномъ владѣніи свою избу и усадьбу.

Онъ будетъ имѣть право оставить мѣсто своего жительства и перейти въ другое; *)

Онъ будетъ обязанъ платить помѣщику за землю, коею онъ пользуется, или оброкъ, или подать натурою, или исполнять сію повинность личною работою. Во всѣхъ сихъ случаяхъ обязанность крестьянина, платить или работать, должна быть предварительно опредѣлена въ точности и сообразно количеству и качеству земли ему предоставляемой.

---

*) Здѣсь нужно будетъ опредѣлить какимъ образомъ крестьянинъ можетъ продать свою избу и усадьбу: съ согласія общества? или помѣщика? или безъ согласія ни того, ни другаго?

По дѣламъ полицейской части крестьянинъ будетъ подлежать вѣденію помѣщика.

По дѣламъ съ другими крестьянами суду мірскому, составленному изъ крестьянъ съ утвержденія помѣщика.

По дѣламъ съ помѣщикомъ новому суду, который будетъ учрежденъ въ уѣздѣ.

Вотъ въ чемъ состоитъ новое гражданское положеніе, которое даруется новыми постановленіями бывшимъ доселѣ крѣпостнымъ крестьянамъ. Благодѣяніе очевидно и имѣетъ свою цѣну.

IV.

Теперь постараемся опредѣлить положеніе, въ которое поставляется помѣщикъ въ отношеніи къ крестьянамъ.

Помѣщикъ обязанъ принять отъ крестьянина выкупную сумму за усадьбу. Сумма должна соотвѣтствовать стоимости усадьбы.

Онъ обязанъ отвести въ пользованіе крестьянъ половину всей земли, за исключеніемъ усадьбъ.

Касательно повинностей, оброка и работъ, помѣщикъ обязанъ довольствоваться тою суммою или тѣмъ количествомъ работы, которыя будутъ опредѣлены Коммиссіями.

Въ случаѣ неисправности въ платежѣ оброка и въ исполненіи роботъ, помѣщикъ можетъ лишить крестьянина предоставленной ему въ пользованіе земли.

Назначеніе рекрутъ предоставляемое сельскимъ обществамъ, производится съ согласія помѣщиковъ.

Назначеніе членовъ сельскихъ судовъ происходитъ подъ надзоромъ и съ утвержденія помѣщика.

Наконецъ помѣщику предоставляется власть полицейская.

Здѣсь мы должны замѣтить, что сколь бы ни были неточны, неопредѣленны теперешнія понятія о предѣлахъ власти полицейской, нельзя однакоже предполагать, чтобы власть сія въ рукахъ помѣщика могла простираться далѣе какъ на самыя мѣлкія неисправности, не довольно значительныя для того, чтобы предавать виновыхъ суду даже сельскому или уѣздному, и что сущность сей полицейской власти должна заключаться въ правѣ предавать виновныхъ суду. Нельзя не признать, что при новомъ положеніи крестьянъ одна только власть судебная можетъ имѣть право судить и изрѣкать наказанія. Власть полицейская останется, такимъ образомъ, въ предѣлахъ, кои ограничиваютъ ее во всѣхъ другихъ Европейскихъ государствахъ, и именно въ предѣлахъ права предупрежденія проступковъ и преступленій, прекращенія безпорядковъ, и представленія виновныхъ предъ судъ.

V.

У насъ не любятъ ссылокъ на примѣры иностранныхъ государствъ. Но въ вопросѣ, коимъ мы здѣсь занимаемся, болѣе нежели въ какомъ либо иномъ, не только примѣры другихъ земель могутъ быть поучительны, но даже ссылаться на сіи примѣры необходимо, по той простой причинѣ, что въ нѣкоторыхъ государствахъ Европейскихъ было уже предпринято и окончено все то, къ чему теперь приступаютъ въ Россіи.

Такимъ образомъ мы не можемъ здѣсь не упомянуть, что разсматривая взаимныя отношенія между помѣщиками и крестьянами, въ какихъ они должны находиться по введеніи новыхъ постановленій, мы находимъ въ семъ устройствѣ великое сходство съ тѣмъ, которое существовало прежде въ Пруссіи, особливо со времени полнаго личнаго освобожденія крестьянъ въ 1807 году. Такое же или подобное раздѣленіе земель крестьянскихъ и помѣщичьихъ; такое же или подобное опредѣленіе повинностей. Только право перехода не имѣло въ Пруссіи той важности, которую оно имѣетъ для нашихъ крестьянъ: Прусскіе земледѣльцы болѣе цѣнили право оставаться на землѣ своей, съ коей помѣщикъ не могъ ихъ сгонять. Въ другихъ запискахъ мы говорили о мѣрахъ Прусскаго Правительства въ семъ отношеніи, особенно о законѣ 1811 года, коимъ часть земли была предоставлена въ полную собственность крестьянъ, а остальная земля, коею они дотолѣ пользовались, отдана помѣщикамъ

какъ вознагражденіе за часть крестьянамъ предоставленную.

Конечно, какъ прежде такъ и съ 1807 до 1811 года, положеніе Прусскихъ крестьянъ было предпочтительнѣе положенію нашихъ крестьянъ, такъ какъ въ Пруссіи и суды и управленіе находились въ лучшемъ устройствѣ. Между тѣмъ и тамъ дѣло шло о различныхъ повинностяхъ крестьянскихъ и даже о личной работѣ. Здѣсьто мы и желаемъ указать на одно разпоряженіе, принятое въ Пруссіи относительно такой работы. Коммиссія учрежденная тогда въ Пруссіи по сему предмету заключала въ себѣ, кромѣ двухъ опытнѣйшихъ Министровъ, одного извѣстнаго своими высокими качествами чиновника, Штегемана и славнаго историка Нибура. Баронъ Штейнъ, бывшій тогда первымъ Министромъ и душею освобожденія не только Прусскихъ крестьянъ, но и самой Пруссіи, въ одномъ изъ своихъ отношеній къ Коммиссіи излагалъ, что надлежитъ всячески избѣгать обращать повинности крестьянъ въ личную работу, по той простой причинѣ, что всякая принужденная личная работа сопряжена съ произволомъ, и что вкоренившіяся привычки какъ помѣщиковъ такъ и крестьянъ легко обратятъ такую повинность въ прежнюю барщину. Мнѣ весьма утѣшительно было видѣть, что нѣкоторые просвѣщенные и добрые Русскіе помѣщики, въ проэктахъ своихъ освобожденія крестьянъ, равномѣрно отстраняютъ повинность работы и по тѣмъ же причинамъ.

VI.

Мы остановимся здѣсь въ изслѣдованіи силы и дѣйствія новыхъ постановленій. Но сіи самыя изысканія ведутъ насъ къ дальнѣйшимъ соображеніямъ о томъ: необходимо или полезно ли будетъ ограничиться средствами освобожденія, сими постановленіями указуемыми, и не возможно ли, рядомъ съ сими средствами, указать на другія, предоставляя впрочемъ на волю обѣихъ сторонъ, до коихъ сіи мѣры касаются, избрать или первыя или сіи послѣднія?

Здѣсь мы должны замѣтить, что хотя и желательно было бы остановиться на какомъ либо одномъ средствѣ освобожденія, т. е. на однѣхъ и тѣхъ же правилахъ и началахъ, для всей Имперіи; но при всемъ томъ мы не видимъ въ семъ тождествѣ никакой безусловной необходимости. Такимъ образомъ мы полагаемъ, что не только можно, но даже и полезно будетъ допустить различнаго рода добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами, лишь бы только онѣ основывались на главныхъ началахъ освобожденія съ надлежащею осѣдлостію. Мы особенно разумѣемъ здѣсь средство добровольнаго выкупа крестьянъ съ землею, посредствомъ уплаты извѣстной суммы или перевода Ломбарднаго долга. Такимъ образомъ одно только отличіе иныхъ средствъ освобожденія отъ того, которое означается въ рескриптѣ 20 Ноября, не должно никого останавливать: лишь бы сіи средства были, сами по себѣ, достойны одобренія.

Въ особыхъ запискахъ мы разсматривали различныя средства освобожденія, и остановились на одномъ, которое, по нашему убѣжденію, есть самое простое, ясное и самое удобоисполнительное. Оно состоитъ въ освобожденіи крестьянъ съ частію занимаемой ими теперь земли.

Мы старались доказать, что личнаго освобожденія крестьянъ не достаточно; что благо Государства требуетъ сотворенія самостоятельнаго, крѣпкаго сословія крестьянскаго; что заставить крестьянъ пріобрѣтать землю посредствомъ выкупа значило бы поставить въ самомъ началѣ сильныя препоны развитію ихъ благосостоянія; что полное и ясное отдѣленіе земель крестьянскихъ или общинныхъ отъ земель помѣщичьихъ, и ограниченіе всѣхъ различныхъ отношеній между помѣщикомъ и крестьянами, однѣми добровольными сдѣлками касательно найма остающихся за помѣщикомъ земель, избавитъ и крестьянъ и помѣщиковъ и само Правительство отъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами, столкновеній, неизбѣжныхъ при всякомъ иномъ средствѣ освобожденія; что средство надѣленія крестьянъ извѣстною частію земли можетъ быть приложено ко всѣмъ мѣстностямъ Имперіи, при чемъ одинаковость и равенство надѣленія найдется въ пропорціональности отводимой части крестьянамъ къ цѣлому количеству земли того селенія, въ коемъ они имѣютъ свое жительство.

Вмѣстѣ съ симъ мы показали, что мѣры настоящаго и окончательнаго освобожденія крестьянъ въ Европѣ, являются не прежде какъ съ 1789 года; что сіи мѣры

состояли въ личномъ освобожденіи крестьянъ; что въ 1811 году Прусское Правительство ввело и установило закономъ правило освобожденія крестьянъ съ землею безвозмездно, и что съ сего времени вездѣ, гдѣ были предпринимаемы сего рода мѣры, личное освобожденіе было совершенно отстранено и освобожденіе съ землею вообще принято. Таковое освобожденіе крестьянъ съ землею совершилось въ различныхъ владѣніяхъ Германскихъ, и наконецъ въ Австріи, и именно: въ Венгріи, Богеміи и Галиціи.

Почитая такимъ образомъ освобожденіе крестьянъ съ землею самымъ благотворнымъ средствомъ устроенія крестьянскаго сословія, и находя, что съ нѣкотораго времени, т. е. съ 1811 года, оно было употребляемо вездѣ гдѣ дѣло шло о семъ важномъ вопросѣ, и что вездѣ, даже и при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, земли вообще, въ слѣдствіе такого надѣленія крестьянъ землею, сильно возвысились въ своей цѣнности, — мы не можемъ не желать, и желать всѣми силами души, чтобы Русское Правительство, рядомъ со средствами уже одобренными имъ, поставило на видъ и помѣщиковъ и крестьянъ, и сіе средство освобожденія, предоставляя имъ избрать оное, если они того пожелаютъ.

Сіе средство, по нашему усмотрѣнію, должно состоять:

Въ надѣленіи крестьянъ $^1/_3$ частію всей помѣщичьей земли, за изключеніемъ лѣсовъ и водъ, съ тѣмъ чтобы сія $^1/_3$ ни въ какомъ случаѣ не превышала 3 десятинъ на тягло.

Сія третья часть должна быть отведена, во всей своей цѣлости, во владѣніе не личное крестьянъ въ особенности, но во владѣніе всего сельскаго общества.

Другія двѣ трети остающейся во владѣніи помѣщика земли, могутъ быть отдаваемы имъ въ наймы крестьянамъ, по добровольнымъ и обоюднымъ условіямъ.

Къ сему найму крестьяне приведены будутъ естественнымъ образомъ, такъ какъ одной трети, имъ предоставляемой, не будетъ достаточно для ихъ полнаго продовольствія.

Платежъ за наемъ земли помѣщику отъ крестьянъ можетъ быть постановленъ или деньгами или натурою, т. е. произведеніями земли; но отнюдь не работою личною или какими бы то ни было личными повинностями.

За изключеніемъ той отвѣтственности, которая будетъ лежать на помѣщикѣ въ силу заключеннаго съ крестьянами договора о наймѣ земли, онъ освобождается отъ всякой иной отвѣтственности въ отношеніи къ крестьянамъ, какъ предъ ними, такъ и предъ Правительствомъ.

Здѣсь мы укажемъ на возможность и на пользу отстраненія всякихъ прямыхъ столкновеній между помѣщиками и крестьянами, посредствомъ постановленія, что даже и въ наймѣ земель помѣщикъ долженъ имѣть сношеніе не съ крестьянами лично, но съ самимъ обществомъ сельскимъ, которое, съ своей стороны, будетъ обязано, всѣмъ міромъ, нанимать помѣщичью землю, разпредѣляя оную по паямъ между крестьянами, и отвѣт-

ствуя, также міромъ, въ исправной платѣ помѣщику за наемъ всей земли.

Мы увѣрены, что многіе помѣщики, особливо тѣ, кои не живутъ обыкновенно въ своихъ имѣніяхъ, предпочтутъ такое устройство инымъ средствамъ освобожденія.

VII.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о сельскихъ обществахъ.

Мы видимъ, что о семъ предметѣ существуютъ различныя мнѣнія. Мы означимъ сущность двухъ крайнихъ мнѣній. Одни находятъ, даже и въ теперешнемъ видѣ сельскихъ обществъ, верхъ совершенства гражданскаго устройства. Другіе, напротивъ того, видятъ, въ существованіи сельскихъ обществъ и въ неразлучномъ съ нимъ общинномъ владѣніи землею непреодолимую преграду всякого рода успѣхамъ въ земледѣліи, въ сельскомъ хозяйствѣ и въ благоденствіи крестьянъ.

По нашему совершенно безпристрастному усмотрѣнію, мы находимъ, что дѣйствительно общинное владѣніе не благопріятствуетъ успѣхамъ земледѣлія и слѣдственно благосостоянію крестьянъ; что земля и трудъ человѣческій, два единственные источника всѣхъ богатствъ народныхъ, должны находиться въ такихъ условіяхъ, что-

бы возможность извлечь изъ земли все то что она дать можетъ, трудомъ самымъ дѣятельнымъ, была очевидна, неоспорима. А такая возможность существуетъ тогда только, когда земледѣлецъ можетъ ожидать плодовъ отъ труда своего не только въ недалекой, но и въ отдаленной будущности, даже плодовъ для своего потомства. Такой возможности нѣтъ при общинномъ владѣніи. Она существуетъ въ высшей степени только при владѣніи землею какъ отдѣльною, личною собственностію, или при наймѣ земли на многіе годы.

Вотъ главная, великая, и можетъ быть единственная невыгода существованія сельскихъ обществъ. Но эта невыгода можетъ быть до нѣкоторой степени отстранена, тѣмъ именно, что можно дать крестьянину право покупать землю на свое имя и владѣть оною независимо отъ сельскаго общества, продолжая между тѣмъ быть членомъ онаго. Можно также, различными мѣрами, упрочить состояніе мѣлкихъ поземельныхъ владѣльцевъ. Въ семъ случаѣ сословіе однодворцевъ могло бы служить основаніемъ сего класса мѣлкихъ независимыхъ землевладѣльцевъ, еслибъ, къ сожалѣнію, бытъ однодворческій не былъ разрушенъ недавными постановленіями.

Что касается до выгодъ существованія сельскихъ обществъ, то, отстраняя всѣ соціалистскія безсмысленности, мы весьма высоко цѣнимъ то развитіе умственное, которое мы находимъ въ Русскомъ мужикѣ, и которое наипаче происходитъ отъ свычки разсуждать, говорить о своихъ дѣлахъ, о дѣлахъ общества на мірской сходкѣ. Никогда Русскій крестьянинъ не достигъ бы до той

степени способности къ промышленности, еслибъ онъ жилъ одинъ, разъединенный съ своими собратіями и имѣлъ бы дѣло только съ лицами, кои имъ повелѣваютъ, еслибъ онъ никогда не разсуждалъ и только что повиновался.

Главнѣйшая же выгода существованія сельскихъ обществъ, выгода, въ настоящее время неоцѣненная, состоитъ въ томъ что оно очевидно и въ сильной степени облегчаетъ переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго въ вольное состояніе. Какъ Правительство такъ и помѣщики могутъ теперь имѣть дѣло только съ обществами, а не съ каждымъ крестьяниномъ въ особенности. Въ Пруссіи, гдѣ такихъ обществъ не было, главнѣйшія причины продолжительности и затрудненій въ исполненіи мѣръ освобожденія, находились въ томъ что отношенія помѣщиковъ должны были быть опредѣлены къ каждому изъ крестьянъ въ особенности. Къ тому же въ Пруссіи права и обязанности какъ крестьянъ такъ и помѣщиковъ были различны въ различныхъ мѣстностяхъ, въ слѣдствіе разнородности въ происхожденіи сихъ правъ и обязанностей; между тѣмъ какъ въ Россіи сіи права и обязанности одинаковы и по происхожденію и по настоящему ихъ виду во всей Имперіи.

Конечно теперешнее состояніе сельскихъ обществъ весьма незначительно, по недостатку простора и возможности для самостоятельной дѣятельности. Это ни мало не удивительно. Удивительно то, что этотъ призракъ, если не дѣйствительность, сельскаго общества пережилъ еще вѣковое закрѣпощеніе крестьянъ. Это дѣлаетъ честь Русскому народу, какъ крестьянамъ такъ и помѣщикамъ.

Общества сельскія, какъ извѣстно, весьма различны въ числѣ своихъ членовъ. Говоря вообще каждое селеніе составляетъ особенное общество. При окончательномъ устройствѣ сельскихъ обществъ, устройствѣ, коего необходимо требуетъ благо общее, можно будетъ имѣть въ виду образованіе волостей (communes), состоящихъ изъ извѣстнаго довольно возвышеннаго числа жителей. Въ составъ сихъ волостей войдутъ одно, если число людей соотвѣтствуетъ требованію, или нѣсколько сельскихъ обществъ, смотря по обстоятельствамъ. Основать прочное гражданское устройство Государства возможно только на таковыхъ волостяхъ, коимъ можно дать болѣе или менѣе равные предѣлы и одинаковое образованіе.

Общинное или комунальное образованіе должно быть вездѣ главнымъ основаніемъ образованія государственнаго. Къ сожалѣнію въ нѣкоторыхъ государствахъ Европейскихъ, если не во всѣхъ за исключеніемъ Англіи, сіе-то важное и плодотворное учрежденіе только замѣтно и блеститъ своимъ отсутствіемъ. Не смотря на наклонность Французскаго народа къ централизаціи, всѣ просвѣщенные люди во Франціи чувствуютъ теперь пагубныя послѣдствія недостатка въ крѣпкомъ комунальномъ устройствѣ.

Дѣйствіе твердаго комунальнаго образованія мы находимъ въ Исторіи двухъ земель, совершенно противуположныхъ въ физическомъ, нравственномъ, гражданскомъ и религіозномъ отношеніи. Это Англія и Индія. Завоеваніе Норманновъ, измѣнивъ столь многое, оставило неприкосновенною Англійскую или Саксонскую общину,

коммуну. Это комунальное устройство содѣлалось какъ бы залогомъ и корнемъ всего гражданскаго и политическаго образованія Англійскаго народа.

Въ Индіи одни завоеватели слѣдовали за другими. Все измѣнялось: Индейская коммуна, община осталась со своимъ вѣковымъ бытомъ. Это обстоятельство можетъ быть облегчало завоеваніе для чуждаго завоевателя; но оно вмѣстѣ облегчало и участь покоренныхъ народовъ, кои находили по крайней мѣрѣ въ родинѣ, чего они лишались въ отечествѣ.

Образованіе сельскихъ обществъ, какъ мы замѣтили выше, необходимо должно воспослѣдовать при введеніи новаго порядка вещей, какими бы средствами сей порядокъ ни былъ произведенъ въ дѣйство. Въ сіе образованіе должны войти суды, сельскіе и уѣздные, также мѣста правительственныя. Учрежденіе сихъ судовъ и сихъ мѣстъ должно быть предметомъ особаго изложенія. Мы намекнемъ здѣсь только о двухъ обстоятельствахъ кои, по нашему усмотрѣнію, заслуживаютъ особеннаго вниманія.

1) Въ опредѣленіи порядка для обсужденія и рѣшенія дѣлъ на мірскихъ сходкахъ надлежитъ стараться избѣгать всякихъ перемѣнъ, кои будучи сами по себѣ весьма хороши, не соотвѣтствуютъ обыкновенію и привычкѣ нашихъ крестьянъ. Напримѣръ: извѣстно, что теперь міръ, обсудивъ какое бы то ни было дѣло, даетъ свое рѣшеніе. „Міръ приговорилъ, рѣшилъ,“ — и только. А какъ рѣшилъ: Единогласно или по большинству голосовъ? Этого означить никому и въ голову не прихо-

дитъ. Недовольные кричатъ на міроѣдовъ. Но между тѣмъ рѣшеніе міра сохраняетъ свою силу. Еслибы, для бо́льшей правильности въ дѣлопроизводствѣ, вздумали ввести рѣшеніе по большинству голосовъ, слѣдовательно спрашивать каждаго: какого онъ мнѣнія, считать голоса и проч., то, вѣроятно, характеръ и значительность мірскихъ сходокъ измѣнилась бы совершенно или, лучше сказать, изказилась.

2) Теперь существуетъ въ Россіи особенное управленіе для казенныхъ крестьянъ, другое для удѣльныхъ. Вѣроятно найдутъ нужнымъ учредить еще новое управленіе для крестьянъ освобожденныхъ отъ крѣпостнаго состоянія. Эти особенныя управленія влекутъ за собою особенные суды. Все это теперь можетъ быть неизбѣжно. Но съ уничтоженіемъ крѣпостнаго состоянія, всѣ люди подобнаго состоянія будутъ болѣе или менѣе равны между собою въ правахъ своихъ. По сему надлежитъ имѣть въ виду, что на будущее время однѣ и тѣ же правительственныя мѣста, одни и тѣ же суды, должны быть общими для всѣхъ, не только крестьянъ, но и для всего Русскаго народа. Отдѣльныя управленія, эти, можетъ быть, теперь необходимыя опричины для многихъ классовъ Россійскихъ подданныхъ: для крестьянъ, для фабричныхъ, для приписныхъ къ заводамъ и проч. и проч., всѣ эти управленія должны изчезнуть и слиться въ одно управленіе государственное, и всѣ Русскіе подданные подлежать однимъ и тѣмъ же судамъ.

Не смотря на сіе, принимая въ разсужденіе, что мы не дошли еще до сего равенства всѣхъ предъ зако-

номъ, мы полагаемъ, что въ теперешнихъ обстоятельствахъ весьма полезно было бы умножить чиновниковъ для особенныхъ должностей и занятій, учредивъ новыхъ прокуроровъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе временнаго положенія крестьянъ и возложить на нихъ обязанность оберегать справедливыя выгоды крестьянъ, кои такимъ образомъ обрѣли бы возможную защиту, въ каждой мѣстности или по крайней мѣрѣ въ Губерніи.

Мы указали, въ другой запискѣ, на пользу такихъ прокуроровъ или коммиссаровъ въ Англійскихъ колоніяхъ, въ продолженіе подобнаго нашему временнаго положенія освобождаемыхъ Негровъ. Англія заняла сіе учрежденіе отъ Гиспаніи. Извѣстно, что если гдѣ либо высшее Правительство заботилось объ участи Негровъ, то это въ Гиспанскихъ колоніяхъ, и сія заботливость являлась особенно въ дѣйствіи, по возможности благотворномъ, сихъ защитниковъ беззащитныхъ.

5 Марта 1858.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи сей публикаціи благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ ней все что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако-жь условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе что находитъ въ немъ Монарха желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ
въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ НА РИМСКІЯ ПИСЬМА

АНДРЕЯ НИКОЛАЕВИЧА МУРАВІЕВА.

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ III.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

Что же видѣши сучецъ, въ оцѣ брата твоего, бревна же, еже есть въ оцѣ твоемъ, нечуеми. Мат. VII, 3.

Небо и земля мимо идутъ, словеса же моя не мимо идутъ. Мат. XXIV, 35.

Горе вамъ законникамъ иже взяше ключь разумѣнія, сами не внидоста и входящимъ возбраняете. Лук. XI, 52.

ЧИТАТЕЛЮ.

Православная церковь молитъ ежедневно о соединеніи церквей, но молиться и оставаться въ бездѣйствіи есть испускать пустой звукъ, который послужитъ только къ нашему собственному осужденію. Еще большей отвѣтственности подвергнутся тѣ, которые, произнося эту молитву, дѣлаютъ соединеніе болѣе и болѣе невозможнымъ, распространяя ложныя свѣдѣнія и понятія о той церкви, съ которою должно послѣдовать примиреніе. Такіе писатели должны тѣмъ болѣе быть осторожны, что издавая на русскомъ языкѣ, ни одинъ голосъ въ нашемъ отечествѣ не возстанетъ, что бы оспаривать ихъ обвиненія и доводы, или изобличать невѣрность фактовъ. А если бы и нашелся такой писатель, то духовная ценсура заградитъ ему уста. Находя, что римскія письма не написаны въ томъ безпристрастномъ духѣ, котораго должно ожидать отъ благонамѣреннаго писателя мы разобрали это твореніе, и замѣчанія наши выразили на бумагѣ, въ упованіи что настанетъ время, когда всѣ разномыслящіе будутъ согласны,

и покинутъ предубѣжденія, которыя препятствуютъ соединенію. Что бы дать болѣе силы нашимъ возраженіямъ мы будемъ стараться противуставлять автору его собственные доводы, текстъ нашихъ церковныхъ книгъ, историческіе неоспоримые факты, и авторитеты, признаваемые имъ самимъ. Если кое-гдѣ, мы позволимъ себѣ собственныя свои замѣчанія или разсужденія, то они будутъ проистекать логически изъ предварительнаго изложенія сдѣланнаго на такомъ незыблемомъ основаніи.

Въ предисловіи къ римскимъ письмамъ, авторъ говоритъ:

„Во время моего пребыванія въ Римѣ, мнѣ была вручена чрезъ посредство одного изъ самыхъ пріятныхъ и образованныхъ аббатовъ, книга польская подъ названіемъ: Правда церкви божіей и церкви русской въ отвѣтъ на мою правду вселенской церкви. Неразумѣя польскаго языка, я долженъ былъ отложить чтеніе оной, до моего возвращенія въ отечество.“ Сожалѣемъ, что авторъ не нашелъ въ Римѣ переводчика, съ помощію котораго, онъ могъ бы познакомиться съ этою книгою; тогда вѣроятно много того, что заключаютъ римскія письма не появилось бы въ нихъ. Далѣе авторъ говоритъ: „Тотъ же самый аббатъ въ минуту моего отъѣзда, сказалъ, мнѣ на прощаніе весьма глубокое слово: „церковь ваша молитъ о соединеніи церквей, остерегитесь же, чтобы вашими писаніями вы не препятствовали миру, дабы неимѣть на своей совѣсти умноженія вражды.“ Я благодарилъ аббата за такое христіанское внушеніе основанное на духѣ истинной любви, и сказалъ ему, что самъ бы не

хотѣлъ принять на свою душу столь страшной отвѣтственности. А мы взялись за перо, что бы проложить тропинку къ примиренію и возстановить истину, которую мы тщательно искали въ правдѣ вселенской церкви и въ римскихъ письмахъ, но не нашли.

ТЕКСТЪ ПОДЛИННИКА.

Церковь западная, будучи весьма глубоко учена во всемъ, что касается собственно до нея самой, и вообще до догматовъ христіанства, весьма не свѣдуща касательно сестры своей восточной и особенно россійской церкви, и проч. (Предисловіе стр. VII.)

РАЗСУЖДЕНІЕ.

Если церковь западная, какъ признаетъ авторъ римскихъ писемъ, весьма глубоко учена во всемъ, что касается до нея самой, и вообще до догматовъ христіанства, то она должна быть равно учена и во всемъ что касается до восточной церкви, потому что цѣлыхъ девять вѣковъ обѣ церкви составляли единое тѣло, исповѣдующее одни и тѣже догматы христіанства. Слѣдовательно, логическое заключеніе, которое слѣдуетъ вывести изъ словъ автора то, что теперешніе догматы исповѣдуемые церковью восточною, не суть тѣ, которые она признавала въ первые девять вѣковъ христіанства, если они различествуютъ съ догматами запада, но такое сознаніе пове-

детъ насъ гораздо далѣе — что такое догматъ? Догматъ есть истина, основанная на словахъ самаго Спасителя, или учениковъ его. Главенство апостола Петра перешедшее съ его каѳедрою къ преемникамъ его римскимъ первосвятителямъ, и исхожденіе Св. Духа отъ Сына составляютъ два догмата, признаваемые западною церковью и служатъ предлогомъ разъединенія обѣихъ церквей. Но если по словамъ автора западная церковь весьма глубоко учена во всемъ, что касается до догматовъ христіанства, то глубокое ученіе ея распростаняется и на догматы главенства іерархическаго и исхожденія Св. Духа. Слѣдовательно, остается автору принять безпрекословно ученіе римское, ибо глубокая ученость въ догматахъ христіанства не можетъ быть сопряжена съ заблужденіемъ.

Отъ того и мечетъ она (церковь западная) противъ нее (церкви россійской) свои стрѣлы и во всѣхъ полемическихъ твореніяхъ, проявляются съ духомъ нетерпимости такія грубыя ошибки о нашей іерархіи, таинствахъ и церковномъ состояніи, что совѣстно даже читать ихъ, тѣмъ болѣе, что онѣ вытекаютъ изъ подъ ученаго пера. (Предисл. стр. VII.)

Намъ привелось читать почти все, что западные писатели писали о восточной и греко-россійской церкви въ минувшихъ столѣтіяхъ, и въ нынѣшнее время. Прежнія сочиненія объ этомъ предметѣ не заслуживаютъ упрековъ, дѣлаемыхъ авторомъ римскихъ писемъ, потому что въ оныхъ просто повѣствуются факты, съ указаніемъ

на источники. У насъ мало пишутъ и то, что печатаютъ не доступно иностранцамъ. Но въ замѣнъ, у насъ много говорятъ, и эти толки разносятся. Но, Боже мой, сколько въ этихъ упрекахъ незнанія дѣла, нелѣпыхъ и не основательныхъ обвиненій. Какія небылицы приходится нерѣдко слышать объ индульгенціяхъ, о папѣ и его непогрѣшимости, о чистилищѣ: и этотъ вздоръ сыплется изъ устъ произносящихъ на каждой обѣднѣ молитву о соединеніи церквей, а между тѣмъ, никто не полюбопытствуетъ узнать въ чемъ дѣло. Достойно удивленія и то что такія предубѣжденія находятъ мѣсто и въ ученіи преподаваемомъ въ семинаріяхъ. Эти то толки доходятъ до иностранцевъ, къ тому еще, внезапное прекращеніе уніи поразило католиковъ такъ, что съ нѣкотораго времени стали проявляться сочиненія направленныя противъ ученія греко-россійской церкви. Впрочемъ въ этихъ книгахъ преніе идетъ историческое и догматическое, съ указаніемъ на источники. Лучшее средство заградить имъ уста вступить въ состязаніе предъ ученымъ свѣтомъ, и слѣдуя по пятамъ, опровергать неоспоримыми доводами, доводы своихъ противниковъ. Мало того сказать, какъ авторъ римскихъ писемъ, что когда онъ уразумѣлъ данную ему противъ него книгу, то „онъ нашелъ въ ней тѣ же доводы, которыми римляне любятъ вооружаться безъ указанія на факты“, надобно еще доказать, почему эти доводы не удовлетворительны. Мы никакъ не можемъ допустить, что бы опытные западные богословы вступили въ полемику безъ указанія на факты и потому желаемъ, что бы насъ вразумили, кто правъ, кто

виноватъ. Что касается до духа нетерпимости, на который авторъ жалуется, то мы скажемъ, что нѣтъ слова, котораго значеніе было въ послѣднія времена столько употреблено во зло, сколько слово, intolérance нетерпимость. Rien de plus intolérant que la vérité, говорятъ безпристрастные люди, но въ чемъ заключаться должна эта нетерпимость, это объяснено въ приложеніи No. 3, которое рекомендуемъ вниманію читателя, потому что тутъ ясно изъяснено то, что должно разумѣть подъ словомъ intolérance. По несчастію, мы привыкли употреблять много словъ, не зная ихъ истиннаго значенія. Infaillibilité du Pape, intolérance religieuse, indulgences, вотъ слова, которыми каждый лютеранинъ и многіе изъ православныхъ мечутъ въ католиковъ, въ увѣренности, что достаточно ихъ произнести, что бы одержать побѣду, а ни одинъ изъ нихъ не знаетъ истиннаго значенія этихъ словъ.

Такъ напримѣръ: я самъ слышалъ въ Римѣ отъ одного изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ нашихъ, что если бы не гоненія королей польскихъ во времена уніи, то уже давно бы вся церковь россійская признала владычество римлянъ. Можно ли писать исторію и обличенія съ такимъ незнаніемъ духа церковнаго и народнаго того края, противъ котораго пишутъ. (Предисл. стр. VII.)

Въ примѣрѣ здѣсь выставляемомъ, не вижу повода къ изъявляемому негодованію. Это вопросъ исключительно

историческій, и, въ такого рода предположеніяхъ, каждому позволено имѣть свой взглядъ. Здѣсь авторъ впрочемъ невольно обнаруживаетъ свое отвращеніе къ соединенію съ Римомъ, о чемъ онъ молится какъ и прочіе. Слово унія (union) значитъ соединеніе церквей и, если когда нибудь это соединеніе должно послѣдовать, то не иначе какъ возстановленіемъ уніи, т. е. чрезъ сохраненіе обрядовъ восточной церкви, съ признаніемъ главенства преемника каѳедры апостола Петра, что встарину признавала вся восточная цевковь, какъ мы надѣемся это неопровергаемо доказать фактами. Такое соединеніе небыло бы противно духу народному, ибо, когда Владиміръ принялъ св. крещеніе, единство существовало, и не видно что бы Россія когда нибудь участвовала въ раздорахъ возбуждаемыхъ виновникомъ окончательнаго разъединенія, патріархомъ Керуларіемъ. Намъ даже случалось нерѣдко слышать отъ нашихъ русскихъ раскольниковъ, этотъ многозначущій упрекъ: развѣ восточная церковь сама не отпала отъ Рима? Слѣдовательно, въ духѣ народномъ, есть что-то, что клонитъ къ соединенію.

Впрочемъ большая часть вѣрующихъ, о степеняхъ іерархіи вовсе не вѣдаетъ и не заботится, и лишь бы оставили народу уважаемые имъ обряды, съ которыми онъ сроднился, не зная вполнѣ значенія ихъ, онъ противиться не вздумаетъ, и будетъ съ такимъ же усердіемъ молиться о папѣ римскомъ, какъ молится о королевѣ нидерландской: это, фактъ не подлежащій сомнѣнію, что, если бы Провидѣнію угодно было продлить еще лѣтъ на десять дни Александра блаословеннаго, нынѣ, не сущест-

вовало бы разрыва между церквами. Его свѣтлый умъ постигъ, что Спаситель далъ своей церкви видимаго главу, дабы всякій заблужденный, глядя на этотъ духовный маякъ, могъ, притекая къ нему, покоиться въ лонѣ хрістовой православной церкви. Ибо безъ этого пособія, человѣкъ брошенъ посреди свѣтскихъ мудрствованій, какъ морякъ на бурномъ океанѣ безъ компаса, какъ ратникъ, который на полѣ брани потерялъ изъ виду знамя своего полка. Не всякому дано знать св. писаніе, и понимать его, слѣд. должно быть средство всѣмъ доступное, что бы различить истину преподаваемою Хрістовою церковью, отъ тѣхъ истиннъ, которыя каждая религія или секта думаетъ себѣ присвоить исключительно. Тогда Россія, равно какъ и Франція, Австрія, Испанія, Португалія, Италія, Баварія, Бельгія, Польша, Ирландія, Америка и прочія части свѣта, гдѣ во множествѣ обитаютъ католики, признала бы главенство преемника петровой каѳедры, въ должныхъ и ограниченныхъ, особеннымъ конкордатомъ, предѣлахъ. Примѣръ царя и устраненіе предубѣжденій наиболѣе препятствующихъ соединенію, скоро склонили бы и все русское духовенство къ такому примиренію.

Такъ мы разстались, и слова его о соблюденіи мира сохранились въ моемъ сердцѣ. (Предисл. стр. VIII.)

Желательно бы было, что бы авторъ сохранилъ обѣщаніе данное имъ пріятному и образованному аб-

бату, о соблюденіи мира; по несчастію, въ римскихъ письмахъ не видно что бы авторъ помнилъ сколько нибудь глубокое слово аббата. Если бы онъ исполнилъ, что обѣщалъ, то намъ не было бы повода возставать противъ римскихъ писемъ.

Я нашелъ въ данной мнѣ противъ меня книги, тѣ же доводы, которыми римляне любятъ вооружаться безъ указанія на факты. Книга же моя, напротивъ того было ни что иное, какъ собраніе историческихъ фактовъ свидѣтельствующихъ истину, соборнаго а не монархическаго управленія церковью.

Сколько не привелось намъ читать книгъ западныхъ богослововъ, всегда мы находили, что они напротивъ указываютъ на множество фактовъ и текстовъ св. отцевъ; можно оспаривать факты и достовѣрность текстовъ, но тогда это уже полемика со всѣмъ другаго рода. Въ доказательство нашихъ словъ, мы предлагаемъ въ приложеніи No. 1, краткое извлеченіе изъ катихизиса католиковъ и читатель удостовѣрится въ справедливости нашего возраженія. Что же касается до того, что управленіе церкви было исключительно соборное, не возможно этого допустить, при малѣйшемъ обсужденіи предмета. Въ самомъ дѣлѣ, по какому случаю собирались соборы, именуемые вселенскими? По случаю ересей Арія, Македонія, Несторія, Евтихія и другихъ богомерзскихъ ученій.

Слѣдовательно, не будь Арія, Македонія, Несторія, Евтихія и прочихъ еретиковъ, то не было бы вселенскихъ соборовъ. Должно ли заключить изъ того, что церковь осталась бы безъ управленія? а въ промежутки соборовъ, кто же управлялъ церковью хрістовою? Вотъ къ какому заключенію ведутъ историческіе факты, по толкованію автора римскихъ писемъ. Но, авторъ въ твореніяхъ своихъ, не всегда вѣрно приводитъ факты и цитаты; въ подтвержденіе сего, мы предлагаемъ нѣсколько примѣровъ въ приложеніи подъ No. 2.

Не отъ превозношенія ли римскаго первосвященника истекаетъ каноническая невозможность мира церковнаго? (Предисл. стр. X.)

Не отъ превозношенія ли константинопольскихъ патріарховъ и вообще іерархіи восточной, передавшихъ это горькое наслѣдіе россійской церкви, возникъ раздоръ возражатъ гораздо справедливѣе римскіе богословы, которые изучили церковную исторію основательнѣе нежели преподаютъ ее въ нашихъ семинаріяхъ; впрочемъ объ этомъ предметѣ мы намѣрены распространиться въ своемъ мѣстѣ.

Преподобный Сергій явился и проч. (Тамъ же стр. X и XI.)

Все, что здѣсь говорится о сонномъ видѣніи пресвитера Симеона касательно чуднаго и крѣпкаго мужа Марка

ефесскаго, есть сонное видѣніе, а на такихъ основаніяхъ, мы не разсуждаемъ о догматахъ. Рѣчь дойдетъ и до Марка ефесскаго, до его упорства, и до всѣхъ вопросовъ, раздѣляющихъ церковь восточную отъ западной; что же касается до эпитета суетнаго даннаго флорентинскому собору, то безпристрастный изслѣдователь исторіи христіанства, отлагая всѣ предубѣжденія, откровенно сознаться долженъ, что не было ни одного изъ семи вселенскихъ соборовъ, признаваемыхъ всею церковію который явилъ бы столько признаковъ вселенства, какъ флорентинскій соборъ, созванный въ 1438 году для примиренія церквей, ибо знаменитѣйшіе іерархи съ востока и запада, вмѣстѣ съ греческимъ императоромъ, Іоанномъ Палеологомъ, съѣхались на этотъ соборъ, и, кромѣ одного Марка ефесскаго, всѣ подписали актъ соединенія. Никогда ни на какомъ соборѣ, въ такомъ количествѣ и единодушіи, не участвовало столько епископовъ обѣихъ церквей, слѣдовательно, всѣ условія для составленія вселенскаго собора были соблюдены болѣе, чѣмъ когда либо; и, актъ соединенія совершенный на этомъ соборѣ долженъ считаться по внушенію Св. Духа, какъ вообще всѣ постановленія вселенскихъ соборовъ. Но, по возвращеніи епископовъ на востокъ, актъ соединенія не былъ принятъ народомъ*): (какъ будто народъ въ такомъ дѣлѣ можетъ быть

*) По понятіямъ людей, которые церковь вѣчно смѣшиваютъ съ отечествомъ, народъ имѣлъ право поступить такимъ образомъ; а въ слугахъ богослововъ церковь, которая подчинилась такому рѣшенію народа, не есть та церковь, которой велѣно учить всѣ народы, а не учиться отъ нихъ.

судьею) и многіе изъ пастырей подписавшихъ его, сдѣлались клятвопреступниками. За то, не прошло 14 годовъ и имперія греческая пала подъ владычество мусульманъ, великолѣпный каѳедральный соборъ св. Софіи обращенъ въ мечеть, и, съ того времени, по нынѣ, тяжкое иго послѣдователей корана тяготѣетъ надъ востокомъ; православные патріархи денежными приношеніями турецкимъ пашамъ, пріобрѣтаютъ позволеніе возсѣдать на каѳедрахъ апостольскихъ, покуда другой болѣе щедрый не свергнетъ ихъ, что бы также уступить мѣсто счастливѣйшему. Явное наказаніе божіе за такое вѣроломство. Собравшіеся іерархи на флорентинскій соборъ были слѣдующіе: патріархъ константинопольскій, архіепископы: ефесскій, трапезунтскій, ираклійскій, кизикійскій, сардійскій, никомидійскій, никейскій, терновскій, монесивосійскій, лакедемонскій, амасійскій, молдовалахійскій, митиленскій, ставропольскій, родосскій, меленикскій, драмскій, ганскій, дристрійскій и анніальскій; прибылъ также изъ Россіи митрополитъ Исидоръ съ однимъ епископомъ. Карамзинъ говоритъ, что при Исидорѣ было до ста духовныхъ лицъ. Изъ сановниковъ великія церкви, были: великій сакеларій (казначей), скевофилаксъ (хранитель церковныхъ сосудовъ), екклесіахъ (церковный начальникъ), протекдикъ (хранитель законовъ) номофилаксъ и прочіе чиновники, почти всѣ ради исполненія своихъ должностей. А изъ іеромонаховъ присудствовали на соборѣ: духовный отецъ Григорій, настоятель Григорій, настоятель пантократорова монастыря, настоятель холгскаго монастыря, настоятель васильевскаго монастыря, іеромонахъ Пахомій, іеромонахъ

Моисей изъ лавры, іеромонахъ Дороѳей изъ ватопедской обители; туда же отправились и прочіе отличнѣйшіе изъ духовныхъ, также пѣвчіе и даже нѣкоторые простые монахи.

На западѣ, не такъ какъ въ православной церкви, святыня мощей утаена отъ благочестивыхъ взоровъ или поставлена на недоступной высотѣ. (Пис. 1, стр. 4.)

Непріятна была для меня эта первая преграда къ желанной святынѣ (гробъ апостоловъ), когда у насъ напротивъ того, она всѣмъ доступна, я пришедшій издалека не могъ быть удовлетворенъ столь отдаленнымъ поклоненіемъ святынѣ. (Пис. 1, стр. 2.)*)

Авторъ забываетъ, что Римъ есть нѣкоторымъ образомъ центръ вселенной, куда стекаются посѣтители цѣлаго міра различныхъ вѣроисповѣданій, даже самыхъ враждебныхъ поклоненію св. мощамъ. Слѣдовательно, если

---

*) Главное, что авторъ неправильно выражается (и по всей вѣроятности съ умысломъ): На западѣ не такъ, какъ въ православ: церкви. Ему слѣдовало бы сказать: въ Римѣ не такъ, какъ на пр. у насъ въ Кіевѣ. Потому что на западѣ, въ другихъ мѣстахъ, суть мощи, доступныя всѣмъ; напротивъ того въ Россіи мощи нѣкоторыхъ святыхъ никогда не открываются, на пр. Александра невскаго, Митрофанія. Мощи запертыя въ ракѣ, все таки мощи скрытыя для блага живыхъ взоровъ.

предосторожность, соблюдаемая на западѣ имѣла бы только цѣлью, отвратить соблазнъ и могущее легко случиться поруганіе или даже похищеніе святыни, то порицаемая мѣра тѣмъ самымъ была бы уже достаточно оправдана. Независимо отъ сего, западная церковь требуетъ отъ вѣрныхъ, что бы они поклонялись духомъ, а не матеріально. Ибо для того кто вѣруетъ, существенное лобзаніе — обрядъ излишній. Это допускается на востокѣ и въ русскихъ церквахъ, потому что отъ прикладыванія къ св. мощамъ проистекаетъ значительный доходъ тому храму, гдѣ онѣ выставлены. Этотъ упрекъ весьма часто является въ римскихъ письмахъ. Онъ былъ бы понятенъ въ простолюдинѣ, который не привыкъ переноситься духомъ къ сокрытой отъ взоровъ святынѣ. Но мы удивляемся, видя подобные упреки сыплящіеся изъ подъ пера автора, столь извѣстнаго своими духовными сочиненіями. Недостаточно ли знать мѣсто погребенія св. угодника божія, что бы молиться со всею теплотою вѣры, которая только можетъ быть возбуждена упованіемъ въ его заступленіе? Когда мы ходимъ на могилу родителей нашихъ и близкихъ сердцу, развѣ мы не проливаемъ потоки слезъ и не молимся усердно о нихъ, хотя и не видимъ бренныхъ ихъ отстатковъ? Признаемся: мы желали бы всею душею что бы и у насъ въ грекороссійской церкви этотъ обычай вкоренился. Кажется такою сокровенностію и недоступностью доказывается болѣе уваженія къ святынѣ, нежели допущеніемъ каждаго прикладываться къ нетлѣннымъ мощамъ, что часто совершается при непріятномъ звукѣ падающихъ мѣдныхъ гро-

шей и пятаковъ на тарелку поставленную на самой гробницѣ угодника.

Но, что бы доказать, что церковь западная чтитъ мощи святыхъ, едва ли не болѣе церкви восточной, отсылаемъ къ приложенію No. 4, гдѣ помѣщено о семъ предметѣ замѣчательное письмо папы Григорія великаго. Этими замѣчаніями мы ограничимся и не почитаемъ болѣе нужнымъ возражать на многія подобныя нападенія, коими римскія письма изобилуютъ.

Стража швейцарская участвовала и въ духовной церемоніи, ограждая отвсюду первосвященника и его свиту, и такимъ образомъ весьма непріятно для глазъ и для сердца, раздѣляя пастыря отъ пасомыхъ. Такъ ли*) бываетъ у насъ въ православной Руси, гдѣ всѣ тѣснятся къ святителю принять его благословеніе. (Пис. 1, стр. 15.)

---

*) Такъ ли у насъ въ Россіи .... У насъ въ Россіи нѣтъ папы; потому никакого сравненія быть не можетъ. Авторъ имѣлъ полное право говорить о нѣкоторыхъ особенностяхъ папской службы — и только. Для сравненія же (если оно непремѣнно нужно) онъ долженъ былъ взять епархіальныхъ архіереевъ русскихъ и западныхъ, и тутъ бы онъ не нашелъ никакой разницы. Въ этомъ авторъ можетъ убѣдиться въ первый большой праздникъ въ С. Петер., въ церкви Св. Екат. Тамъ онъ увидитъ, что западный епископъ служитъ безъ швейцаровъ. При чемъ народъ принимаетъ безпрепятственно святительское благословеніе. Впрочемъ и римляне вполнѣ убѣждены, что имъ швейцарцы нисколько не мѣшаютъ принимать благословеніе папы, и это служитъ доказательствомъ, что они (римляне) народъ болѣе духовный, нежели авторъ римскихъ писемъ, который думаетъ противное.

Развѣ автору болѣе нравятся полицейскіе чиновники и солдаты, которые во время архіерейской службы толкаютъ въ казанскомъ соборѣ то въ спину, то въ затылокъ, то въ бокъ, всѣхъ неосторожныхъ, безъ различія пола, которыхъ усердіе или любопытство вызываетъ впередъ. Не приличнѣе ли первосвятителю римскому, быть ограждену швейцарскою стражею, въ живописной одеждѣ нарисованной для нея Микель-Анджеломъ, нежели тѣми же полицейскими чиновниками, которые подымаютъ пьяныхъ на улицѣ. Этотъ порядокъ авторъ называетъ раздѣленіемъ пастыря отъ пасомыхъ. А не вы ли Христа, — иконостасомъ отдѣляете вѣчно отъ пасомыхъ? что же касается до благословенія видно, что авторъ не находитъ его дѣйствительнымъ, если оно дано издали, а непремѣнно надобно тѣсниться, что бы подойти къ святителю. Много нужно бы лишняго времени для папы, что бы дать каждому изъ вѣрующихъ благословеніе по одиначкѣ. Но католическіе епархіальные епископы то, другое дѣло; они при объѣздѣ своей епархіи не только доступны для каждаго, но сами совершаютъ таинство мvропомазанія надъ каждымъ отрокомъ своей паствы.

Тогда взглянулъ я въ первый разъ въ лице первосвященнику римскому исполненный памятью тогда, чей священническій санъ онъ на себя принялъ: сладкое и вмѣстѣ горькое чувство исполнило мое сердце при видѣ державнаго святителя: — въ первую минуту мнѣ пріятно было видѣть предъ

собою старѣйшаго епископа римскаго, преемника, если не петрова (но чему же не петрова?) то учрежденной имъ въ Римѣ каѳедры; съ другой стороны, когда я увидѣлъ вокругъ него сражу воинскую и вспомнилъ, что только одна пилатова (!!!) окружала того кто сказалъ царство мое не отъ міра сего", и чье мѣсто на землѣ думаютъ заступить понтифексы римскіе, сердце мое стѣснилось чувствомъ невольнаго страха, ибо я вспомнилъ слова великаго ихъ предмѣстника св. Григорія о тѣхъ, которые возмущаютъ на себя вселенское главенство церкви. (Пис. I, стр. 17.)

Эти строки, да проститъ намъ авторъ, мы назовемъ напыщенною фразеологіею. Съ тѣхъ поръ какъ посѣщаютъ Римъ иностранцы, не полагаю что бы кому нибудь пришло въ голову такое сближеніе стражи папской съ стражей пилатовой. Авторъ хотѣлъ бы что бы въ Римѣ все было устроено какъ у насъ. Въ нашемъ отечествѣ, храмы посѣщаются исключительно русскимъ народомъ, который привыкъ къ благочинію особливо, во время божественнаго служенія. Что бы держать въ должномъ порядкѣ и послушаніи такой народъ, достаточно нѣсколькихъ полицейскихъ офицеровъ, которые вытолкаютъ вонъ и отошлютъ на съѣзжую провинившихся въ неприличномъ обращеніи. Но въ Римѣ, во время служенія папскаго или посѣщенія имъ храмовъ, толпы какихъ нибудь наглыхъ дерзколюбопытныхъ Англичанъ слѣдуютъ всюду за нимъ, и наполь-

няютъ церковь. Если бы папа не былъ огражденъ почетною стражею, то вы увидѣли бы каждый разъ, какъ какой нибудь Великобританецъ, Американецъ или Французъ подходилъ бы къ нему, глядѣлъ въ глаза и даже касался его, чтобъ узнать такой ли онъ человѣкъ какъ прочіе люди? Вѣроятно папа не менѣе автора понимаетъ значеніе словъ „царство мое не отъ міра сего“, но онъ не находитъ имъ никакого примѣненія къ настоящему случаю, потому что это мѣра общественнаго порядка соглашающаяся съ благоговѣніемъ, которое сопровождаетъ повсюду преемника апостола Петра. Всѣ наши мысли, вожделѣнія, порывы, должны быть не о мірѣ семъ; но, покуда мы живемъ въ мірѣ, мы должны нести тягость мірскихъ потребностей. Впрочемъ, русскому менѣе всякаго должно бы удивляться видѣть военную стражу смѣшанную съ духовнымъ торжествомъ. Какое мѣсто думаютъ заступить понтифексы и какое было истинное значеніе словъ великаго Григорія, о семъ, мы намѣреваемся распространиться, и доказать неопровергаемо автору римскихъ писемъ, собственными его доводами, что нынѣшній папа пользуется тою же самою властью, какою пользовался, и которою дорожилъ св. Григорій. Для того, намъ будетъ нужно только возстановить текстъ, который въ римскихъ письмахъ представленъ въ совершенно искаженномъ видѣ; тогда, авторъ будетъ побѣжденъ своимъ собственнымъ оружіемъ. Скажемъ теперь, только мимоходомъ, что папа Григорій вовсе не отвергалъ главенства, потому что онъ самъ въ такомъ качествѣ повелѣвалъ. Вотъ между прочимъ извлеченія изъ твореній этого великаго

мужа Григорія двоеслова „Петръ возсѣдалъ тамъ, гдѣ возсѣдали всѣ его преемники.“

Lib. XVII, Ep. 40.

„Велико заступленіе св. Петра для Рима. Тутъ безъ помощи народа“, военной силы, мы сохранили, посреди столькихъ мечей всемогущество церкви божіей.

Lib. I id. 1, Ep. 22.

Соборъ созванный безъ разрѣшенія папы и въ противность его власти, долженъ быть уничтоженъ.

Lib. V, Гр. 18—121.

Lib. IX, под II, Ep. 68.

По всему видно, что Г. Муравьевъ, не читалъ безсмертныхъ діалоговъ Григорія великаго, который также писалъ: „я готовъ умереть прежде, нежели допустить униженія римскаго правила.“

Lib. IV, 1 Ep. 19.

Онъ еще вооружался всѣми силами противъ названія вселенскаго, которое по его мнѣнію уничтожало власть всѣхъ прочихъ епископовъ и оставляло въ церкви хрістовой только одного епископа вселенскаго, что кромѣ чрезвычайнаго превозношенія, было еще и безсмыслицею, потому что званіе вселенскаго приклѣенное къ сану патріарха цареградскаго, коего паства всегда была весьма ограничена, не могло имѣть никакого значенія, кромѣ того, что доказывало чрезмѣрную надмѣнность.

Не могу вамъ выразить какое непріятное впечатлѣніе произвело на меня сіе цѣлованіе (статуи св. Петра), когда я вспомнилъ, что это можетъ

быть идолъ Юпитера капитолійскаго, коего перуны замѣнены ключами царствія, или который по замѣчанію болѣе снисходительныхъ перелитъ изъ языческаго бога въ христіанскаго апостола; не поклонился ли папа хотя внѣшнимъ образомъ тому же идолу, предъ которымъ быть можетъ его предмѣстники пролили кровь свою, что бы засвидѣтельствовать Бога истиннаго въ лице бездушному истукану. (Пис. 1, стр. 19.)*)

Такія разсужденія не удивили бы отъ лютеранина, но нельзя было ихъ ожидать отъ православнаго, который знаетъ, что каждая икона, какъ бы осквернена не была, по освященіи оной, почитается святынею. А не случалось ли автору въ родинѣ своей прикладываться къ иконамъ чудотворнымъ и явленнымъ, которыхъ происхожденіе гораздо сомнительнѣе бронзоваго изображенія св. Петра, и которыхъ вся святость можетъ быть основана на суевѣріи прежнихъ временъ а иногда, и на корыстолюбивыхъ

*) Если въ этой статуѣ католики чтутъ апостола Петра. то этого и довольно, что бы ихъ оправдать въ глазахъ тѣхъ людей, которые не отвергаютъ поклоненія святымъ, даже и въ такомъ случаѣ, если эта статуя изображала прежде Юпитера. Все зависитъ отъ того, кому воздаютъ честь въ этомъ изображеніи.

Положимъ, что какой нибудь китаецъ, войдя въ христіанскій храмъ, поклонился бы изображенію Николая чудотворца, принявъ его за своего бога. Спрашивается, кому бы онъ воздалъ честь, святому христіанскому или же китайскому богу? Понятіямъ автора — святому, по здравому же смыслу онъ, воздалъ бы честь китайскому богу, хотя и поклонился изображенію святаго.

видахъ непросвѣщенныхъ предковъ нашихъ? Если бы, въ такомъ духѣ, иностранецъ сталъ писать о неисчислимыхъ явленныхъ иконахъ, которыми наполнена русская земля, что бы тогда авторъ сказалъ? Признаемся: великъ духъ непріязни тотъ, который придирается къ такимъ мѣлочамъ, и на какой конецъ? Не для того ли что бы сдѣлать все римское ненавистнымъ православнымъ, и увеличить преграду препятствующую миру и соединенію? Что подумаетъ пріятный и образованный аббатъ, когда онъ узнаетъ, какъ плодоносно врѣзалось въ сердце автора, глубокое слово сказанное имъ при прощаніи съ нимъ?

Какъ же? Епископъ обнажилъ сѣдую голову и стоялъ на колѣняхъ со всѣмъ своимъ народомъ и клиромъ; а стража стоитъ какъ бы чуждая, ибо я слышалъ, епископъ римскій ввѣряетъ иногда свое ближайшее охраненіе и протестантамъ изъ числа швейцаръ не разбирая ихъ вѣры. *)

---

*) Если бы папа принималъ въ свою службу только католиковъ, то авторъ, вѣроятно, воскликнулъ бы, не такъ у насъ въ православной Россіи и т. д. Дѣло въ томъ, что швейцары не становятся на колѣна не потому, что между ними есть и лютеране, а потому что это такъ требуется церемоніяломъ. На этомъ основаніи, во время службы обыкновеннаго епископа (католическаго) когда, при возношеніи св. даровъ все духовенство и народъ, становятся на колѣни, тѣ изъ духовныхъ, которые держатъ архіерейскія регаліи (посохъ, митру и гремиалъ) стоятъ, и стоятъ не потому, что ноша мѣшаетъ имъ стать на колѣна, а потому, что такъ требуется по церемоніялу.

есть исключительно охранительная, то она исполняетъ ее какъ слѣдуетъ: если бы и стража эта вздумала въ это время стать на колѣни и молиться, то какой безпорядокъ и соблазнъ могъ бы произойти отъ множества любопытныхъ стекающихся въ Римъ, которые никакого уваженія ни къ какой святынѣ не питаютъ. А почему бы папѣ не ввѣрять свое ближайшее охраненіе протестантамъ? Развѣ православный царь не ввѣрилъ свое охраненіе Татарамъ и Евреямъ, коихъ съ нѣкотораго времени весьма много находится въ войскѣ и на всѣхъ церковныхъ парадахъ. Когда въ 1839 году было перенесено тѣло знаменитаго полководца князя Багратіона изъ села Симы, юрьевскаго уѣзда, владимірской губерніи на бородинское поле, то всею духовно-военною процессіею, предводительствовалъ одинъ Татаринъ, Командиръ гусарскаго его императорскаго высочества герцога Максимиліана лейхтенбергскаго полка, полковникъ Кенскій; при каждой церкви, мимо которой проходила колесница съ конвоемъ всего полка, была совершена литія, и въ главныхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ троицко-сергіевской лаврѣ, гдѣ печальная процессія имѣла дневку, вездѣ начальникъ — мусульманинъ присутствовалъ при боженственномъ служеніи первый прикладывался къ кресту и къ иконамъ тамъ, гдѣ обрядъ того требовалъ; и такимъ образомъ прошелъ болѣе 250 верстъ, предводительствуя процессіею болѣе религіозною, чѣмъ военною. И опять некстати, по примѣру лютеранъ, приводитъ здѣсь авторъ слова Христа Пилату: „царство мое не отъ міра сего“; царство Христа точно не было сего

міра, потому что онъ сидитъ на престолѣ одесную отца и есть царь всего видимаго и невидимаго міра: это отвѣчалъ Спаситель, потому что іудейскій народъ ожидалъ видѣть въ Мессіи, царя земнаго, и потому что предъ Пилатомъ обвиняли Хріста за то, что онъ противится кесарю, какъ будто домогаясь его власти. Потому то и эти слова, никакого примѣненія въ этомъ случаѣ не находятъ; это чисто протестантская выходка; тѣмъ болѣе, что то же самое можетъ быть примѣнено и къ патріархамъ. И опять скажемъ, что римскій владыка знаетъ и исполняетъ это лучше нежели предполагаетъ авторъ, а между тѣмъ безпорядки, соблазны, кощунство принадлежатъ міру сему и ихъ то отвратить его обязанность. Видали ли вы когда нибудь, что бы квартальные офицеры, при большомъ стеченіи народа, молились въ церквахъ вмѣстѣ съ прочими, становились на колѣна или клали поклоны? нѣтъ; на молитву для нихъ, есть другое время, а тутъ они должны заниматься единственно своею должностію: наблюдать не запускаетъ ли кто къ вамъ руку въ карманъ, не становится ли мужикъ предъ какимъ нибудь сановникомъ, и онъ чинитъ расправу, тутъ же на мѣстѣ. Почему же авторъ удивляется, что папа окруженъ стражею, которая впрочемъ даетъ служенію видъ болѣе величественный?

Этимъ заключаются наши замѣчанія на первое письмо. Не забудьте, что авторъ обѣщалъ въ предисловіи быть безпристрастнымъ и увѣрялъ, что не хочетъ принять на свою душу страшной отвѣтственности — „умноженія вражды между обѣими церквами“; а въ первомъ своемъ

письмѣ, онъ уже постарался, сколько могъ, безъ надобности вооружить читателя противъ всего римскаго, забывая, что и въ православной Россіи много также, если не болѣе, подвергается критикѣ. Не льзя сказать, что бы его замѣчанія и упреки отличались благонамѣренностію и безпристрастіемъ.

Посѣтивъ однажды базилику св. Петра, я увидѣлъ въ ней толпу работниковъ съ топорами въ рукахъ, строющихъ изъ досокъ подмостки и ложи, какъ бы для театральнаго представленія, и сердце мое стѣснилось отъ такого неблагочинія. (Пис. II, стр. 80.)

Мы не видимъ гдѣ тутъ неблагочиніе. Прежде, авторъ жаловался, что пастырь отдѣленъ отъ пасомыхъ, а теперь ему не нравится то, что онъ будетъ находить болѣе въ виду паствы своей. Да развѣ у насъ неустроены во многихъ церквахъ хоры куда избранные посѣтители храма собираются чтобы удобнѣе видѣть службу архіерейскую или умовеніе ногъ. Тамъ, гдѣ такихъ хоръ нѣтъ, то почему не устроить, хотя на время, подмостки и ложи, какъ для большаго удобства желающихъ присудствовать при торжествѣ, такъ и для тишины и для порядка, столь необходимыхъ при такомъ необыкновенномъ стеченіи всякаго народа. Если тутъ есть что либо театральное, то и всякую службу архіерейскую авторъ долженъ назвать театральнымъ представленіемъ. Слѣдо-

вательно, и возвышеніе памятника императору Александру на дворцовой площади въ С. Петербургѣ съ сопровожденіемъ духовнаго торжества, должно назвать театральнымъ представленіемъ; потому что тутъ подмостки и ложи были выстроены для ста тысячи зрителей. Всего досаднѣе, что поверхностные читатели, которые восхищаются римскими письмами потому только, что въ нихъ порицается римское богослуженіе, принимаютъ все это за чистыя деньги.

Нечаянно заглянулъ я за занавѣсъ и ужаснулся; тамъ подъ шелковыми наметами, приготовлялись буфеты, и вся эта горняя часть базилики, на концѣ коей стоялъ алтарь, подъ самою каѳедрою апостола, обращена была на время богослуженія въ прихожую комнату для прислуги папской, и въ мѣсто отдохновенія для первосвященника и кардиналовъ со всѣми домашними удобствами. (Пис. II, стр. 81.)

Ужасаться тутъ нечего, авторъ забываетъ, что первобытные христіане имѣли въ храмахъ свою трапезу, отъ чего и осталось названіе трапезы задней части церкви. Не самъ ли авторъ говоритъ въ своихъ письмахъ о богослуженіи, что слово обѣдня, происходитъ отъ слова обѣдъ: ибо первые христіане обѣдали въ храмѣ. Слѣдовательно, въ этомъ порицаемомъ имъ римскомъ обычаѣ, авторъ долженъ бы скорѣе искать отстатковъ древнихъ

христіанскихъ обычаевъ, а не случая, къ изъявленію своего негодованія, особенно вспомнивъ то, что у насъ иногда происходитъ. Не ужаснулся ли бы иностранецъ, видя то, что происходитъ во многихъ велико россійскихъ губерніяхъ? Въ нѣкоторыхъ помѣщичьихъ и однодворческихъ селеніяхъ господствуетъ обычай, сей часъ послѣ свадебнаго обряда, становить передъ царскими дверьми деревянную посуду наполненную хлѣбнымъ виномъ, изъ которой, каждый въ томъ числѣ и священникъ и дьяконъ черпаетъ водку сколько каждому угодно, а, обыкновенно до пресыщенія. Пишущій эти строки засталъ этотъ обычай въ доставшемся ему имѣніи въ тамбовской губерніи; онъ это зло искоренилъ у себя, но оно и по сіе время существуетъ въ прочихъ селеніяхъ, гдѣ господа не имѣютъ своего пребыванія, и въ однодворческихъ селахъ, преимущественно въ хлѣбородныхъ губерніяхъ.

Я поскорбѣлъ духомъ, при видѣ мірскаго величія затемнявшаго лице святителя во властителѣ Рима. Нѣкто весьма вѣрно выражаетъ о богослуженіи папы, что оно болѣе похоже на выходъ царскій, но только внутри церкви, а не во дворцѣ... Что же касается до духовнаго отношенія, то чувство благочинія церковнаго оскорблено суетностію церемоніала, гдѣ обряды духовные такъ перемѣшаны съ свѣтскими, и клиръ съ дворомъ, и войско съ духовенствомъ, и министры съ епископами, что

тамъ*), называющій себя намѣстникомъ Христа на своемъ выспренномъ тронѣ окруженный стражею и дворомъ, является гораздо болѣе преемникомъ кесарей, нежели апостоловъ. (Пис. III, стр. 83.)**)

Но тяжело было православному сердцу видѣть мірскую суету того, кто величаетъ себя громкимъ титуломъ намѣстника Христова и проч. (Пис. III, стр. 88 и 89.)***)

Вотъ тирада достойная декламаціи XVI вѣка противъ папизма. Но, разсмотримъ подробно всѣ сіи обвиненія. Мірское величіе можетъ затемнить лице, только въ томъ святителѣ, который, при богослуженіи, не можетъ духомъ воспарить надъ суетностію міра. Сколько духовный міръ выше земнаго, столько же является выше и святительское лице римскаго первосвятителя надъ его мірскимъ владычествомъ; ибо въ это время онъ погруженъ въ такое духовное созерцаніе, что онъ о мірскомъ величіи его окружающемъ, и не помышляетъ. Желательно бы было, что бы авторъ, въ своихъ нападеніяхъ на

---

*) Это только доказываетъ, что тутъ всѣ власти мірскія соединяются, для большаго великолѣпія службы Господней, а не папской, какъ думаетъ авторъ, потому что папа совершаетъ службу въ честь и славу Всевышняго.

**) Подумалъ ли хоть разъ авторъ, что все это дѣлается для того, что бы достойнее прославить Христа?

***) Отъ чего же тяжело? Вѣдь православное сердце автора не признаетъ папѣ этого титула.

Римъ, оглядывался бы иногда на свою родину, гдѣ чествованіе епископовъ можно такъ же уподобить выходу царскому, не во дворцѣ, а внутри церкви? Православный епископъ не можетъ выѣхать изъ дома, что бы всѣ колокола не пришли въ движеніе на всѣхъ колокольняхъ. Такой почести не оказываютъ и царю. Пріемъ преосвященнаго въ церквѣ, весь обрядъ архіерейскаго служенія, не долженъ ли питать духъ честолюбія и превозношенія въ тѣхъ, самолюбію коихъ ласкаетъ такое величаніе. Къ тому же въ Россіи бѣлое духовенство украшается орденами, скуфьями и камилавками, а іерархи лентами, звѣздами первыхъ степеней и разрядовъ. Тутъ по примѣру автора можно бы припомнить слова Спасителя Пилату. „Царство мое не отъ міра сего.“ Слѣдовательно, всѣ упреки такого рода дѣлаемые римскому первосвятителю должны непремѣнно падать и на православныхъ епископовъ, хотя ихъ власть духовная, далеко не такъ обширна какъ власть папы, который считаетъ до двухъ сотъ шестидесяти милліоновъ вѣрныхъ въ своей наствѣ, и болѣе тысячи епископовъ во всей вселенной, признающихъ его владычество. Намѣстникомъ хрістовымъ не онъ же себя провозгласилъ. Такимъ его признавали всегда отцы церкви и нынѣ признаютъ двадцать разныхъ народовъ имъ пасомыхъ, и не льзя допустить, что бы въ нынѣшнемъ вѣкѣ вольнодумства, свободы мысленной, и книгопечатанія, папа могъ бы удержать это высокое достоинство, если бы оно не было основано на чемъ нибудь не человѣческомъ, то есть: чего человѣкъ сокрушить не въ силахъ. Римскій первосвящен-

никъ, кромѣ священнаго сана своего вмѣстѣ съ тѣмъ и владыка Рима и римской области. Какъ мірской вастелинъ, не льзя требовать отъ него, что бы онъ являлся публично безъ всякаго признака земнаго владычества. Оно тѣмъ болѣе необходимо, что для большенства составленнаго изъ грубыхъ умовъ, нужны видимые признаки величія; такъ созданъ человѣкъ и если мы отнимимъ это отъ него, то все обаяніе царскаго величія исчезнетъ. Воздадите Богу Богови и кесарю кесареви, сказалъ Спаситель; слѣдовательно, когда папа является торжественно въ базилику св. Петра, которая есть нѣкоторымъ образомъ его палата, т. е. единственное мѣсто гдѣ онъ сообщается народу, то его должны сопровождать всѣ атрибуты его земнаго и духовнаго владычества, и тутъ никакого, развѣ только для глазъ, не можетъ быть смѣшенія, коимъ духъ могъ бы скорбѣть. Противникамъ же земнаго владычества римскаго первосвященника, мы представимъ на разсужденіе слѣдующія уважительныя обстоятельства, которыя покажутъ что папѣ нельзя не быть княземъ мірскимъ. Хотя восточная церковь теперь не признаетъ главенства римскаго первосвятителя, однако Франція, Австрія, Богемія, Моравія, Баварія, Бельгія, Италія, Польша, Испанія, Португалія, южная Америка, словомъ сказать, 260 милліоновъ католиковъ разбросанныхъ во всѣхъ пяти частяхъ свѣта, признаютъ его духовное владычество. Что бы вести безпрерывныя сношенія съ этими разными державами, сношенія свойства самаго деликатнаго, что бы удовлетворить нѣкоторымъ потребностямъ, отказать другимъ требованіямъ и бороться

съ нынѣшнимъ духомъ вольнодумства, который заражаетъ болѣе или менѣе всѣ государства, надобно святителя прежде всего независимаго, самостоятельнаго, который не нуждался бы въ исключительномъ покровительствѣ какой нибудь державы; надобно, что бы онъ могъ вести переговоры съ коронованными лицами, какъ владыка, который одолженнымъ ими никогда не можетъ почитаться; для сего именно, временное владычество папы и необходимо; несомнѣнно для этой цѣли и устроило это такъ премудрое Провидѣніе, ибо такіе факты не сбываются и не существуютъ въ продолженіи многихъ столѣтій, если рука Божія не поддерживала бы этого владычества. Достойное размышленій глубокомыслящаго человѣка то обстоятельство, что ни революціи, ни покушенія перваго завоевателя *) послѣднихъ временъ, не могли поколебать этого слабаго, въ числительномъ отношеніи владычества, но сильнаго потому, что оно явно покровительствуемо небомъ. Если бы папа римскій былъ безъ всякихъ владѣній, т. е. простой монахъ, какъ хотятъ тѣ, которые мечтаютъ о невозможномъ, то онъ былъ бы игралищемъ судьбы; каждая держава захотѣла бы завладѣть избраніемъ папы, что бы имѣть его въ своихъ рукахъ; но гдѣ найти человѣка, который могъ бы устоять противъ всѣхъ искушеній, которыми онъ будетъ со всѣхъ сторонъ окруженъ? Взгляните на востокъ; въ какомъ униженіи находятся тамошніе патріархи, вынужденные искать покровительства какого нибудь паши, чего иначе, какъ

*) Смот. приложеніе No. 4.

деньгами не льзя достигнуть, что бы занять патріаршескую каѳедру: какое обширное поле для интригъ, и всякихъ происковъ коварства и хитрости. Такое униженіе впрочемъ можетъ быть спасительно для частности, но для управленія стада Хрістова нужна независимость и свобода дѣйствій. А если мы обратимся къ давно прошедшимъ вѣкамъ, какой признательности не заслуживаютъ папы?

Они просвѣтили западъ и самыхъ варваровъ наводнившихъ Италію и западную Европу, которые на подобіе Магомета поработили бы эти страны, если бы не апостольская ревность первосвятителей Рима; они спасли западъ отъ магометовой вооруженной пропаганды. Востокъ же допустилъ Магомета отторгнуть изъ нѣдръ христіанства многое множество вѣрующихъ, которые сдѣлались Хрісто-отступниками, наконецъ и столица несчастной греческой имперіи, пала предъ послѣдователями корана; вотъ должное возмездіе за всѣ раздоры между императорами и патріархами, и за всѣ ереси, которыя одна за другою проявлялись въ этой странѣ безпокойныхъ умовъ. Сколько разъ римскій первосвятитель примирялъ ихъ между собою и возвращалъ миръ церкви восточной, но надмѣнность патріарховъ цареградскихъ не могла видѣть первенствующаго Рима, и объявила ему непримиримую войну. Цареградъ палъ, а Римъ существуетъ все въ томъ же блескѣ; почему? непотому ли что римскіе іерархи возсѣдаютъ на ненарушимомъ престолѣ ап. Петра, которому Спаситель сказалъ „Ты еси Петръ и на тебѣ созижду церковь мою, и врата адова не одолѣютъ

ею.“ Пророчество сбылось и будетъ исполняться до скончанія вѣка: имѣяи уши, да слышитъ. Со временъ ап. Петра 256 законныхъ епископовъ были возведены на его престолъ. Въ такомъ большомъ числѣ могли быть люди и дурные, кто противъ этого споритъ? но развѣ святость каѳедры зависитъ отъ святой жизни занимающаго ее. Если преемниками апостоловъ должны бы быть поставлены только люди имѣющіе ихъ качества и достоинства, то христіанство недошло бы до насъ. Но, соглашаясь съ тѣмъ скажемъ, что причтенныхъ къ лику святыхъ было 77 папъ, что нѣкоторые были дѣйствительно люди надменные и съ пороками. Таковыхъ наберется можетъ быть до двадцати пяти. Мы должны согласиться, что въ общемъ числѣ папъ, это еще не много, прочіе же были люди достойные всякого уваженія. На востокѣ же, тамъ противное, изъ 256 патріарховъ не насчитаете двадцати пяти святой жизни: прочитайте исторію церковную и вы ужаснетесь какіе были возведены злодѣи на константинопольскій и другіе патріаршіе престолы. Отъ дурной жизни пастырей церкви несомнѣнно соблазнъ великъ, и горе тѣмъ, которые виновны въ этомъ соблазнѣ, но премудрость Божія такъ устроила дѣла, что личная безправственность нѣкоторыхъ римскихъ первосвятителей непоколебала зданія церковнаго, основаннаго на Петрѣ, всё это слѣдствіе словъ: „врата адовы не одолѣютъ церковью основанною на Петрѣ и только этою церковью, замѣтьте это. Вотъ, что пишетъ Флёри, въ исторіи христіанской церкви; котораго никто не станетъ считать пристрастнымъ приверженцемъ папской власти, эти слова замѣча-

тельны и должно ихъ напоминать всѣмъ тѣмъ, которые вооружаются дурными примѣрами духовенства, что бы нападать на самую религію:

„Le fils de Dieu, promettant d'assister son église jusqu'à la fin du monde, n'a point permis d'en défendre l'entrée aux méchants: au contraire, il a prédit qu'elle en serait toujours mêlée jusqu'a la dernière séparation. Il n'a pas promis la sainteté à tous les ministres et à tous les pasteurs de son église, non pas même a leur chef, il a seulement promis des pouvoirs surnaturels à tous ceux qui entreraient dans le ministère sacré, suivant les formes qu'il a prescrites. Ainsi, comme de tout temps, il s'est trouvé des méchants, qui, sans la conversion du cœur et les autres dispositions nécessaires ont reçu le baptême et l'eucharistie, il s'en est trouvé, qui ont reçu sans vocation l'imposition et n'en ont pas moins été prêtres ou évêques, bien qu'ils l'aient été pour leur perte et pour celle de leur troupeau. En un mot, Dieu ne s'est point engagé à arrêter par les miracles, les sacriléges, non plus que les autres crimes. Il ne faut donc pas faire difficulté de reconnaître pour papes légitimes Sergius III ni Jean X et les autres dont la vie scandaleuse a deshonoré le Saint-Siége, pourvu qu'ils aient été ordonnés dans les formes par les évêques.“

Невольно вспомнишь пророческія слова одного изъ величайшихъ святителей римскихъ св. папы Григорія, который осуждалъ своего константинопольскаго собрата даже за одно лишь принятіе имъ

титло вселенскаго. Слѣдуетъ (38 письмо Св. Григ. Вел.) извлеченное изъ глав. IV его твореній. (Пис. III, стр. 90—99.)

Такъ какъ авторъ ссылается здѣсь на авторитетъ самого папы Григорія, что бы доказать что папы никогда не пользовались первенствомъ надъ прочими епископами, и неуправляли всею церковью Хрістовою, то мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя выраженія того же папы которыя разсудилось автору пропустить, потому что при полномъ цитатѣ, заключеніе вышло бы совершенно противоположное. Вотъ именно собственныя слова папы Григорія великаго, патріарху Іоанну постнику.

„Предмѣстникъ мой Пелагій, тебѣ писалъ о томъ же (о произвольномъ присвоеніи титла вселенскаго), въ сильныхъ выраженіяхъ, и уничтожилъ акты собора, который ты созвалъ, по дѣлу епископа Григорія, и воспретилъ нунцію своему при императорѣ присутствовать при совершаемой тобою литургіи. Съ тѣхъ поръ какъ я призванъ управлять церковью (depuis que je suis appelé au gouvernement de l'église), я тебѣ то же самое передавалъ чрезъ моихъ нунціевъ, а теперь повторяю чрезъ дьякона Савиньяна .... не знаешь ли ты, что соборъ халкидонскій предложилъ эту почесть епископамъ римскимъ, называя ихъ вселенскими, но никто этимъ воспользоваться не пожелалъ, опасаясь тѣмъ лишить другихъ епископства .... Управленіе церкви и первенство даны св. Петру, и все таки его не называютъ вселенскимъ апостоломъ.“ (Пис. 30.)

Въ другихъ письмахъ онъ говоритъ: „Хотя и было много апостоловъ, но каѳедра князя апостоловъ взяла верхъ надъ всѣми въ отношеніи власти, ради первенства его.“ (Пис. 37 патріарху александрійскому.) „Я готовъ претерпѣть смерть скорѣе нежели допустить униженіе каѳедры св. Петра въ мое время.“ (Пис. 36 Савиньяну.) Въ 7омъ письмѣ восточнымъ митрополитамъ, собирающимся на соборъ, Григорій предостерегаетъ ихъ слѣдующимъ образомъ: „Убѣждаю васъ и совѣтую вамъ, что бы никто изъ васъ не согласился на титло вселенскаго. Мы освѣдомились, что вы созваны въ Константинополь; почему, дабы васъ не прельстили этимъ соборомъ, и хотя нельзя ничего сдѣлать законнаго мимо власти римской каѳедры, предупреждаю однако васъ и умоляю, что бы вы не уступали ни убѣжденіямъ, ни ласкамъ, ни угрозамъ, ни обѣщаніямъ, но имѣли бы въ виду страшный судъ, и противились бы съ пастырскою твердостію тому, который дерзнетъ разъединить церковь. Если же кто либо поступитъ въ чемъ нибудь противу сего письма, то будетъ отлученъ отъ церкви св. Петра.“ Это письмо писано въ 599 г. индикт. 2. Еще въ началѣ сношеній папы Григорія съ Іоанномъ постникомъ, видя уклоненіе сего послѣдняго дать отчетъ въ дѣйствіяхъ своихъ по дѣлу пресвитера Іоанна, римскій первосвятитель писалъ патрицію Нарсесу: „Да будетъ вамъ извѣстно, что я рѣшился преслѣдовать это дѣло всѣми моими силами, и если я увижу, что не сохранятъ правилъ предписанныхъ святою римскою каѳедрою, то Богъ внушитъ мнѣ какъ поступать съ тѣми, которые ею пренебрегаютъ.“ Такъ

и сбылось: пресвитеръ Іоаннъ былъ осужденъ за мнимую ересь въ соборѣ созванномъ патріархомъ Іоанномъ. Постановленія же этого собора были представлены на судъ Рима. Св. Григорій, находя пресвитера Іоанна правымъ, уничтожилъ приговоръ произнесенный судьями назначенными константинопольскимъ патріархомъ, и оправдалъ осужденнаго имъ пресвитера. — Это явствуетъ изъ писемъ писанныхъ св. Григоріемъ патріарху, императору и Ѳеоктисту, родственнику императора. При этомъ случаѣ Флёри, разсуждаетъ такъ:

„Достойны замѣчанія дѣйствія папы Григорія двоеслова въ отношеніи къ константинопольскому патріарху, въ то время, когда сей послѣдній величалъ себя вселенскимъ епископомъ, ибо тутъ видно, что патріархъ Іоаннъ все таки подчинялся волѣ римскаго первосвятителя когда послалъ къ нему особыхъ депутатовъ съ грамотами, и со всѣмъ производствомъ дѣла представляемаго имъ на судъ римской каѳедры, послѣ уже соборнаго постановленія.

И такъ, тотъ самый патріархъ, который безсмысленно присвоилъ себѣ титло вселенскаго, признавалъ владычество епископа римскаго, въ лицѣ св. Григорія, какъ преемника св. Петра. Изъ всего выше приведеннаго, явствуетъ, свѣтлѣе дня, что святый папа Григорій почиталъ себя законнымъ образомъ главою церкви въ качествѣ наслѣдника апостола Петра, и дѣйствовалъ сообразно съ этимъ убѣжденіемъ, что онъ отвергалъ для себя и для всѣхъ епископовъ суетное названіе вселенскаго, въ томъ мнѣніи, что это званіе обратило бы все христіан-

ство въ одну епархію подъ управленіемъ единаго епископа, и, независимо отъ того, мы должны сознаться, что эпитетъ вселенскаго, приклѣпный къ званію константинопольскаго патріарха во всякое время есть безсмыслица, а тогда былъ еще и новизною, которую глава церкви допустить не могъ. Авторъ римскихъ писемъ не постигаетъ еще, что можно быть главою церкви и не быть вселенскимъ епископомъ). Каждый епископъ пасетъ свое стадо, но каждый изъ нихъ имѣетъ одного и того же главу, епископа, занимающаго мѣсто апостола Петра, которому Спаситель сказалъ „утверди братью твою,“ — „паси агнцы и овцы моя“ — „дамъ тебѣ ключи царствія небеснаго.“

При этомъ случаѣ, не ожидая другихъ выходокъ автора противу папской власти, мы представимъ всѣ доводы, доказывающіе оспариваемое главенство. Сперва мы приведемъ тексты нашихъ церковныхъ книгъ, потомъ соборныя постановленія и тексты св. отцевъ. Послѣ таковыхъ авторитетовъ, мы позволимъ себѣ изложить наше мнѣніе, основанное на такихъ незыблемыхъ основаніяхъ.

(Извлеченіе изъ книги Минеи.)

16 Января въ день поклоненія св. веригамъ апостола Петра:

„Днесь намъ основаніе церкви Петръ, камень вѣры, предлагаетъ честныя свои вериги, радуйся вселенныя радованіе и небеснаго царствія ключарю Рима не оставль, къ намъ пришелъ еси, честными веригами, яже носилъ еси, апостоле верховный, истинно-верховный уче-

никовъ: основаніемъ вѣры всѣхъ душы вѣрныхъ наздалъ еси и храмы прелести Петре низложивъ, создавъ еси церкви, яко апостоловъ верховный камень Хрістосъ, камень вѣры прославляетъ свѣтло, учениковъ первопрестольника.

„Яко верховнаго мудрыхъ апостолъ и яко ключаря небеснаго царствія восхваляемъ вѣрою тя апостоле верховнаго и перваго апостоловъ Петра великаго восхвалимъ.

„Первосвятитель лика апостоловъ Петръ явился божественный верховникъ. Яко божественный ключарь царствія сего отверзи входы вѣрно чтущимъ тя на земли.“

На утрени 16 Января поется канонъ апостола его же краеграненіе: „Петра чествую основаніе догматъ.“

29 Іюля. „Петре апостоловъ основаніе каменю Хрістовы церкве христіанство начало, пасы овцы твоего двора славно, Петре верховный ученикъ.

„Хрістосъ тя перваго избравъ Петра, основаніе вѣры вѣнча тя изъ всѣхъ владыка тебѣ предрече. Священно проповѣдника моего сотвори тя тѣмъ же по достоянію воистинну показался еси камень вѣры и ключарь благодати, Петре апостоле.

„Тя предвѣчный проувидѣвъ, предустави всеблаженне Петре яко предстателя своей церкви и первопрестольника.

„На камени твоего богословія водрузи владыко Іисусъ церковь непреклонну въ ней же тя апостоле Петре славимъ.

„Яко пребольше ангелъ въ тѣлеси: во свѣтломъ бо пришествіи сего Христосъ Богъ, судію и сосѣдателя быти рече.

„Ты камень основанія вѣрнымъ думамъ положился еси многоцѣненъ, краеуголенъ Спаса Господа.

„Тогда убо лучшій апостоловъ Петре богословствуетъ отвѣча .... и каменя тебя непостыдна церкви водруженіе и основаніе положи.

„Рима свѣтлое одобреніе, всея вселенной писатель новаго завѣта богописанныя скрижали мысленныя яже въ Сіонѣ Христосъ возгласи тебѣ же и Римъ радуется, ликовствуя всечестный день сей совершавше Петре верховне славныхъ апостоловъ, каменю вѣры, св. церквей витія и свѣтильниче съ небесе.“

Изъ этого видно, что православная церковь признаетъ апостола Петра, истинно верховныхъ учениковъ, апостоломъ верховнымъ, божественнымъ ключаремъ царствія небеснаго, основаніемъ догматовъ.

Никогда католики болѣе этого не величали ап. Петра, и на такомъ основаніи приписываютъ ему первенство, которое оспариваетъ восточная церковь. Теперь увидимъ, какъ православная церковь чествуетъ нѣкоторыхъ папъ преемниковъ петровой каѳедры.

Кн. Мин. 30 Іюня: „Рима первый епископъ былъ еси.“ (Ап. Петру.)

Кн. Мин. 18 Февраля, папа римскій Левъ: „Что тя именуемъ богодуховенный! ....“

Главу ли православныя церкви Христовы?*)

---

*) Противъ автора римскихъ писемъ истолковать намъ зна-

что тя нынѣ пророку чудне, старѣйшину ли верховнаго собора честнаго, начальника ли и царя страстей тѣлесныхъ, душевное владычество направляющее свѣтило.

„Петра верховнаго престола наслѣдникъ былъ еси.*) Столпъ православія Хрістове церкве, всемудре Льве, ... еретиковъ безбожныя разрушаетъ полки и соборища царскимъ рыканіемъ разрушилъ нечестивыхъ умышленія.

„Утро отъ запада возсіялъ еси, преблаженне, свитокъ благочестивыхъ догматовъ. Яко лучи церкви богомудре преемникъ и сего начальствомъ обогатился; на престолѣ священства сѣдѣ, и Львовъ уста льстивыя до конца заградилъ еси еретичествующихъ, Льве богомудре, несторіево безуміе низложилъ еси, о паствѣ твоей**), владыку умоли.“

2 Января папа римскій Сильвестръ — „Отче богоносне Сильвестръ, столпъ явился еси огнемъ, священно предводя священный соборъ (никейскій), верховникъ явился еси священнаго собора священнотайниче и верховнаго учениковъ украсилъ еси престолъ.***)

„Яко божественный верховникъ священныхъ отцевъ, священническое ученіе утвердивъ, еретиковъ заградилъ еси безбожныя уста еллинскія мудрецы истиннѣ наказалъ еси.“

ченіе этихъ словъ, вѣдь вы увѣряете что, папа никогда главою церкви не былъ признаваемъ такъ, что же это значитъ.

*) Довольно ли ясно сказано?

**) Какая паства? не явно ли это вселенская.

***) Вотъ папа и начальствуетъ надъ соборами.

14 Марта Мартинъ папа римскій „украсивъ Петровъ божественный престолъ, на того камени церковь непоколебиму соблюдъ еси Мартине.

„Что тя нынѣ Мартине провѣщаемъ, верховника священныхъ повелѣній неложна и церковное утвердилъ еси ученіе.

„Посреди собора отверглъ еси Кира, Сергія и Ѳеодора (трехъ патріарховъ), отлучая Христовы святыя церкви.“ *)

25 Ноября Климентъ папа римскій. „Петра верховнаго ученикъ былъ, на камени того создалъ еси яко камень честный, тебѣ самого всехвальне.

„Церкви божественный пургове, благочестія божественный столпъ, Климентъ съ Петромъ всехвальный.

„Новый Петръ нѣкій былъ еси Климентъ мудре, церковное все вчиняеши исполненіе; яко іерархъ честенъ, вязати и рѣшити прегрѣшенія власть пріемый отъ спаса Христа.“

30 Января папа Ипполитъ: „Ты за стадо словесное отъ Христа врученное, сего подражая агнцы словесныя упаслъ еси.

„Каменіе убо златозарное и лѣпотное Ипполите, зарю твоего священно-начальства украсилъ страданіе.

„Мученическимъ вѣнцомъ блистая церкви твоея Христе іерархъ возсія.“

---

*) Какъ же папа не начальникъ самыхъ патріарховъ, когда онъ ихъ своею властью отрѣшаетъ, и за это его прославляетъ восточная церковь.

Изъ пролога 8 Апрѣля: „Келестинъ же (папа) апостольскихъ преданій вся и глоголя и творя низложи злочестиваго Несторія (патріарха константинопольскаго) эпистоліями богомерзскіе хулы изобличивъ, иже блаженнаго Кириллу способника на изверженіе его имѣя.“

Этими выше приведенными цитатами, которыя каждый читатель можетъ легко повѣрить, уничтожаются всѣ доводы такъ тщательно и искусно собранные авторомъ правды вселенской церкви и римскихъ писемъ, что бы оспорить первенство апостола Петра надъ прочими учениками и главенство его престола надъ всѣми прочими. Довольно: папа Левъ провозглашается главою православной церкви. Слѣдовательно, и преемники его пользуются тою же властью. А такъ какъ подвластный не можетъ законно свергнуть начальника, что для узаконенія такого низверженія никогда не было собрано собора, слѣдовательно по смыслу нашихъ церковныхъ книгъ нынѣшній папа Пій IX есть глава православной церкви, а тѣ которые не признаютъ его таковымъ, тѣ не принадлежатъ стаду Христову, врученному Петру.

Но этихъ доводовъ еще мало, мы представимъ гораздо сильнѣйшія доказательства.

Во времена иконоборцевъ, когда церковь восточная была обуреваема раздорами, одинъ изъ нашихъ благочестивѣйшихъ отцовъ церкви, украсившій божественное служеніе краснорѣчивыми вдохновеніями своими, Ѳеодоръ студитъ писалъ папѣ Льву III въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„О ты глава пастырей церкви, помози намъ въ крайней опасности намъ угрожающей, заступи мѣсто Іисуса Христа, простри намъ руку помощи и защити нашу византійскую церковь. Покажи себя преемникомъ перваго папы твоего имени; онъ сокрушилъ ересь Евтихія, и ты, такожде, поступи противу иконоборцевъ. Услыши вопль нашъ, ты глава и князь апостольскаго собора, поставленный самимъ Богомъ пастыремъ всего словеснаго стада. Ты бо еси воистинну Петръ, ибо на каѳедрѣ его ты возсѣдаешь и престолъ этотъ ты украшаешъ. Ты тотъ самый, которому Іисусъ Христосъ рѣкъ: утверди и братію твою. Смотри вотъ время и мѣсто явить власть, данную тебѣ Богомъ. Да познаетъ вся земля, что ты анаѳемствовалъ тѣхъ, которые наложили анаѳему на отцовъ нашихъ. Ты сотворишъ дѣло угодное Богу, ты поддержишь слабыхъ, подкрѣпишь сильныхъ, возстановишь падшихъ, ты исполнишь радостію всю церковь, ты пріобрѣтешь безсмертную славу какъ предшественники твои, которые движимые св. духомъ, учинили въ подобныхъ случаяхъ то, о чемъ мы тебя умоляемъ.“ (Пис. 14.) Это письмо подписано еще четырьмя настоятелями, изъ коихъ, старшій Іоаннъ Катарракій.

Передъ тѣмъ Ѳедоръ студитъ писалъ письма тому же папѣ и начинаетъ такъ: „Такъ какъ Іисусъ Христосъ даровалъ св. Петру почесть быть главою всѣхъ пастырей, такъ по ученію отцевъ нашихъ подобаетъ приносить жалобу св. Петру или преемнику его на всѣ новыя ереси, возникающія въ церкви, то ....“ въ концѣ этого письма

онъ пишетъ: „хотя это письмо писано мною однимъ, потому что Платонъ въ заточеніи, а архіепископъ ѳессалоникійскій въ отсутствіи, но и они моими устрами тебя умоляютъ и мы вмѣстѣ припадаемъ къ стопамъ твоего святѣйшества.“ Когда папа Паскалій не принялъ посланныхъ къ нему апокризаріевъ патріархомъ константинопольскимъ Ѳеодономъ, то Ѳедоръ студитъ благодарилъ его за эту твердость, письмомъ, въ которомъ онъ ему пишетъ: „ты еси съ самого начала, чистый источникъ православной вѣры: ты надежная пристань всей церкви противъ бурь еретиковъ, и градъ спасенія, избранный Богомъ для спасенія.“

Кажется эти три письма св. Ѳедора студита, столь почитаемаго отца восточной церкви, котораго имя память и пѣснословіе уважаются на всемъ востокѣ, достаточны, что бы показать въ какихъ отношеніяхъ находилась церковь восточная къ Риму; но, не довольствуясь этими неопровергаемыми доказательствами мы пройдемъ всѣ десять первые вѣковъ, извлекая изъ фактовъ каждаго вѣка новыя подкрѣпленія къ нашимъ доводамъ. Для того, мы прибѣгнемъ къ исторіи Флёри, которая тѣмъ менѣе подозрительна, что не принята съ полнымъ одобреніемъ въ Римѣ, потому что Флёри писатель слишкомъ независимый. Мы тѣмъ болѣе почитаемъ себя въ правѣ ссылаться на такой авторитетъ, что на всѣ повѣствуемые факты и повѣствуемые тексты, есть указаніе источниковъ. Слѣдовательно, легко можно справиться и удостовѣриться въ истинѣ.

Во II. вѣкѣ.

Во II. вѣкѣ Ириней, родомъ изъ грековъ, кончившій жизнь мученическою смертію, писалъ, противъ еретиковъ, указывая на римскую каѳедру. „Ad hanc Ecclesiam, propter potentiorem principalitatem, necesse est omnem convenire Ecclesiam et eos qui sunt undique fideles," т. е.: „къ этой церкви, ради ея верховнаго владычества, должна притекать вся церковь, и всѣ вѣрные гдѣ бы они не находились."

Въ своей книгѣ противъ епископовъ Ириней исчисляетъ всѣхъ римскихъ епископовъ, начиная съ ап. Петра, что бы доказать какъ преданіе сохраняется съ этою первопрестольною каѳедрою; потомъ онъ говоритъ, что въ молодости зналъ св. Поликарпа, который бѣсѣдовалъ съ апостолами, и что онъ Иреней преподаетъ имъ ихъ ученіе, какъ бы слышанное изъ устъ ихъ. (Св. Иреней кн. III, гл. 3.)

Въ III. вѣкѣ.

Далѣе приведемъ то, что пишетъ св. Кипріанъ, епископъ карѳагенскій, о единствѣ церкви. Замѣтимъ, что тогда константинопольская патріаршеская каѳедра еще не существовала, и, такъ какъ церковь Хрістова, на западѣ и востокѣ, составляя единое тѣло, то авторитетъ этого отца церкви долженъ быть принятъ какъ свидѣтельство тогдашняго вѣрованія, т. е. въ 252 году отъ рождества Хрістова. Замѣтимъ, что Кипріанъ кончилъ жизнь мученическою смертію.

„Ереси возникаютъ наипаче отъ того, что еретики не восходятъ къ источнику истины; что не ищутъ главы, и не сохраняютъ ученія небеснаго учителя. Господь сказалъ Петру: говорю тебѣ, что ты еси Петръ (т. е. камень), и на семъ каменѣ созижду церковь мою, и проч.

„Онъ основалъ свою церковь на одномъ, и хотя послѣ воскресенія своего онъ всѣмъ апостоламъ своимъ даровалъ равную власть, но, что бы показать единство, онъ однако основалъ одну верховную каѳедру, и тѣмъ положилъ начало единства, для того, что бы оно проистекало отъ одного. Безъ сомнѣнія, прочіе апостолы были тоже, что и былъ Петръ; они участвуютъ въ тѣхъ же почестяхъ и правахъ, но начало происходитъ отъ единства. Первенство дано Петру, что бы показать, что есть только единая церковь Христова и единая каѳедра; всѣ они пастыри; но видно только одно стадо, которое должно быть пасомо всѣми апостолами общимъ соглашеніемъ .... Тотъ кто отстанетъ отъ церкви Христовой, не получитъ никогда наградъ Іисусовыхъ. Не можетъ имѣть отцомъ Бога тотъ, кому церковь не мать; единъ Богъ, единъ Христосъ, едина церковь; единство не можетъ быть разъединено, и тѣло не существуетъ когда оно растерзано на части. Кто отдѣляется отъ кореннаго основанія (каѳедры св. Петра), тотъ не можетъ болѣе имѣть жизни. Расколъ есть величайшее преступленіе, которое самою смертію не можетъ быть изглажено; бываютъ мученики, но безъ вѣнца.“

(Lib. de Unitate: supp. Lib. VI, No. 46.)

Извѣстно, что всѣ догматы христіанства не получили полнаго развитія съ самаго начала основанія христіанства. Единосущность Сына съ Отцомъ, божественность Св. Духа были опредѣлены точнымъ образомъ только на первомъ и второмъ вселенскихъ соборахъ; то же можно сказать о главенствѣ епископа римскаго, котораго необходимость въ первыя времена не была такъ ощущаема, но не менѣе замѣчательно мнѣніе святыхъ отцевъ въ III. вѣкѣ о каѳедрѣ Петра, и, о единствѣ церковномъ, по ихъ мнѣнію невозможнымъ, безъ тѣснаго соединенія съ Римомъ. Вотъ еще нѣкоторые отрывки изъ 59 и 55 письма того же святаго Кипріана папѣ св. Корнилію.

Ереси и расколы происходятъ только отъ неповиновенія божьему іерарху (Sacerdoti Dei), и отъ того, что они не помышляютъ о томъ, что въ церкви, есть только одинъ епископъ и одинъ временный судья, который есть намѣстникъ Христовъ.“ Потомъ онъ жалуется ему на раскольниковъ, которые „дерзнули отправиться за море, утруждать каѳедру св. Петра и верховную церковь письмами своихъ единомышленниковъ, не помышляя, что тамъ источникъ священническаго единства, и что тѣ, къ которымъ они прибѣгаютъ суть тѣ же римляне, столь громко прославленные ап. Павломъ за ихъ вѣру.“

И такъ, въ III. вѣкѣ уже признавали епископа римскаго, намѣстникомъ Христовымъ, въ отношеніи управленія церкви вселенской.

Въ IV. вѣкѣ.

Нѣкоторые богословы восточной церкви, которые опровергаютъ главенство римскаго епископа утверждаютъ, что на первомъ никейскомъ вселенскомъ соборѣ, почитающимся самымъ важнымъ, не присутствовало легатовъ отъ Рима. Мы уже видѣли, что церковь наша православная величаетъ папу того времени Сильвестра, верховникомъ священнаго собора, священно предводя священный соборъ; но изслѣдуемъ это обстоятельство исторически. Вотъ, что пишетъ Флёри, къ свидѣтельству котораго прибѣгаютъ и самые закоренѣлые противники римскаго владычества.

„Le pape St.-Sylvestre, ne pouvant assister au concile à cause de son grand âge, y envoya deux prêtres Vitus et Vincent avec ordre de consentir à tout ce qui s'y ferait. (Theod. II hist. c. 8.) On croît généralement qu'Osius, évêque de Cordove était chargé de représenter le pape en ce concile. Il paraît certain qu'il y a présidé, car son nom se trouve à la tête de toutes les souscriptions. Saint-Athanase dit qu'il a gouverné tous les conciles, et il est certain qu'il présidait au concile de Sardique 22 ans après (apol. p. 703. d.) Or, on ne voit pas comment un simple évêque de Cordove aurait présidé de son chef tous les évêques du monde, même ceux d'Alexandrie et d'Antioche, présents en personne. Gélase de Cysique dit expressément qu'Osius tenait la place de Sylvestre (Gelas. T. II, ch. 5), évêque de la Grande Rome, avec les prêtres Vitus et Vincent, et il ne doit pas être suspect en ce point, étant Grec, et écrivant sur les actes

et les mémoires des Grecs. Enfin, la pratique suivante y est conforme dans les conciles œcuméniques dont nous avons les actes. Nous voyons les légats du pape à la tête, et c'est d'ordinaire un évêque avec deux prêtres."

(Hist. Eccles. Liv. XI, ch. V.)

Далѣе говоритъ тотъ же Флёри:

„Par le VIe canon du Concile de Nicée, le pouvoir qui est attribué au pape, selon Rufin, qui vivait dans le VIème siècle du concile de Nicée (Plut. lib. I, c. 6), s'étend aux églises suburbicaires, qui signifie quelque étendue des provinces soumises à Rome d'une manière particulière; mais quoique signifie ce mot obscur, il ne regarde l'évêque de Rome que comme patriarche en Occident, sans préjudice de sa qualité de chef de l'église universelle, *si bien établie dans les Siècles précédents.* (Ibid.)

Авторъ вселенской правды и римскихъ писемъ, старается доказать, что Василій великій, архіепископъ Кесаріи каппадокійской, возставалъ противъ владычества папы. Мы возстановимъ истину, и для того выписываемъ изъ Флёри: „Въ эти смутныя времена аріанства, этотъ великій святитель писалъ св. Аѳанасію, который искалъ убѣжища въ Римѣ: мы нашли приличнымъ написать римскому епископу, что бы онъ вникнулъ въ то, что здѣсь происходитъ, и сообщилъ бы свое мнѣніе, онъ долженъ употребить власть свою въ этомъ дѣлѣ, и избрать людей, которые могли бы говорить съ кротостью и твердостью тѣмъ изъ насъ, которые не идутъ прямымъ пу-

темъ. Они должны принесть съ собою акты римінійскаго собора, и уничтожить все, что сдѣлано насиліемъ."

Василій великій потомъ писалъ къ папѣ Дамасу, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „почти весь востокъ обуреваемъ раздорами."

„Всѣ защитники правды прогнаны изъ церквей, которыя предоставлены аріанамъ. Мы ожидали помощи только отъ твоего милосердія, но, лишенные этой надежды, мы не можемъ не написать къ тебѣ, что бы побудить тебя имѣть попеченіе о насъ, и прислать къ намъ такихъ людей, которые могли бы примирить враждующихъ, дабы ты могъ узнать тѣхъ, съ которыми ты долженъ оставаться въ общеніи. Помощь, о которой мы просимъ, не безъ примѣра. Мы убѣждаемся по преданію, и по письмамъ, которыя мы еще хранимъ, что блаженный Діонисій, твой предшественникъ, посѣтилъ нашу церковь кесарійскую, утѣшилъ отцевъ нашихъ, и освободилъ нашихъ братьевъ изъ плѣну."

Св. отецъ видѣлъ съ прискорбіемъ, что папа Дамасъ, по внушеніямъ постороннимъ не былъ расположенъ къ св. Мелетію и св. Евсевію самозатскому, которыхъ почиталъ прикосновенными къ аріанской ереси. Вотъ какъ онъ излилъ свое неудовольствіе въ письмахъ къ Петру александрійскому и къ св. Евсевію, бывшему въ ссылкѣ, и находящемуся тогда въ Римѣ. „Братъ нашъ Дороѳей, по возвращеніи своемъ, сообщилъ мнѣ о своихъ личныхъ бесѣдахъ съ папою Дамасомъ, и онъ меня очень огорчилъ, разсказывая, что наши св. братья, Мелетій и Евсевій, почитаются въ числѣ аріанцевъ."

А Евсевію самозатскому онъ писалъ: „Я готовъ написать Дамасу, но слово Діомидія приходитъ мнѣ на память: тебѣ не слѣдуетъ просить Ахиллу, онъ слишкомъ гордъ. Въ самомъ дѣлѣ, гордые когда имъ льстятъ, становятся еще болѣе дерзкими. Если Господь отвратитъ свой гнѣвъ отъ насъ, какого намъ еще искать другаго заступленія? Если гнѣвъ его продлится, какую помощь можемъ ожидать отъ роскошнаго запада? Они предубѣждены ложными подозрѣніями .... что до меня относится я хотѣлъ бы написать ихъ первосвященнику, общимъ письмомъ, не касаясь до дѣлъ церкви, что бы только пояснить имъ, что правда до нихъ не доходитъ, и что они не такъ дѣйствуютъ, что бы могли узнать оную; что не надобно оскорблять тѣхъ, которые уже подвержены искушенію, ни величаться гордостью, которая есть тяжкій грѣхъ, ибо достаточно этого одного грѣха что бы сдѣлаться врагами Бога.“ (Epist. 10, pag. 794.) Но замѣчаетъ Флёри, неудовольствіе Василія великаго относится только къ лицу св. Дамаса, котораго онъ зналъ изъ далека; что же касается до власти принадлежащей римской каѳедрѣ, и о необходимости прибѣгать къ ней, онъ это достаточно свидѣтельствуетъ въ письмахъ своихъ къ св. Аѳанасію и къ западнымъ епископамъ (Флёри томъ XVII, гл. 17). А въ собранномъ въ 378 году соборѣ въ Римѣ по случаю раскола Уреина, власть папы требовать всѣхъ епископовъ запада и востока на свой судъ, торжественно признана: каковое постановленіе утверждено было императоромъ Граціаномъ.

Къ IV. вѣку принадлежитъ такъ же второй вселенскій соборъ, въ которомъ, вторымъ правиломъ признано первенство каѳедры римской надъ всѣми восточными.

Въ V. вѣкѣ.

Въ самомъ началѣ этого вѣка мы видимъ, что знаменитое свѣтило восточной церкви Іоаннъ Златоустъ, сверженный неправильно съ патріархальной константинопольской каѳедры, прибѣгаетъ къ заступленію папы Иннокентія. И хотя авторъ правды вселенской церкви утверждаетъ будто Златоустъ просилъ заступленія не одного папы, а всѣхъ епископовъ запада, но это опровергается тѣмъ, что письмо было адресовано одному папѣ, и что папа сей часъ по полученіи онаго, началъ дѣйствовать въ пользу Златоуста. Вотъ какъ это происходило.

Происками александрійскаго патріарха Ѳеофила, въ созванномъ симъ послѣднимъ соборѣ, Іоаннъ Златоустъ былъ неправильно осужденъ, потомъ силою изгнанъ изъ церкви, и сосланъ въ ссылку; что бы дать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, Ѳеофилъ писалъ съ нарочнымъ посланнымъ къ папѣ Иннокентію, извѣщая его о низложеніи Златоуста. Папа изумился надмѣнности Ѳеофила, который писалъ ему отъ своего одного лица, не изъясняя причинъ низложенія, ни съ кѣмъ, онъ это учинилъ; онъ остался въ сомнѣніи, и не отвѣчалъ, не видя въ этомъ дѣлѣ ничего основательнаго. Тогда, находящійся въ Римѣ, по духовнымъ дѣламъ, діаконъ константинопольской церкви, Евсевій, явился къ папѣ, и подалъ ему прошеніе, которымъ убѣждалъ его нѣсколько повременить, увѣряя,

что всѣ козни скоро обнаружатся. И точно, три дня спустя, четыре епископа, изъ приверженцевъ Златоуста, явились въ Римъ съ тремя письмами къ папѣ; одно отъ самого Іоанна, другое отъ сорока епископовъ, оставшихся ему вѣрными, и третее отъ клира его. Всѣ три письма были одинакаго содержанія, и изъясняли случившіеся безпорядки. Письмо свое папѣ, Іоаннъ Златоустъ оканчиваетъ слѣдующими словами (Epist. 20): „Прошу тебя прислать эпистоліи, которыми ты объявишь ничтожнымъ все, что противу меня сдѣлано, и которыми ты признаешь меня, по прежнему, въ общеніи съ тобою, ибо я осужденъ безъ допроса, и я не уклоняюсь представить оправданіе мое предъ безпристаннымъ твоимъ судилищемъ.“ Папа на эти три письма отвѣчалъ, что онъ опровергаетъ мнимый приговоръ Ѳеофила, и что нужно созвать другой соборъ, менѣе подозрительный, составленный изъ западныхъ и восточныхъ лицъ, исключая изъ числа судей, сперва друзей, потомъ враговъ. Какъ между тѣмъ дѣло не подвигалось, епископъ Димитрій, проѣхавъ по всему востоку, показывая письма папы Инокентія, явился опять въ Римъ съ письмами нѣсколькихъ епископовъ, объявляющихъ, что они держатъ сторону Златоуста. Потомъ прибылъ еще въ Римъ пресвитеръ Дометій, казначей церкви константинопольской, и другой пресвитеръ изъ Низибіи, именемъ Воллагасъ, которые привезли много документовъ, свидѣтельствующихъ о гоненіяхъ и неистовствахъ, которымъ подвергнулись въ Константинополѣ множество знатныхъ особъ и святыхъ женъ, за приверженность ихъ къ святому мужу. Папа, тронутый

этими описаніями писалъ къ императору Гонорію, прося его, что бы онъ оказалъ законную защиту угнетеннымъ. Златоустъ, узнавъ въ ссылкѣ своей о томъ, что происходило на западѣ, и сколько папа и прочіе епископы принимали участія въ его положеніи, написалъ къ нимъ, для изъявленія своей признательности. Папѣ онъ пишетъ, что онъ уже третій годъ въ изгнаніи, (Ер. 125) и оправдываетъ предъ нимъ свое продолжительное молчаніе, затрудненіемъ вести переписку. Это письмо посылаетъ онъ съ пресвитеромъ Іоанномъ и діакономъ Павломъ, и оканчиваетъ тѣмъ, что проситъ продолжать защищать его, не смотря на неуспѣхъ. Между тѣмъ св. Іоаннъ Златоустъ кончилъ жизнь въ изгнаніи.

Изъ этого изложенія дѣла явствуетъ, что Іоаннъ Златоустъ прибѣгалъ къ римскому первосвятителю, какъ къ предсѣдательствующему лицу по духовнымъ дѣламъ, имѣющему право уничтожить соборный приговоръ. А гоненіе, которое этотъ святый мужъ претерпѣлъ отъ своихъ собратій восточныхъ епископовъ, обнаруживаетъ достаточно, духъ зависти, злобы, ненависти и безпокойства, который всегда обладалъ восточнымъ духовенствомъ и былъ причиною всѣхъ междоусобныхъ раздоровъ, а наконецъ и разъединенія востока съ западомъ.

Къ пятому вѣку принадлежитъ и ефесскій соборъ. Мы уже въ приложеніи No. 2. имѣли случай доказать автору римскихъ писемъ, что папа Келестинъ имѣлъ первенствующее вліяніе на постановленія сего собора, и что св. Кирилла былъ только орудіемъ его или способникомъ, по выраженію пролога. Но такое неоспоримое

главенство или первенство (что по нашему мнѣнію одно и тоже, ибо первый не есть равный), такое первенство, говорю я, подкрѣпляется самыми словами легатовъ папскихъ, которые были произнесены въ присутствіи всего собора, и не встрѣтили малѣйшаго противорѣчія. На примѣръ, одинъ изъ легатовъ, пресвитеръ Филиппъ, утвердилъ приговоръ собора, начавъ свою рѣчь слѣдующимъ образомъ. „Никто не сомнѣвается, что св. Петръ, глава апостоловъ, получилъ отъ Господа нашего Іисуса Христа, ключи царствія, и власть вязать и рѣшать грѣхи, и что по сіе время онъ произноситъ этотъ приговоръ въ лицѣ своихъ преемниковъ. Нашъ святый папа Келестинъ, который нынѣ занимаетъ его мѣсто, прислалъ насъ на соборъ, что бы замѣнить его въ отсутствіи его.“ Второй легатъ, епископъ Аркадій, подалъ мнѣніе, и заключилъ такъ: „По преданію апостоловъ и церкви католической, и въ слѣдствіе предписанія святѣйшаго папы Келестина, прислвшаго насъ исполнить постановленія сего св. собора объявлемъ и проч., третій легатъ еп. Проектъ заключилъ свое мнѣніе слѣдующими словами: И я такъ же, въ силу власти данной посольству апостольской каѳедры, бывъ съ братьями моими исполнителемъ приговора, объявляю Несторія,“ и проч.

Можно ли допустить, что бы три западные беззащитные легаты, осмѣлились превозгласить такъ ясно преимущество римскаго епископа предъ всѣмъ соборомъ, и въ столь торжественномъ дѣлѣ, если бы эти права не были тогда издавна признаваемы. Какимъ образомъ, изъ толикаго множества епископовъ, съѣхавшихся на этомъ соборѣ,

не нашлось ни одного, который возразилъ бы противъ такихъ притязаній римскаго владыки, если бы онѣ небыли законныя. Это молчаніе есть самое неоспоримое свидѣтельство, что мнѣніе о главенствѣ римскаго первосвятителя преобладало на всемъ востокѣ въ V. вѣкѣ. — Въ соборномъ письмѣ, которымъ отцы ефесскаго собора извѣщаютъ о своихъ дѣйствіяхъ, они прописываютъ весь ходъ дѣла, и между прочимъ прибавляютъ: „мы также приказали, что бы судъ произнесенный твоимъ святѣйшествомъ противъ еретиковъ (слѣдуютъ имена ихъ) и всѣхъ сообщниковъ ихъ, остался во всей своей силѣ. Но, что бы ты имѣлъ обо всемъ вѣрнѣйшее свѣденіе препровождаемъ къ тебѣ всѣ акты и подписи сего собора.“ (Conc. Ephes. p. 660). Это происходило въ 431 году отъ рожд. Христова.

Въ бывшемъ, въ 452 году, соборѣ халкидонскомъ, отцы этого собора писали то же къ папѣ Льву соборное посланіе, въ которомъ величаютъ его: толкователемъ Петра, начальникомъ и наставникомъ ихъ (P. 828) и просятъ папу принять названіе всемірнаго или вселенскаго епископа, (Lib. IV. Epist. 35, Epist. 30) въ чемъ, впрочемъ было имъ отказано.

И такъ въ V. вѣкѣ, нѣтъ болѣе сомнѣнія, что папа былъ признаваемъ восточною церковью наслѣдникомъ каѳедры св. Петра, и главою всей церкви.

Въ VI. вѣкѣ.

Въ 518 году, всѣ игумены монастырей Сиріи, гонимые неправильно поставленнымъ антіохійскимъ па-

тріархомъ Севериемъ, прибѣгнули къ заступленію папы Гормидаса. (Conc. T. IV, p. 1461).

Въ прошеніи своемъ, они между прочимъ, говорятъ: „и такъ мы тебя умоляемъ пресвятый отче, сострадать о ранахъ причиненныхъ тѣлу хрістовой церкви, которой ты еси глава, и отомстить за презрѣніе вѣры, и соборныхъ постановленій и правилъ, ты, которому дана власть вязать и разрѣшать.

Вообще начало VI. вѣка ознаменовано сильными междоусобными раздорами въ восточной церкви, и на каждомъ шагу видно какъ востокъ нуждался въ заступленіи и покровительствѣ римской каѳедры, которой предстояло примирять враждующихъ, и судить безконечныя распри. Въ то самое время, поставленъ на каѳедру константинопольскую, патріархъ Іоаннъ, который постною своею жизнію заслужилъ названіе постника. Но духъ превозношенія увлекъ его, присвоить себѣ титло, вселенскаго патріарха. Хотя авторъ римскихъ писемъ утверждаетъ что св. папа Григорій великій, который возставалъ противъ такихъ надменныхъ притязаній, не почиталъ себя главою церкви, но мы видѣли противное, и изложили выше все, что до этого предмета относится. Упоминаемъ здѣсь о томъ только потому, что эти событія относятся къ VIму вѣку. Пятый вселенскій соборъ въ Константинополѣ, созванный въ 553 году, признанъ вселенскимъ потому только, что былъ утвержденъ папою Вигиліемъ послѣ многихъ колебаній.

Въ VII. вѣкѣ.

Папѣ Григорію великому наслѣдовалъ по Сабиніанѣ, Бонифатій III., который по вступленіи на римскую каѳедру, получилъ отъ Императора Фоки удостовѣреніе, что первенство римскаго престола будетъ имъ защищаемо отъ притязаній константинопольскаго патріарха. (Apost. Paul. Div. IV, Hist. c. 31.)

Въ началѣ VII. вѣка появилась ересь моноѳелитовъ, которую распространялъ константинопольскій патріархъ Сергій, и первое его дѣйствіе было искать одобренія папы Гонорія, для чего онъ ему написалъ пространное письмо. (Cons. 6 Act. 12 P. 617 E.)

Это доказываетъ, что папа почитался тогда верховнымъ посредникомъ и судьею во всѣхъ дѣлахъ духовныхъ. Киръ, патріархъ антіохійскій, поддерживая ученіе Сергія, писалъ тоже этому папѣ. Св. Софроній, патріархъ іерусалимскій, который возставалъ противу этихъ двухъ еретиковъ, опасаясь, что бы они лукавыми увертками не склонили папу на ихъ сторону, призвалъ епископа Стефана, и сказалъ ему: мнѣ не возможно отлучиться по причинѣ нашествія Саррациновъ. Поспѣши съ этого края земли къ апостольскому престолу гдѣ основаніе истиннаго ученія, объясни святымъ мужамъ тамъ находящимся все, что здѣсь происходитъ, не переставай просить и убѣждать ихъ, что бы они осудили канонически это новое ученіе. А въ 640 году, мы видимъ что папа Іоаннъ уже осудилъ ересь моноѳелитовъ, защищаемую императоромъ Ираклiемъ. Потомъ какъ раздоры стали опять

возрастать, три патріарха Сергій, Пирръ и Киръ сдѣлались поборниками ереси. Созванъ былъ соборъ, и мы изъ книги минеи (14. марта) видѣли, какъ папа Мартинъ прославляемъ православною церковью, за то, что посреди собора отвергъ Кира, Сергія и Пирра, отлучая ихъ отъ св. церкви.

Въ VIII. вѣкѣ.

Въ этомъ вѣкѣ появились иконоборцы, мы видѣли въ приложеніи No. 2., какъ патріархи Павелъ и Тарасій приводимы были въ отчаяніе отъ безпрестанной анаѳемы налагаемой Римомъ на константинопольскую церковь за содѣйствіе иконоборцамъ. Мы такъ же привели письма Ѳедора Студита папѣ. Болѣе этихъ свидѣтельствъ не нужно, чтобы доказать, что въ VII. вѣкѣ, папа почитался главою церкви отцами, которые составляли украшеніе восточной церкви.

Въ IX. вѣкѣ.

Здѣсь возникаетъ первый важный раздоръ между церквами, чрезъ неправильное низложеніе патріарха Игнатія, и возведеніе въ шесть дней на константинопольскую каѳедру, міряніна Фотія. О качествѣ этого Фотія мы коснулись уже въ приложеніи No. 2. Скажемъ только, что когда онъ не могъ склонить папу Николая признать его поставленіе при законномъ патріархѣ, онъ тогда только рѣшился отлучить папу отъ церкви; но потомъ былъ изгнанъ императоромъ Василіемъ македонскимъ, который впрочемъ опять его, по смерти Игнатія, возстановилъ; но наслѣд-

никъ Василія, опять его свергнулъ. Между тѣмъ зародышь несогласій остался, и послѣ того сталъ увеличиваться. Замѣтимъ, что во время царствованія Василія македонскаго, въ Россію въ первый разъ проникли первые лучи хрістіанской вѣры, слѣдовательно, хотя въ Россію введенъ восточный обрядъ богослуженія, однако окончательнаго разединенія еще тогда не послѣдовало, что доказывается и тѣмъ, что спустя 180 лѣтъ, въ X. вѣкѣ существовала должная подчиненность востока къ Риму. Въ XI. вѣкѣ, Петръ патріархъ антіохійскій, писалъ въ 1053 году папѣ Льву IX. что онъ признаетъ первенство каѳедры римской. Въ отвѣтъ, папа утверждаетъ его въ этомъ званіи, лишь бы возведеніе его было каноническое. (Petri Epist. ad Dom. Leo. Epist. 5.)

Видно и изъ самого возстанія Керулярія противу власти папской, что онъ тѣмъ наиболѣе раздраженъ былъ, что легаты папы отлучили его отъ церкви. Эти легаты нашли безопасное убѣжище въ Россіи, чѣмъ доказывается, что Россія въ возстаніи Керулярія не участвовала. Но, что бы узнать какой былъ человѣкъ Михаилъ Керулярій, патріархъ константинопольской, достаточно прочитать исторію этой эпохи даже въ самомъ пристрастномъ историкѣ; отъ дурнаго дерева можетъ ли быть хорошій плодъ?

И такъ съ самого учрежденія, и послѣ разпространенія хрістіанства мы видимъ, что епископъ римскій всегда почитался дѣйствительнымъ преемникомъ апостола Петра, которому переходили всѣ права дарованныя Спасителемъ этому верховному апостолу, какъ главѣ церкви

Хрістовой. Слѣдовательно, причина разъединенія было властолюбіе и надменность константинопольскихъ патріарховъ, искавшихъ только предлога къ разрыву. А что бы этому предлогу придать нѣкоторый видъ законности, они стали упрекать латинскую церковь въ произвольномъ яко бы включеніи въ символъ вѣры слова Filioque, означающаго исхожденіе Св. Духа отъ Сына. Такъ какъ эти два главные вопроса служили тогда, и нынѣ служатъ еще предлогомъ, къ разъединенію а именно, главенство папы и исхожденіе Св. Духа отъ Сына, то, разсмотрѣвъ уже суетность перваго предлога, приступимъ теперь къ разбору и другаго упрека, что бы въ одномъ мѣстѣ высказать всё, что относится до предлоговъ разъединенія.

Когда возникла ересь константинопольскаго патріарха Македонія, отвергающаго божественность Св. Духа, тогда исхожденіе Св. Духа отъ Сына, не подлежало сомнѣнію, ибо тогда только, что былъ утвержденъ соборомъ никейскимъ догматъ, что Спаситель есть единосущный отцу, слѣдовательно (до того времени) не могло существовать другаго вѣрованія какъ въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына, на основаніи сихъ словъ, евангелиста Іоанна: „Вся тѣмъ быша и безъ него ни что же бысть еже бысть.“*) Но, такъ какъ Македоній, желалъ подъ другимъ видомъ возобновить аріанскую ересь, то онъ сталъ опровергать божественность Св. Духа: почему, отцы вселенскаго со-

*) Прекрытнымъ толкованіемъ этого текста, Македоній утверждалъ, что Св. Духъ есть созданіе слова, т. е. Сына Божія.

бора разсудили приложить къ символу вѣры, о Св. Духѣ слова: иже отъ отца исходитъ. Но этимъ приложеніемъ они никакъ не думали отвергнуть исхожденіе и отъ Сына признаваемое прежде, и не оспориваемое, покуда незаконный патріархъ Фотій вздумалъ первый упрекнуть латинскую церковь въ произвольномъ яко бы присоединеніи слова Filioque къ символу; этотъ вопросъ былъ прежде сего нѣсколько разъ разсматриваемъ на частныхъ соборахъ бывшихъ на западѣ, гдѣ постановлено было всякій разъ, что догматъ этотъ согласенъ съ преданіями и св. писаніемъ. Замѣчателенъ трактатъ писанный по этому предмету Ратрамомъ въ 868 году.

Писаніе Ратрама раздѣлено на четыре части, изъ коихъ три посвящены догмату исхожденія Св. Духа, а 4ая разбору всѣхъ преній о семъ предметѣ. Онъ начинаетъ съ того, что жалуется на притязанія императоровъ, которые вмѣшиваются въ дѣла духовныя, и вмѣсто того, что бы принимать ученіе церкви, хотятъ ей свое навязывать. Церковь римская, говоритъ онъ, не преподаетъ и не вводитъ никакого новаго ученія. Приступая къ дѣлу, онъ доказываетъ св. писаніемъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Сына такъ же какъ и отъ Отца. Іисусъ Христосъ сказалъ ученикамъ своимъ: „Егда же пріидетъ утѣшитель, его же азъ послю вамъ отъ Отца, духъ истины, иже отъ отца исходитъ, той свидѣтельствуетъ о мнѣ.“

Вы настаиваете на этихъ словахъ говоритъ онъ, иже отъ Отца исходитъ, и вы не хотите понять сихъ словъ: его же азъ послю вамъ отъ Отца. Изъясните же какимъ образомъ Св. Духъ посылается Сыномъ.

Если вы не признаете, что это посланіе есть исхожденіе, то вы должны сказать, что оно есть подчиненность, и тогда, вы, подобно Арію, поставите Св. Духъ ниже Сына. Хрістосъ, говоря, что онъ посылаетъ Св. Духъ, вмѣстѣ съ тѣмъ подразумѣваетъ, что Св. Духъ исходитъ отъ него; можетъ быть вы возразите, что Спаситель не говоритъ просто: „послю его“, но прибавляетъ, „отъ Отца.“ Аріанцы первые сдѣлали это возраженіе, желая опредѣлить степени между лицами св. Троицы. Впрочемъ, говоря, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, Сынъ Божій не говоритъ, что бы онъ не исходилъ и отъ него. Напротивъ въ поясненіе этихъ словъ, онъ прибавляетъ: „онъ мя прославитъ, яко отъ моего пріиметъ, и возвѣститъ вамъ вся елика Отецъ иматъ, моя суть, сего ради рѣкъ, яко отъ моего пріиметъ, а возвѣститъ вамъ.“ Что же могъ бы Св. Духъ принять отъ Сына если не тоже существо, чрезъ исхожденіе отъ него? Для того Сынъ Божій и прибавляетъ: „вся елика отецъ иматъ, моя суть: сего ради рѣкъ“, и проч. Если все, что Отецъ имѣетъ, принадлежитъ Сыну, то и Духъ исходящій отъ Отца есть Духъ исходящій отъ Сына, взаимное ихъ отношеніе не въ подчиненіи или неравенствѣ, а въ исхожденіи отъ того и другаго, чѣмъ только можетъ сохраниться равенство въ лицахъ св. Троицы: чрезъ это самое, Св. Духъ называется духомъ истины: а Сынъ Божій есть истина какъ самъ онъ это провозгласилъ. — Св. апостолъ Павелъ говоритъ „Богъ посла Духъ Сына своего въ сердца ваша“; онъ не говоритъ свой духъ, но духъ Сына, духъ Сына можетъ ли быть различный отъ духа

отца? если же, этотъ духъ есть духъ того и другаго, слѣдовательно онъ и исходитъ отъ того и другаго. Но, Св. Духъ еще часто названъ духомъ Христа. Напримѣръ, въ посланіи къ римлянамъ (VIII, 9.) св. Павелъ говоритъ: „Вы же нѣсте во плоти, но въ дусѣ, понеже Духъ Божій живетъ въ васъ. Аще кто духа Христова не иматъ, сей нѣсть его.“ Апостолъ Петръ въ 1мъ посланіи, глав. I, стх. 2 говоритъ о пророкахъ: „испытающе въ каково, или въ кое время являше въ нихъ духъ Христовъ, прежде свидѣтельствуя о Христовыхъ страстехъ.“ — Въ посланіи къ филиппійцамъ, гл. I, ст. 10, мы читаемъ: „сіе сбудется ми во спасеніе вашею молитвою и подаяніемъ духа Іисуса Христова.“ Въ посланіи Титу, гл. III, стр. 5, 6, мы читаемъ: „спасе насъ (Іис. Хріс.) волею паки бытія и обновленія Духа Святаго, его же излія на насъ обильно, Іисусомъ Христомъ Спасителемъ нашимъ.“ — Всѣ эти разныя изрѣченія св. писанія доказываютъ, что Духъ Отца есть духъ Сына, и Духъ Сына есть Духъ Отца; что духъ святъ посылается то Отцемъ то Сыномъ: Но, такъ какъ не возможно, что бы было два Духа Святыхъ, слѣдовательно Святый Духъ, третее лице святой Троицы исходитъ какъ отъ Отца такъ и отъ Сына. Далѣе Ратрамъ приводитъ свидѣтельство отцевъ какъ восточной церкви, Григорія богослова и Дидима александрійскаго (T. II opera Athanas. ed. 1698 sup. l. XXX, n. 8).

Святый Амвросій медіоланскій ясно говоритъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына. (Ambros. I. de S. S. n. 119, 120.) Блаженный Августинъ въ толковспіи на

св. Іоанна, обсуживая этотъ вопросъ, рѣшаетъ что Св. Духъ исходитъ отъ Отца и Сына, ибо онъ духъ того и другаго, тогда какъ Сынъ есть только Сынъ Отца а отецъ, только Отецъ Сына. Почему же, продолжаетъ Августинъ, Сынъ сказалъ просто, что Духъ исходитъ отъ Отца? Потому что онъ, какъ Бого-человѣкъ, относитъ все къ тому, отъ котораго самъ пришелъ, какъ объясняютъ, эти слова: „мое ученіе нѣсть мое, но, пославшаго мя.“ Августинъ повторяетъ это въ разсужденіяхъ своихъ о св. Троицѣ, гдѣ онъ еще болѣе изъясняетъ этотъ догматъ. Наконецъ Ратрамъ говоритъ: греки не могутъ отвергнуть этихъ западныхъ отцевъ, иначе какъ обявивъ себя схизматиками или чрезъ провозглашеніе, что церковь Христова существуетъ только у нихъ. Новѣйшіе богословы восточной церкви, домогаются оправдывать неисхожденіе Св. Духа отъ Сына, тѣмъ, что чрезъ допущеніе исхожденія Св. Духа отъ Сына, предстоитъ вмѣстѣ съ тѣмъ признать, что и Сынъ исходитъ отъ Св. Духа. Но это мнѣніе опровергается слѣдующимъ доказательствомъ. — Іисусъ Христосъ, посылая апостоловъ проповѣдывать, сказалъ имъ: „Шедше убо научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа.“ — Вотъ основная тайна христіанской вѣры. Но, эти самыя слова означаютъ не только различіе лицъ св. Троицы, но и порядокъ въ которомъ они слѣдуютъ. Второе лице не можетъ исходить отъ третьяго. Этотъ порядокъ не произвольный, и не маловажный; онъ основанъ на самомъ существѣ этого великаго таинства, и потому церковь не дерзнула никогда

отъ него отступать. Святые отцы, какъ то: Василій великій, Аѳанасій, Іоаннъ златоустъ, Епифаній и Григорій богословъ почитали большимъ преступленіемъ — измѣнять этотъ порядокъ. Но если этотъ порядокъ столь неразлученъ съ существомъ св. Троицы, то не явствуетъ ли, что второе лице есть необходимое посредничество между первымъ и третьимъ, между Отцомъ и Духомъ? И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Сынъ могъ бы быть поставленъ между Отцемъ и Духомъ, если бы онъ небылъ наравнѣ съ Отцемъ однимъ началомъ его? Если бы Св. Духъ исходилъ отъ одного только Отца, какъ Сынъ, то не было бы причины ставить его послѣ Сына и тогда онъ былъ бы вторымъ лицемъ, наравнѣ съ Сыномъ. Не можетъ существовать другаго первенства (prioritas), какъ первенство времени, существа или происхожденія. Но о первыхъ двухъ первенствахъ не можетъ быть рѣчи, когда говорится о лицахъ св. Троицы, ибо они равны между собою. Слѣдовательно первенство заключается только въ происхожденіи, и Сынъ имѣетъ предъ Св. Духомъ первенство происхожденія, или первенство начала. Но такого первенства не могло бы существовать если бы Св. Духъ происходилъ отъ Отца въ томъ же порядкѣ какъ и Сынъ. Въ письмѣ своемъ къ Амфилохію, Василій великій говоритъ: „какъ Сынъ относится къ Отцу, такъ Св. Духъ относится къ Сыну.“ Св. Аѳанасій такимъ же образомъ изъясняется въ письмѣ своемъ къ Серапіону: „То же отношеніе существуетъ между Св. Духомъ, и Отцемъ, какое между Сыномъ и Отцемъ.“ Что бы подкрѣпить мнѣніе противное нами защищаемому, надлежитъ

доказать, что хотя бы одинъ вселенскій соборъ постановилъ, что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына. Но этого никогда не бывало, а всё доказываетъ напротивъ, что первыя свѣтила восточной и западной церкви вѣровали въ исхожденіе Св. Духа отъ Сына какъ отъ одного начала съ Отцемъ.*) На ефесскомъ вселенскомъ соборѣ, приняты были двѣнадцать анаѳемъ, сочиненныя Кирилломъ александрійскимъ для осужденія несторіевой ереси, девятая анаѳема, слѣдующаго содержанія: „Анаѳема тому, который будетъ утверждать, что Господь нашъ Іисусъ Хрістосъ былъ прославленъ Св. Духомъ такъ, что онъ получилъ отъ него силу чуждую для сотворенія чудесъ и изгнанія нечистыхъ духовъ, вмѣсто того, что бы утверждать, что духъ, которымъ онъ дѣйствовалъ есть его собственный духъ.“ Въ письмѣ же къ еретику Несторію, св. Кирилла, изъяснялся такъ: хотя Св. Духъ есть лице особое, потому что онъ не Отецъ и не Сынъ, однако онъ не чуждъ Сыну, и проистекаетъ отъ него не менѣе совершенно, какъ и отъ Бога Отца.“ (Profunditur ab ipso non minus profecto, quam ex Deo Patre.)

Въ недавно вышедшемъ твореніи, по поводу вынужденнаго присоединенія уніятовъ къ россійской церкви, авторъ этой книги представляетъ новое доказательство исхожденія Св. Духа и отъ Сына; вотъ, какъ онъ разсуждаетъ:

Отецъ созерцая и любя себя въ Сынѣ своемъ, и Сынъ, любя отца и себя любовью свойственною божеству, т. е.

*) Это было постановлено на пяти частныхъ соборахъ до разъединенія церквей, и на одномъ константинопольскомъ въ XI вѣкѣ.

безконечною, очевидно, что безконечное могущество, отъ котораго исходитъ эта взаимная любовь есть во всей своей полнотѣ и цѣлости, общее и нераздѣльное обладаніе божественныхъ лицъ; и непзрѣченное дѣйствіе этого исхожденія есть дѣйствіе, именуемое богословскимъ языкомъ дѣйствующимъ дыханіемъ, Spiratio activa, т. е. Св. Духъ есть непремѣнное и нераздѣляемое дѣйствіе Отца и Сына, Сына и Отца: если Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, то Сынъ не въ состояніи возлюбить Отца тою же безконечною любовью, которою онъ любимъ Отцемъ. Слѣдовательно вотъ оправданіе слова Filioque внесеннаго въ латинскій символъ вѣры; а прибавленіе это въ послѣдствіи узаконено было, именно потому, что греки, слѣдуя системѣ непремиримой вражды, стали оспаривать самый догматъ. Впрочемъ церковь римская, хотя и требуетъ отъ присоединяющихся къ ней, что бы они не отвергали самый догматъ исхожденія отъ Сына, но она не требуетъ, что бы слова и отъ Сына были непремѣнно включены въ символъ вѣры; такое снисхожденіе она допускаетъ по тому уваженію, что есть весьма много догматовъ христіанства, которые вошли въ составъ символа, и къ которыхъ однако всѣ христіане должны имѣть непреклонную вѣру.

Это пространное объясненіе завлекло насъ далеко, но оно послужитъ отвѣтомъ неопровергаемымъ противъ всѣхъ выходокъ, которыя авторъ римскихъ писемъ позволяетъ себѣ противъ этихъ двухъ важныхъ пунктовъ, составляющихъ предлогъ къ разрыву между двумя церквами, которыя должны бы составлять единое тѣло.

Какое явное нарушеніе всѣхъ каноновъ церковныхъ самовластнымъ превознощеніемъ епископовъ римскихъ. (Пис. III, стр. 95.)

Здѣсь авторъ жалуется, что титулярные патріархи восточные всегда пребывающіе въ Римѣ, становятся въ процессіяхъ ниже кардиналовъ и кардиналовъ-дьяконовъ. Но авторъ совсѣмъ несправедливъ; если бы папа и прочіе были одни на какомъ нибудь церковномъ служеніи или торжествѣ, то они стали бы по порядку учрежденному халкидонскимъ соборомъ.

Но тамъ, гдѣ каждый изъ этихъ святителей шествуетъ съ своимъ клиромъ, какъ же отдѣлить всякаго изъ нихъ отъ своего духовенства; это нисколько не доказываетъ, что кардиналы становятся выше патріарховъ: мы видимъ, что дежурный генералъ-адъютантъ, слѣдующій вслѣдъ за императоромъ всероссійскимъ на придворныхъ выходахъ, но это не доказываетъ, что онъ стоитъ выше великихъ князей, равно какъ и пажи слѣдовавшіе за императрицею не поставлены выше великихъ княгинь. Безъ этого порядка было бы смѣшеніе и путаница, словомъ сказать: безпорядокъ.

Но я не могу выразить какое непріятное впечатлѣніе произвело на меня это ношеніе первосвященника по всей церкви. Какъ бы нѣкій кумиръ, несется онъ надъ всѣми главами .... О великій Григорій! что сказалъ бы ты своимъ преемникамъ,

когда несутъ ихъ въ столь неподобающемъ образѣ и проч. (Пис. III, стр. 100.)*)

Великій Григорій, сказалъ бы автору на его воззваніе, что вся служба римской церкви установлена имъ самимъ, и что всѣ обряды святой страстной седьмицы, порицаемые въ римскихъ письмахъ, существовали при этомъ великомъ папѣ, и имъ утверждены и узаконены, равно и ношеніе первосвященника. Впрочемъ на насъ эта процессія произвела совершенно противное впечатлѣніе, ибо она чрезвычайно умилительна для всякаго, кто не ходитъ въ храмъ св. Петра съ враждебнымъ расположеніемъ духа.

Здѣсь мало кто знаетъ ея символику (т. е. божественной службы страстной седьмицы). (Пис. IV, стр. 19.)

Это противорѣчитъ тому, что авторъ говоритъ о глубокомъ ученіи западныхъ богослововъ обо всемъ, что относится до ихъ церкви, и если онъ пожелалъ бы ознакомиться съ символикою, то слѣдовало бы ему купить пространный катихизисъ подъ названіемъ, Catéchisme de Montpellier, par Messire Colbert, archévêque: или Cérémonies papales de la Semaine Sainte. Продаются во всѣхъ книжныхъ лавкахъ.

---

*) Вообще, авторъ избѣжалъ бы многихъ восклицаній, если бы подумалъ, что всѣ почести, которыя воздаются папѣ относятся къ самому Спасителю.

Мы можемъ увѣрить автора, что въ западномъ богослуженіи, равно какъ и въ восточномъ, нѣтъ ни одного самаго ничтожнаго по видимому обряда, который не имѣлъ бы символическаго значенія, и весьма глубокаго.

Іудеямъ ли подражать въ такую торжественную минуту? и пусть это было бы однажды, т. е. ради преданія, но оно повторяется и въ другой и въ третій день! Если тутъ какой либо смыслъ церковный. (Пис. IV, стр. 123.)

Въ отвѣтъ на эту выходку недоброжелательства, выпишемъ, что катехизисъ говоритъ объ этомъ обрядѣ.

D. Pourquoi fait on du bruit après l'office ces trois derniers jours de la Semaine Sainte? То есть: Почему бываетъ шумъ послѣ богослуженія въ три послѣдніе дни страстной седьмицы?

R. C'est un vestige de l'antiquité. On en use ainsi, pour marquer la confusion qui parut dans toute la terre à la mort de Jésus-Christ. C'est une pieuse pensée. Le bréviaire romain dit: „Fit fragor et strepitus aliquantulum.“ То есть: Это остатокъ древнихъ обычаевъ. Такъ поступаютъ, что бы означить смятеніе, которое явилось по всей землѣ съ смертію Іисуса Христа. Эта мысль благочестивая.

Слѣдовательно не Іудеямъ подражаютъ.

Скажу однако объ индульгенціяхъ, что я никакъ не могъ распознать въ Римѣ истиннаго ихъ значенія и проч. (Пис. IV, стр. 127.)

Какъ? Авторъ писемъ о богослуженіи восточной церкви, правды вселенской церкви, римскихъ писемъ, и многихъ духовныхъ твореній, посвятившій себя изученію догматовъ и обрядовъ, какъ западной, такъ и восточной церкви, съѣздилъ въ Римъ, бесѣдовалъ съ учеными, возвратился въ Россію, напечаталъ свою книгу, и не могъ распознать истиннаго значенія индульгенцій. Боже мой! Да онъ раскрылъ бы первый катихизисъ, а за неимѣніемъ такого подъ рукою, взялъ бы перваго отрока помазавшагося муромъ, и тотъ ему сказалъ бы, что индульгенція есть сложеніе эпитиміи, частное или полное. Достойно замѣчанія, что значеніе индульгенцій, которое такъ легко распознать, есть предметъ самыхъ нелѣпыхъ толковъ не только въ обществѣ непросвѣщенныхъ людей, но даже между учеными нашими богословами, какъ напримѣръ показалъ свое незнаніе по этой части умный авторъ писемъ о должностяхъ священнаго сана, который полагаетъ индульгенціи ослабленіемъ грѣховъ!!! Выскажимъ же этимъ господамъ, что такое индульгенціи, и мы докажемъ, что онѣ существуютъ и въ грекороссійской церкви. Раскройте книгу камень вѣры, и вы найдете въ главѣ о довлетвореніи за грѣхи, слѣдующее ученіе совершенно сходное съ римскимъ.

„Отпущену бывшу грѣху смертну, остается иногда

наложити наказаніе привременное, и, того ради, священницы исповѣдующемуся, по количеству и качеству грѣховъ назначаютъ эпитимію, т. е. довлетвореніе, или временное за грѣхъ наказаніе. Исходящіе отъ житія сего безъ исполненія этитиміи или довлетворенія, или наказанія временнаго грѣху должнаго, имутъ и по смерти сицевую должность. И душа по разлученіи отъ своего тѣла не можетъ сама собою отъ сего долга искупиться, развѣ освобождается пособствіемъ (индулыгенціями) церкви святыя."

Для сравненія предлагаемъ извлеченіе, изъ катихизиса отроковъ, готовящихся къ мvропомазанію, по католическому обряду, послѣ достиженія 14 лѣтъ.

D. Qu'est-ce que l'indulgence?

R. C'est une remise que l'Eglise fait d'une partie des pénitences et satisfactions qu'elle a imposées ou qu'elle aurait pu imposer aux pécheurs, et des peines temporelles dues au péché.

D. L'Eglise a-t-elle le pouvoir d'accorder cette remise ou remission?

R. Oui, et elle en a toujours usé depuis les apôtres jusqu'à présent.

D. L'Eglise veut-elle dispenser les fidèles de satisfaire à Dieu pour leurs péchés, quand elle accorde quelque indulgence?

R. Non. L'Eglise veut seulement, ou récompenser la ferveur de notre pénitence, ou suppléer à notre faiblesse et à notre impuissance, qui nous empêchent de satisfaire à Dieu, autant que nous le devrions.

D. Comment l'Eglise supplée-t-elle au défaut de nos satisfactions par les indulgences ?

R. En nous appliquant par elles, les mérites de Jésus-Christ et des Saints avec plus d'abondance.

D. Qui sont ceux qui reçoivent l'effet des indulgences ?

R. Ceux qui ont obtenu la remission de leurs péchés, et qui ont fait tout ce qui est prescrit par celui qui a accordé l'indulgence.

D. La rémission des péchés est-elle absolument nécessaire pour recevoir l'effet des indulgences ?

R. Oui car pour recevoir la remission de la peine temporelle due aux péchés, il faut avoir reçu la rémission de la peine éternelle au tribunal de la pénitence.

D. Pourquoi faut-il faire tout ce qui est prescrit par celui qui a accordé l'indulgence, pour en obtenir l'effet ?

R. Parceque ce n'est qu'à cette condition que l'indulgence est accordée.

D. Ceux qui meurent après avoir reçu l'absolution de leurs péchés, sans avoir pleinement satisfait à la justice de Dieu, et sans être pleinement purifiés, sont-ils damnés ?

R. Non. Ils vont en purgatoire achever de satisfaire à la justice de Dieu, et de se purifier; toutefois si elle est plenière et legitimement acquite, ils n'ont plus de peine à subir au purgatoire.

D. Peuvent-ils être soulagés de leurs peines ?

R. Oui. Ils peuvent être soulagés par le Saint-Sacrifice de la Messe, par les prières, les aumônes, par les bonnes œuvres des autres fidèles.

(Catéchisme des enfants confirmés.)

Послѣ такого яснаго и всѣмъ доступнаго, краткаго изложенія дѣйствительнаго значенія индульгенцій, кто бы повѣрилъ, что въ русскихъ семинаріяхъ учатъ, что индульгенціи не что другое, какъ разрѣшеніе безнаказанно грѣшить на будущее время сколько кому угодно. Каково знаніе дѣла у нашихъ богослововъ; невѣжество непростительное. Но мы еще позаимствуемъ изъ всеобщаго лексикона Морери что должно разумѣть чрезъ индульгенціи.

Indulgences. Grâce que l'Eglise romaine fait aux pénitents, en leur remettant la peine qui est due à leurs péchés, et qu'ils devraient souffrir en ce monde ou en purgatoire. La créance des Catholiques a toujours été, que le Fils de Dieu a donné à Son Eglise le pouvoir de délier le pécheur pénitent, non seulement des liens de ses péchés, par les mérites de la passion de Jésus-Christ, qu'on lui applique au sacrement de la Pénitence, mais des liens de la peine qu'il devait subir, afin de satisfaire à la justice divine. C'est ainsi que St.-Paul, à la prière de ceux de Corinthe, remit à cet incestueux qu'il avait excommunié le reste de la peine qu'il devait subir pour un si grand crime, et que les évêques des premiers siècles rendaient la paix aux apostats, et les reconciliaient à l'Eglise, en leur abrégéant le temps de la pénitence canonique, par l'intercession des Martyrs, et en considération de leurs souffrances. Cet usage qui a persévéré dans l'Eglise après les persécutions, se trouve autorisé non seulement par les anciens papes, comme St.-Grégoire et Léon III, mais aussi par les conciles de Nicée, d'Ancyre et de Laodicée, par celui de Clermont en 1095, où l'on com-

mença a donner l'indulgence pour les croisades. Clément VI dans sa décrétale ou constitution, déclare que Jésus-Christ nous a laissé un trésor infini de mérites et de satisfactions surabondantes de Sa passion, de celle de la Sainte-Vierge et des Saints, que les pasteurs de l'Eglise et surtout les papes, qui sont les souverains dispensateurs de ce trésor, le peuvent appliquer aux vivants par la puissance des clefs, et aux morts par la voie des suffrages, pour les délivrer de la peine temporelle due à leurs péchés, en tirant de ce trésor et offrant à Dieu autant qu'il en faut pour satisfaire en cette tâche.

Voilà ce que les Catholiques doivent croire, mais il faut avouer, que comme on peut abuser des choses les plus saintes, il s'est commis quelquefois de grands abus à l'occasion de ces indulgences. Les détracteurs du Catholicisme en ont profité pour attaquer les indulgences mêmes, ne faisant pas réflexion que le mauvais usage ne donne pas droit de s'en prendre à la chose sainte dont on abuse.

(Dictionnaire universel de Moréri.)

И такъ индульгенція есть сложеніе части или полной эпитиміи (plénière), наложенной послѣ отпущенія грѣховъ на исповѣди. А такъ какъ каноническія эпитиміи первыхъ вѣковъ христіанства, налагались на много годовъ, и что обязанный такимъ долгомъ, не можетъ избавиться онаго безъ разрѣшенія церкви, которой предоставлено право вязать и рѣшать, то не получившій индульгенціи при жизни, доканчиваетъ эпитимію на томъ свѣтѣ, во временномъ адѣ, называемомъ чистилищѣ; чадолюби-

вая церковь, сострадая къ доброму намѣренію, и изъ уваженія къ нѣкоторымъ довлетворительнымъ дѣламъ, особо возлагаемымъ на грѣшника получившаго разрѣшеніе своихъ грѣховъ, снабжаетъ его индульгенціею, которая отверзаетъ ему рай, избавляя его отъ временнаго мученія за гробомъ, въ видѣ довлетворенія за грѣхи. Основаніе этого догмата есть слѣдующее. Хрістосъ, искупивъ насъ отъ вѣчной смерти своими заслугами, оставилъ церкви своей неисчерпаемый кладъ опыхъ, которыми она располагаетъ по праву данному вязати и рѣшати, а папа, въ особенности, яко небесный ключарь, поставленный Спасителемъ для спасенія душъ нашихъ, располагаетъ этимъ кладомъ. Чрезъ крещеніе, наши грѣхи омываются какъ бы велики они не были, и если смерть постигнетъ сей часъ послѣ крещенія, то душа вселяется прямо въ рай. Но для человѣка, измѣнившаго обѣту данному при крещеніи, установлено таинство покаянія съ исповѣдью и таинство эвхаристіи, которымъ возвращается невинность пріобрѣтенная крещеніемъ, съ тѣмъ однако условіемъ, что раскаявшійся грѣшникъ долженъ особыми добрыми дѣлами и лишеніями удовлетворить правосудію божьему за частое впаденіе въ тѣ же самые грѣхи. Мы видѣли, что и православная церковь держится того же преданія. Примѣръ разбойника на крестѣ не можетъ быть примѣненъ къ этому случаю, потому что разбойникъ получилъ на крестѣ кровавое крещеніе, которое замѣняетъ крещеніе водою, и равно немедленно отверзаетъ двери рая самому великому преступнику. Не имѣвшій время исполнить эпитимію на землѣ, тотъ долженъ не-

премѣнно очистить её послѣ смерти. Онъ получилъ прощеніе грѣховъ, и сложеніе вѣчнаго наказанія имъ заслуженнаго, но не избавился временнаго довлетворенія. Это самое временное довлетвореніе церковь слагаетъ индульгенціями, а папа въ качествѣ главы ея, властью ему данной свыше, въ большіе дни искупленія, изъ состраданія къ раскаявшемуся грѣшнику, раздаетъ такія индульгенціи, которыя впрочемъ не имѣютъ никакой силы ни дѣйствія если тотъ кто ихъ получилъ не исполнилъ должныхъ условій, что бы сдѣлать ихъ дѣйствительными. Есть духовники, особенно въ наше время, которые пренебрегаютъ эпитиміями, но онѣ насъ ожидаютъ на томъ свѣтѣ, въ чистилищѣ, которое по ученію церкви, должно существовать до втораго пришествія, а какъ есть такіе пристрастные къ грѣху грѣшники, которые послѣ дарованнаго ежегодно прощенія святою церковію, не измѣняютъ образа жизни, то таковые, хотя и получили разрѣшеніе грѣховъ на одрѣ смертномъ, но они должны можетъ быть довлетворить за грѣхи во все время существованія чистилища, которое прекратится со вторымъ пришествіемъ Спасителя. Слѣдовательно, ихъ довлетвореніе можетъ продлиться продолжительное время, а можетъ быть и множество вѣковъ; то, этимъ то грѣшникамъ полныя индульгенціи (суть наиполѣзнѣйшія для избавленія отъ временнаго мученія за грѣхи, примѣненіемъ заслугъ Христа Спасителя. Когда вы въ Италіи видите на церкви прибитыя слова: indulgentia pleniera это значитъ, что если вы, получивъ уже разрѣшеніе грѣховъ, войдете въ эту церковь съ вѣрою въ заслуги Христа

и заступленіе того святаго, которому храмъ посвященъ, и помолитесь съ теплою вѣрою о сложеніи съ васъ временнаго наказанія (т. е. эпитиміи) неизбѣжнаго за грѣхи уже прощенные на исповѣди, и если вы умираете въ такомъ положеніи, что душа ваша не осквернена смертнымъ грѣхомъ, то вы получаете полное оставленіе этого временнаго наказанія. Само собою разумѣется, что дѣйствительною эпитиміею Богомъ пріемлются, всѣ скорби, несчастія, болѣзни и проч., посылаемыя намъ для испытанія и очищенія души, если онѣ перенесены съ смиреніемъ, покорностію и терпѣніемъ. Церковь исполняетъ свой чадолюбивый долгъ, примѣняя заслуги Спасителя къ облегченію страшнаго перехода отъ жизни къ смерти. Отъ человѣка завилитъ должныя условія, что бы это милосердіе необратилось къ его погибели.

Какимъ же образомъ ученый авторъ писемъ о должностяхъ священнаго сана могъ съ такою увѣренностію писать западнымъ богословамъ что: „не выпутаться имъ изъ слѣдующей дилеммы: либо ослабленія грѣховъ (indulgentiae), раздаваемыя въ нѣкоторыхъ случаяхъ христіанамъ не безусловны, а предполагаютъ частное наказаніе и разрѣшеніе: — тогда онѣ излишни: либо индульгенціи вмѣняютъ грѣшникамъ заслуги святыхъ, силою апостольской власти совершенно безусловно и независимо отъ покаянія каждаго: — тогда онѣ вредны.“ Но дилемма сама собою рушится, потому что индульгенція не есть ослабленіе грѣховъ, а какъ выше сказано: сложеніе эпитиміи или временнаго наказанія должнаго грѣху, въ силу власти церковной. — При этомъ случаѣ,

замѣтимъ одну противуположность, которую мы встрѣчали во всѣхъ тѣхъ ученыхъ лицахъ, съ которыми приводилось намъ бесѣдовать о разъединеніи церквей. Весьма глубоко ученые во всѣхъ пунктахъ, въ которыхъ оба вѣроисповѣданія соглашаются, они разсуждаютъ безъ логики, безъ знанія дѣла, словомъ сказать, какъ безразсудные, тамъ, гдѣ дѣло касается до пунктовъ составляющихъ несогласіе. Тутъ самые очевидные доводы, какъ дважды два четыре, дѣлаются недоступными для нихъ, и часто слышишь возраженія достойныя умовъ самыхъ непросвѣщенныхъ; а еще тѣмъ отличаются такіе богословы, что распросите ихъ порознь, и вы увидите, что возраженія ихъ не только не согласуются, но даже противорѣчатъ одно другому. Сколько разъ доводилось намъ испытать это на дѣлѣ! Вотъ лучшее доказательство, что отъ единства вѣры отступлено. Возьмите католическія страны. Тамъ, гдѣ бы вы не встрѣтили священника изучившаго катихизисъ, вы найдете единство въ его сужденіяхъ, въ доводахъ, въ вѣрованіи, въ возраженіяхъ, потому что тамъ зданіе церковное такъ устроено, что одинъ камень зданія поддерживаетъ другой; отымите какой нибудь камень, и все зданіе рушится, согласно словамъ Спасителя: кто одной заповѣди моей не соблюдаетъ, тотъ весь законъ разрушаетъ. Они ссылаются на вселенскіе соборы; но, когда имъ соборами же доказываютъ власть главы церкви, тогда они и соборамъ не вѣрятъ. Примѣръ выше приведенный автора писемъ о должностяхъ священнаго санѣ, доказываетъ неопровергаемо замѣчательное совмѣстничество учености съ невѣжествомъ, отличающее

вообще всѣхъ тѣхъ, которые отвергаютъ главенство и единство. Глубоко ученые во всемъ прочемъ, они разсуждаютъ какъ непросвѣщенные, какъ только дѣло доходитъ до вопросовъ составляющихъ разногласіе.

Опять странное явленіе, которое встрѣчаешь только въ римской церкви! На основаніи какихъ правилъ кардиналъ отпускаетъ грѣхи безъ ихъ исповѣди, однимъ прикосновеніемъ жезла своего?

На такомъ же основаніи вѣроятно, на которомъ патріархъ іерусалимскій даетъ разрѣшительныя грамоты на грѣхи, посѣтителямъ святыхъ мѣстъ. Намъ недавно привелось видѣть на одномъ постояломъ дворѣ близь Бѣлгорода, такую грамоту, на славянскомъ языкѣ напечатанную, чрезъ которую патріархъ Поликарпъ, разрѣшаетъ отъ грѣховъ, клятвъ и анаѳемъ, мѣсто оставлено для вписанія имени того, которому эта разрѣшительная грамота дана; но тутъ никакое имя не было внесено. Вѣроятно это разрѣшеніе въ Іерусалимѣ какъ и въ Римѣ дается въ великую пятницу, ради великаго таинства искупленія. Впрочемъ такъ ли это обстоятельство какъ пишетъ авторъ римскихъ писемъ? ....

Можно ли сравнить это холодное торжество съ нашею отрадною утреннею пасхи .... у насъ въ ночь пасхальную и всю недѣлю чувствуемъ что это

праздникъ соединяющій небо съ землею .... не понимаю, какъ можно было, по человѣческимъ расчетамъ безпорядка гражданскаго, отмѣнить ночное духовное торжество! .... Можно ли отнять у нашего народа утреннюю пасху? вотъ лучшее свидѣтельство набожнаго духа отлогающаго востокъ отъ запада .... въ Римѣ всё это больше для глазъ нежели для сердца, потому что народъ не понимаетъ чуждаго языка богослужебнаго. (Пис. V, стр. 158. 159.)

У насъ день пасхи не походитъ даже и на праздникъ; ибо обѣдни нигдѣ не можно отслушать, она уже совершена съ раннею заутренею, т. е. ночью. Слѣдовательно, торжество великаго дня пасхи гораздо холоднѣе у насъ, чѣмъ на западѣ, ибо у насъ вспомнишь о немъ, только чрезъ посѣщенія духовенства, собирающаго свою дань, и чрезъ визитные билеты, потомъ качели совершенно отвлекаютъ отъ праздника. Если въ Римѣ по расчетамъ безпорядка гражданскаго, отмѣнено духовное торжество ночью, то это весьма благоразумно придумано; у насъ же ночное торжество вмѣщаетъ и торжество самаго дня пасхи не для чего другаго, какъ для корыстолюбивыхъ видовъ духовенства, которое съ ранняго утра уже отправляется за подаяніемъ, съ причтомъ своимъ.

Что касается до латинскаго языка, яко бы чуждаго народу, на западѣ, смѣю я увѣрить автора, что латинская

литургія и церковная служба гораздо болѣе понятна и извѣстна всѣмъ католикамъ, нежели славянскій церковный языкъ доступенъ, не только простому русскому народу, но даже просвѣщенному сословію. Не кстати авторъ привелъ здѣсь свидѣтельство отличающее яко бы набожный духъ востока, ибо, кто не знаетъ, что праздникъ пасхи ожидаютъ винные откупщики какъ какое нибудь эльдорадо обогощающее ихъ. Сверхъ того о набожномъ духѣ востока свидѣтельствуютъ безчисленныя ереси, которыя возникали на востокѣ, и допустили Магомета воспользоваться такою набожностію, что бы отторгнуть отъ христіанства большую часть Азіи.

Мнѣ кажется, что это былъ горькій укоръ: ибо есть ли тутъ хоть малѣйшее подобіе съ апостоломъ? (Пис. V, стр. 173.)

Мы находимъ противное. Слова: „ты еси Петръ“, и проч., здѣсь очень кстати. Что же касается до подражанія апостоламъ, развѣ апостолы украшались звѣздами и лентами какъ наши преосвѣщенные владыки, и брали они по 1000 руб. за похороны или за освященіе храма?

Я подошелъ къ алтарю, у котораго совершалось такъ называемое испытаніе агнца, весьма неприличное, ибо какъ можно было по одному случаю отравленія въ среднихъ вѣкахъ, ввести столь стран-

ный обрядъ въ божественную литургію .... здѣсь является крайнее отсутствіе вѣры .... можно ли изобрѣсти что либо ужаснѣе, и проч. (Пис. V, стр. 177. 178.)

Авторъ ошибается. Испытаніе агнца дѣлается, что бы освидѣтельствовать хорошаго ли достоинства мука, служившая къ печенію святаго хлѣба, нѣтъ ли тутъ какой либо примѣси, которая уничтожаетъ таинство. Не мѣшало бы, что бы такое испытаніе производилось и съ нашимъ кваснымъ хлѣбомъ употребляемымъ для просфоръ. Ибо большею частію этотъ хлѣбъ бываетъ такой кислый, что онъ теряетъ вкусъ хлѣба, и приходится совершать таинство надъ кислыми дрожжами смѣшенными съ нечистою, пшеничною мукою.

За чѣмъ папа, пріобщаясь, не касается устами краевъ чаши, но всасываетъ кровь Хрістову посредствомъ золотой трубочки? Откуда могъ произойти сей послѣдній странный обычай, который всѣ единодушно объясняетъ предостереженіемъ отъ яда? (Пис. V, стр. 179.)*)

Какъ всё это написано легкомысленно! Если божественная кровь смѣшана съ ядомъ, то, отравленіе мо-

---

*) Согласно сему можно сказать, что и послѣдователи вост. цер. пріобщ. изъ лжицы изъ предостереженія отъ яда.

жетъ произойти какъ бы не послѣдовало пріобщеніе св. тайнъ, приложеніемъ устъ къ краямъ чаши, или всасываніемъ чрезъ трубочку божественной крови. Но трубочка эта (châlumeau) есть остатокъ древнихъ обычаевъ первыхъ христіанъ, которые не касались устами края чаши, но всасывали божественную кровь соломенкою, которую они потомъ сожигали. У первыхъ христіанъ небыло лжицъ, ни серебряныхъ сосудовъ. Говоря объ обрядахъ VI вѣка, введенныхъ въ западное богослуженіе великимъ папою Григоріемъ, Флёри прибавляетъ: „Alors le Pape descendait de son siége pour communier ceux qui étaient du rang du sénat, et l'archidiacre suivait pour leur donner l'espèce ou vin, qu'ils prenaient avec un châlumeau d'or.“

Чего не изобрѣло своеволіе папъ, когда они поставили себя выше каноновъ, и отнявъ самую чашу у всѣхъ мірянъ, и проч. (Пис. V, стр. 186.)

Слѣдовательно и православная церковь поставила себя выше каноновъ, потому что она пріобщаетъ больныхъ на дому, однимъ божественнымъ хлѣбомъ, безъ крови. Равно младенцевъ пріобщаютъ однимъ виномъ, безъ хлѣба. То же самое бываетъ съ тѣми, которые пріобщаются на преждеосвященныхъ обѣдняхъ.*) Первые христіане

---

*) Возраженіе, будто у грековъ хлѣбъ напитанъ виномъ есть только издѣваніе надъ святынею. Можетъ ли остаться хоть одна капля вина, въ высушенномъ на очагѣ хлѣбѣ, которымъ

уносили въ пещеры свои одинъ хлѣбъ, которымъ пріобщались.

Какое имя дать такому униженію святыни предъ человѣкомъ? (Пис. V, стр. 184.)

Авторъ тутъ приписываетъ униженію святыни предъ человѣкомъ, то что подносившіе св. дары папѣ, преклоняли предъ нимъ колѣна. Но какъ же онъ не понялъ, что въ эту минуту, они преклоняли колѣна не предъ папою, а предъ чашею вмѣщающею кровь Спасителя міра. Извѣстно, что на западѣ, всякій приходящій, въ церкви предъ алтаремъ приклоняетъ колѣно, то, не естественнѣе ли заключить, что колѣноприклоненіе въ этомъ случаѣ совершается предъ божественнымъ таинствомъ, а не предъ святителемъ. Да не самъ ли авторъ выхваляетъ духъ набожности римлянъ при поклоненіи св. даровъ?

Въ книгѣ De la liturgie par le Cardinal Bona (Tom. II, p. 402, 403. 1854) сказано: „Le diacre fléchit les genoux jusqu'à ce que le sous-diacre ait quitté l'autel pour porter le sacrement au souverain pontife qui, à son approche fait une inclination profonde et l'adore respectueusement.“ И такъ, совершенно противное того, что повѣствуютъ римскія письма.

пріобщаютъ больныхъ? тамъ цвѣтъ и вкусъ свидѣтельствуютъ, что это самый сухой хлѣбъ, который только можно придумать. Но тутъ преступная увертка не давно придуманная греками, какъ то доказалъ Боссюэтъ: встарину этого не было, ибо подъ видомъ одного хлѣба, мы привышаемъ всего Іисуса Христа.

Далѣе: „Le sous-diacre arrivé près du pontife, reste debout à sa gauche .... Le souverain pontife prend alors une portion de l'hostie, et il divise l'autre en deux pour la communion du diacre et du sous-diacre. Lorsqu'il a pris le corps du Seigneur, le cardinal-évêque assistant lui présente le châlumeau d'or avec lequel il prend une partie du précieux sang, laissant le reste pour le diacre qui reste debout tenant le calice dans sa main droite et le châlumeau dans l'autre." Впрочемъ отсылаемъ къ приложенію No. 6,, гдѣ болѣе объяснено все, что относится до этого предмета.

Мнѣ кажется не здѣсь ли мѣсто упомянуть о тѣхъ, которые съ невѣденіемъ собственныхъ догматовъ и обрядовъ, измѣнили вѣрѣ православной, переданной имъ отъ праотцевъ, что бы безотчетно перейти въ церковь римскую! Не хочу строго осуждать ихъ, потому что не питаю къ нимъ непріязненнаго чувства; но мнѣ они жалки по своему невѣжеству, и часто были досадительны, по неразлучной съ нимъ самонадѣянности .... (Пис. V, стр. 194.)

Кажется авторъ принимаетъ много на себя, утверждая, что тѣ, которые переходятъ въ церковь римскую, дѣйствуютъ безотчетно. Мы не можемъ, допустить что бы тотъ, который рѣшился перейти въ другую вѣру, не отдалъ себѣ предварительно отчета въ причинахъ побуж-

дающихъ его къ такому важному шагу. Впрочемъ, если авторъ жалѣетъ о невѣжествѣ такихъ лицъ, вѣроятно, и они въ свою очередь сожалѣютъ о заблужденіи автора. Давно ли восемь изъ самыхъ ученыхъ богослововъ оксфордскаго университета перешли въ церковь римскую? Развѣ это были невѣжи, развращенные кривыми толками ихъ совратителей. Такіе примѣры являются каждогодно между самыми учеными богословами протестантизма и калвинизма. При послѣднемъ папѣ Григоріи XVI, основано во всѣхъ частяхъ свѣта и наипаче въ Америкѣ сорокъ новыхъ эпархіальныхъ каѳедръ. Та вѣра, которая въ нынѣшнія времена производитъ такіе плоды, не доказываетъ ли этимъ самимъ то, что въ ней есть что-то таинственное, что притягиваетъ къ центру единства, такъ въ физическомъ мірѣ есть центръ притягательной силы, который привлекаетъ къ себѣ тѣлеса. Но такое явленіе видимъ мы только въ римской церкви. О протестантизмѣ нечего и говорить: это тѣло растерзанное на милiоны частей; сколько мыслящихъ головъ, столько разныхъ вѣрованій. О православной церкви на востокѣ, то же похвалиться не льзя: тамъ всѣ тяготѣетъ подъ игомъ магометанскимъ, и давно она не пріобрѣтаетъ болѣе. Къ тому же тамъ остатки аріанцевъ, несторіанцевъ, евстихейцевъ, моноѳелитовъ такъ смѣшены съ православными, что трудно распознать вѣрныхъ отъ еретиковъ. Грецiя освободилась отъ ига исламизма. Но какіе успѣхи сдѣлала она въ христiанско-нравственномъ отношеніи? Никакихъ. Слово грекъ продолжаетъ быть браннымъ словомъ, и въ значеніи равняется, тому что мы подразумѣ-

ваемъ подъ гнуснымъ названіемъ шулера. Въ нашей православной Россіи, недавно оберъ-прокуроръ правительствующаго синода говорилъ, что наше русское духовенство такъ заражено чуждыми православію ученіями, что можно по пальцамъ пересчитать лица духовнаго званія истинно православныя. Число раскольниковъ умножается ежегодно, и теперь доходитъ до 9 милліоновъ. Возразятъ: но присоединеніе уніатовъ, но обращеніе крестьянъ остзейскихъ провинцій .... Но развѣ эти два факта суть плодъ убѣжденія или подробнаго изученія предмета? Присоединеніе уніатовъ, мѣра политическая, насильственная, которая послѣдовала безъ вѣдома присоединенныхъ, вслѣдствіе исторгнутаго согласія малой части подкупленнаго духовенства. — Присоединившіеся же къ россійской церкви крестьяне остзейскихъ провинцій имѣли въ виду избавленіе отъ платежа податей. А когда убѣдились въ противномъ, то и ревность къ православію охладилась.

Но вотъ въ чемъ они виновны: вмѣсто того, что бы обратится къ искреннему православному ученію отцевъ своихъ, вмѣсто того, что что бы искать книгъ и людей могущихъ прояснить имъ тёмное состояніе ихъ сердца, и дать себѣ прежде отчетъ въ оставляемой ими вѣрѣ, они, по искаженному воспитанію, которое отъ самой колыбели сдѣлало для нихъ чуждымъ все отечественное, бросаются съ отверстыми объятіями, потому, что кажется

доступнѣе ихъ понятію, по духу общества, въ которомъ они живутъ. (Пис. V, стр. 195.)

Авторъ создаетъ въ воображеніи своемъ родъ людей, которые не существуютъ, и опровергаетъ приписываемый имъ образъ мыслей и состояніе душевное, которыхъ никогда можетъ быть и не бывало. Такимъ образомъ можно всегда остаться правымъ. Читатель видѣлъ, что мы почерпнули наши возраженія и замѣчанія, въ коренномъ православномъ ученіи отцевъ нашихъ, т. е. въ церковныхъ нашихъ книгахъ, и въ фактахъ церковной исторіи, и что восточные богословы не въ состояніи указать, какими признаками можетъ искатель истины распознать истинную церковь. Наша ли вина, если послѣ того, заключенія наши совершенно противуположны заключеніямъ автора? Къ тому же тутъ авторъ невольно увлекается смѣшеніемъ отечества съ вѣрою. *) Истинная Христова вѣра независима отъ любви къ отечеству. Спасеніе души не можетъ сравниться ни съ чѣмъ въ мірѣ. Если бы я родился мусульманиномъ и убѣдился бы въ православіи христіанства, то искалъ бы спасенія въ христіанствѣ, мало заботясь сдѣлался ли я чрезъ это невѣрнымъ турецкимъ поддаппымъ. Съ другой стороны авторъ, по видимому дорожитъ обрядами едва ли не болѣе, чѣмъ догматами. Обряды, т. е. церковное богослуженіе,

*) Истинно русскій, долженъ всѣ силы употребить, что бы возвратить свое отечество къ вѣрѣ златоуста, отъ которой у насъ отпали.

есть ни что иное какъ дисциплина, которая измѣняется, по мѣстности, ибо создана человѣкомъ. Догматы же неизмѣнимы, ибо они составляютъ существо христіанскаго вѣрованія даннаго намъ Христомъ: можно принадлежать къ единству т. е. къ римской церкви, и держаться во всемъ восточнаго богослуженія. Въ такихъ отношеніяхъ между собою востокъ и западъ въ продолженіи десяти вѣковъ. Да и во всѣхъ соборныхъ совѣщаніяхъ къ соединенію церквей относящихся въ 13 и 15 столѣтіяхъ, требовалось только единства въ догматахъ, а въ прочемъ, всякая церковь оставалась при своихъ обрядахъ: римская церковь и нынѣ не требуетъ болѣе; въ доказательство того служатъ греко-уніаты, которые признаютъ всѣ догматы вселенской церкви, а слѣдуютъ богослуженію восточной церкви. Признаемся, что читая римскія письма, мы сами себя часто вопрошали: на какой конецъ авторъ такъ сильно ополчился противу обрядовъ римской церкви, тогда какъ онъ знаетъ, что въ дѣлѣ соединенія церквей, различіе обрядовъ не составляетъ никакого препятствія, и что римская церковь никогда не требовала, чтобы греческая измѣнила обряды своего богослуженія. Для чего же ѣздилъ онъ въ Римъ? Если изъ любопытства, и для того, что бы сличить обряды, то это дѣло безполезное, ибо оно ни къ чему не ведетъ, кромѣ къ умноженію существующей вражды. Ели же, какъ мы сами отъ него слышали, онъ желалъ вникнуть въ совершенство и превосходство католицизма надъ прочими вѣроисповѣданіями, то онъ могъ бы достигнуть этой цѣли, оставаясь въ своемъ кабинетѣ на Моховой улицѣ въ С. Петербургѣ,

и развернувъ пространный католическій катихизисъ подъ названіемъ: Instructions générales en forme de Catéchisme, par Colbert, évêque de Montpellier, въ 4. томахъ, изъ котораго мы извлекли нѣкоторые цитаты въ приложеніяхъ къ замѣчаніямъ нашимъ, онъ нашелъ бы тутъ всё то, что желалъ знать, и не нужно бы было предпринимать путешествія въ Римъ. Сверхъ того, мы никакъ не убѣждаемся, что бы авторъ римскихъ писемъ искалъ въ Италіи случая, разсѣять свои предубѣжденія или изучить основательно западную догматику. Это видно на каждомъ шагу при чтеніи римскихъ писемъ. На прим.: Ни кто въ Римѣ не могъ ему растолковать значенія индульгенцій. А вотъ мы въ Россіи, это ему изъяснили. — Потомъ, когда авторъ прощался съ викаріемъ аббатства горы кассинской, предстоялъ ему рѣдкій и драгоцѣнный случай вступить въ состязаніе или по крайнѣй мѣрѣ узнать подробно о всемъ, что относится до догматовъ и обрядовъ католицизма; но когда викарій спросилъ его: въ чемъ же разница? то авторъ откровенно признаётся, что ему не захотѣлось вступать въ пренія. Не отъ того ли, что онъ чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, или потому что, тогда уже большая часть римскихъ писемъ была написана, и предвидился эфектъ, который они произведутъ въ отечествѣ нашемъ на слабые умы многихъ ничего не понимающихъ о причинахъ раздора между церквами, читателей, и которые не менѣе того ожесточены до фанатизма противъ римскаго ученія; по крайнѣй мѣрѣ авторъ долженъ бы былъ уничтожить хотя одно предубѣжденіе, а именно объ индульгенціяхъ, и разувѣрить

своихъ читателей, доказавъ имъ, что индулгенціи вовсе не разрѣшаютъ грѣшить сколько угодно на будущее время, какъ тому учатъ въ семинаріяхъ нашихъ, а что они слагаютъ только эпитимію. Но по несчастію, онъ въ Римѣ не нашелъ никого кто могъ бы ему растолковать: что такое индульгенціи?!?! и своими двусмысленными выраженіями онъ еще болѣе вкоренилъ господствующій нелѣпый предразсудокъ объ индульгенціяхъ, котораго не чуждъ и ученый Стурдза.

Есть и еще причины, облегчающія имъ переходъ, столь тяжкій для сердца истинно вѣрующаго! и проч. и проч. стран. 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206 и 207. (Пис. V.)

Мы не выписываемъ всѣхъ разсужденій автора о семъ предметѣ, они слишкомъ пространны, но указываемъ на страницы. Такъ какъ авторъ часто повторяется, и что главный предметъ его нападеній есть главенство, надменность, властолюбіе папъ, то слѣдуя всѣмъ его разсужденіямъ, мы должны бы часто повторять сказанное нами, и потому возразимъ ему общими доводами, основанными на приведенныхъ нами фактахъ. Если Хрістосъ дѣйствительно поставилъ ап. Петра видимою главою своей церкви, то римскіе епископы наслѣдуютъ его правамъ, какъ это признаетъ и наша православная церковь для наслѣдованія епископовъ. Слѣдовательно: нынѣшній папа Пій IX есть преемникъ Петра, пользую-

щійся всѣми правами дарованными Спасителемъ верховному апостолу. Что бы отвергнуть это, то надобно отвергнуть сообщеніе верховной духовной власти чрезъ рукоположеніе. Эта истина, была признаваема на востокѣ съ начала христіанства до 11го столѣтія. „Верховнаго Петра наслѣдникъ былъ еси," поетъ православная церковь папѣ Льву; слѣдовательно: признаетъ то же наслѣдство и въ Піѣ IX. А такъ какъ это главенство или первенство основано на собственныхъ словахъ Спасителя, то она составляетъ догматъ христіанства, также необходимый для спасенія, какъ и прочіе догматы вѣры; ибо „небо и земля мимоидутъ," говоритъ Спаситель, „слова же моя не мимоидутъ." Слѣдовательно тѣ, которыхъ авторъ римскихъ писемъ такъ немилосердно осуждаетъ за присоединеніе ихъ къ каѳедрѣ Петра, возвращаются только къ вѣрѣ Василія великаго, златоустаго, Ѳедора студита, отъ вѣроисповѣданія которыхъ такъ далеко отстала нынѣшняя восточная церковь.*) Всѣ это есть послѣдствіе происковъ властолюбивыхъ и коварныхъ патріарховъ востока, и авторъ, обвиняя папу въ надменности, самъ падаетъ во всю глубину бездны этого грѣха, оспоривая повиновеніе должное тому, котораго самъ Спаситель поставилъ верховнымъ надъ всѣми учениками, и который всегда живетъ въ лицѣ своихъ преемниковъ на

*) Спаситель повелѣлъ оставить отца и матерь, что бы слѣдовать за нимъ, слѣдовательно упреки автора римскихъ писемъ, почерпнутые изъ свѣтскихъ побужденій, чужды христіанству. Въ его слогѣ отзывается духъ непримирной вражды, вовсе не христіанскій. А логики, уже не ищите.

первопрестольной каѳедрѣ. Авторъ не можетъ хладнокровно выговорить — намѣстникъ Христа. Но что же тутъ противно понятіямъ о іерархіи? на исповѣди каждый пресвитеръ, разрѣшающій грѣхи отъ имени Христа, есть намѣстнкъ Христа на эту минуту. И такъ какъ церковь должна видимо управляться, единства ради, до скончанія вѣка, то что же тутъ удивительнаго, что такой правитель именуется намѣстникомъ Христа, который самъ остается невидимой главою церкви! Безъ видимаго главы, является анархія, и мы видѣмъ ея горькіе плоды въ порабащенномъ востокѣ. Есть еще нѣкокорые незрѣлые умы, которы полагаютъ что намѣстникъ Христа долженъ непремѣнно обладать всѣми совершенствами Спасителя, а какъ это дѣло невозможное, то и намѣстничество есть выдумка надменности. Выслушаемъ, что говоритъ мудрый Флёри, о первосвятителяхъ, которые себя ознаменовали дурною жизнею.

„Dieu a permis que pendant le Xe siècle, le siége de Rome fut rempli des sujets indignes, par l'infamie de leur naissance, vu par leurs vices personnels; mais il n'a pas permis qu'il s'y soit glissé aucune erreur contre la sainte doctrine, ni que l'indignité des personnes ait nui à l'autorité du Siége de Rome: et ces papes, si méprisables en eux-mêmes, ont été reconnus pour chefs de toute l'Eglise en Orient*), comme en Occident, et dans les provinces du Nord les plus reculées.

*) Мы знаемъ, что авторъ римскихъ писемъ возстанетъ противъ этого факта, но доказательства онъ никакого не представитъ, а мы далѣе это докажемъ.

Les archévêques leur demandaient le pallium, et on s'adressait à eux pour la translation des évêques, les érections des nouvelles églises, les concessions des privilèges. Sans ces indignes papes, Rome ne laissait pas d'être le centre de l'unité catholique. — C'est ainsi que Dieu accomplit sa promesse d'être toujours avec elle, et de ne jamais permettre qu'elle succombât aux puissances de l'enfer."

(Fleury, Discours sur l'histoire ecclésiastique depuis l'an 600 jusqu'à l'an 1100, chap. XVIII, XIX.)

Такъ какъ Флёри выводитъ это заключеніе въ обзорѣ своемъ описанной имъ предъ симъ исторіи пяти вѣковъ отъ 600го до 1100го года, то прочитавъ эту самую исторію, читатель тамъ найдетъ факты подтверждающіе его заключенія. Но мы докажемъ автору римскихъ писемъ другимъ еще образомъ, что въ X вѣкѣ, восточная церковь признавала іерархію западную, точно такъ же какъ и нынѣ всѣ католическія державы признаютъ папу за главу церкви. — Мы привели въ своемъ мѣстѣ письмо митрополита неокесарійскаго Стиліана, который отъ имени всего восточнаго духовенства просилъ папу Стефана узаконить неправильное поставленіе іерарховъ и духовныхъ лицъ посвященныхъ лже-патріархомъ Фотіемъ въ IX вѣкѣ. Болѣе покорности не возможно изъявить. Послѣ того до Керулларіи, т. е. до 1053 года, совершенный миръ продолжался между церквами, и никакого столкновенія не было между ними. Слѣдовательно, и римскій первосвятитель ipso facto, былъ признаваемъ во все это время, въ томъ смыслѣ и значеніи какъ при папѣ Стефанѣ, къ

которому все восточное духовенство обратилось съ изъявленіемъ совершенной покорности. И такъ, для заключенія, повторимъ:

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что восточная церковь, до раздѣленія церквей, признавала папу римскаго, какъ наслѣдника ап. Петра, какъ главу всей православной церкви, начальствующаго надъ соборами, и надъ восточными патріархами. Если это было признаваемо въ теченіи 850 лѣтъ, то оно должно быть признаваемо всегда, ибо никакой соборъ этого не отмѣнилъ, и отмѣнить не могъ.

О исхожденіи Св. Духа отъ Сына, скажемъ, что никогда никакой соборъ, ни отцы церкви не провозглашали что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына. Исхожденіе же отъ Отца и Сына, торжественно было провозглашено на многихъ частныхъ и двухъ вселенскихъ соборахъ, а именно:

На толедскомъ соборѣ въ Испаніи въ 447 году, на соборѣ въ Жантильи (Gentilly) въ 767 году, на 2мъ никейскомъ, въ Константинополѣ въ 787 году, на соборѣ въ Фріулѣ (Frioul) въ 791 году, на соборѣ въ Арлѣ (Arles) при Карлѣ великомъ. — А какъ въ это время, т. е. въ теченіи 400 лѣтъ, не было разрыва между церквами, то соборы частные хотя и западные, должны имѣть одинаковую силу и на востокѣ, потому что тогда обѣ церкви составляли единое тѣло. Потомъ этотъ догматъ торжественно былъ узаконенъ и принятъ греками на ліонскомъ соборѣ въ 1274 году, который слѣдуетъ почитать вселенскимъ, потому что на ономъ сошлись іерархи

съ запада и востока. Постановленіе сего собора о Filioque было утверждено и обнорадовано частнымъ соборомъ въ Константинополѣ, когда патріархомъ избранъ былъ Іоанна Бекке, поборникъ совершившагося соединенія. Наконецъ и на флорентинскомъ соборѣ, гдѣ состязались ученѣйшіе іерархи востока и запада, догматъ этотъ торжественно принятъ греками. Слѣдовательно, догматъ о исхожденіи Святаго Духа отъ Отца и Сына, былъ утвержденъ соборами пять разъ до разъединенія церквей, и три раза послѣ разрыва, при попыткѣ о соединеніи. Слѣдовательно восемъ разъ этотъ догматъ былъ утвержденъ и провозглашенъ; а о томъ, что Св. Духъ не исходитъ отъ Сына, никогда объ этомъ не было ни сужденія ни постановленія.

Къ чему же довели всѣ враждебныя выходки автора римскихъ писемъ? Къ тому, что мы неопровергаемо доказали все то, что онъ оспариваетъ, и что нѣтъ никакого религіознаго повода для востока, что бы не примириться съ западною церковью, чрезъ изъявленіе должной покорности главѣ вселенской церкви, папѣ римскому.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

No. 1.

Слѣдующее извлеченіе изъ катихизиса западной церкви, доказываетъ, что не льзя сказать о римлянахъ, что они любятъ вооружаться все тѣми же доводами, безъ указанія на факты.

D. De ce que St.-Pierre était le chef des apôtres, et est mort à Rome, s'en suit-il que l'évêque de Rome soit le premier chef des évêques?

R. Oui: car les évêques d'un siège succèdent non seulement au caractère, mais aussi à l'autorité, à la prééminence, et à la juridiction de ses prédécesseurs. C'est sur ce fondement, que l'Eglise a regardé dans tous les siècles le siège de l'évêque de Rome, comme le premier siège, et que les papes sont regardés comme ayant de droit divin, en qualité de successeurs de St.-Pierre, la primauté d'honneur et de juridiction dans toute l'Eglise.

(St.-Cypr. lett. 52, 49, 55. St.-Irinée Liv. 3, chap. 3. St.-Jérome, lett. 57 à Damase. St.-Augustin lett. 53, 165 à Générosus, lett. 43, 162 à Glorius et Eleusio, No. 7, etc.

Gregor. Nazianz. epistol. p. 941. Bentzy pandect. T. I, p. 154; T. II, p. 561, 611, 694, 916, 976; T. IV, p. 142, 1186, 1198. — I. Conc. de Nicée, Canon 6. — I. Conc. de Constantinople, Canon 3. — Concile de Calcedoine T. IV, p. 154.)

Сверхъ того, мы довольно привели доказательствъ въ подтвержденіе сего ученія при извлеченіи изъ православныхъ служебниковъ.

No. 2.

Это подтверждается слѣдующими примѣрами взятыми на удачу изъ книги правда вселенской церкви.

На страницѣ 178, авторъ приводитъ слѣдующія слова константинопольскаго патріарха Тарасія, заимствованныя изъ исторіи Флёри: „И такъ умоляю государей созвать вселенскій соборъ, дабы мы составили всѣ единое тѣло, подъ единственною главою Іисусомъ Христомъ.“ Этимъ цитатомъ, авторъ думаетъ убѣдить, яко бы Тарасій отвергалъ главенство римскаго первосвятителя. Но цитатъ этотъ, неполный. Передъ этимъ Тарасій говорилъ: „Западъ анаѳематствуетъ насъ ежедневно“ (во времена иконоборцовъ): „ужасная вещь анаѳема, которая изгоняетъ изъ царствія небеснаго, и ведетъ во тьму кромешную.“ (Флёри кн. 24, гл. 24.) А въ той же главѣ мы видимъ, что предшественникъ Тарасія, патріархъ Павелъ говорилъ умирая: „О, если бы Богъ далъ, что бы я никогда не былъ на этомъ престолѣ, въ то время

когда эта церковь была угнетена, отлучена отъ другихъ, и анаѳемствована.“ И такъ, вотъ два патріарха константинопольскіе, которые сокрушаются тѣмъ, что церковь ими пасомая пала подъ проклятіе Рима. Это достаточно доказываетъ, какими неполными цитатами авторъ вселенской правды, выводитъ заключенія совершенно противныя фактамъ. Далѣе: на страницѣ 122 правды вселенской церкви, мы читаемъ: „И такъ, мы необходимо убѣждаемся что св. Кириллъ александрійскій дѣйствовалъ на ефесскомъ соборѣ, не какъ орудіе папы, но какъ союзникъ его, что какъ папа величается цѣлымъ соборомъ, какъ глава западной церкви, и что онъ, вслѣдствіе сего, вопреки своихъ домогательствъ не повѣлевалъ соборомъ, а только согласовался съ онымъ.“ Возстановимъ факты, и заключеніе будетъ совершенно другое. Для того начнемъ съ переписки св. Кирилла александрійскаго съ папою Келестиномъ, какъ она приведена въ церковной исторіи Флёри: „Я еще объ этомъ дѣлѣ не писалъ ни одному епископу. Вашему святѣйшеству должно быть извѣстно, что всѣ восточные епископы согласны съ нами, и что всѣ негодуютъ, въ особенности, епископы македонскіе. Народъ не совѣщается болѣе съ Несторіемъ, развѣ малое число льстецовъ его и легкомысленныхъ приверженцевъ. Я не захотѣлъ прекратить сообщенія съ нимъ, прежде нежели увѣдомилъ васъ о всемъ этомъ. И такъ, благоволите сообщить ваше мнѣніе, надлежитъ ли еще имѣть съ нимъ общеніе, или объявить ему рѣшительно, что всѣ отъ него отступятся, если онъ будетъ упорствовать въ своихъ заблуж-

деніяхъ. Ваше мнѣніе объ этомъ предметѣ должно быть письменно предъявлено епископамъ македонскимъ и восточнымъ.“ — Это письмо было послано къ папѣ чрезъ дьякона Писидоніуса. По полученіи онаго, папа Келестинъ созвалъ въ Римѣ соборъ (въ 430 году), на которомъ всѣ писанія Несторія были разобраны и осуждены. На этомъ соборѣ Келестинъ написалъ семь посланій отъ того же числа, первое св. Кириллу, а прочія шесть Несторію и главнымъ епископамъ востока. Св. Кириллѣ было поручено исполнить приговоръ папы. Въ письмѣ св. Кирилла, писаномъ 3го числа августовскихъ идъ, папа Келестинъ ему говоритъ: „И такъ мы исполнимъ приговоръ произнесенный нашимъ престоломъ, дѣйствуя вмѣсто насъ, и въ силу нашей власти духовной; такимъ образомъ, что если въ теченіи десяти дней, послѣ этого напоминанія, Несторій не анаѳемствуетъ въ ясныхъ выраженіяхъ богомерзское ученіе свое, и не дастъ обѣщанія исповѣдывать на будущее время вѣру преподаваемую римскою церковью, и которую признаетъ ваша церковь и все христіанство тогда ваше преосвященство должны заботиться о замѣщеніи константинопольской каѳедры другимъ, да бы ему было извѣстно, что онъ будетъ непремѣнно отлученъ отъ нашего тѣла. — Въ письмахъ своихъ, св. Кирилла величаетъ папу Келестина отцемъ патріархомъ, всемірнымъ архіереемъ всѣхъ земель, и заключаетъ, что Несторій долженъ быть низверженъ. (Твор. Кирилл. Т. V, часть 2, стр. 379, 382.)

Изъ этого явствуетъ, что на ефесскомъ соборѣ былъ только утвержденъ приговоръ произнесенный въ Римѣ,

и что, если св. Кирилла и предсѣдательствовалъ на этомъ соборѣ, то потому только, что по выраженію пролога (8 Апр.), онъ былъ способникомъ папы Келестина на низверженіе Несторія, низложилъ же его папа, а соборъ только повторилъ. Еще приведемъ одинъ примѣръ, что бы доказать, какія произвольныя заключенія, выводитъ иногда авторъ правды вселенской и римскихъ писемъ, изъ цитатовъ имъ заимствованныхъ у Флёри.

На стр. 208 и 218, авторъ, для высшаго убѣжденія своихъ читателей, выписываетъ изъ исторіи Флёри два письма, писанныя патріархомъ Фотіемъ папѣ и императору, въ которыхъ онъ себя представляетъ кроткимъ, смиреннымъ, и чуждымъ всякаго честолюбія. Но авторъ умалчиваетъ, что Флёри приводитъ эти два письма какъ неоспоримыя доказательства глубокаго лицемѣрія и ханженства этого лжепатріарха. И вотъ между прочимъ какъ Флёри рекомендуетъ этого виновника раздора существующаго по нынѣ между церквами западной и восточной. „Есть родъ преступленій, которымъ мы не встрѣчаемъ нигдѣ примѣровъ, кромѣ какъ на востокѣ. Это — богохуленіе и поруганіе святыни — мы уже видѣли съ отвращеніемъ какимъ преступнымъ играмъ предавался съ своими презренными товарищами юный императоръ Михаилъ, сынъ благочестивой Ѳедоры, которая увѣщаніями своими не въ силахъ была его остановить на пути разврата. Одѣтые въ священныхъ ризахъ, они публично издѣвались надъ святынею, и дерзали совершать богослуженіе, и даже таинство безкровной жертвы. Тогдашній патріархъ Фотій видѣлъ и терпѣлъ все это, что доказываетъ, что

онъ былъ еще нечестивѣе самыхъ виновниковъ подобныхъ богохуленій. Ибо юный Михаилъ, былъ распутный безумецъ, обуреваемый страстями; тогда какъ Фотій дѣйствовалъ обдуманно, по расчетамъ хитрой политики, внушенной честолюбіемъ, онъ обладалъ великимъ умомъ, и обширною ученостью. Чтоже до нравственности его касается, то онъ былъ совершенный лицемѣръ, говорилъ какъ святый, а дѣйствовалъ какъ злодѣй. При немъ допущено было еще другое беззаконіе: сопричтеніе къ лику святыхъ, членовъ царской фамиліи, изъ одной низкой лести. Этимъ мнимымъ угодникамъ божіимъ воздвигали храмы, въ память ихъ установляли праздники, какъ это было учинено Фотіемъ для умершаго сына Василія македонскаго, Константина: въ чемъ онъ подражалъ идолопоклонству."

No. 3.

Передаемъ истолкованіе епископа гермополитанскаго (d'Hermopolis) Фрассиноуса, о истинномъ значеніи слова нетерпимость (intolérance) по ученію римско-католической церкви; изъ сего видно что нетерпимость есть условіе неразлучное съ правдою, которая непримирима съ неправдою, и оной терпѣть не можетъ. Это разсужденіе мы передаемъ на томъ языкѣ на которомъ оно написано. Пускай прочитаютъ это со вниманіемъ тѣ, которые всегда мечутъ въ католическую церковь, за ея мнимую нетерпимость (intolérance).

„Rien de plus intolérant que la vérité en un certain sens ; elle ne peut s'allier avec aucune erreur. Toute église indifférente aux opinions, qui combattent sa doctrine, porte par cela seul sur son front le cachet du mensonge. Le caractère de la véritable église est de condamner toute doctrine qui n'est pas la sienne ; par sa nature même, elle y est opposée, comme la vérité est opposée au mensonge. Sous ce rapport, on peut, si l'on veut, l'appeler intolérante, comme le protestant est intolérant pour le déïste, et comme le le déïste l'est pour l'athée. Cette sorte d'intolérance dans la doctrine peut, en effet, être présentée comme une preuve de sa vérité, il ne faut que s'entendre.

„Toutefois le zèle de la doctrine ne doit jamais altérer la charité. Intolérante contre les erreurs, mais tolérante envers les personnes, telles sont les règles que nous prescrit la religion que nous avons le bonheur de professer ; tout ce qui, dans le cours des siècles, a pu s'écarter de ce double caractère de force et de douceur, n'est pas venu de la religion, mais des passions humaines. Elle nous apprend à supporter dans des sentiments de paix et d'indulgence ceux même que nous croyons dans l'erreur, à les plaindre plus encore qu'à les condamner ; le vrai chrétien sait distinguer l'erreur toujours odieuse de celui qui s'égare ; le paradoxe qui révolte, de celui qui le soutient, et, lors même, que les doctrines peuvent diviser les esprits, la charité doit confondre les cœurs. On dit que la maxime : hors de l'église, point de salut, est intolérante ; entendons-nous, et nous serons bientôt d'accord.

„Nous, hommes, ne pouvant juger que sur les appa-

rences, nous appelons catholiques tous ceux qui sont nés dans le sein de l'église catholique, et nous accusons de schisme ou d'hérésie tout ce qui est né et qui vît hors de sa communion extérieure. Mais cherchons à bien démêler les choses, et à les voir comment elles sont dans la réalité. Cet homme est né dans le sein de l'église romaine; mais, en même temps, par ses discours ou ses écrits, il inspire le mépris de l'autorité ecclésiastique, il dénigre les pasteurs légitimes, il souffle la révolte contre eux. N'hésitons pas de dire qu'il est animé d'un esprit schismatique, et qu'il est coupable devant Dieu. Au contraire, dans une société chrétienne, séparée de la nôtre, si ceux qui la composaient n'y adhéraient pas par choix, volontairement, avec connaissance de cause, cette bonne foi les rendrait innocents devant Dieu du crime de schisme.

Cet homme extérieurement catholique, n'est pas soumis d'esprit et de cœur aux décisions de l'église: il rejette quelques points de sa doctrine; par cela seul, il est coupable d'hérésie devant celui qui sonde les reins et les cœurs, suivant l'expression de l'écriture. Au contraire, au milieu d'une société d'ailleurs hérétique, si l'on ne professe l'erreur que par une ignorance invincible de la vérité, on peut être innocent d'hérésie: aussi est-ce un principe très-connu et non-contesté, que l'hérésie est bien moins dans l'erreur que dans l'opiniâtreté à la soutenir malgré le jugement de l'église. Dès-lors, un chrétien qui ne resterait pas séparé de la communion ou de la foi de l'église catholique que par une ignorance tout-à-fait involontaire, ne serait pas condamnable pour le seul fait de la séparation ou de l'er-

reur. Il faut le dire, il faut le proclamer hautement; l'homme au tribunal de Dieu, ne sera responsable, dans ses opinions, que de sa mauvaise foi; dans sa conduite, que des transgressions volontaires de ses devoirs. Hors de l'église, point de salut: oui, en principe: mais, les enfants baptisés hors de l'église sont néanmoins membres de l'église par le baptême qui est son bien propre; et, s'ils meurent avant l'âge de raison, le royaume des cieux leur est assuré: ce n'est pas une opinion, c'est un article de foi catholique. Ces enfants, ont-ils atteint l'âge de raison? Alors, si, professant les points principaux que leurs sectes ont conservés, et qu'elles ont de commun avec nous, ils sont de bonne foi sur tout le reste, ils n'ont pas cessé d'appartenir à l'église. Considérez tous ces enfants, depuis l'âge je le suppose, de six ans jusqu'à douze; instruits, dominés par leurs parents, leurs maîtres, leurs pasteurs, par les exemples de tout ce qui les entoure, peuvent-ils avoir la pensée qu'ils sont élevés dans une fausse religion, qu'ils sont trompés par les personnes que la nature leur apprend à respecter et à aimer le plus? Qui serait assez téméraire pour avancer, qu'à cet âge ils professent de mauvaise foi les erreurs de leurs pères? Laissons ici le discernement à celui qui voit les consciences. Prenez maintenant des hommes plus avancés en âge, dans les classes surtout les moins éclairées. Jusqu'où va l'empire de l'éducation, des premières impressions reçues comme avec la vie? Jusqu'à quel point les causes particulières peuvent-elles contribuer à cette bonne foi qui excuse devant Dieu? Il n'est pas donné à l'homme de le savoir, et voilà pourquoi, en condamnant les sectes en général, il faut laisser à Dieu

le jugement des particuliers. Maintenant, quelqu'un serait-il tenté de me demander, si dans les sociétés séparées, il existe beaucoup de personnes de bonne foi? Je réponds que c'est le secret de Dieu, que le cœur de l'homme est profond comme les abîmes; que les passions, l'orgueil, l'intérêt, la volupté, sont une source d'erreurs; qu'on ne doit pas confondre cette fausse sécurité par laquelle on se trompe soi-même, avec cette droiture, cette sincérité qui justifie devant Dieu. L'illusion n'est pas de la bonne foi, trop souvent, elle est une ignorance, que l'homme ne le reproche pas, et qui n'en est pas moins criminelle. Peut-on se rendre le témoignage qu'on aime la vérité, qu'on a pris les moyens de la connaître, qu'on n'a pas mis d'obstacles volontaires à la communication de la lumière? Voilà d'abord ce qu'il importe de savoir. Aussi, ne doit on pas être rassuré sur le sort de ceux qui sont dans l'erreur, et ne pas discontinuer de travailler avec zèle à les ramener à l'unité. Loin de nous cette indifférence qui met au même rang le mensonge et la vérité, et qui finit par y mettre aussi le vice et la vertu.

„Pour nous résumer: hors de l'église point de salut; cela est vrai; mais les enfants baptisés de toutes les communions appartiennent à l'église; mais les adultes, qui se trompent de bonne foi, n'ont pas cessé d'appartenir à l'église, et s'ils ne sont pas responsables que de leur mauvaise foi, ou de leur négligence, où est l'injustice? où est l'intolérance?"

(Maximes de l'église catholique sur le salut des hommes, par Frayssinous, évêque d'Hermopolis.)

No. 4.

Извлекаемъ изъ исторіи Флёри слѣдующую выписку касательно поклоненія мощамъ. Авторъ римскихъ писемъ самъ часто ссылается на этого писателя, слѣдовательно этотъ источникъ не будетъ ему подозрителенъ. Къ тому еще, папа Григорій великій, коего приводится здѣсь письмо, чрезвычайно уважаемъ авторомъ правды, вселенской правды, и даже митрополитомъ Филаретомъ.

Императрица Константина просила у папы Григорія великаго (двоеслова) главу св. апостола Павла, для помѣщенія въ воздвигаемой ею церкви во имя сего святаго мужа.

Вотъ отвѣтъ св. Григорія:

„Вы желаете того, чего я на осмѣлюсь исполнить. Потому что нетленныя тѣла св. апостоловъ Петра и Павла такъ страшны чудесами, которыя они творятъ, что даже для молитвы, не льзя безъ страха къ нимъ подходить. Предмѣстникъ мой, желая перемѣнить одно серебрянное украшеніе, которое было на тѣлѣ св. апостола Петра, имѣлъ ужасное видѣніе, хотя былъ отдаленъ на пятнадцать футовъ отъ гробницы. Я самъ, пожелалъ исправить кое что подлѣ тѣла св. Павла. Надлежало прорыть нѣсколько въ глубину гробницы. Настоятель нашелъ нѣсколько костей, которыя впрочемъ не касались до гробницы и перенесъ ихъ въ другое мѣсто; онъ внезапно умеръ послѣ печальнаго видѣнія. Предмѣстникъ мой, желая исправить кое что подлѣ тѣла св. Лаврентія, люди начали копать землю, не зная положительно гдѣ

покоится тѣло, и гробница вдругъ разтворилась; но и папа и работающіе тутъ, отъ того только, что видѣли тѣло, не коснувшись его, умерли всѣ въ теченіи десяти дней.

„И такъ, да будетъ вамъ извѣстно, государыня, что когда римляне даютъ мощи святыхъ, они не прикасаются къ тѣлу; они только кладутъ кусокъ холста въ ящикъ, который становятъ близъ тѣла святаго, послѣ чего вынимаютъ ящикъ, и съ благоговѣніемъ переносятъ въ посвящаемую церковь: тогда такія же чудеса совершаютъ, какъ если бы тѣло было перенесено. Во время папы св. Льва, для убѣжденія нѣкоторыхъ грековъ, сомнѣвающихся въ святости такихъ мощей, онъ приказалъ принести ножницы и разрѣзалъ холстъ, изъ котораго потекла кровь по увѣренію нашихъ старцевъ. Потому, не только въ Римѣ но и на всемъ западѣ почитаютъ осквернеміемъ святыни, дотрогиваться тѣлъ святыхъ угодниковъ божьихъ. Вслѣдствіе чего мы очень удивляемся обычаю греческому, уносить кости святыхъ, и мы съ трудомъ этому вѣримъ. Нѣкоторые греческіе монахи, года два тому, прибыли сюда, и стали ночью выкапывать мертвыя тѣла въ одномъ полѣ неподалеку отъ церкви сп. Павла, и прятали кости мертвецовъ. Изобличенные въ такихъ дѣйствіяхъ, ихъ спросили, для чего они это дѣлаютъ? и они сознались, что хотѣли увести эти кости въ Грецію, въ видѣ мощей.“ (Это письмо, писано въ Іюнѣ, индиктъ 12, отъ Рожд. Христова 594. Исторія Флёри кн. XXXI, гл. 38.)

Въ другомъ мѣстѣ Флёри пишетъ:

„Сомнѣнія нѣтъ, что мощи святыхъ угодниковъ божьихъ, достойны всякаго почитанія и чествованія, и мы видѣли какъ это исполнялось въ первыхъ вѣкахъ церкви, въ актахъ св. мучениковъ, и въ писаніяхъ св. отцевъ. Св. Августинъ говоритъ о мощахъ св. Стефана, и о чудесахъ, которыя ими совершались. Но онъ вмѣстѣ удостовѣряетъ, что въ его время, много разносилось подложныхъ мощей: и не всегда легко, отличить ихъ отъ настоящихъ. Нельзя бы было никогда ошибаться въ этомъ, если бы всегда имѣли благоразумную осторожность, не прикасаться къ гробницамъ святыхъ, и оставляли бы ихъ тѣла глубоко зарытыми въ землѣ, какъ это соблюдается еще въ Римѣ, съ мощами св. апостоловъ: и мы видѣли съ какою твердостью св. Григорій отказалъ самой императрицѣ предоставить ей главу св. Павла. На востокѣ начали перевозить мощи, съ мѣста на мѣсто и это было поводомъ къ подлогамъ. Что бы удостовѣриться въ святости мощей, необходимо бы было слѣдовать за всѣми переходами съ самаго обрѣтенія ихъ, и знать чрезъ какія руки онѣ проходили, что первоначально не было сопряжено съ затрудненіями.

„Но, спустя нѣсколько вѣковъ, можно было гораздо свободнѣе обманывать, не только народъ, но даже епископовъ, сдѣлавшись менѣе внимательными, и просвѣщенными. Но съ тѣхъ поръ какъ постановили, что не льзя освящать церквей ни алтарей безъ мощей, необходимость доставать ихъ, служила большимъ искупленіемъ, что бы не изслѣдовать дѣло слишкомъ строго. Польза происходящая отъ приношеній, отъ крестныхъ ходовъ, и отъ

приходящихъ на поклоненіе, всѣ сіи матеріальные интересы, которые обогащаютъ города, увеличили еще это грубое искушеніе. — Я не намѣренъ чрезъ такія общія разсужденія, оподозрить какія либо мощи въ особенности, знаю, что есть много изъ нихъ достовѣрныхъ, и что надобно поручить разсмотрѣніе и попеченіе о семъ благоразумію епархіальнаго епископа. Утверждаю только, что этотъ разборъ долженъ быть вообще строгій, и наипаче еще строжѣе для тѣхъ мощей, которыя бывъ сокрыты въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, появились только во времена невѣжества, или которыхъ увѣряютъ, что онѣ сохранились. Думаю, впрочемъ, что Богъ, которому извѣстны всѣ сокровенныя побужденія сердца человѣческаго принимаетъ благосклонно набожность вѣрныхъ, которые, не имѣя другаго намѣренія какъ чествовать его въ лицѣ святыхъ угодниковъ, прямодушно принимаютъ мощи, которымъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ поклоняются всенародно.

(Fleury, Discours sur l'histoire ecclésiastique depuis l'an 600 jusqu'à l'an 1100, ch. IV.)

No. 6.

Любопытно будетъ при семъ случаѣ помѣстить здѣсь подлинныя выраженія акта, которымъ Наполеонъ присвоилъ себѣ всѣ папскія владѣнія въ Италіи.

„Considérant que lorsque Charlemagne fit don aux

évêques de Rome de diverses contrées, il les leur céda à titre de fiefs pour assurer le repos de ses sujets.

„Considérant que depuis ce temps l'union des deux pouvoirs spirituel et temporel ayant été, comme elle l'est aujourd'hui, la source de continuelles discordes, que les souverains pontifes ne se sont que trop souvent servi de leur influence dans l'un pour soutenir leurs prétentions dans l'autre, et que par cette raison, les affaires spirituelles, qui de leur nature sont immuables, se trouvent confondues avec les temporelles, qui changent suivant les circonstances et la politique des temps.

„Considérant enfin, que tout ce que nous avons proposé pour assurer la sûreté de nos armées, la tranquillité et le bien-être de nos peuples, la dignité de notre empire, avec les prétentions des souverains pontifes ayant été proposé en vain, etc. etc.

„Les États du Pape sont réunis à la France, Rome est déclarée ville impériale et libre. Sa dette, ses monuments passent à la charge de l'empire; Napoleon permet au Saint-Père d'y résider et le pensionne."

1809.

На это грабительное самовластное распоряженіе, папа Пій VII, отвѣчалъ отлученіемъ Наполеона I отъ церкви, тутъ же предсказалъ погибель его арміи въ дальнѣйшихъ его завоеваніяхъ, что и сбылось слово въ слово въ 1812 году. И послѣдствіе этой войны, въ которой, подъ конецъ, вся Европа возстала противъ надменнаго завоевателя, было возвращеніе папѣ Пію VII Рима и всѣхъ земель у него отобранныхъ, что учинено было съ согласія всѣхъ евро-

пейскихъ государей. Изъ чего видно, что многочисленныя державы, которыя признаютъ папу главою церкви, нашли не только нужнымъ, но и правильнымъ, что бы онъ былъ по прежнему совершенно независимъ отъ всякаго посторонняго вліянія. При этомъ случаѣ, всѣ престарѣлыя нападенія противъ временной власти папъ, были взвѣшены и оцѣнены всѣмъ сонмомъ европейскихъ коронованныхъ лицъ, собравшихся на венскомъ конгрессѣ. А такъ какъ, въ томъ числѣ россійской императоръ не менѣе другихъ содѣйствовалъ къ достиженію этой цѣли, то, не совсѣмъ прилично авторъ римскихъ писемъ возстаетъ противъ того, что рѣшено такимъ верховнымъ судилищемъ.

Мы знаемъ, что на это замѣчаніе, авторъ римскихъ писемъ намъ возразитъ, что еще менѣе прилично русскому возставать противъ своей церкви и поносить священство.*) Но во первыхъ мы спросимъ у него, что такое значитъ своя церковь; церковь есть изображеніе вѣчной истины, церковь можетъ быть только одна, и мы видѣли по какимъ признакамъ можно ее распознать. Спаситель сказалъ, что надобно оставлять отца, матерь, жену и дѣтей, что бы слѣдовать за нимъ; а, защищать церковь имъ созижденную на Петрѣ противъ тѣхъ, которые на нее нападаютъ, значитъ слѣдовать за нимъ. Дурные же русскіе суть тѣ, которые поносятъ вселенское ученіе, преподаютъ ложныя понятія о истинномъ православіи, потому что они покинули вѣру Іоанна зла-

*) Это было имъ отмѣчено на нашей первой рукописи.

тоустаго, Василія великаго, и всѣми силами противятся, что бы россійская церковь возвратилась къ вѣрѣ сихъ святыхъ мужей. Тутъ дѣйствуетъ духъ гордости, который раждаетъ неповиновеніе, самое величайшее зло въ дѣлахъ религіи; почему и великій отчетъ отдадутъ Богу тѣ, которые совращаютъ неопытные умы такими сочиненіями какъ римскія письма и имъ подобныя, возбуждая раздоръ, тамъ гдѣ нужна любовь во Христѣ, и единство въ вѣрѣ.

Достойно замѣчанія, что самые закоренѣлые противники духовной и свѣтской власти римскихъ первосвятителей, какъ то: митрополитъ московскій Филаретъ и авторъ разбираемой нами книги, всегда выставляютъ папу Григорія двоеслова, въ примѣръ другимъ папамъ, потому что по ихъ убѣжденію онъ себя не почиталъ главою церкви, и отвергалъ свѣтское владычество. Мы уже доказали, что Григорій двоесловъ дѣйствительно управлялъ вселенскою церковью, и мы видѣли, что онъ самъ о томъ не разъ напоминалъ подчиненнымъ ему патріархамъ; относительно же достоянія римскихъ первосвятителей, вотъ чѣмъ они пользовались во времена Григорія двоеслова, т. е. въ VI. вѣкѣ. Римскій престолъ обладалъ уже въ VI. вѣкѣ богатыми наслѣдіями принадлежащими церковной области святаго Петра, какъ то: въ Сиракузѣ, въ Палермѣ, въ Калабріи, въ Апуліи, въ странѣ Самнитянѣ, въ Кампаніи, въ землѣ Тосканской, въ Сабиніи, въ Норги, въ Карсеоли, въ Аншіи, въ Равеннѣ, въ Истріи, въ Далмаціи, въ Иллиріи, въ Сардиніи, въ Корсикѣ, въ Лигуріи, въ

Алпійскихъ Котіенскихъ владѣніяхъ, въ Германіи, въ Сиріи, въ Галліи (книга V, письмо 52 Григорія двоеслова). Сверхъ того, церковная область, имѣла при Григоріи великомъ недвижимости на востокѣ, отъ которыхъ получалось дохода до 17,000 дублоновъ, что составляетъ нѣсколько болѣе 150,000 піястровъ, а каждый піастръ равняется 1 руб. 33 коп. сереб. Изъ этого видно, что враги Рима всегда побѣждены бываютъ собственными ихъ орудіями и доводами. (?)

No. 6.

Странно, что авторъ римскихъ писемъ, бывъ въ Римѣ для того, что бы изучить весь церковный обрядъ западной церкви, дѣлаетъ такіе промахи, когда онъ могъ бы и въ Петербургѣ узнать о многомъ гораздо основательнѣе нежели онъ тамъ составилъ свои замѣчанія въ враждебномъ духѣ. Если бы онъ прочиталъ церемоніалъ папскаго служенія и исторію литургіи со временъ апостоловъ, тогда онъ не могъ бы впадать въ такія грубыя ошибки. Начнемъ съ золотой трубочки (châlumeau d'or), которая такъ оскорбляетъ его религіозный духъ.

Outre le Calice et la Patène, il y a encore d'autres instruments qui touchent au Saint-Sacrifice. L'ordo romain en fait l'énumération, quand il décrit la manière de célébrer la Messe, et Anastase en parle fréquemment en racontant les présents faits aux églises par les Saints-Pontifes. Je

commence par le plus digne, celui qui touche des plus près au Sacrifice, la Fistule (Фистула), petit tube d'or ou d'argent dont on se servait autrefois pour prendre le sang du Sauveur dans le Calice. Le diacre, tenant le Calice et la Fistule, reste devant l'évêque jusqu'à ce qu'il ait pris du sang du Sauveur; ensuite, il remet au sous-diacre le Calice et la Fistule. Dans les anciens rituels des monastères, l'usage de la Fistule est toujours récommandé aux prêtres, aux ministres, et à ceux qui veulent communier. Anastase, dans la vie d'Adrien, l'appelle Tiphon. On trouve dans Mirée le testament du comte St.-Evrard en 937, dans lequel il est fait mention parmi les vases sacrés, d'une pipe d'or, pipa aurea, c. a. d. d'un petit tube d'or pour puiser le sang, comme l'explique Mirée dans ses notes. Les statuts des anciens chartreux l'appellent Calamus, Roseau, ou Châlumeau. Le diacre après la communion, doit sucer le châlumeau aux deux bouts pour le purifier le mieux qu'il pourra.

(De la liturgie par le card. Bona, Tom. II, p. 587 et 588. Paris 1854.)

Относительно же пріобщенія святыхъ тайнъ римскимъ владыкою на литургіи, вотъ что мы читаемъ въ томъ же сочиненіи томъ I, стр. 402.

„Le Saint-Père, lorsqu'il celèbre solennellement, commence de la manière suivante. Après avoir donné la paix à l'évêque et aux deux diacres qui l'assistent, et qui le baisent au visage et sur la poitrine, il monte à son siège accompagné des évêques et des diacres. Alors le diacre qui

a chanté l'Evangile, prenant respectueusement sur l'autel la patène et le sacrement (c. a. d. l'hostie) l'élève à la hauteur de ses yeux, la tenant de ses deux mains recouvertes d'une étoile d'or, sur laquelle sont les noms des douze apôtres, et qui est destinée à empêcher la sainte hostie de tomber. Il se tourne d'abord du côté de l'Epître, lentement et avec respect; puis se retournant vers le milieu de l'autel, il en fait autant du côté de l'Evangile; le sous-diacre est agenouillé de ce côté, il lui remet la patène avec l'hostie; ce dernier se lève, le diacre fléchit les genoux jusqu'à ce que le sous-diacre ait quitté l'autel pour porter le sacrement au Pontife, qui, à son approche fait une inclination profonde et l'adore respectueusement. Le sous-diacre, arrivé près du souverain pontife reste debout à sa gauche.*) Ensuite le diacre, prenant le calice, que recouvre un voile de drap d'or, se tourne également des deux côtés de l'autel, comme lorsqu'il tenait la patène, puis, portant le calice, il se rend auprès du pontife et se place à sa droite. Ce dernier prend alors une portion de l'hostie et il divise l'autre en deux pour la communion du diacre et du sous-diacre. Lorsqu'il a pris le corps du Seigneur, le cardinal-évêque assistant lui présente le châlumeau d'or avec lequel il prend une partie du précieux sang, laissant le reste pour le diacre et le sous-diacre. Il communie ensuite le diacre qui reste debout, tenant le calice dans sa main droite et le châlumeau dans sa main gauche. Ce dernier, après avoir reçu le corps

*) Совершенно противное того, что разсказываетъ авторъ римскихъ писемъ.

de J. C., embrasse le pontife et retourne à l'autel communier au sang du Seigneur, dont il prend une partie. Le pontife donne de la même manière la communion au sous-diacre qui s'est agenouillé et qui tient la patène, celui-ci retourne ensuite à l'autel, où il prend avec le châlumeau ce qui reste du précieux sang. L'un de ces deux ministres attire au bord du calice, la parcelle de l'hostie qui y a été mise, selon l'usage, et il la consomme en ces détails tirés du cérémonial de la chapelle du pape." *)

---

*) Въ этой ученой книгѣ доказывается неопровергаемо, что римская литургія основана самимъ апостоломъ Петромъ въ Римѣ, что къ ней прибавлено впослѣдствіи, только что по требованіямъ времени сдѣлалось необходимымъ на основаніе литургіи осталось неизмѣннымъ. (Пис. I, стр. 84 и слѣд.)

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи сей публикаціи благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ ней все, что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе, что находитъ въ немъ монарха, желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ

въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

[Толстой, С. Н. кн.]

ІЕЗУИТЫ КРАСНАГО ПѢТУХА НАМЪ ПУСТИЛИ

ИЛИ

РАЗВРАТИТСЯ-ЛИ РОССІЯ ВЪ ЛАТИНСКІЙ КАТОЛИЦИЗМЪ?

ПОСВЯЩАЕТСЯ ІЕЗУИТАМЪ ГАГАРИНУ И МАРТЫНОВУ,

ПЕТРОМЪ АРТАМОВЫМЪ,
ВЯЗЕМСКИМЪ МУЖИЧКОМЪ.

ЧАСТЬ II. — ТЕТРАДЬ IV.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

Кто сколько ни сердись, а я начну бранiться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской
мнѣ не ужиться.
Тотъ честенъ, такъ глупецъ,
Другой уменъ — ханжа, обманщикъ,
льстецъ.

Капнистъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

А. Франкъ, имѣетъ честь, увѣдомить всѣхъ желающихъ публиковать статьи, сочиненія, и проч., въ „заграничномъ сборникѣ“, что онъ вполнѣ готовъ исполнить это желаніе. Само собою разумѣется, что хотя „заграничный сборникъ“ и не подверженъ никакой цензурѣ, редакція его однако же не можетъ принимать статей, сочиненій, и проч., противныхъ по своему духу, началамъ нравственности, или же касающихся до личности русскаго царя. О подробнѣйшихъ условіяхъ благоволятъ адресоваться на имя:

А. ФРАНКЪ,
въ Парижѣ, въ улицѣ Ришльё, 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

Мысль защищать и восхвалять русскую церковь далека отъ меня. Крѣпко установилась она на вселенствѣ древняго православія, и доселѣ живетъ въ духѣ русскомъ жизнію цѣлаго народа. До сихъ поръ Богъ ее хранилъ отъ козней враговъ человѣчества: Богъ ее оградитъ и на будущія времена.

Но, брошюра іезуита Гагарина, очевидно расчитана на растлѣніе частныхъ лицъ. Всякому честному человѣку, которому извѣстна, хотя мало мальски исторія латинскаго католичества и римскаго папства, а въ особенности іезуитскаго общества, мысль о возможномъ соединеніи русской церкви съ латинскою должна представиться какимъ то чудовищнымъ произведеніемъ развращеннаго воображенія. Соединеніе или примиреніе съ латинствомъ — просто невозможное дѣло.

Въ догматическіе споры входить не станемъ. Для насъ противно слушать и читать религіозныя полемики, доказывающія только слабоуміе, суетность, мытарство людское. Хотѣть истолковать непостижимое, непонятное и недоступное уму человѣческому, значитъ хотѣть хватать звѣзды съ неба. Скажемъ еще болѣе: во всякой

полемикѣ такого рода всегда обнаруживается кощунство и атеизмъ. Поэтому, мысль отцевъ вселенскихъ охранить церковь Христову, отъ подобныхъ преній, доводящихъ большею частію до безвѣрія, была мыслію истинно человѣчественною. Горе тому, кто вовлекаетъ ближнихъ въ споры и вздоры о томъ, что окончательно было установлено на словахъ Спасителя міра.

Не понимаемъ доселѣ чего добиваются іезуиты, подъ личиною гагаринскою, человѣка весьма пустаго и жалкаго во всѣхъ отношеніяхъ. Каждый разъ, что намъ удавалось слышать или разговаривать съ бывшимъ княземъ, намъ приходила на память игра шарманокъ, безтолково, фальшиво и пѣтушино передающихъ аріи изъ разныхъ оперъ. Мы нисколько не преувеличиваемъ если сравниваемъ Гагарина, Мартынова, Шувалова, Балабина, Печорина, слѣпца Сергѣева, Августина Голицына и tutti quanti съ крикливыми, разстроенными механиками шарманокъ. Всѣ эти господа, отставшихъ отъ православія, промѣнявшихъ смиренное названіе русскихъ на надменное титулованіе братьевъ Іисуса, оказали и оказываютъ такую жалкую безмозглость, незнаніе, пустоту, безграмотность и бездарность, что по неволѣ спрашиваешь: дѣйствительно-ли іезуиты составляютъ то общество, которое слыветъ умнымъ, хитрымъ, всевѣдущимъ, готовымъ на всѣ дѣла, гдѣ солнце истины не должно освѣщать путей человѣчества?

Іезуитское братство! Многіе-ли изъ нашихъ православныхъ соотчичей-мужичковъ знаютъ, что такое іезуиты. Помню, когда я еще находился въ крѣпости, что бывшій

баринъ мой, ругалъ насъ всегда за какія-либо мошеннические продѣлки: ахъ вы іезуиты канальи! Освободясь отъ крѣпости, поживши нѣсколько лѣтъ на западѣ, научившись по нуждѣ нѣсколькимъ языкамъ европейскимъ, въ минуты отдыха отъ трудныхъ работъ, я предавался чтенію и ученію. Эти слова: ахъ вы іезуиты канальи, навели меня на желаніе узнать, что такое за люди, съ которыми баринъ насъ сравнивалъ всякой разъ, что бывало постараешся какъ нибудь его обмануть или обокрасть. Мнѣ все казалось, не знаю почему, что вѣроятно и іезуиты крѣпостной народъ, и отчасти оно и такъ. Всѣ они въ крѣпости и въ кабалѣ зла, невѣжества, смутныхъ идей властолюбія.

Всего лучше характеризируетъ ихъ общество, мысль высказанная на ихъ счетъ, бывшимъ лѣтъ двѣсти тому назадъ, ихъ генераломъ, Борджіа. Находясь на смертномъ одрѣ, терзаемый и мучимый угрызеніями совѣсти, человѣкъ этотъ, управлявшій орденомъ нѣсколько лѣтъ, покрытый кровью неповинныхъ, оскверненый всѣми гадостями и пороками, съ содроганіемъ воскликнулъ: „Господи, прости намъ окаяннымъ: подъ личиною овчею втерлись мы въ міръ сей; какъ волки витаемъ мы въ немъ; какъ поганыхъ собакъ изгонятъ насъ изъ него. Что за страшное наказаніе: вѣдь мы снова какъ стая хищныхъ, плотоядныхъ птицъ нагрянемъ на человѣчество, и будемъ терзать его; Боже мой, Боже мой, и опять насъ изъ этого міра какъ діав.....“ Говорятъ, что исповѣдникъ и окружающе братія не дали докончить и помогли смерти. Дѣло статочное!

И дѣйствительно откуда іезуитовъ не гоняли какъ собакъ: изъ Португаліи, и Испаніи, изъ Великобританіи, изъ Италіи, изъ Франціи, изъ нѣмецкихъ земель, изъ Китая, изъ Японіи, изъ Россіи, даже изъ самого Рима, отвсюду ихъ толкали въ шею, и вездѣ, гдѣ только они не основывались на жительство, вездѣ ихъ ненавидѣли и проклинали. Наконецъ даже самъ папа, не помню который именно, окончательно, въ силу своей непогрѣшимости изрекъ уничтоженіе ихъ братства. На этотъ разъ папа на дѣлѣ и въ дѣйствительности доказалъ свою непогрѣшимость.

Въ наше время іезуиты снова показываются. По словамъ ихъ генерала Борджіа, они слетаются какъ плотоядныя птицы на пожраніе общественнаго трупа. На западѣ общество видимо разлагается и тлѣетъ. Добыча славная; есть чего поклевать. И дѣло! пускай выклюютъ до тла смрадное общество: вѣдь перерожденіе въ новую жизнь, основано на условіи смерти. А все же отъ плотоядныхъ птицъ пахнетъ смердію .....

На вопросъ: Россія будетъ-ли католическою? (читай римскою, латинскою, папистскою), мы отвѣчаемъ просто отрицательно: нѣтъ, никогда Россія не развратится въ папизмъ. Разсужденій тутъ много не нужно. Разсужденія ровно ничего не доказываютъ. Историческіе факты, вотъ на чемъ должно и слѣдуетъ опираться; а факты, со временъ Ольги и Владиміра, Іоанна грознаго и Петра великаго, до нашихъ временъ — не послѣдовательныя-ли доказательства, что духъ папистскій противенъ духу православія и не совмѣстенъ съ духомъ русскимъ.

Гагаринская книженка, напечатанная въ 1856 году, на французскомъ языкѣ, и переведенная на русскій, сообщникомъ его Мартыновымъ, имѣла весьма жиденкій успѣхъ. Вотъ почему Мартыновъ и увѣряетъ, что она возбудила вниманіе цѣлой Европы. Впрочемъ, по іезуитскому ученію Европа, это какихъ-нибудь десятка два, три ханжей католическихъ, подобныхъ Августу Гакстгаузену, для которыхъ вѣра нѣчто въ родѣ аффэры биржевой. Намъ попалась книжонка нечаяннымъ образомъ, и съ начала до конца мы перечитали ее съ невольнымъ чувствомъ жалости о ея безсмысленной претензіи на что-то. Мы уже было и забыли совсѣмъ о ней, какъ вдругъ она снова появилась въ русскомъ переводѣ, и мы узнали, что еще готовятся двѣ или три другія брошюры на русскомъ языкѣ, написанныя въ томъ же духѣ. Признаться, отвѣчать на нихъ не стоитъ, но по несчастью, нѣкоторые русскіе и греческіе писатели отвѣтили на первую брошюру, и тѣмъ возбуждаютъ, разумѣется, къ религіозной полемикѣ. Мы уже сказали, что мы думаемъ о полемикахъ такого рода. Желая остановить ихъ, намъ пришла мысль высказать, какъ русскій мужичокъ думаетъ обо всемъ этомъ. Нашъ голосъ въ семъ случаѣ не долженъ внушать недоразумѣнія или подозрѣнія. Мы, независимы и по нашему положенію въ обществѣ, и по нашему состоянію, и по нашимъ мыслямъ, и по нашимъ чувствамъ. Отставши добровольно отъ Россіи, мы все же остались, русскимъ! и по привычкѣ, и по духу, и по сочувствію ко всему, что касается до нашей родинѣ. Насъ никто не изгонялъ, но мы сами и навсегда поставили между

нами и отчизною непреоборимую преграду. Однимъ слономъ, я родился русскимъ мужичкомъ, и хотя теперь и скитаюсь по бѣлу свѣту безъ отчизны — но никого въ томъ не могу обвинять. На то была моя собственная воля.

Авг. Гакстгаузенъ своимъ плодовитымъ и пресловутымъ слогомъ тщился поднять брошюрку Гагарина до небесъ, и сдѣлалъ только то, чему онъ обязался. За деньги и не немѣцкихъ бароновъ можно подкупить. Въ томъ-то и слабость папизма!

Православіе никого и никогда не подкупало, и не подкупаетъ. Къ чему? киньте взоромъ его прошлое и вы найдете, что:

оно никого на свою сторону не обращало ни деньгами, ни силою;

оно никогда не покрывалось фарисейскою черною мантіею іезуитства для распространенія идеи, которою держится съ самаго дня своего основанія, не смотря ни на турокъ, ни на папъ;

оно идетъ впередъ тихимъ, мѣрнымъ шагомъ, опираясь на евангеліе Христа и на преданія отцевъ вселенскихъ;

оно осталось неуклонно при постановленіяхъ догматическихъ и административныхъ правилахъ семи вселенскихъ соборовъ, высказавшихъ послѣднее слово о томъ, чему и какъ слѣдуетъ вѣровать всякому разумному человѣку;

оно не осмѣлилось ни убавлять, ни прибавлять, ни искажать этихъ постановленій;

оно и по нынѣ еще опирается на символъ вѣры, какъ изрекли его вселенскіе соборы;

оно не выдумывало богохульной непогрѣшимости папской;

оно, во имя божіе, не поджигало страстей человѣческихъ на грабежъ, на опустошеніе, на насильство противу Альбигойцевъ, не хотѣвшихъ признавать непогрѣшимости папской;

оно не проповѣдывало, во имя божіе, истребленія мечемъ и огнемъ, 222 валдійскихъ деревень;

оно не истребляло цѣлые милліоны людей въ Америкѣ во имя евангелія и креста, для утоленія своего сребролюбія;

оно не изобрѣтало севенкихъ драгонадъ для успокоенія оглумленой совѣсти дряхлаго, истаскавшагося короля;

оно не благословляло кровавой свадьбы варѳоломеевской ночи, и не истребляло тридцати тысячи человѣкъ, возстававшихъ противу искаженія вѣры Христа;

оно не уничтожило 130 тысячи душъ Чеховъ для большей славы божіей;

оно не ухищрялось на изобрѣтеніе красныхъ варшавскихъ сапожковъ на пользу католицизма;

оно не отдавало въ аренду жидамъ церквей божьихъ;

оно не позволяло своимъ попамъ и монахамъ кататься въ тріумфѣ на телегахъ, возимыхъ бабами и дѣвками;

оно не произвело на свѣтъ кровавой дьявольской инквизиціи;

оно не присвоивало себѣ права отрѣшать государей отъ престола, развязывать отъ присяги въ вѣрности под-

данныхъ, и не заставляло императоровъ стоять босоногими передъ дворцомъ, гдѣ папа ликовалъ, пьянствовалъ и развратничалъ съ своею любовницею;

оно не благословляло ножей цереубійцъ Равайльяковъ, Жаковъ, Клемановъ и Дамізновъ;

оно не точило и не всовывало ножей на убійство Генриха III., Генриха IV. и Людовика XV.;

оно не потакало революціи 93го года, пока это было выгодно для замысловъ поповъ;

оно не пѣло: „Тебѣ Бога хвалимъ“ въ 48мъ году, когда прогналъ народъ Людовика Филиппа изъ Франціи, и не благословляло деревъ свободы;

оно не покланялось выходцу и не просила въ храмахъ божіихъ его высочайшаго покровительства на посѣвъ табаку;

оно не обогрялось кровію славянъ во имя уніи;

оно не имѣло паповъ, жившихъ открыто съ наложницами и въ кровосмѣшеніи;

оно не имѣло папихъ;

оно не стрѣляло по своей паствѣ, хотѣвшей освободиться отъ каплунскаго ярма монаховъ;

оно не жгло на кострахъ Іоанна Гусса, Тампліеровъ, дряхлыхъ старухъ реформатскаго исповѣданія;

оно не жгло жидовъ подъ предлогомъ колдовства и братства съ чортомъ;

оно не отпускало грѣховъ прошедшихъ, настоящихъ и даже будущихъ за нѣсколько копеекъ;

оно не производило паповъ, явно смѣявшихся надъ глупостью человѣческою, и называвшихъ себя подъ веселую рукою: „ну что же: вѣдь земной то богъ, я я!“

оно не истребляло и не жгло книгъ священнаго писанія и псалтырей подъ предлогомъ, что онѣ напечатаны на народномъ языкѣ;

оно не подавало повода къ реформаціямъ, къ атеизму, къ равнодушію въ дѣлѣ вѣры;

и наконецъ оно не выкинуло на свѣтъ чудовищнаго недоноска, или переноска, исчадія мерзости, окаянства, которое дошло до такого неистовства, что горделиво и надменно назвало себя: братствомъ Іисуса, и налѣпило кровавые на своихъ хоругвяхъ буквы: A. M. G. D. т. е. Для Большей Славы Божіей.

Для бо́льшей славы божіей! Страшное богохульство! Для бо́льшей славы божіей, вы іезуиты, учите, что все, рѣшительно все не только позволительно, но еще богоугодно и обязательно. По этому вашему ученію, вы утверждаете, что богохульство, клятвопреступленіе, измѣна, человѣкоубійство, дѣтоубійство, братоубійство, отцеубійство, цареубійство, блудъ, кровосмѣшеніе, воровство, плутовство, ложь, ханженство, ядъ, мечъ, огонь, наушничество, поджигательство, развратъ, содомство, клевета, искаженіе истины, лжемудрствованіе, и проч., для большей славы божіей, т. е. для упроченія римскаго всемірнаго теократизма, и съ цѣлію вашихъ собственныхъ выгодъ, пріятно Богу.

Чему же удивляться послѣ этого? и чего ожидать отъ такого общества? И что мудренаго если эти господа, подъ видомъ миролюбивой книжечки, пустили намъ краснаго пѣтуха. Но смотрите іезуитики, не обожгитесь. Затѣяли вы важное дѣло — да какъ и чѣмъ оно кончится? Вотъ вопросъ.

Остерегаться вашей брошюры слѣдуетъ тѣмъ, которые не знаютъ вашихъ продѣлокъ, хитростей и козней. И мы предостерегаемъ земляковъ отъ васъ. Береженаго Богъ бережетъ. Да не забудемъ, что дьяволъ точно также, ласковымъ и краснымъ словцомъ, искушалъ Евву и самого Спасителя.

Вамъ бы только добиться до своей цѣли. — Папамъ же, и вамъ обѣщанія, ласканія, увѣренія и клятвы, ни по чемъ.

Факты — противу васъ, и пора бы вслѣдъ за Паскалэмъ и другими честными людьми, обличать васъ всенародно. Намъ православнымъ это слѣдуетъ сдѣлать для предостереженія народа отъ вашихъ искательствъ. Жаль, а право, не худо-бы Іоанна грознаго съ дубинкою вывести изъ гроба. Пускай съ вами потолковалъ бы, какъ толковалъ съ братомъ Іисуса, Поссевиномъ.

Каково начало — таковъ и конецъ. Пересмотрите книжонку іезуитовъ, вышечатанную подъ фирмою Гагарина и Мартынова, и найдете, что начинаетъ свою брошюру іезуитъ Гагаринъ лестію русскому царю, и — искаженіемъ истины. На этихъ-то двухъ камняхъ, на лести и на лжи — и создана вся папская система.

Начинаетъ лестью, вознося до небесъ весьма простой и естественный манифестъ Александра Шго, по случаю заключенія мира. Мы нѣсколько разъ перечитывали и этотъ манифестъ, и другіе, изданные по таковымъ же случаямъ. Обѣщаній — много; желаній — много; хоро-

шаго — много! Но закатываться отъ умиленія, и прослезываться, и трогаться, тутъ право нечего. Увидимъ, что изъ всего этого будетъ, а исторія скажетъ свое мнѣніе въ свое время. Кажется пора бы и іезуитамъ выходить изъ старой колеи избытыхъ, офиціальныхъ и высокоторжественныхъ чувствъ и фразъ. Довольно врать, и пора уже молчать, если говорить, нельзя.

Искаженіемъ правды —

А позвольте прежде всего спросить: за что, и когда, ваше іезуитское сіятельство, находитесь въ изгнаніи? Изгнаніе влечетъ за собою понятіе о гоненіи. А кто васъ гонялъ? И откуда васъ изгоняли? Къ чему морочить людей? Вѣдь это все хорошо лишь для однѣхъ старыхъ бабъ да про вашу братью іезуитовъ. По неволѣ заставляете вы насъ исправить фактъ, и выставить его наружу такъ, какъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Родной вашъ отецъ не хотѣлъ васъ принять въ домъ по вашемъ возвращеніи. За что? Положите-ка сердце на руку — и скажите не краснѣя, за что васъ отецъ прогналъ? Да къ чему? Развѣ у настоящаго іезуита есть сердце, и развѣ онъ можетъ краснѣть, когда дѣло идетъ о большей славы божіей, A. M. G. D.

А о вашемъ отступничествѣ отъ православія, вотъ что разсказывалось въ Петербургѣ. Когда донесли царю, что вы княжескій свой гербъ; промѣняли на іезуитскій четырехугольный колпакъ, и званіе русскаго дворянина промѣняли на званіе A. M. G. D. іезуита, тогда царь пожалъ плечами и съ презрѣніемъ сказалъ:

„Дуракамъ воля дурачиться. Пускай его дурить, и

остается тамъ гдѣ находится. Однимъ — меньше на Руси."

Вѣроятно это-то Гагаринъ съ самодовольствіемъ и называетъ наивно гоненіемъ и изгнаніемъ.

Скажите же на милость какіе у — и у —, могутъ быть чувства сердца, неразрарывно связаннаго въ узахъ съ любимою отчизною. Вѣдь — тамъ хорошо гдѣ можно жирно да сытно покушать и въ блаженномъ бездѣйствіи насыщаться для бо́льшей славы божіей, всякими благами міра сего, а доселѣ на цѣломъ западѣ извѣстно неистовство монашьихъ утробъ, за то ихъ и до Р. Х. еще называли жрецами.

Возстановивъ этотъ фактъ изъ жизни пресытаго іезуита Гатарина, мы совѣтуемъ ему болѣе не вилять съ истиною. Рано-ли, поздно-ли, а все же всякое темное дѣло и слово становятся явными. Мѣсто русскаго князя не въ іезуитскомъ монастырѣ, и не въ улицѣ почты, 18, а на родинѣ. Но родины у іезуитовъ нѣтъ. Ихъ родина Римъ, ихъ отецъ небесный, земной папа, и ихъ царствіе небесное въ подобныхъ 18 номеру дому, въ улицѣ почты. А извѣстное дѣло, выходить днемъ изъ дому вольнаго обращенія, стыдно.

И вотъ, подъ фирмою такого человѣка, является на свѣтъ предложеніе о примиреніи церквей, и все это подъ личиною и подъ предлогомъ вѣры.

Но въ томъ то и камень преткновенія. Іезуитская вѣра, что-то такое плотоядное. Іезуитъ не можетъ понять церкви духовной; ему не подъ силу разумѣніе, что церковь и духовенство — два совершенно отличительные

предмета между собою. Въ его умѣ, сжатомъ четырехугольнымъ колпакомъ какого-то духовнаго паяца, не можетъ совмѣститься понятіе, что вѣра есть чисто личное, разумное, умственное и свободное убѣжденіе внутренняго человѣка, и что тамъ гдѣ останавливается разумъ, останавливается и вѣра, и что по этому-то закону мышленія, только тотъ можетъ вѣрить, кто можетъ постигнуть бытіе Бога. Вотъ почему всѣ богословы запада, начиная съ Ѳомы Аквинскаго, и до нашихъ временъ, порятъ такую дичь, и вотъ почему еще во Франціи нѣтъ болѣе ни въ комъ вѣры въ Бога, въ безсмертіе души. Изъ предмета весьма яснаго, точнаго, объясненнаго вполнѣ самимъ Спасителемъ, папистическая система успѣла сдѣлать что-то темное, запутанное и необъяснимое. Ужасно за то и наказаніе духовенству, которое осмѣлилось играть столь святыми дѣлами и мыслями. Въ цѣломъ народѣ французскомъ, я въ теченіи двадцати пяти лѣтняго моего постояннаго обращенія съ нимъ, встрѣчалъ вездѣ только презрѣніе самое глубокое, самое отвратительное и къ папѣ, и къ іезуитамъ, и ко всему духовенству. Скуфейщикъ и еще подлѣйшая кличка, вотъ имена, подъ которыми всегда объ нихъ говорится. И не дай Богъ новому перевороту приключиться на западѣ. Въ томъ мы вполнѣ убѣждены, что ни одного попа, въ живыхъ не оставятъ.

Такъ такіе-то люди, безъ зазрѣнія совѣсти, и вздумали подъѣхать къ намъ русскимъ похлопотать о примиреніи въ области вѣры.

Въ области вѣры! — Вотъ то то и есть, куда не обернитесь, вездѣ въ латинскомъ католицизмѣ встрѣчаете

вмѣсто духовнаго, отвлеченнаго, сердечнаго въ вѣрѣ, только матеріальное, именованное, чувственное. Іезуиты дотого все исказили въ вѣрѣ, что ея нѣтъ болѣе на западѣ. Существованіе Божіе подвержено сомнѣнію; Хрістосъ осмѣянъ; Духъ Святый поруганъ! То, что дѣтски осмѣивали Ж. Ж. Руссо, Вольтеръ, Гольбейнъ, Дидеро и д'Аламберъ, Прудонъ убилъ своею холодною, безпощадною логикою. Его послѣдняя книга, посмертный звонъ католицизму. Мы не даемъ вамъ болѣе десяти, много пятнадцати лѣтъ существованія. А послѣ іезуитовъ что будетъ? Оплакивать васъ не станутъ. Время поэтическихъ плакушекъ, а ла Шатобріанъ, прошли. Поэтическимъ шематонствомъ люди съ умомъ и сердцемъ, болѣе не занимаются. Папизмъ — огромная средневѣковая развалина, и отъ этой развалины останется лишь одно темное, невѣрное преданіе, въ родѣ того, которое сохранилось неясно въ нѣкоторыхъ ученыхъ книгахъ о Друидахъ и о ихъ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ.

Но останется великое поученіе. Словами Хріста, не будутъ болѣе играть, и догматовъ новыхъ не будутъ болѣе выдумывать.

Странное впечатлѣніе производитъ на насъ латинскій католицизмъ. Намъ все кажется, что онъ передъ нами разстилается какъ смрадное болото, подобное понтинскому возлѣ Рима. Кто только дерзнетъ войти въ него, тотъ теряетъ непремѣнно и здоровье души и сердца, и свѣжесть ума.

И какъ отвратительно заглянуть во внутренность жизни католической. Все въ ней какъ-то глупо, неприлично, не совмѣстно прилажено, приклеено относительно къ общественной жизни. И къ довершенію бѣдствія, нѣтъ

возможности очистить этого безобразія безъ ужасной ломки построенія цѣлой системы. Нужно возвратиться къ первовѣковой жизни хрістіанства; исправить искаженія преданій; сломить папскія притязанія на невозможное главенство въ церкви; нужно уничтожить безбрачіе поповское, надѣлавшей болѣе вреда въ жизни семейной и общественной, чѣмъ всѣ пошлыя, гадкія, мерзскія дѣянія всей папской системы. Нужно все сломать, съ самой верхушки трехвѣнечной шапки папской, и все срыть до основанія, стоящаго на лести и на лжи.

Вотъ почему примиреніе невозможно, и не совершится никогда на тѣхъ условіяхъ, на которыхъ оно предлагается. Да и къ тому же, что за выгоды церковь должна искать въ матеріальной жизни народной. Церковь не совмѣстна съ идеями мірскими. Церковь чисто отвлеченное, духовное понятіе, какъ и самая вѣра, какъ и самая истина, какъ и самъ Богъ. Она не принимаетъ на себя величественнаго лика римскаго вселенства, и ея глава, Господь Іисусъ Хрістосъ, на небѣ и на землѣ, въ сердцѣ и въ умѣ, каждаго человѣка. Безъ Хріста, нѣтъ средоточія, нѣтъ корня живительнаго въ жизни вселенной, и это было такъ хорошо, чисто и ясно понято отцами вселенскихъ соборовъ, что къ ихъ ученію, къ ихъ постановленіямъ ни прибавлять, ни убавлять нечего, подъ опасеніемъ прослыть или глупцемъ, или богоотступникомъ. Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ мы примиренія съ вами. Да и къ чему оно? Вѣдь мы съ вами во враждѣ не стоимъ, мы васъ отъ себя не отталкивали, мы ссоръ да вздора не поднимали, мы не выдумывали часто смѣш-

ныхъ нововведеній въ области вѣры, мы не отставали отъ вашего величественнаго лика римскаго вселенства. Живите въ своемъ кругу, пока вамъ живется, а насъ оставьте вы въ покоѣ. Богъ разсудитъ лучше непогрѣшимаго папы и васъ іезуитовъ, кто правъ, и кто виноватъ. Да и вспомните, что сказалъ царь объ отступничествѣ князя Гагарина: дурите тамъ себѣ, а насъ не маните дурачиться съ вами.

Знаемъ, что насъ обвинятъ въ поджиганіи къ враждѣ; но мы отвѣтимъ: вражды у насъ нѣтъ къ латинству, а есть какое-то невольное холодное, презрѣніе, къ нему, которое мы нашли почти во всѣхъ мыслящихъ людяхъ Франціи, Германіи и Англіи.

Нѣтъ, нечего возбуждать къ враждѣ, потому что мы именно знаемъ и увѣрены, что предлагаемое и придуманное примиреніе гагарино-мартыновское, дѣло невозможное. Тутъ препятствія встрѣчаются не въ предразсудкахъ, а въ самой основной идеѣ хрістіанской, вселенской церкви православной, въ искаженіи догматовъ евангельскихъ, и въ самозванствѣ папъ римскихъ.

Да и знаете-ли, бѣдный мой Гагаринъ, чего домогаются ваши отцы A. M. G. D.? Сожалѣю и о васъ, и о прочихъ отступникахъ русскихъ. Посудите, помыслите и найдете, что тутъ дѣло идетъ не о мирѣ всего міра, а о существованіи папской системы. Іезуиты весьма хорошо знаютъ, что на западѣ папизмъ отжилъ свой вѣкъ, и доказательства на это находятся въ самомъ Римѣ, и въ областяхъ папскихъ. Эти доказательства столь осязательны, что какъ не привыкли отцы A. M. G. D., лгать, но тутъ умѣнія рѣшительно не стало. Престолъ папскій, раска-

чался до того, что только нужно малѣйшаго толчка на западѣ, и тогда прощай — горшки съ молокомъ, и свинья, и теленокъ, и коровушка. Политика Франціи и Австріи это точно также смѣкаетъ, и вотъ, духовнаго главу церкви, поддерживаетъ физическая сила штыковъ двухъ иностранныхъ государствъ. Дѣло въ томъ, кому достанутся на добычу папскія владѣнія. Вы вѣроятно еще не забыли басни Лафонтэна: два вора и оселъ. Любопытно бы увидать, кто будетъ третій воръ, и кому достанется магистръ Алиборонъ. Іезуиты весьма поняли, что быть третьимъ похитителемъ, можетъ быть только сильное государство, и вотъ почему имъ такъ хочется развратить русскую землю въ латинство.

По словамъ Гагарина для примиренія русской церкви съ Римомъ достаточно согласія трехъ лицъ: русскаго царя, папы и русской церкви т. е. епископовъ или сѵнода. Когда-де, говоритъ іезуитъ они будутъ согласны, кто воспрепятствуетъ примиренію?

Мы, іезуиты, слышите-ли вы, мы, всѣ и весь людъ православный; мы, всѣ русскіе всѣхъ сословій, званій и чиновъ, начиная отъ благовѣрныхъ великихъ князей до послѣдняго мужика-хлѣбопашца, мы, всѣ безъ исключенія, и православные, и раскольники, и иновѣрцы, всякъ кто только носитъ имя русскаго человѣка. Да, мы всѣ, всѣ мы возстанемъ какъ единъ человѣка, и не допустимъ неслыханной мерзости совершиться на святой, православной, русской землѣ.

Или вы думаете, что мы не помнимъ какъ словопрѣлъ Іоаннъ грозный съ Поссевиномъ, и какъ наши

отцы очистили опоганенную Москву вашимъ возлюбленнымъ питомцемъ Гришкою Отропьевымъ?

Или вы думаете, что мы забыли ваши святыя злодѣянія въ Малороссіи, гдѣ вы жгли, грабили, разбойничали, насильничали, оскверняли храмы божіи вмѣстѣ съ жидами? Или вы думаете, что и до насъ не дошло пастырское посланіе парижскаго архіепископа, въ которомъ приглашалъ ревностныхъ католиковъ, средцемъ и душею вступить въ союзъ съ почитателями корана, для уничтоженія восточнаго схизма? Ступайте же къ вашимъ союзникамъ и благопріятелямъ! Коранъ, папа, жиды, іезуиты — чего же вамъ болѣе!

Пускай мы схизматики! — Мы гордимся этимъ названіемъ, по крайней мѣрѣ, оно во имя божіе, A. M. G. D. не соединялось во едино, ни съ жидами, ни съ іезуитами, ни съ кораномъ, ни съ папою! Или вы думаете, что мы до того оглумлѣли и оглупѣли, что не видимъ какъ безнравственно, подло и діавольски похищеніе ребенка отъ матери, хотя бы еврейки, и хотя бы папою совершенное? Ступайте, стыдитесь, плачте и кайтесь, пока Господь Богъ, въ милости и въ долготерпѣніи своемъ, даетъ вамъ время на покаяніе. А мы, съ похитителемъ дѣтей, съ благопріятелями корана, съ потакателями іезуитовъ, примиряться не намѣрены. Какъ? что бы допустили мы святую, дѣвственную, цѣломудренную церковь нашу войти въ прелюбодѣйную связь съ новымъ Иродомъ XIX. столѣтія? Нѣтъ, нѣтъ, иначе Господь Богъ и насъ оставитъ, какъ оставилъ васъ несчастныхъ!

Да, слава Богу, обстоятельства какъ не льзя болѣе оправдываютъ наше отчужденіе отъ папизма и укрѣпляютъ

насъ въ презрѣніи къ этой системѣ. Въ миролюбивыя чувства вашего добродушнаго папы, мы никогда не повѣримъ. Мы слишкомъ любимъ чтеніе священнаго писанія, намъ слишкомъ дороги наши дѣти, что бы съ содроганіемъ не оттолкивать руки первосвященника, подписавшаго іродскій указъ, первосвященника, который тою же рукою, которою приносилъ безкровную жертву, подписываетъ смертные приговоры своихъ несчастныхъ соотчичей, и который держится на своемъ мѣстѣ, опираясь на чужіе штыки. Намъ противенъ епископъ, грозящій вѣчно картечью и штыкомъ своей епархіи, и высасывающій кровавый потъ несчастныхъ римлянъ. Нѣтъ, мы никогда не будемъ съ вами едины, ибо ваше ученіе лживо, противочеловѣчественно, богохульно, антихристіански. Наши іерархи насъ учатъ любить Бога и ближняго, и почитать, и уважать материнскія чувства даже и въ безсловесномъ скотѣ.

А на царскомъ русскомъ тронѣ сидитъ мужъ, ничѣмъ еще не заслужившій вашихъ превыспренныхъ похвалъ, и если онъ дѣйствительно умный и богобоязненный человѣкъ, то ваши похвалы должны быть ему отвратительны. Царь Александръ IIй положилъ конецъ войнѣ, которую онъ не начиналъ, да и сила солому ломитъ; онъ подписалъ парижскій трактатъ потому что ваши собраты держали ему ножъ подъ горломъ, и если онъ говоритъ о вѣрѣ, въ своемъ манифестѣ 31. марта, какъ объ основаніи всего на этой землѣ, то повѣрьте, это писано было не про вашу братію іезуитовъ.

Нѣтъ, нѣтъ, царь русскій, царь православный, подъ опасеніемъ ужаснѣйшаго возстанія цѣлой Руси, не дол-

женъ, не можетъ, не смѣетъ войти съ вами въ переговоры по поводу какого-то чудовищнаго перемирія и антихристіанскаго союза.

Примиренію съ папою не бывать!

Примиренію съ іезуитами и подавно не возможно.

Проваливайте!....

Парижъ $^{15}/_{27}$ Іюля 1858 года.

Въ день св. равноапостольнаго В. К. Владиміра.

Разругалъ!...

Извитите, разругали факты, а не мы. Я выразилъ только то, что невольно волнуетъ сердце негодованіемъ при мысли о возможности отступничества вѣрѣ своихъ отцевъ. Ибо у насъ еще живетъ въ народѣ вѣра, и во всѣхъ насъ еще крѣпко держится надежда на грядущее, на лучшее въ нашемъ отечествѣ. Только это лучшее мы ожидаемъ не отъ папистской системы, а отъ православія.

Насъ упрекнутъ, можетъ статься, въ личностяхъ и въ пристрастіи. Пускай себѣ! Мы считаемъ всѣхъ тѣхъ личными врагами, кто проповѣдуетъ или кнутъ, или папскую туфлю. Для насъ въ такомъ случаѣ ненавистны и системы, и люди, за нихъ стоящіе горою. Теперь идетъ дѣло объ освобожденіи Россіи отъ всѣхъ подонокъ татарскихъ, нѣмецкихъ и папистскихъ. Теперь, намъ кажется, всякому честному человѣку время высказать свои вѣрованія и мнѣнія. Придетъ время дѣйствовать — не отстанемъ и мы.

Не даромъ, іезуитъ Гагаринъ, прежде всего затронулъ обрядную сторону русской церкви. Для разстлѣнія необходимо первѣе всего измѣнить наружную сторону человѣка и народа. Папизмъ всегда съ того начиналъ и начинаетъ свои благія дѣянія. Изъ выписокъ, которыя мы сдѣлали ниже, увидимъ какъ вводилась унія въ Бѣлоруссію и Малороссію; тамъ ясно выкажется какъ латине, всячески старались, искажать наши обряды. Штука впрочемъ не новая. И Петръ Великій, вводя общественныя реформы, прежде всего схватился за бороды и за долгополые кафтаны. Но что же изъ этого слѣдуетъ? На поверхности оно, что-то и походитъ на новую систему — но вникните во внутренность, въ сердце народа русскаго, и вы увидите, что хотя обычаи старые и исчезаютъ, а народъ все же остался исключительно русскимъ. Да и то надобно сказать: обрядъ не есть еще вѣра, и не составляетъ внутренней, духовной, созерцательной жизни человѣка. Обряды, могутъ оставаться тѣ-же, которые существуютъ теперь, или измѣниться, и даже совершенно прейти — но вѣра, а съ нею и православіе все таки не искоренятся ни изъ нашего сердца, ни изъ нашей памяти. Вотъ что и составляетъ огромную разницу между папистскою системою и православіемъ. У насъ обрядъ только внѣшнее выраженіе нашей внутренней вѣры, у папистовъ внутренняя вѣра, заглушена пристрастною любовью ко внѣшней формѣ религіи. У насъ, церковь осталась тою же церковью какъ воспріяли мы ее отъ вселенскихъ соборовъ; у васъ же церковь измѣнилась въ какую то чудовищную систему. Мы любимъ наше православіе, у

васъ толпа удивляется и посмѣивается надъ остовомъ папизма. Однимъ словомъ у насъ церковь — всѣ мы, у васъ церковь — папа, да вы попы и монахи.

Ваше іезуитское сіятельство говоритъ:

„Мы утверждаемъ, что римскій престолъ постоянно и искренно пекся о соблюденіи восточнаго обряда во всей его чистотѣ, такъ что не только отмѣненіе, но даже и измѣненіе онаго никогда не принадлежало въ его глазахъ къ числу условій мирнаго договора съ Востокомъ. (стр. 17.)“

Какъ все это припахиваетъ чѣмъ-то безобразно житейскимъ: договоръ, выгоды, примиреніе, и проч. и проч. Но мы на это мало обратимъ вниманіе. Для насъ главною задачею изобличеніе іезуитовъ и папства во лжи и лести.

Развѣ вы іезуиты забыли, а мы такъ нѣтъ, тѣ времена, когда Бѣлоруссія находилась подъ игомъ латинской Польши, а Малороссія двѣсти слишкомъ лѣтъ боролась противу вашего фанатизма. Дѣдъ, столѣтній старичекъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, не разъ мнѣ разсказывалъ тѣ ужасныя произшествія, въ которыхъ выставляется наружу и вашъ фанатизмъ, и ваше корыстолюбіе, и ваше честолюбіе. Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, какъ православіе было гонимо латинскимъ фанатизмомъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, что церкви наши стояли пусты, или отданы были уніатамъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ, какъ ваши миссіонеры насильно гнали народъ въ уніатскіе костёлы, ругались надъ ослушниками, сѣкли ихъ, заключали въ тем-

ницы, томили голодомъ, отымали у нихъ дѣтей, дабы воспитывать ихъ въ своей вѣрѣ, уничтожали браки, совершенные по обрядамъ нашей церкви, ругались надъ могилами православныхъ? Развѣ вы думаете, что мы забыли, или забудемъ какъ доминиканецъ Овлачинскій прославившійся ненавистью къ нашей церкви, въ 1759 году возмутилъ, въ сообщничествѣ съ латинскими миссіонерами, въ Оршѣ шляхту и жолнеровъ, какъ они разогнали народъ, остановили колокольный звонъ, и съ воплемъ ворвались въ церковь, гдѣ священнодѣйствовалъ архіерей, который едва успѣлъ спастись отъ ихъ сабель, и котораго тайно вывезли въ телегѣ, прикрывъ навозомъ? Развѣ вы думаете, что это все еще не свѣжо въ нашей памяти, и что мы не знаемъ, что всѣ эти неистовства продолжались сплошь да рядомъ до 1773 года? А булла Allatae sunt писана 26. Іюля 1755 года. Какъ же согласить эти противорѣчія.

Въ послѣднихъ тридцатыхъ годахъ было въ модѣ проповѣдывать по всѣмъ вашимъ храминамъ, что царь Николай убилъ Польшу. Полноте, такъ ли? Не сама-ли она себя зарѣзала, внимая вашимъ навѣтамъ, и слѣдуя вашимъ ученіямъ? Польшу сгубилъ папизмъ, точно и такъ какъ губите вы теперь и Ирландію, и Испанію, и Бразилію, и Мехико, и Италію, и даже самый Римъ!

Не угодно-ли вашему іезуитскому сіятельству прочесть теперь слѣдующее извлеченіе изъ исторіи введенія уніи въ Малороссію. Эти кровавые факты двухвѣковой борьбы малороссовъ противу вашего изувѣрства будутъ

лучшимъ отвѣтомъ на всѣ ваши лжи и лести, и послужатъ, можетъ статься, поученіемъ и нашимъ охотникамъ къ перемѣнѣ вѣры, такъ себѣ, изъ тщеславія или невѣжества.

„По истребленіи гетмана Наливайки такимъ неслыханнымъ варварствомъ, вышелъ отъ сейму или отъ вельможъ, имъ управлявшихъ, такой же варварскій приговоръ и на весь народъ русскій.*)

Въ немъ объявленъ онъ отступнымъ, вѣроломнымъ и бунтливымъ и осужденъ въ рабство, преслѣдованіе и всемѣрное гоненіе. Слѣдствіемъ сего нероновскаго приговора было отлученіе навсегда депутатовъ русскихъ отъ сейма національнаго и всего рыцарства, отъ выборовъ и должностей правительственныхъ и судебныхъ, отборъ староствъ, деревень и другихъ ранговыхъ имѣній отъ всѣхъ чиновниковъ и урядниковъ русскихъ, и самихъ ихъ уничтоженіе. Рыцарство русское названо холопами, а народъ, отвергавшій унію, схизматиками.**) Во всѣ правительственные и судебные уряды малороссійскіе посланы поляки съ многочисленными штатами; города заняты

---

*) Сеймъ, какъ и всегда въ такихъ событіяхъ былъ руководимъ папскимъ нунціемъ.

**) А Гагаринъ хочетъ внушить и увѣрить, что русскіе переходили въ латинство по собственному убѣжденію. Вотъ слова іезуита: „Въ Польшѣ было два обряда, два языка, двѣ народности; перевѣсъ разумѣется, былъ на сторонѣ поляковъ. Принимая латинскій обрядъ, грековѣрецъ (?) принималъ и польскую народность, и становился, такъ сказать, гражданиномъ господствующей націи.“ А о насиліи, о хитростяхъ, о подкупахъ, обо всемъ, что приводитъ въ негодованіе честнаго человѣка ни пол-слова. Вѣдь правду, мы сказали,

польскими гарнизонами, а другія селенія ихъ же войсками; имъ дана власть все то дѣлать народу русскому, что сами захотятъ и придумаютъ, а они исполняли сей наказъ съ лихвою, и что только замыслить можетъ своевольное и пьяное человѣчество дѣлали то надъ несчастнымъ народомъ русскимъ безъ угрызенія совѣсти; грабительства, насиліе женщинъ и самихъ дѣтей, побои, мучительства и убійства превзошли мѣру самыхъ непросвѣщенныхъ варваровъ. Они, почитая и называя народъ невольниками, или ясыремъ польскимъ, все его имѣніе признавали своимъ. Собиравшихся вмѣстѣ нѣсколькихъ человѣкъ для обыкновенныхъ хозяйскихъ работъ или праздненствъ, тотчасъ съ побоями разгоняли, на разговорахъ ихъ пытками истязывали, запрещая навсегда собираться и разговаривать вмѣстѣ."

Все это было въ слѣдствіе хрістіанскаго желанія папъ обратить схизматиковъ въ папитскій латинизмъ, и вотъ А. М. G. D. придумали слѣдующія хрістіанскія мѣры для окончательнаго приведенія русскихъ ко мнѣнію, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и Сына, а главнѣе и первѣе всего къ вѣрованію, что святый отецъ папа есть глава и властелинъ церкви Хрістовой:

„Церкви русскія силою и гвалтомъ обращали на унію. Духовенство римское, разъѣзжавшее съ тріумфомъ по Малой Россіи для надсмотра и

что А. М. G. D., въ глазахъ іезуитовъ и папы все богоугодно, какъ бы оно ни было впрочемъ противно самымъ простымъ понятіямъ чести и совѣсти, не говоря уже о евангеліи.

понужденія къ уніатству, вожено было отъ церкви до церкви людьми, запряженными въ ихъ длинныя повозки по двѣнадцати человѣкъ и болѣе. На прислугу сему духовенству выбираемы были поляками красивѣйшія изъ дѣвицъ. (Вѣроятно A. M. G. D.) Русскія церкви несоглашавшихся на унію прихожанъ отданы жидамъ (гдѣ іезуиты тамъ уже навѣрное и жиды) въ аренду, (опять A. M. G. D.) и получена за всякую въ нихъ отправку денежная плата отъ одного до пяти талеровъ, а за крещеніе младенцевъ и похороны мертвыхъ отъ одного до четырехъ талеровъ. Жиды, яко непримиримые враги хрістіанства сіи вселенскіе бродяги и притча въ человѣчествѣ, съ восхищеніемъ принялись за такое надежное для нихъ скверноприбытчество, и тогчасъ ключи церковные и веревки колокольныя отобрали къ себѣ въ корчмы. При всякой требѣ хрістіанской повиненъ ктиторъ итти къ жиду торжиться съ нимъ, и по важности отправы, платить за нее и выпросить ключи; а жидъ притомъ, насмѣявшись довольно богослуженію хрістіанскому и прехуливши все хрістіанами чинимое, называя его языческимъ или, по ихъ, гойскимъ, приказывалъ ктитору возвращать ему ключи, съ клятвою, что ничего въ запись не отказано.

„Страданіе и отчаяніе народа увеличилось новымъ приключеніемъ, сдѣлавшимъ еще замѣчательную въ сей землѣ эпоху. Чиновное шляхетство малороссійское, быв-

шее въ воинскихъ и земскихъ должностяхъ, не стерпя гоненій отъ поляковъ (латинянъ) и не могши перенесть лишенія мѣстъ своихъ, а паче потерянія ранговыхъ и нажитыхъ имѣній, отложилось отъ народа своего и разными происками, посулами и дарами (A. M. G. D.) закупало знатнѣйшихъ урядниковъ римскихъ, сладило и здружило съ ними, и мало-по-малу согласилось первѣе на унію, потомъ обратилось и совсѣмъ въ католичество римское."

Но все, что мы здѣсь выписали еще ничего, это только присказка, а впереди сказка, слушайте далѣе, и узнаете какъ можно и должно вѣрить обѣщаніямъ папистовъ, да и самихъ папъ.

„Поляки (латине), отличавшіеся всегда въ условіяхъ и клятвахъ непостоянными и вѣроломными, держали трактатъ съ присягою въ Полонномъ (межу Остраницею и поляками) заключенный, наравнѣ со всѣми прежними условіями и трактами, у казаковъ съ ними бывшими, то есть въ одномъ вѣроломствѣ; а духовенство ихъ, присвоивъ себѣ непонятную власть на дѣла божескія и человѣческія опредѣляло храненіе клятвъ между одними только католиками своими, а съ другими народами бывшія у нихъ клятвы и условія всегда имъ разрѣшало и отмѣтало (A. M. G. D.), яко схизматицкія и суду Божію не подлежащія."

Читаемъ далѣе, повѣствованіе втораго гоненія малороссовъ во имя уніи:

„Разъѣзжавшія войска польскія, наполнившія всю

Малороссію, дѣлали все то надъ малороссіянами, что только хотѣли и придумать могли: всѣхъ родовъ безчинства, насилія, грабежи и тиранства, превосходящія всякое понятіе и описаніе. Они между прочимъ нѣсколько разъ повторяли произведенныя въ Варшавѣ (въ присудствіи папскаго нунція и всего католическаго духовенства) лютости надъ несчастными малороссіянами, нѣсколько разъ варили въ котлахъ и сожигали на угольяхъ дѣтей ихъ въ виду родителей, предавая самихъ отцевъ лютѣйшимъ казнямъ. Наконецъ, ограбивъ всѣ церкви благочестивыя русскія, отдали ихъ въ аренду жидамъ, и утварь церковную, какъ то: потиры, дискосы, ризы, стихари и всѣ другія вещи, распродали и прошли тѣмъ же жидамъ, кои изъ серебра церковнаго подѣлали себѣ посуду и убранства, а ризы и стихари перешили на платье жидовкамъ; а сіи тѣмъ передъ хрістіанами хвастались, показывая нагрудники, на коихъ видны знаки нашитыхъ крестовъ, ими сорванныхъ. И такимъ образомъ Малороссія доведена была поляками (латинями и во имя уніи до крайнаго раззорѣнія и подобилась тогда нѣкоему хаосу или смѣшенію, грозящему послѣднимъ разрушеніемъ. Никто изъ жителей не зналъ и не былъ обнадеженъ, кому принадлежитъ имѣніе его, семейство и самое бытіе ихъ, и долго-ли оно продлится? Всякой съ потеряніемъ имущества своего искалъ покровительства то у поповъ римскихъ и уніатскихъ, то у жидовъ, (какой святой и братскій союзъ между римскими попами и жидами, когда дѣло идетъ о грабежѣ грековѣрцевъ! вѣроятно такова рода союза заключаются A. M. G. D.), ихъ единомышленниковъ, а своихъ непри-

миримыхъ враговъ, и не могъ придумать, за что схватиться."

Не эти-то ли времена желалось бы созерцать снова вашему іезуитскому сіятельству? Оно бы славно было для васъ!

Въ четырехугольномъ колпакѣ, въ узенькомъ вашемъ кафтанчикѣ, въ одной рукѣ держа хоругвь съ огромными кровавыми буквами A. M. G. D., въ другой съ краснымъ пѣтухомъ, вы шествовали бы впереди вашей братіи и, такъ себѣ, по маленьку поглатили бы A. M. G. D. русскую церковь, измѣнили устройство ея, ввели новую иную вѣру, иные обряды, иное духовенство, и наконецъ самаго папу притащили-бы изъ Рима и выставили на поклоненіе народу на красной площади въ Москвѣ.

Тогда предстала бы предъ вами, на дѣлѣ, живѣе и прелестнѣе нежели когда либо, та мысль, которая занимаетъ васъ съ юныхъ лѣтъ; мысль, которой вы обрекли всю жизнь вашу.

Но успокойтесь, вашему іезуитскому сіятельству, никогда не видать осуществленія этихъ грезъ и мечтаній. Монархъ, коему Провидѣніе вручило судьбы вашего дорогаго отечества, выразилъ чувства и желанія, совсѣмъ и совершенно несогласныя съ вашими.

Въ дѣлѣ вѣры не играютъ и не хитрятъ; а вся ваша продѣлка подъ названіемъ и подъ предлогомъ примиренія церквей, основана на хитрости.

Такъ, вы предлагаете царю и русскому духовенству сдѣлать сдѣлку, примиреніе, съ условіемъ: признать папу, главою всея церкви, а народу молъ, о томъ и говорить

не нужно. Мы все это промежъ насъ обдѣлаемъ и обработаемъ, а народъ-де, скотъ безсловесный, ничего и не замѣтитъ и будетъ думать, что все по старому. Такъ, хитростью, ложью, обманомъ, лестію, подобно татямъ въ ночную пору вы смѣете, бездельнически, предлагать, царю и русскому духовенству, сгубить цѣлое государство, нѣсколько милліонъ людей, еще вѣрующихъ въ Бога, въ Христа, въ Духа Святаго, въ безсмертіе души и въ будущую жизнь человѣчества!

До чего доводитъ отступничество!

Какъ же не помыслило ваше іезуитское сіятельство, что предложеніе царю, такой мошеннической сдѣлки, есть подлое и низкое оскорбленіе. Какъ ваше іезуитское сіятельство не подумало, что царь, русскій человѣкъ, и что вся его жизнь такъ свѣтла, такъ чиста, что еще нѣтъ повода подумать, что Александръ IIй, согласится быть злодѣемъ и карманнымъ воромъ A. M. G. D.? Какъ же не пришло вамъ въ голову, что то, что могутъ дѣлать другія царствующія лица, того русскому царю не къ лицу и не къ мѣсту, и что въ тотъ день, въ тотъ часъ, что русскій царь, могъ бы забыть свое достоинство, что онъ, какъ и всѣ мы, образъ и подобіе божіе, и могъ бы унизиться до такой степени, что сталъ бы играть вѣрою, убѣжденіями, всѣмъ, что только свято для насъ, ему царемъ нашимъ болѣе не льзя быть?

Да и съ какой стати вы осмѣлились дѣлать то же предложеніе и нашему духовенству? Развѣ вы не знаете или забыли, что русское духовенство, не есть же наконецъ какое-то бездомное, безотчизненное, безсемейное, длинно-

хвостое духовное цыганство, бродящее, подобно черной стаѣ воронъ, изъ одной земли въ другую, подъ предлогомъ пасенія стада Христова? Какъ вы не вспомнили, что, отъ митрополита до послѣдняго ктитора, требуется прежде всего, и окромѣ любви къ Богу, къ ближнему, къ истинѣ, къ родинѣ, еще и вѣрность присягѣ и отечеству?

Къ чему приписать столь гнусное предложеніе Гагарина царю и русскому духовенству?

Покойный царь высказалъ, что онъ думалъ объ отступничествѣ князя Гагарина; но мы не думали, что-бы глупость и дурачество, могли дойти до крайней подлости и низости.

Да, грустно подумать, что могутъ быть русскіе подобные тому, о которомъ здѣсь рѣчь ведется. Душно, тѣсно русской широкой груди купаться въ омутѣ житейскомъ, но еще душнѣе, еще тѣснѣе при мысли, о предлагаемыхъ намъ новыхъ оковахъ папизма.

Нѣтъ, нѣтъ, тысяча, милліонъ разъ нѣтъ, вы не поняли, не понимаете и не поймете никогда, что такое православіе.

Не оно-ли насъ спасло отъ трехвѣковаго татарскаго ига? Не оно ли, въ лицахъ Ослябы и Пересвѣта, сразилось на кровавомъ мамаевскомъ побоищѣ въ куликовомъ полѣ?

Не оно-ли спасло насъ отъ придуманной ляхами уніи, и не оно-ли намъ помогло, послѣ пятивѣковой страшной борьбы, уничтожить замыслы этихъ же ляховъ, стереть нашу народность съ лица земли?

Не оно-ли спасло насъ отъ Гришки Отрепьева, пи-

томца и любимца іезуитовъ, и отъ срамнаго позора развратиться въ папизмъ по волѣ негодяя — выходца изъ общества Іисусова?

Не оно-ли, спасло насъ въ 1612 году, въ лицѣ Ивана Сусанина, простаго мужичка, согласившаго ся пасть подъ ножами, устремленныхъ противу Михаила, избраннаго царя православнаго, на мѣсто Владислава паписта?

Не оно-ли отразило реформацію, въ лицѣ Карла XII., на поляхъ Полтавы, и не оно-ли въ 1812 году предало на всесожженіе Москву, и сломило силу гиганта-завоевателя, поработившаго остальную Европу своей желѣзной, деспотической волѣ?

Не оно-ли взяло Варшаву и окончательно рѣшило споръ, чѣмъ быть Россіи, православною или папистскою?

Не оно-ли наконецъ отражало четырнадцать мѣсяцевъ подъ Севастополемъ натискъ папизма въ союзѣ съ Магометомъ и реформою?

Да: куликово поле, красная площадь въ Москвѣ, костромскія лѣса, полтавская битва, пожаръ Москвы, взятіе Варшавы, уничтоженіе уніи, защита Севастополя, вотъ страницы изъ нашей исторіи, вотъ факты изъ нашей народной жизни, при которыхъ сильно бьется богатырское русское сердце и невольно поднимается крѣпкая, жилистая рука на знаменіе на груди, православнаго креста!....

И вы думаете, вы и мечтаете, что все это забыто для насъ, что все это совершилось такъ себѣ, всуе! И вы хотите, что бы мы православные, русскіе, хрістіане, человѣки, промѣняли-бы мономаховъ вѣнецъ на — перепрѣлую

старую, изношенную, разъѣхавшуюся, папскую туфлю?!?!?!!!....

И скажите, греки, о которыхъ вы упоминаете столь презрительно, эти греки, которыхъ вы поносите и ругаете, на которыхъ вы такъ клевещете, не показали-ли они намъ какъ долженъ и можетъ умирать православный народъ! О донъ Базиліо Гагаринъ! вамъ бы право кстати пѣть знаменитую, „la calomnia“, на площадяхъ Парижа. Доходецъ славный бы былъ A. M. G. D. для вашей братіи!

Не рука-ли Провидѣнія въ этомъ громадномъ, историческомъ фактѣ паденія Византіи? Византія, дотолѣ единственная опора православія падаетъ при рукоплесканіяхъ папы и всего латинства. Кончено; кто теперь противу святаго папы и его святой шайки? На радостяхъ и съ кроваваго похмѣлья константинопольскаго разгрома помутились глаза всей римской поповщины.

А тамъ, вонъ тамъ, далеко отъ васъ, среди, дикихъ, дебрей, непроходимыхъ лѣсовъ и снѣжныхъ тундръ воскресаетъ православіе въ лицѣ варварскаго, но новаго, юнаго, молодаго, живучаго, сильнаго, крѣпкаго и могучаго государства, котораго задачу на историческомъ поприщѣ народовъ, никто еще не разгадалъ.

И не прошло ста лѣтъ, а вотъ возникъ нѣмецкій, бѣглый, грубый, необтесанный монахъ, и онъ своимъ могучимъ, горячимъ, живымъ, энергическимъ словомъ колеблетъ папскую власть и потрясаетъ сильною логикою священнаго писанія духовное обаяніе, подъ которымъ па-

пизмъ уже полтысяча лѣтъ заставлялъ трепетать передъ собою одурманенную Европу.

И не проходитъ еще двухъ сотъ лѣтъ, и вотъ является францувъ, іезуитскій воспитанникъ и питомецъ, и онъ своимъ искристымъ, легкимъ, выполированнымъ, жгучимъ, ѣдкимъ, насмѣшливымъ, язвительнымъ и удивительно учтивымъ словомъ, уничтожаетъ и разрушаетъ навсегда папистское прельщеніе.

И вотъ, не проходитъ еще разъ ста лѣтъ, и бывшій простой типографскій наборщикъ, неумолимою логикою разума разметываетъ на всѣ четыре стороны послѣдніе остатки и прахъ римскаго католицизма:

Requiescat in pace! и того сказать нельзя ....

Какъ и всякій странникъ мы любимъ останавливаться предъ развалинами прошлыхъ вѣковъ. Мы вглядывались въ развалины папской системы, и насъ охватывалъ невольный страхъ при взглядѣ на этотъ гигантскій остовъ, отъ котораго уцѣлѣли лишь какія то маленькія, однообразныя, микроскопическія фигурки, долженствующія изображать формы нѣкогда столь страшной системы. Въ нихъ все какъ-то наго, блѣдно, мелкостно. Духу становится непріятно, онъ мучается и не находитъ причины мученія. Все, что еще осталось наружнаго отъ папства, походитъ на нѣчто балаганное, какъ и самые капуцины и іезуиты нашихъ временъ, походятъ на площадныхъ шутовъ. Вслушайтесь въ духовныя рѣчи и слова, прочтите сочиненія богословскія католиковъ-папистовъ, и васъ обдаетъ какимъ-то холоднымъ потомъ негодованія, смѣшаннаго съ чувствомъ сожалѣнія. По

невольѣ напоминаютъ они намъ рѣчи продавца карандашей, Манжэнь, или и другихъ шарлатановъ и кривлякъ, таскающихся по площадкамъ и закоулкамъ Парижа, и потѣшающихъ народъ, за нѣсколько сантимовъ, арлекинскими остротами. Кто не видѣлъ, не слышалъ, не читалъ этихъ шуточныхъ жалкихъ, и рѣчей, и книжонокъ, сценъ тотъ не повѣритъ до какой степени палъ латинизмъ и папизмъ. И что всего жалчѣе, что самый народъ этому смѣясь и хуля, рукоплещетъ — и остается довольнымъ.

Что же дѣлать? Кара и наказаніе божіе налегли страшно на весь западъ, и кто знаетъ, сколько времени все это еще продолжится. А вы, предлагаете намъ, соединиться съ вами, примириться, и увѣряете, что васъ побуждаютъ къ тому какія-то святыя чувства любви къ дорогому отечеству. Вы увѣряете, что для насъ только и есть спасеніе въ этой сдѣлкѣ. Спасеніе отъ чего, отъ кого, отъ какой опасности?

Нѣтъ, ваше іезуитское сіятельство, что тамъ себѣ не толкуйте, а что бы спасти насъ отъ такаго жалкаго упадка духа, намъ стоитъ только придерживаться вѣрѣ нашихъ отцовъ. Для нашей народной жизни, для нашего личнаго достоинства необходимы три условія:

Православіе, еще православіе, всегда православіе!

На тя Господи уповахомъ, да не посрамимся!

Цѣль моего памфлета, прекратить если возможно возникающее словопрѣніе не доводящее никогда къ добру. Мы уже сказали и повторяемъ еще разъ, оставайтесь при

своемъ, пока сможете, а насъ не трогайте и оставьте при нашемъ. Вѣдь вы сами увѣряете, что все это дѣло мнѣнія; что такъ или иначе вѣрить, такъ или иначе признавать то или другое, что все это, только, и не болѣе, какъ мнѣніе: такъ о чемъ же тутъ и хлопотать? Вы оставайтесь при своемъ мнѣніи, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца и отъ Сына, а мы останемся при своей вѣрѣ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца; вы оставайтесь при своей вѣрѣ, что папа намѣстникъ божій, и властелинъ церкви, и глава всего хрістіанскаго міра, и подставной рекрутъ Хріста и все, что вамъ угодно; а насъ оставьте при своемъ мнѣніи, что все это не только вздоръ и пустяки, но и богохульство, и мерзость.

И такъ, не увѣряйте, ради стыда изобличенія во лжи и лести, что примиреніе не только возможно, но и легко;

Не увѣряйте, и не лгите, что вы не желаете измѣнять устройства русской церкви, ввести иную вѣру, иные обряды, иное духовенство;

Не увѣряйте, и не льстите, что въ глазахъ Рима, русскіе епископы — истинные епископы; русскіе священники — истинные священники; приносимая ими на алтаряхъ жертва, т. е. тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Хріста, также истинна;

Не увѣряйте, и не старайтесь доказывать всуе, что въ устройствѣ русской церкви есть плачевныя искаженія, введенныя противузаконными посягательствами мірской власти;

Не увѣряйте, и не фарисейте, глаголя непрестанно, что дѣло затѣянное вами клонитъ не къ поглощенію русской церкви римскою, а просто къ примиренію;

Не увѣряйте, и не морочте какими-то выгодами, соединенными съ примиреніемъ, вами предлагаемымъ;

Не увѣряйте, и не выказывайте своего невѣжества, утверждая, что для русскаго человѣка обрядъ занимаетъ первое мѣсто въ дѣлѣ вѣры;

Не увѣряйте, и не искажайте истины, а скажите прямо, чего вы хотите и чего домогаетесь?

Вы чуете злыя, страшныя времена окончательнаго расчета между вами и народами, которыхъ дурачили и жмете теперь подъ гнетомъ какой то уродливой системы. Вы лучше насъ знаете, что для васъ настаютъ послѣднія времена, и что страшная буря угрожаетъ вамъ, что скоро не будетъ для васъ, ни притона, ни клочка земли, ни куска хлѣба. Правосудіе небесное нагрянетъ на васъ и тогда — — — — —

Хлѣба чтоль вамъ нужно?

Али денегъ?

Али земельки?

Да совѣстно по просту попросить, Христа ради? И что за совѣсть такая? Лучше выпросить милостиню, чѣмъ желать обобрать нашу церковь, какъ ваша братія обобрала бѣдную Хлопову, которую вы развратили, превратили и обратили, и пустили католичкою на парижскую мостовую, аки блага, аки нага.

Пожалуй и хлѣба на голодъ вашъ дадимъ;

Пожалуй и копеечку про вашу бѣдность подадимъ;

Пожалуй и земельки клочекъ отведемъ.

Вѣдь въ Сибири простору хоть куда, живите, да

работайте, да поживайте. Да чуръ ужъ народъ не мутить, а то съ русскимъ мужикомъ плоха шутка.

Да ужъ ну васъ! коли на то пошло, то пожалуй себѣ, на сѣверной оконечности Новой Земли и епархію-то святому отцу папѣ вырѣжемъ про черный день, когда снова придется дать тяги изъ вѣчнаго Рима. Только туфель нѣтъ, а лапти дадимъ. —

Но все таки извините, а іезуитовъ, даже самыхъ сіятельнѣйшихъ не пустимъ. Вѣдь старикъ Крыловъ не даромъ насъ училъ, что Ваську де, не только, что въ поварыню, да и на дворъ пускать не должно! ...

Все зло на западѣ, произошло отъ смѣшенія и путаницы понятій и именованій, а въ особенности отъ искаженія истины и уродливаго затѣя, вмѣсто чистаго, яснаго, духовнаго Слова Божія подставить цѣлую систему, въ которую внесли и втянули всѣ вопросы политическіе, общественные и догматическіе.

Такимъ образомъ никакъ не разберешь, что такое церковь, что такое духовенство? И что такое правительство, что такое народъ? Вездѣ недоумѣніе, вездѣ недоразумѣніе, вездѣ софизмы и парадоксы, а вверху всего разглагольствованіе и лжемудрствованіе. Спорятъ, ссорятся, ругаются, вздорятъ, шумятъ, дерутся, льютъ потоками кровь, пока кто-нибудь поотважнѣе да посмѣлѣе не нагрянетъ и правомъ сильнаго, провозглашая

себя закономъ, порядкомъ, нравственностью, и на посмѣяніе рода человѣческаго, свободою и религіею, не зажметъ крѣпкою рукою рта, и не свяжетъ всѣхъ и каждаго по рукамъ и по ногамъ. Fiat lux! —

И по видимому порядокъ, тишина, спокойствіе, довѣріе и истина возстановлены. Система штыковая, полицейская и поповская одержали побѣду. Побѣдители, объявляютъ во имя божія и желанія народнаго, что правительство есть законъ, порядокъ и свобода; что папа есть религія, а его духовенство въ союзѣ съ полиціею и со штыками — нравственность. Правительство, пародируя Лудовика XIV глаголетъ: „Государство, я!“ и куда щука съ хвостомъ, туда и ракъ съ клещнемъ, папа кричитъ: „церковь, я!“ Духовенство съ умиленіемъ провозглашаетъ: „приходъ, мнѣ!“ А народу и вѣрующимъ, если они еще есть, объясняютъ логикою штыковъ и полицейскихъ трехуголокъ, что они „расходъ!“ и безбожно, безнаказанно, насильно, нагло тянутъ съ нихъ послѣднюю каплю крови и пота. Потомъ служатъ молебствія, задаютъ иллюминаціи, дѣлаютъ смотры, пируютъ, гуляютъ, цалуются, плачутъ отъ умиленія, и подкупленные писатели и журналисты, во всеуслышаніе утверждаютъ: „общество спасено!“ Въ слѣдъ за тѣмъ льютъ потоки крови безъ нужды, безъ пользы, и гласятъ: „цивилизація спасена!“ Наконецъ начинаются вездѣ ломки, постройки, переломки, перестройки, вѣдь все это доказываетъ гоголевскую дѣятельность правительства, и счастіе, и благоденствіе народа! ....

Въ самомъ дѣлѣ, все идетъ какъ нельзя лучше. Об-

щество уцѣлѣло, цивилизацію отстояли, и церковь папистская горланитъ во весь народъ: „Кто противу Бога и его великаго намѣстника папы!“ Банкиры накопляютъ миліончики за миліончиками; духовенство многочисленно, богато, въ уваженіе, жирѣетъ, и солдаты и хажалые съ нимъ прогуливаются рука объ руку. Науки — ну ихъ, вѣдь все зло произошло отъ науки и знанія. Долой классиковъ, въ помойную яму точащаго червяка; долой Минье́та, Мишелета, Кине; въ острогъ, въ рабочіе дома всѣхъ писателей, всѣхъ людей съ умомъ, съ сердцемъ, съ дарованіемъ, они портятъ все то, что такъ хорошо улажено во имя божіе и папы, и милостіею божіею, и волею народною. Папа свирѣпѣетъ, и во имя Христа, отымаетъ дѣтей у матерей, и благословляетъ urbis et orbis! Спросите у самаго императора французовъ, кого ему труднѣе сдерживать въ настоящее время: папу и его духовенство, или народъ?

А народъ то что же? А народъ смотритъ, молчитъ, работаетъ, умираетъ по прежнему съ голода и съ холода, терпитъ, тупѣетъ, дичаетъ, свирѣпѣетъ ....

Господа, до новаго разгрома! Его никакъ не миновать!

Вѣдь матеріальная сила, штыковая-ли, туфельная-ли, все же матеріальная сила. А матерія преходяща — а Духъ Святый все таки непреходенъ, истиненъ и потому вѣченъ; и духъ и идея Христа въ силу этого то предвѣчнаго закона все же живетъ и подвигается впередъ. Ближе и ближе тѣ времена, въ которыя будутъ „единъ пастырь, Господь Іисусъ Христосъ, и едино стадо,

его истинная, нераздѣльная, всемірная церковь христіанская!....“

Да, церковь основана и установлена не только на единствѣ главы, самаго Христа, не только на духовномъ вселенствѣ всѣхъ человѣкъ и всѣхъ языковъ, но еще и на равенствѣ духовномъ, т. е. на равенствѣ безъ исключеній, безъ условій, безъ сословій, безъ разрядовъ, безъ исключительныхъ правъ, безъ классовъ, безъ кастъ, безъ состояній, безъ языковъ, безъ нарѣчій, безъ мѣстностей, безъ народностей.

Апостолы вышли изъ ученія — всѣ равные. Евангельская исторія, исторія апостольскихъ временъ, исторія первобытной церкви Христовой, тому непреложная порука, неопровержимое доказательство. Всѣ апостолы равны, всѣ восприяли единое ученіе, единое начало, единъ Духъ Святый, единую вѣру, единую истину, единое знаніе, единую силу, единое назначеніе, и всѣ равно расходятся возвѣщать, единаго Бога, единаго Христа Спасителя, единый даръ Духа Святаго, единую благую вѣсть освобожденія міра отъ грѣха, и отъ оковъ, и отъ узъ незнанія, лжи, невѣрія, слабостей и предразсудковъ каковы бы они ни были. Вездѣ благая вѣсть уничтожаетъ всѣ системы политическія, общественныя, философскія, религіозныя, налагаемыхъ на человѣка и на народы съ одною цѣлью, дабы ничтожному меньшинству жить на счетъ несчастнаго большинства.

Оттуда-то и произошла пословица: съ міру по ниточкѣ, а голинькому рубашечка.

Первобытная церковь является на землѣ враждебною міру, ибо она уничтожаетъ и низвергаетъ старыя понятія о неравенствахъ всякаго рода, но въ особенности она уничтожаетъ различіе между племенами и нарѣчіями. Все это совершается съ точною, математическою логикою, вотъ уже скоро восемьнадцать столѣтій. Вездѣ совершается процессъ перерожденія и возрожденія для всемірнаго, новаго, высшаго и совершеннѣйшаго духовнаго единства человѣческаго. Порохъ уничтожаетъ силу кулака; компасъ раздвигаетъ предѣлы и уничтожаетъ ихъ; книгопечатаніе распространяетъ новыя идеи; библейское общество разноситъ слово божіе повсюду; паръ низлагаетъ пространства; наука и знаніе развиваются — и отрицательно-ли, утвердительно-ли, все подводится къ одному знаменателю, а именно: что истина въ ученіи Христа, что свобода, и равенство, и братство, начертаны неизгладимыми буквами въ евангеліи, и что все это осуществляется въ единой церкви Христа. Вотъ слѣдствія ученія Христова, вотъ слѣдствія главизны его церкви вселенской, вотъ слѣдствія единой, истинной, возможной, духовной системы самаго Бога! И все низвергается и рушится передъ этою всевѣчною системою божіею. Тутъ дѣйствуетъ Духъ Святый, безъ всякой жалкой, глупосистематической обстановки разныхъ мѣръ правительственныхъ, столь противныхъ толнѣ!

Еще разъ, апостолы всѣ равны, — и всѣ дѣйствовали равносильно, и все что они совершили, и все что еще и доселѣ совершается во имя Христа, совершается на перекоръ мірскимъ властямъ и папской

системы, и именно потому, что въ этой вселенской церкви единый, духовный, божественный глава, Христосъ, сынъ Бога живаго, и что всѣ мы, безъ исключенія, безъ изъятій, безъ разрядовъ, подъ руководствомъ нашихъ епископовъ и священниковъ, составляемъ вкупѣ съ учителями нашими, церковь божію.

Вотъ ученіе Христа-Спасителя, такъ какъ видимъ и узнаемъ его изъ евангелія, такъ какъ передали намъ его вселенскіе отцы, и такъ наконецъ какъ приняло, и признаетъ, и истолковываетъ его намъ — православіе.

Возраженія и іезуитскія дилеммы тутъ невозможны. Оно, — или такъ, — или не такъ. Да, или нѣтъ. Объясненій, поясненій, истолкованій, разъясненій тутъ также не нужно. Христосъ все объяснилъ, пояснилъ, истолковалъ, разъяснилъ, опредѣлилъ, обозначилъ, утвердилъ, и запечатлѣлъ своею кровью. Придерживаясь буквально и духовно его ученію, въ православіи не находимъ тѣхъ безсмысленныхъ и уродливыхъ противорѣчій, которыя встрѣчаются на каждомъ шагу въ папистской системѣ. Вотъ почему намъ, мужикамъ, безграмотнымъ людямъ, все удобопостижимо, близко къ духу, тепло на сердцѣ. У насъ нѣтъ татарскаго делай-ламизма, ниже римскаго папизма, которые сжимаютъ міръ и высасываютъ изъ человѣчества жизнь духовную. Намъ православіе истолковываетъ ученіе Христово, и объясняетъ, что церковь есть церковь, а не политическое постановленіе, и не общественная игрушка. Православіе истолковываетъ нравственную сторону ученія Христа, которое должно служить приложеніемъ къ положительной жизни, но не навязываетъ

намъ того, и не принуждаетъ насъ вѣрить тому, чего и чему мы не способны вѣровать. Однимъ словомъ православіе какъ мы его понимаемъ, есть выраженіе высшаго, духовнаго первообраза демократіи, котораго сводъ законовъ — евангеліе, испольнительная власть — духовенство, а глава и управляющая власть — самъ Христосъ.

Довольно причинъ для ненависти и боязни іезуитамъ. И вотъ почему они такъ клевещутъ, и по возможности гонятъ вездѣ православіе.

Весь этотъ характеръ духовной демократіи отразился и на наше духовенство, въ особенности на бѣлое. Члены церкви Христовой, какъ и всѣ мы, наше духовенство несетъ свой крестъ и бремя, наложенные на нихъ, съ спокойнымъ, кроткимъ, не крамольнымъ духомъ. И патріархи, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и іереи, и наконецъ діаконы и ктиторы — всѣ равны передъ закономъ Христа. Одно только неравенство дѣйствительно существуетъ между ними и нами: чѣмъ выше іерархическій санъ, тѣмъ болѣе и отвѣтственности. И все это чиноначаліе есть только исполнительное, поучительное и административное, и единъ ихъ глава, какъ и всѣхъ насъ, Христосъ, и ни одинъ изъ насъ, и ни одинъ изъ духовенства, ни индивидуально, ниже соборнѣ не смѣютъ посягнуть на догматы установленные самимъ Христомъ въ евангеліи, ниже выдумывать догматовъ, никогда не выраженныхъ въ евангеліи.

Отъ того въ обществахъ и государствахъ принадлежащихъ православію находимъ вездѣ единство нео-

проверженное, непоколебимое. Единъ Христосъ, единъ глава, едина вѣра, едино тѣло! И передъ православіемъ исчезаютъ и расточаются въ прахъ всякій духъ народности, всякая правительственная, полицейская, папская, поповская и іезуитская систематичность! ....

Посмотримъ теперь, то ли же мы видимъ въ папистской системѣ.

Племена и царѣчія сильнѣе и сильнѣе обрисовываются и обозначаются, такъ, что если бы не Духъ Святый, оживляющій все человѣчество, то при всякомъ случайномъ, или расчитанномъ столкновеніи кровь, слезы, лились бы потоками. Дикая, неукротимая ненависть между Французомъ и Англичаниномъ, жалкое, смѣшное, мелкостное соперничество между мелкоцарственными германскими государствишками, и ужаснѣйшее, ничѣмъ не смягчающееся презрѣніе всѣхъ, къ италіанцамъ вообще, и къ римлянамъ въ особенности.

Процессъ перерожденія и возрожденія совершается среди ужаснѣйшихъ болей и потрясеній. Цѣлыя поколѣнія исчезаютъ и стираются безполезно съ лица земли для какихъ-то общественныхъ ирелигіозныхъ системъ. Вездѣ, на перекоръ правительствамъ и папству успѣхъ ползетъ въ кровавой грязи. Нѣтъ всемірности дѣйствія къ тому новому, высшему, совершеннѣйшему единству, къ которому въ силу законовъ божіихъ стремится все человѣчество. Поэтому

французская первая революція, этотъ гигантскій, могучій, удивительный порывъ къ лучшему, не имѣетъ полнаго успѣха, и уничтожается штыками, руководимые иностранцемъ-выходцемъ, и тайными заговорами духовенства, и постыдными происками іезуитизма. Ученіе Христа до того искажено, что надъ нимъ не только надсмѣхаются, но даже отрицаютъ въ немъ нравственное начало и духовную сторону. Систематическая, религіозная обстановка полицейскихъ и штыковыхъ мѣръ, во имя папы и его церкви, приводитъ въ содроганіе и бѣшенство цѣлые народы. Истиннаго главу духовной жизни всѣ забыли, и не смотря ни на баррикады и на штыки, на штыки и на баррикады, и опять на штыки, вездѣ и повсюду волненіе и ужасъ, порывы къ лучшему и обезсиленіе, и усталость, и проклятіе на устахъ всѣхъ и каждаго. Вездѣ нравственный безпорядокъ, вездѣ хаосъ противорѣчій. Мірская власть, то попираетъ подъ ноги папство и рветъ шпорами его духовный кафтанъ, то папство въ отомщеніе прикидывается либераломъ и разметаетъ въ пыль весь старый дрязгъ роялизма. Мірская власть, папистская система, то ругаются, то мирятся, то опять, и снова ссорятся, на посмѣяніе толпы. Нѣтъ церкви, нѣтъ единства духовнаго, нѣтъ главенства признаннаго всѣми и каждымъ; нѣтъ ничего, окромѣ разобщенныхъ правительствъ, окромѣ осмѣяннаго втайнѣ или открыто папства, окромѣ толпы, съ оборванными лохмотьями вѣрованій, надеждъ, и любви, — и между сими двумя крайностями, правительствомъ и толпою, — безсовѣстное меньшинство, торгующее своею совѣстью съ аукціоннаго

торгу штыковъ, и продающее честь и достоинство человѣческое первому вооруженному жандарму, который въ силу силы физической и хитростью іезуитства, и сдерживаетъ съ грѣхомъ по поламъ и кое-какъ, до поры и до времени новый, страшный взрывъ, готовящійся въ тайнахъ сердца и ума народовъ. И послѣ этого взрыва, что останется? ....

Ничего ....

Ничего, хотѣли мы было сказать! Но богохульствовать на Духъ Святый, исходящаго отъ Отца, не станемъ. Изъ этого ужаснаго броженія, изъ этого нравственнаго хаоса, что-нибудъ да выйдетъ. Да только уже не папистскій католицизмъ.

Вотъ вамъ положеніе, не только всей Франціи, но и Испаніи, но и Португаліи, но и Италіи, но и Ирландіи, но и всѣхъ мелкоцаретвенныхъ германскихъ земель, но и Мехико, но и Бразиліи, но и Перу но и самаго Рима, но и всѣхъ странъ, всѣхъ безъ изключенія, гдѣ только папистскій католицизмъ опирается во имя папы на штыки и на шитые нумерные воротники полиціи. Смотрите, Польшу вы уже сгубили, и на совѣсти вашей уже лежитъ страшное преступленіе народоубійства! ....

Возраженія и тутъ невозможны. Факты, неумолимые факты, какъ клеймо на каиновомъ челѣ, вездѣ съ вами, всегда съ вами и изобличаютъ васъ на каждомъ шагу. И всякъ, завидя васъ и клеймо проклятія на вашемъ челѣ, отворачивается съ содроганіемъ, и сторонится въ сторону.

Вотъ чего вы добились вашею папистскою системою,

вотъ плоды вашего изувѣрства, недовѣрства и перевѣрства; вотъ почему на западѣ иго религіозное въ тягость каждому, и въ омерзѣніе всѣмъ; вотъ почему эгоизмъ, недовѣрчивость, злость, ненависть и опьяненіе всѣхъ страстей земныхъ въ сердцѣ, въ помыслахъ, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ дѣйствіи, когда идетъ дѣло о васъ и о папизмѣ.

То же самое и у татаръ, гдѣ делай-ламизмъ играетъ ту же роль, что папизмъ на западѣ. Вѣдь вы не истолковываете ученія Христа, а искажаете его, и навязываете, и хотите принужденіемъ заставить вѣрить тому, что невѣроятно и противно разуму, сердцу, духу всякаго человѣка и всѣхъ народовъ.

Въ понятіяхъ запада, папистскій католицизмъ есть выраженіе духовнаго деспотизма, алчущаго добиться и свѣтскихъ выгодъ, и мірскаго тиранства. И смѣшавъ понятіе объ истинной церкви съ папизмомъ, негодуютъ не только на католицизмъ, но и на самое христіанское начало. Притязанія папъ на главенство и на владычество надъ церковью, затмили свѣтлое солнце Христова ученія. Да какое вамъ до этого дѣло? Лишь бы официально папу признавали главою церкви, а тамъ себѣ и посмѣивайся, и пожалуй и не признавай. И въ дѣйствительности надъ самимъ папою, надъ его притязаніями, надъ іезуитами, надъ всѣмъ духовенствомъ, надъ всею системою безпощадно и сально играютъ словами, и дико смѣются. Въ среднихъ вѣкахъ было то-же самое, только тогда жгли противниковъ и насмѣшниковъ, а теперь жечь не велятъ.

И весь этотъ папистскій, антихрістіанскій духъ отражается на все западное духовенство. Всѣ духовные западнаго общества, подобно паріямъ индѣйскимъ, живутъ отдѣльною, отчужденною жизнію. Ихъ не только ненавидятъ, но до того презираютъ, что въ бо́льшей части обществъ и семейныхъ кружковъ, объ нихъ даже никогда и рѣчи не ведутъ. На папу, на архіепископовъ, на епископовъ, на іереевъ смотрятъ какъ на какихъ-то дикарей, какъ на страшно смѣшныхъ пугалъ, а чаще всего какъ на замаскированныхъ духовныхъ шутовъ. И чѣмъ выше стоитъ духовная особа въ достоинствѣ духовной іерархіи, тѣмъ безпощаднѣе, тѣмъ непреклоннѣе, тѣмъ презрительнѣе ненависть къ ней.

И грустно, и страшно подумать о послѣдствіяхъ такого положенія духовенства католическаго. Есть между ними люди съ сердцемъ, съ умомъ, съ дарованіями, съ любовью къ человѣчеству, съ надеждою на будущность человѣчества, съ вѣрою въ Бога, во Христа, въ Духа Святаго, но и ихъ несчастныхъ охватила ненависть смѣшавъ съ папизмомъ, и на нихъ произнесено народами страшное: „анаѳема“. И они своею неповинною кровью, будутъ платить за страшный грѣхъ Рима, погубившаго и губящаго еще столько милліоновъ людей!

Страшна кара божія, страшный будетъ расчетъ, и страшенъ будетъ голосъ, который произнесетъ обличительныя надъ Римомъ слово:

„Народоубійца!“

Два году тому назадъ я былъ по своимъ дѣламъ въ ***. Вечеромъ сидѣлъ я въ кофейной, куда собралось много изъ мужиковъ мѣстечка. Пронесся вдругъ слухъ: „Парижскаго архіепископа Сибура убилъ въ церкви, во время службы, попъ Вержесъ.“ На минуту говоръ стихъ, и одинъ изъ мужичковъ, почтенный, сѣдой старецъ, глава многочисленнаго семейства, уважаемый и любимый всѣми за чистоту нравовъ, неукоризненную жизнь и прямизну характера воскликнулъ, всплѣснувъ руками:

„Вотъ-те на, волки рѣжутъ другъ друга!“ —

Тѣмъ и кончилась надгробная рѣчь монсиньору Сибуру, и всѣ какъ будто ни въ чемъ не бывало снова принялись громко и весело толковать о собственныхъ дѣлахъ.

Я сидѣлъ на палубѣ англійскаго парахода быстро несшагося къ Довру. На этотъ разъ море было гладкое, хоть шаромъ покати, много пассажировъ собралось кучками. Одинъ кружокъ былъ замѣчательнѣе всѣхъ живостью разговора, я присталъ къ нему и вслушался въ рѣчи; дѣло шло о папѣ и о ново-выдуманномъ имъ догматѣ. Разговаривавшіе по видимому принадлежали къ сословію образованныхъ людей. Одинъ изъ путешественниковъ выразился такъ:

„Господа, новый догматъ выдуманъ и придуманъ съ цѣлью, во первыхъ, чтобы узнать, какъ приметъ

его свѣтъ; во вторыхъ, чтобы доказать еще разъ непогрѣшимость папскую и власть его надъ дѣлами вѣры. Духовенство смолчало — и приняло, за исключеніемъ двухъ или трехъ человѣкъ, новый догматъ, безъ всякаго прекословія. Мы же, — да кто изъ насъ вѣритъ, такимъ глупостямъ и пустякамъ. Но вотъ въ чемъ дѣло, скуфейщики пересолили огурецъ. Всякій изъ насъ знаетъ, что существуетъ поговорка: appeler du pape au concile. Впрочемъ, если бы даже и собрали соборъ по поводу этого новаго догмата, не могу повѣрить, что бы ученые, умные, чистые и свѣтлые, умомъ и сердцемъ люди, попы ли они, или нѣтъ, могли бы рѣшиться разбирать истинность и нравственную сторону новаго ученія. Въ немъ сально отражается неутоленное похабство пресыщеннаго скуфейщика, роющагося воображеніемъ въ прелестяхъ юной, красивой, безпорочной дѣвы."

Я поникъ головою. Въ послѣдствіи мнѣ нечаянно попались письма іезуита Гагарина къ русской дамѣ о непорочномъ зачатіи — и я удостовѣрился въ справедливости сужденія путешественника.

Вотъ два факта. Выводите сами изъ нихъ заключеніе.

Откровенно сознаемся, какъ не старались мы объяснить себѣ слѣдующія слова іезуита Гагарина:

„И такъ, съ одной стороны, единству церкви, угро-

жаетъ непомѣрный духъ народности; съ другой, ея свободѣ грозятъ притязанія и посягательства свѣтской власти;“

мы ровно ничего не поняли.

Что тутъ общаго между духомъ народности — и единствомъ церкви?

И какъ можетъ свѣтская власть угрожать свободѣ церкви?

Народность, какова бы она ни была, есть личная особенность человѣка и итоговая личность людей, говорящихъ однимъ языкомъ, связанныхъ узами историческаго родства. Церковь не входитъ въ эти совершенно матеріальныя подробности. Своимъ духовнымъ единствомъ, она стираетъ эти особенности, научая, что всѣ мы дѣти единаго Отца небеснаго, и внушая намъ, что мы должны другъ друга любить какъ братья любятъ братьевъ. Всѣхъ она нравственно и духовно, проникаетъ мыслію и желаніемъ, дабы не было народностей и различія племенъ, во сколько это возможно на этой землѣ. Не народность тутъ угрожаетъ единству церкви, а напротивъ церковь ниспровергаетъ народностямъ. Церковь, вселяя въ насъ желаніе духовнаго улучшенія, вселяетъ въ насъ и желанія общественныхъ, политическихъ, всѣхъ возможныхъ улучшеній. Она готовитъ насъ, именно по духу Христа, быть не исключительно русскими, англичанами или французами, а братьями всѣхъ и каждаго. Желаніе улучшеній ведетъ къ единству, т. е. къ высшей точкѣ исполненія предсказанія Христа, единаго пастыря и единаго стада.

И какъ узки и мелки ваши понятія о церкви. Кто

же можетъ разставить границы церкви Христовой, и кто можетъ ей сказать: далѣе ты не пойдешь. Гдѣ та власть, могущая ее связать, умалить, уничтожить?

Развѣ, отложеніемъ какого нибудѣ народа отъ церкви и отъ самого Христа — церковь и самъ Христосъ, уничтожены?

Развѣ, чрезъ притязаніе папы на главизну и на владычество надъ церковью уничтожены главенство Христа, и его самая церковь?

Развѣ чрезъ отрицаніе нѣкоторыхъ атеистическихъ философскихъ, нѣмецкихъ школъ существованія Божія, на самомъ дѣлѣ отмѣнено существованіе Божіе?

Развѣ убіеніе митрополита Филиппа грознымъ Іоанномъ (совсѣмъ не походящаго на Генриха VIII), можетъ вести къ заключенію, что церковь Христова была убита, и болѣе не существуетъ съ того времени?

Развѣ ваши клеветы и ваши проклятія на грековъ, могутъ служить доказательствами, что они внѣ православія, т. е., внѣ истинной церкви Христовой, и внѣ его главенства?

Развѣ малочисленность правовѣрныхъ, и многочисленность перевѣрковъ, можетъ быть принята исключительнымъ доводомъ истинности или лживости ученія Христовой вѣры?

Развѣ превыспреннее ваше статистическое исчисленіе есть неопровержимый фактъ, что вы говорите правду?

Полноте! постыдитесь! вѣдь надъ вашими умозаключеніями смѣются ваши же латыне!

И что за частныя такія церкви? Духовное единство

не цифръ, и дробиться на части не можетъ. Православная церковь вѣдъ едина, гдѣ бы, и сколько бы не было православныхъ, вмѣстѣ или врозь. Мы вѣруемъ въ духовную церковь, а не въ какую нибудъ папистскую систему; потому что нашимъ главою, самъ Христосъ, какъ самъ онъ изрекъ о себѣ, а не бренный, смертный человѣкъ, весьма часто какой-нибудь, хотя взять для примѣра вашего бѣднаго Григорія XVI.

Во истинну сей папа былъ пропитанъ духомъ, только не божественнымъ!

Единство церкви не въ рукахъ народностей, а въ духѣ Христа.

Все, что Спаситель назначилъ для руководства своей церкви на землѣ, указано было апостоламъ. Они получили въ наслѣдство исполнительную часть власти, весьма ограниченную словомъ Господнимъ. Эту исполнительную власть, вязующую и разрѣшающую, передали апостолы таинственнымъ образомъ и іерархамъ, и священникамъ, наказавъ имъ строго блюсти законъ божій во всей его точности.

Но, воля ваша, нигдѣ изъ евангелія, а еще менѣе изъ апостоловъ, и изъ опредѣленій вселенскихъ соборовъ, мы не видимъ, что бы Спаситель, или сами апостолы, или отцы вселенскіе, передали кому бы то ни было главенство и законодательную власть въ церкви. Между тѣмъ, необходимыми членами церкви, провозглашены Христомъ, и всѣ вѣрующіе въ него.

Что въ Россіи духовенство и высшая іерархія подведены подъ уровень самодержавія, знаетъ всякій изъ

насъ. Но эта зависимость отъ правительства, это угнетеніе особъ духовныхъ, есть зависимость и угнетеніе чисто случайное, внѣшнее, личное. И не одному духовенству, подобная система правленія, которую внесли къ намъ нѣмцы, тягостно, и оскорбительно, а цѣлому народу. Но какъ самодержавная система не есть ужасна, ошибочна, противоестественна, противочеловѣчна, противуразумна, она существуетъ какъ грозный фактъ, какъ великое поученіе для грядущаго, и таковый фактъ мы должны принять въ соображеніе съ существующимъ порядкомъ вещей. Сознаніе во всѣхъ насъ, что положеніе нашего духовенства и цѣлаго народа есть анти-нормальное, давно у насъ существуетъ и не есть новость. Борьба, начавшаяся со временъ Іоанна Калиты, ни разу не прекращалась; она только сильнѣе завязалась съ паденіемъ Новагорода великаго, и теперь — все въ рукахъ Божьихъ.

Какъ бы то ни было, эта борьба выражалась и еще выражается до днесь, то тайными заговорами, то частными, то всеобщими возстаніями. Наше духовенство, съ весьма рѣдкими исключеніями, почти никогда не вмѣшивалось въ эти движенія. Примѣръ, приведенный вами о Никопѣ, весьма не къ стати. Послѣдующее наше сочиненіе „о расколѣ въ Россіи“, выяснитъ вамъ вполнѣ почему, и то, какъ мало вы знаете исторію нашего отечества. Іерархи и все наше духовенство глубоко поняли, какъ неприлично ни ихъ сану, ни ихъ достоинству вмѣшиваться въ кровавыя столкновенія; они поняли, что ихъ роль въ такихъ случаяхъ чисто мировая, духовная, а не

воинственная и не матеріальная. Всякій разъ, что самодержавіе, попирая ногами всякое понятіе о справедливости и человѣчественности, посягало на ихъ личность, они кротко и смиренно уступали. Для отклоненія большаго зла, вятшаго искушенія, они безмолвно уступали и отступались отъ своихъ личныхъ выгодъ и правъ; они предавали мірской власти на расхищеніе и свое имущество, и свои богатства; они уступали внѣшность, наружность, но рѣшительно, безбоязненно, блюстили и ограждали внутреннее, духовное достоинство церкви. Петръ великій, уничтожалъ монастыри; Екатерина II отобрала всѣ имѣнія духовенству принадлежавшія, и всѣ, почти всѣ — оставляли эти посягательства на чужое имущество, на совѣсти мірской власти.

Но не такъ, когда дѣло шло о внутренней, духовной жизни церкви. Тутъ никакая власть, никакое насиліе, никакія мученія, не могли принудить ни іерарховъ, ни всего духовенства уступить грубой силѣ мірской. Исторія нашей церкви наполнена тысячью такихъ примѣровъ мало, или даже и совсѣмъ неизвѣстныхъ публикѣ. Въ томъ то и честь, и слава нашего духовенства!

Да останется и въ грядущія времена вѣрно своему призванію это достойное, измученное, задавленное духовенство, которое съ нами дѣлить и наши труды, и наше горе, и наши слезы; которое поддерживаетъ насъ въ вѣрѣ въ Бога, въ будущее, въ любви не только къ ближнему, но даже къ злѣйшимъ нашимъ врагамъ; которое насъ крестить, насъ вводитъ въ жизнь земную, и которое учитъ насъ съ малыхъ лѣтъ, когда можемъ едва лепе-

тать, произносить отъ сердца слова молитвы: „да пріидетъ царствіе твое, да будетъ воля твоя, яко на небеси, и на земли.“ Миръ вамъ, духовные отцы во Христе! миръ вамъ, за то что смягчаете въ насъ суровость дикой страсти мести противу тѣхъ, которые и васъ самихъ, и насъ втаптываютъ въ грязь, и почитаютъ, ни за что! Миръ вамъ за миръ, который возвратили въ наше сердце изнемогавшее подъ бременемъ тяжкой, незаслуженной участи! Миръ вамъ, за вашъ миръ! Не забудьте, что всѣ мы на васъ смотримъ, и что въ васъ однихъ наша надежда на лучшее будущее въ бѣдной нашей истерзанной, опозоренной крѣпостью Россіи . . . . .

Часто мы слышимъ укоры намъ, что востокъ, т. е. Россія и Греція, стоятъ неподвижны, и что тому причиною православіе.

Но вы забываете, что православіе отражало болѣе трехъ вѣковъ натискъ исламизма на цѣлую Европу; вы забываете, что въ эти страшныя времена, насъ покинулъ и оставилъ на произволъ судьбы весь западъ; вы забываете, что намъ было нѣкогда думать объ образованности, объ успѣхахъ въ цивиллизаціи, когда дѣло шло о жизни не только людей, но и цѣлаго народа; вы забываете, что ваше же недоброжелательство намъ заграждало путь на западъ, и что ляхи-католики, ругались и смѣялись надъ нами, называя насъ презрительно схизматиками, и всячески стараясь удерживать насъ въ варварствѣ. Вы забыли,

что только суровая, непреклонная стойкость Петра великаго, а въ послѣдствіи одна только матеріальная сила штыковъ, доставили намъ наконецъ доступъ къ западу. Незванные гости, мы какъ татары, нагрянули къ вамъ, и въ 1812 году доказали всѣмъ, что хотя мы и схизматики, и варвары, но все же побѣдили во имя Христа, и церквей вашихъ нигдѣ не осквернили, и надъ духовенствомъ вашимъ не ругались.

И между тѣмъ, вы провозгласили поляковъ, спасителями цивиллизаціи! Они-молъ удержали схизматиковъ въ ихъ границахъ, и не дозволили имъ пробиться въ Европу, и уничтожить въ ней, нѣсколькими вѣками, столь посильно пріобрѣтенной, образованности!?

Вы обвиняете Грецію въ ея паденіи, и провозглашаете, что это достойная кара за ея упорство въ схизмѣ.

Стыдитесь вашимъ клеветамъ!

Греція вопреки цѣлаго запада, вопреки ослѣпленія Александра I., вопреки происканъ папства, на перекоръ метерних ской, колбасной политики, воскресла, и кто знаетъ, что готовится ей въ будущемъ? На что нибудь она да возраждается!

На васъ вопіетъ страшный голосъ генія-поэта англичанина, не вѣровавшаго ни во что, скептически кивавшаго головою, смотря на Римъ, на его продѣлки и сдѣлки. Мы вѣримъ, что Байрону будетъ много прощено, ибо онъ оказалъ много любви къ страждущей, страшно угнетенной, безбожно попранной Греціи. Онъ лучше васъ: ибо не клялъ и не клеветалъ, а положилъ жизнь за стражду-

щихъ. Его геройскій подвигъ — останется незабвеннымъ въ преданіяхъ исторіи. А о васъ, что скажутъ? Да все то, что вылилось у насъ изъ сердца, изъ души, полныхъ негодованія и презрѣнія къ вашей безчеловѣчной папистской системѣ.

Неподвижность на востокѣ! неподвижность на моей бѣдной, святой отчизнѣ! И тебя обвиняютъ въ томъ люди, которыхъ ты взлѣлѣяла, вскормила, выростила, которыхъ надѣлила всѣми благами земными; которыхъ ты воспитала, озарила просвѣщеніемъ, лучемъ истины, цѣною твоего пота, и крови, и слезъ горючихъ! Да спросите у меня, мужичка, чего намъ стоятъ ваше воспитанье и ваше ученіе? спросите у меня, сколько ночей я не досыпалъ, и сколько разъ у меня вся внутренность переворачивалась, когда маленькая сестра просила хлѣбца кусочикъ, того хлѣбца, котораго у насъ не оставалось ни зерна, потому что барину нужно было оброкъ выплатить, а правительству подушныя, на поддержаніе недоступныхъ намъ славы, знанія, величія, богатства Россіи!

Неподвижность! О если бы не вѣра въ Бога и во Христа, не надежда, что вы образумитесь, и сами постигнете, какой тяжкій грѣхъ, смертный грѣхъ держать на привязи, и неволить, и бить народъ, если бы повторяю еще разъ, не вѣра въ Бога и во Христа, мы бы проложили себѣ топоромъ дорогу къ подвижности, и къ образованію, и къ цивиллизаціи . . . . .

Но и что говорить. Вѣдь на софизмы вы всѣ горазды, и парадоксы вамъ ни почемъ.

Неподвижности, т. е. смерти, нѣтъ нигдѣ! И даже

у васъ на западѣ, между вашимъ-же духовенствомъ, не смотря на всѣ ваши старанія остановить движеніе умовъ, нѣтъ неподвижности.

Знаемъ мы, что движеніе впередъ покупается ужасными пожертвованіями; знаемъ мы, что всего чаще человѣкъ, цѣлыя поколѣнія гибнутъ и уничтожаются для этой земли — но идея все же впередъ, и впередъ, и всѣхъ увлекаетъ за собою.

Неподвижность! А давно-ли вы надъ Галлилеемъ произнесли анаѳему и заточили въ страшную темницу за то, что онъ доказывалъ, что земля движется. И давно-ли, вашъ же братъ латинскій безбрачный попъ хотѣлъ снова доказывать, что земля неподвижна. Если кому-нибудь движеніе не по сердцу, то вѣрно уже не намъ. Вашъ пріятель, вашъ органъ, вашъ отголосокъ, Вейльо, ежедневно силится доказать парадоксами, бойко написанными, что неподвижность есть единственное спасеніе человѣчества отъ гибели знанія.

Грустно подумать сколько вы уже уничтожили благородныхъ, чистыхъ, свѣтлыхъ людей вашего же духовенства; сколько убили вы полицейскими доводами и доказательствами, дѣльныхъ религіозныхъ журналовъ, которые старались снова вселить вѣру, и надежду, и любовь тамъ, гдѣ вы ихъ безпощадно убили изъ какихъ-то монашескихъ, грязныхъ, іезуитскихъ выгодъ. Сколько молодыхъ умныхъ священниковъ вы вколотили во гробъ вашими клеветами, бранью, ложью, пронырствомъ у правительства. Нечего сказать: хорошо ваше движеніе во имя штыковъ и полицейскихъ хажалыхъ! Уже не

этѣми-ли то льготами, и выгодами, и вольностями хотите вы одѣлить и наше духовенство?

Богъ съ вами, оставьте намъ нашихъ священниковъ, таковыми какъ они теперь. Придетъ время, придетъ пора — и все къ лучшему, волею Божіею устроится. Но наше духовенство, мы твердо въ томъ увѣрены, и тогда ни за что не согласится играть постыдную роль, которую вы играете теперь на бѣломъ свѣтѣ.

А пока отправляйтесь во французскую академію получать 25 сантимовъ за новоизобрѣтенное вами слово: византизмъ. Эхъ господа іезуитики, четыре вѣка вы крихтѣли да потѣли, что бы такое придумать, въ родѣ словца: папизмъ! Попали пальцемъ въ небо, молодцы!

Вмѣстѣ съ вами утверждаемъ, что и теперь, какъ и въ прошедшемъ существовала, существуетъ только единая церковь Христова. Двухъ церквей никогда не бывало, и существовать не можетъ. Но утверждать, что именно ваша система, (другаго слова не пріищемъ), подвластная папѣ, есть единая церковь Христова — страшнѣйшее богохульство, какое когда-либо человѣкъ могъ произнести. Церковь, какъ и все человѣчество, никому не подвластна, потому что одинъ Богъ, царь земли, и Христосъ, глава церкви. Церковь не есть еще духовенство, не есть еще папа, не есть еще сословіе, не есть еще государство. Церковь, духовная и безсмертная жизнь цѣлаго человѣчества, а не бренное общество, которое ру-

шится, уничтожается и облачается съ каждымъ вѣкомъ въ новыя формы. Церковь не ищетъ земныхъ сокровищъ, земныхъ благъ, человѣческой славы, матеріальной силы. Ея сокровище въ душѣ каждаго вѣрующаго; ея благо въ сердечномъ спокойствіи человѣка, исполненнаго желанія блага ближняго; ея слава — слава Христа; ея сила — сила Духа Святаго, оживляющаго всѣхъ и каждаго. Церковь, не есть сборище и образецъ всего подлаго и низкаго, всего мерзскаго и отвратительнаго, которое встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ человѣческихъ постановленіяхъ: а духовное единеніе ума, сердца, (и въ особенности сердца), всѣхъ тѣхъ, которые чувствуютъ истину и глубоко ею проникнуты, что мы образъ и подобіе Божіе. Церковь не есть сбродъ рабовъ, во имя папизма, или другой какой-либо системы, а собраніе свободныхъ, независимыхъ, равныхъ между собою, братолюбивыхъ людей. Церковь, однимъ словомъ, есть добровольное, свободное, разумное общеніе съ Богомъ, посредствомъ самого спасителя міра, и силою дара Духа Святаго. Вотъ какъ мы мужички, иногда и безотчетно, и безсознательно, вѣруемъ, что такое церковь Христова.

Еще разъ: „вѣруемъ и исповѣдуемъ едино стадо, единаго пастыря, Господа нашего Іисуса Христа, Сына Бога живаго, положившаго за всѣхъ насъ, животъ свой.“

„Вѣруемъ и исповѣдуемъ и Духа Свята, иже отъ Отца исходяща, и котораго Отецъ нашъ небесный, ниспослалъ намъ на утвержденіе и укрѣпленіе нашей вѣры въ лучшее будущее и на землѣ сей.“

Ни болѣе, ни менѣе, ни мы, ни наши пастыри духов-

ные вѣрить не можемъ. То, что изречено было Спасителемъ, намъ ясно и понятно. Его слова, его ученіе намъ даютъ способъ постигнуть и всѣ тайны откровенныя въ евангеліи.

А вашихъ папистскихъ новоизобрѣтенныхъ догматовъ, а вашего папскаго властительства, и владычества, и единства, и всей прочей кутермы и системы не понимаемъ, и въ нихъ вѣрить не можемъ, и не хотимъ.

До сихъ поръ, грѣшный человѣкъ, мы только ругались и бранились. Не взыщите, ваше іезуитское сіятельство, вѣдь наше дѣло мужицкое, необтесанное, неошлифованное: что на умѣ, то и на языкѣ. Насъ не воспитывали A. M. G. D. Взросли мы такъ себѣ, какъ Богъ помогалъ. Насъ не мучили ни надъ азбукою, ни надъ схоластическимъ богословіемъ, ни надъ велемудрыми эрго тизмами; насъ не учили вѣжливо, съ улыбкою на устахъ утверждать, что бѣло черно, и на оборотъ; насъ не учили прикидываться тѣмъ, чѣмъ угодно, и вертѣться около русскихъ барынь, на совращеніе ихъ отъ истины. Княгини, графини, намъ недоступны, — и про нихъ мы и не пишемъ, а про нашу братію мужичка.

Но какъ бы то ни было, а по совѣсти, должны и мы отдать подобающую честь и хвалу вашей книжкѣ. Въ ней есть страницы, есть мѣста, которыя восхищали и насъ невѣждъ. Указывать на всѣ таковыя мѣста — долга пѣснь будетъ. Укажемъ только на одно, — оно послужитъ мѣрою достоинства всего сочиненія.

Вотъ то мѣсто, стр. 37.

„Она (т. е. папистская система) раскинулась по всему лицу вселенной, на сѣверѣ и на югѣ, на востокѣ и на западѣ!

Каково! Что за чудный оборотъ, и что за картина! Ни дать, ни взять, истолкованіе новаго догмата, въ письмахъ къ русской барынѣ. О Тредьяковскій, Булгаринъ и Орловъ — плачьте! Васъ перещеголялъ князь іезуитъ Гагаринъ, и все потому токько, что вамъ недоступны, какъ это назвать повѣжливѣе, по іезуитски! . . . . . А! недоступны: духовныя сладострастія (voluptés spirituelles.)

Жалко, что князь іезуитъ, не объяснилъ, какъ она раскинулась, (т. е. система), вверхъ дномъ — или на оборотъ? Да уже кстати было и пояснить на что лице вселенной стало похоже.

Русскій мужичокъ пустился также путешествовать, и ему какъ и нашимъ барамъ захотѣлось посмотрѣть на свѣтъ божій, и поучиться, и посравнять, и выводы сдѣлать. Вотъ на дняхъ и пріѣхалъ ко мнѣ изъ смоленской губерніи, села ***, Иванъ Кондратьевъ, староста церковный, грамотный человѣкъ, съ грѣхомъ по поламъ. Далъ я ему въ руки книжку князя іезуита. И читалъ онъ ее, и читалъ, и покончивши сѣлъ призадумавшись возлѣ меня.

— Ну, что? спросилъ я его. —

— А что?! отвѣтилъ онъ мнѣ. —

И послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія у насъ завя-

залась слѣдующая бесѣда, которую и передаю слово въ слово.

Петръ Артамовъ. А сіятельный іезуитъ, много хлопочетъ о примиреніи русской церкви съ римскою.

Староста Кондратьевъ. Да, хлопотъ полонъ ротъ. Вишь ты братъ: пиво сопитъ сквозь пробку.

Петръ Артамовъ. А что, дядя, знать дѣло то того и въ самомъ дѣлѣ важное. Вѣдь князья и бары затолковали не на шутку о примиреніи.

Староста Кондратьевъ. Блаженни нищіе духомъ; а хайло-отъ у нихъ, извѣстное дѣло, широко.

Петръ Артамовъ. Да дядюшка, вѣдь только и толкуютъ о томъ, что-дискать нужно освободить церковь Хрістову отъ власти мірской.

Староста Кондратьевъ. Экъ ты олухъ какой! На нашемъ-то току хлѣбъ молотить хотятъ.

Петръ Артамовъ. Да вѣдь прочти — ка повнимательнѣе: вишь ты, сулятъ всякія льготы, свободности, выгоды, почести.

Староста Кондратьевъ. Сопѣлки, братъ, сопѣлки. Въ нашемъ жолобѣ да дыръ хотятъ надолбить.

Петръ Артамовъ. Вездѣ, говорятъ, вездѣ революціи будутъ, коли къ папѣ не обратятся, и не признаютъ его главою церкви. Онъ — молъ одинъ можетъ спасти отъ бѣдъ и гибели.

Староста Кондратьевъ. Собаку съѣлъ, родимой, собаку съѣлъ. Да и священное писаніе гласитъ: и сія вамъ нечиста отъ плѣжущихъ по земли: ласица, и мышъ, и крокодилъ земный, мугали и хамелеонъ.

Петръ Артамовъ. Утверждаетъ, что папа глава церкви, что самъ Хрістосъ такъ назначилъ . . . .

Староста Кондратьевъ. Въ пятомъ евангеліи. Недовѣрокъ онъ іезуитъ, недовѣрокъ. Хвастливаго съ богатымъ не распознаешь.

Петръ Артамовъ. Божится, право ей, что папа-де такой знатный, сильный и большой баринъ . . .

Староста Кондратьевъ. Экъ нарядился въ харю: Взяша вся конныя содомскія и гоморрскія и чаетъ одолѣть, а того и не видитъ, что выбойка вся разлѣзлась.

Петръ Артамовъ. А замѣтилъ-ли ты какъ намѣкаетъ, что наше бѣлое духовенство, такъ себѣ; а черное-то, и того? Да его послушать, такъ мы расколники, пожалуй и въ басурманы негодны.

Староста Кондратьевъ. Перевѣрокъ онъ іезуитъ! ахти позоръ какой русскому барству.

Петръ Артамовъ. Такъ вотъ и манитъ нашихъ духовныхъ лестью и обѣщаніями.

Староста Кондратьевъ. Шалаши городитъ; да тетерева-отъ перевелись. А стараго воробья мякиною не надуешь.

Петръ Артамовъ. Да чтожъ ты дядя, въ самомъ дѣлѣ-то, вздоръ городишь, да не выскажешь, что обо всемъ этомъ думаешь.

Староста Кондратьевъ. Вздоръ городитъ іезуитъ проклятой, да побродяги паписты. Самъ вздурачился, что съ ними пошелъ, да и насъ туда же наровитъ. Экъ подъѣхалъ съ невидалью какою! Что мы за нехристь

такая, что бы вѣру отцовскую покидать, да обузу себѣ на шею навязывать ни прошто, ни зашто. Али у насъ и безъ нихъ мало зла? Коли нашимъ князькамъ да графченкамъ время басурманить да козлогласить, такъ намъ не до нихъ и не до того. Али мало у насъ на Руси чиновниковъ, да такихъ сякихъ, что кознодѣютъ безъ совѣсти и безъ души? Ну ихъ къ...., тьфу, прости Господи, чуть къ врагу не послалъ, да туда имъ, примѣромъ будучи сказать, и дорога. Нѣтъ братъ шалятъ, намъ не до нихъ. Пора намъ: Яко во дни благообразно да ходимъ, не козлогласованій и пьянствы. У насъ и безъ нихъ дѣла довольно. А козликовъ неча пускать въ огородъ, а то капуста-отъ, охъ, охъ! .....

Не намъ первымъ вы швыряете въ голову вашу страшную дилемму:

„или католицизмъ, или революція.“

т. е. другими словами: или возвращеніе къ средневѣковымъ, обвѣтшалымъ, ни къ чему негоднымъ формамъ, къ системѣ костровъ, подземныхъ тюремъ, къ vade in pace калуэрскаго правленія скуфейщиковъ, къ затмѣнію умовъ, къ погашенію всякаго луча просвѣщенія, къ рабству разума и разсудка, ко всему безпутному, негодяйскому, къ окончательному отупленію рода человѣческаго: однимъ словомъ къ католицизму, какъ вы его понимаете въ папистской системѣ;

или движеніе впередъ къ исполненію обѣтованнаго и откровеннаго Хрістомъ царствія Божія, и на земли сей,

къ лучшему, къ образованному, къ просвѣщенію, къ лучу свѣта евангельскаго, къ свободѣ народовъ, къ личной независимости, къ правленію закономъ, къ просвѣтленію умовъ, къ оправствованію сердецъ, ко всему благородному, возвышенному, къ окончательному единенію во имя Христа всѣхъ народовъ во едину паству, какъ мы понимаемъ ее въ чисто духовномъ отношеніи къ Божеству: однимъ словомъ къ тому, что пріобрѣтается лишь ужасною, трудною, вѣковою работою революцій.

Тутъ выбора быть не можетъ: революція! вотъ нашъ девизъ, вотъ наше желаніе, вотъ наши помыслы, вотъ вся цѣль нашихъ трудовъ, нашихъ заботъ, нашей вѣры, нашихъ надеждъ, нашей любви.

У насъ это понялъ царь Александръ IIй; у васъ это исполняетъ вашъ императоръ Луи Наполеонъ. Вотъ почему они оба единственные въ цѣломъ свѣтѣ популярные вѣнценосцы. Вотъ почему, не смотря на всѣ ваши интриги и тайные заговоры. Луи Наполеонъ держится крѣпко на престолѣ французскомъ. Вотъ почему мы съумѣемъ оградить нашего царя отъ всѣхъ козней царедворцевъ, дворянъ и бездѣльничьяго чиновничества. Оба съ умомъ ведутъ революцію къ ея окончательному результату, къ осуществленію усовершенствованія въ человѣчествѣ, и обоимъ помощи папской не нужно.

Католицизмъ, т. е. папизмъ, вездѣ и всюду, оказалъ свою несостоятельность: въ религіозномъ отношеніи онъ — кощунство и ханженство; въ нравственномъ — убійство семейнаго быта, личной духовной жизни, духовнаго общественнаго бытія; въ общественномъ отношеніи —

— это отрицаніе всего человѣчественнаго, и олицетвореніе самого отвратительнѣйшаго, эгоистическаго рабства; въ политическомъ — это хула на Бога и посмѣяніе на народы. Однимъ словомъ католицизмъ есть зло безвыходное, есть тьма кромѣшняя; это врата адовы; это дантовское „lasciate ogni speranza.“ И разъ туда попался — пропалъ на вѣки, и человѣкъ, индивидуально взятый, и народъ, во всей своей итоговой массѣ.

Весь католицизмъ вертится только на одной верхушкѣ папской шапки: это колесовратное, американское сальто мортале. Все сборище скуфейщины только и знаетъ, что кричитъ:

„Папа, папа, папа, сто разъ, тысяча разъ, милліонъ разъ папа;“

а о Христѣ, о его благой вѣсти, а о церкви — и помину нѣтъ! —

А все отъ того, что Христосъ есть живой упрекъ всей вашей комедіи скуфейщійской; Христосъ есть изобличеніе васъ во лжи и лести. Христа вы ежедневно, сто, тысяча, милліонъ разъ распинаете въ вашихъ богохульныхъ синхендріонахъ. И появись снова Христосъ — и Іуды Исхаріота не нужно, всѣ вы его повлечете сообща, да еще и даромъ, на гильотину.

Благую вѣсть вы запрещаете читать, потому что ученіе въ немъ изложенное есть ваше осужденіе; потому что евангеліе какъ свѣтъ дневный озаряетъ всякаго, и внушаетъ отвращеніе, негодованіе, омерзѣніе, къ вашему ученію. О! если бы вы только могли, то извели бы до послѣдняго экземпляра божественную книжечку.

Наконецъ то, что вы называете церковью западною или католическою, похоже на старую, истасканную, всемірную дѣвку, которую вы іезуиты, подпомадили, подзавили, подрумянили, пододѣли, и выставляете въ полусвѣтъ, что бы прохожіе не могли разглядѣть сколько отвратительнаго въ ея морщинахъ, въ ея поблекшихъ глазахъ, въ ея сѣдинахъ и въ ея вылѣзшихъ волосьяхъ.

И послѣ этого вы имѣете столько духа, что предлагаете намъ примиреніе, сдѣлку съ вашею куклою?

Да и что можетъ путнаго выйти изъ этого чудовищнаго общенія свѣта со тмою, дня съ ночью, истины со лжёю. Это даже не было бы полумѣрою на отвращеніе зла германскаго, философскаго атеизма. Это было бы только нашествіе испареній, скопившихся въ злотворныхъ скопищахъ всѣхъ безпутныхъ и безбрачныхъ людей.

Революція?!

А что же вы намъ предлагаете вашимъ безусловнымъ условіемъ примиренія и сдѣлки съ папою? Вѣдь ваше условіе, первое и необходимое: ограниченіе самодержавія царя?

И какіе изъ того могутъ истечь льготы и вольности русскому духовенству?

Нѣтъ, ваше іезуитское сіятельство, льготы и вольности русскому духовенству должны истечь изъ совершенно чистѣйшаго источника: изъ собственнаго сознанія цѣлаго государства, всего народа, сколь высоко, прекрасно и божественно назначеніе пастырей народныхъ. Лишь одно это сознаніе въ состояніи дать возможность освободить служителей церкви Хрістовой, изъ подъ опеки пра-

вительства, подъ которою впрочемъ находимся и всѣ мы, безъ исключенія. А все это дѣло времени, опыта, долговѣковыхъ трудовъ, непрерывной, умственной работы, изученія вполнѣ слова Божія, почерпнутаго изъ самого евангелія, и поясненнаго, и истолкованнаго вселенскими отцами. Это дѣло не примиренія съ вашею системою, и не сдѣлки царя съ какимъ нибудь Но-но, а дѣло, можетъ статься нѣсколькихъ вѣковъ, и нѣсколькихъ поколеній. Однимъ словомъ — все это дѣло промысла Божія, у котораго въ рукахъ и сердце царево, и судьбы народовъ, и вся будущность человѣческая. Не вы насъ научите лучшему — а исторія и ея факты, которыхъ ничто не въ силахъ уничтожить.

И все хорошенько обдумавши и обсудивши, такъ право лучше подобно Прометею лежать прикованнымъ на скалѣ подъ клёвомъ двуглаваго орла, чѣмъ влачить печальную жизнь раба скуфейщины и пылить темя свое подъ изношенною туфлею какого нибудь Но-но. Вѣдь цѣпи когда нибудь да разрушатся и распадутся отъ ржавчины! — А кто въ состояніи смыть пыляное, грязное пятно на темени человѣчества, въ особенности, если оно еще къ тому и добровольное?

Вы грозите самодержавію потерею власти неограниченной. А развѣ вы думаете, что наше самодержавіе не знаетъ само, что оно есть ничто иное какъ временное, случайное диктаторство, котораго намъ нужно было доселѣ для окрѣпленія нашего народнаго и государственнаго тѣла? Самъ Николай, это очень хорошо зналъ, и вотъ почему его правленіе было ужасно, безчеловѣчно, убій-

ственно. Неуже ли вы думаете, что онъ былъ тираномъ, такъ только, что бы быть тираномъ? Нѣтъ, нѣтъ, онъ можетъ статься и безотчетно, но очень хорошо понималъ, что не его царствованію предоставлено было опустить поводья. Развѣ и тутъ не видно перста Божія? Когда покойный царь сдѣлалъ свое дѣло — все распалось еще при жизни его, не смотря на могучую его руку. Провидѣніе Божіе сломило силу великана, подъ натискомъ соединенной противу него пол-Европы. Николай палъ — и унесъ съ собою во гробъ, окончательно и навсегда, всю силу самодержавія. Его нигдѣ болѣе не будетъ, потому что оно нигдѣ болѣе не можетъ существовать. Эта форма правленія болѣе ни намъ, ни вамъ не годится, и всѣ ваши старанія возвратить человѣчество вспять — пустое и суетное стараніе.

Папистская система — остовъ; самодержавіе — тѣнь!

Пора взойдти солнцу евангельской свободы. Православію востока принадлежитъ роль путеводителя при переходѣ изъ тьмы во свѣтъ. И будетъ такъ.

Не правда ли, господа іезуитики, мы оправдываемъ то, что вы сказали о насъ въ вашей брошюркѣ? Революціонеры мы? Да, отвѣтимъ мы, не запинаясь, мы революціонеры о имени Христа, Освободителя всего міра.

Но на эшафотъ мы не поведемъ своихъ царей; изгонять ихъ не будемъ. Кровью монарховъ мы не обагримся — ибо у насъ невозможны ни Карлы Іе, ни Людовики XVIе, ни Карлы Хе, ни Луи Филиппы, а главнѣе всего ни Піи Но-но.

Вѣдь на нашемъ языкѣ и слова революціи нѣтъ. У насъ замѣняетъ его слово круговращеніе — и вся вселенная держится и живетъ законами круговращенія вокругъ солица. Вотъ почему у насъ революціонеры — наши цари, а не мы. Вотъ почему Іоаннъ великій, Іоаннъ грозный, Петръ великій и Александръ IIй наши законные и могучіе революціонеры. Мы только подаемъ намёки, а они исполняютъ. Мы иногда отнѣкиваемся отъ добра, а они заставляютъ; мы часто не хотимъ идти впередъ, а они насъ насилятъ; мы силимся сдержать просвѣщеніе, а они его подталкиваютъ; мы тормазимъ, а они впрягаются въ телегу — и везутъ, везутъ насъ неутомимо, безъ отдыху, безъостановочно.

И гдѣ же эти вѣнценосные, суровые, страшные революціонеры почерпнули силу, желаніе, мощь къ исполненію исполинскихъ подвиговъ? . . .

Въ православіи — отвѣтимъ мы.

Ваше дѣло доказывать противное, если съумѣете. А у насъ передъ глазами факты, все факты, длинная вереница фактовъ.

Мужайся же царь русской, не пугайся, и не слушай говора іезуитовъ и Но-но. Освобождай насъ, преобразуй насъ, изъ рабовъ выводи въ люди, собственнымъ твоимъ умѣніемъ, собственными убѣжденіями, собственною силою. Не слушай и не бойся господъ баръ и князей отступниковъ. Твоя сила, твоя жизнь, твое бытіе, твое благополучіе, твое счастіе — въ насъ, а тебя не выдадимъ никому. Смотри на Герцена, смотри на Огарева — они ненавидятъ злоупотребленія, ненавидятъ все, что достойно

ненависти. Еще болѣе, Герценъ, республиканецъ, соціалистъ неисправимый, а посмотри съ какою надеждою, съ какою вѣрою, съ какою любовію даже и онъ смотритъ на тебя, и желаетъ тебѣ, и славы, и благоденствія. И какъ они оба, такъ и мы мужички! Вѣдь мы воспитаны были въ православіи, и если даже становимся иногда не вѣрующими, но все же прежде всего мы русскіе, русскіе словяне, ишедшіе въ жизнь православными, любящими родину безъ всякихъ условій, безъ всякихъ папистскихъ замашекъ и іезуитскихъ дилеммъ.

Народность — вотъ наше политическое вѣрованіе!

Православіе — вотъ наша духовная вѣра!

Самодержавіе — вотъ наша надежда.

Уничтожай же царь все зло, все чиновническое, искореняй до тла весь наростъ чужеземный, несвойственный ни нашимъ понятіямъ, ни нашему духу, ни нашимъ чувствамъ. Рѣжь въ живое мясо, просверливай черепъ общественный: вѣдь мы русскіе мужички — и глазомъ не мигнемъ, и усомъ не поведемъ. Но убѣгай ханжей католиковъ, и бойся пуще всего дьяволовъ искусителей, называемыхъ на западѣ іезуитами, а въ особенности отступниковъ русскихъ!

Государь, борьба еще не кончилась! Мы выиграли первую, партію и московскій пожаръ озарилъ двоекратное вшествіе наше въ Парижъ, и трактаты парижскіе. Мы проиграли вторую партію, и взорванный Севастополь освѣтилъ только ново проломанный севастопольскій бульваръ въ Парижѣ. Третяя партія впереди.

А мы знаемъ, что на западѣ все кончится временною

третьею реставраціею: на одну-ли, на другую-ли сторону, кто можетъ предсказать навѣрное? Но да не забудемъ, что эта новая, неминуемая реставрація будетъ послѣднею попыткою возстановленія монархизма во Франціи, послѣднимъ покушеніемъ связать человѣчество по рукамъ и по ногамъ, для того, чтобы сволочь его назадъ къ средневѣковому быту. Вся Европа разгорится и все это кончится: козачествомъ: т. е. мірскимъ, вселенскимъ правленіемъ цѣлаго человѣчества.

Для насъ, самодержавіе охраненіе отъ боярскихъ, мѣстническихъ смутъ, сохраненіе народности отъ ляшскихъ покушеній, сохраненіе православія отъ іезуитскихъ интригъ папизма, а главнѣе всего и первѣе всего, удержаніе вопреки всему и всѣхъ, общиннаго, крестьянскаго, русскаго быта, высокаго и глубокаго историческаго намека на будущность не только цѣлой Россіи и всѣхъ славянскихъ, православныхъ племенъ, но и цѣлаго человѣчества.

Знаемъ, что и вы іезуиты насъ разгадали, и будущность также хорошо видите какъ и мы; но знаемъ также, что потому только вы и хлопочете такъ много, что бы схватить въ руки православное, русское, славянское движеніе. Но успокойтесь. Мужикъ русскій не хуже вашего смѣкаетъ дѣло — и вамъ у насъ никогда не бывать!

Вы насъ, т. е. царя, стращаете германскою философіею. А неуже-ли вы думаете, что намъ не ясно какъ дважды два четыре, во сколько и она не состоятельна.

Папизмъ уже обанкрутился въ пухъ, а германская философія также не далека отъ расчёта съ человѣчествомъ. То что папистская система произвела, извѣстное число; и то что германская философія производитъ, также извѣстное число. Папизмъ приводитъ къ ничтожеству, убійствомъ нравственнымъ во имя папы; германская философія ведетъ прямикомъ къ нравственному, добровольному самоубійству, во имя отуманеннаго пивомъ и табакомъ разсудка. Охотниковъ было и есть еще на попытки и того и другаго; но человѣчество ортачится. Ему страшна инквизиція подлой памяти, ему отвратительно бездонная пропасть атеизма, издыхающаго въ глубокомысленности пивной кружки и затхлаго дыма табачнаго. Оно ищетъ третее еще неизвѣстное, искомое число. А вотъ, смотрите, оно тамъ у насъ на востокѣ. Это число X, называется: православіемъ.

И все бросается уже на изученіе преданій вселенскихъ соборовъ. Вотъ гдѣ истина, еще сохранилась, и эта истина спасетъ насъ отъ великаго наводненія грязи и дрязга латинскаго и германскаго ученія.

Революціи бояться намъ нечего и потому еще, что православія не вмѣшиваетъ никто у насъ въ общественные, чисто житейскіе вопросы.

Да и сознаемся, если справедливо мнѣніе преловутаго князка іезуитика, что на западѣ дѣло идетъ между католицизмомъ и революціею, то сожалѣемъ о послѣдней.

Но извините, ваше іезуитское сіятельство, это мнѣніе, вѣдь ничто иное, какъ шарлатанская замашка пустить пылью въ глаза. Вашимъ католицизмомъ никто не зани-

мается, а надъ вами только смѣются и рукоплескаютъ, какъ всякому клайну въ гипподромахъ, когда удастся кому нибудь изъ вашихъ выкинуть невиданную штуку или выточить неслыханныя дотолѣ балясы. А извѣстное дѣло шутъ, будь онъ хоть князь и іезуитъ, все таки шутъ, и его шутовству посмѣяться не грѣхъ. Нѣтъ ничего уморительнѣе всѣхъ вашихъ попытокъ выставить себя впередъ. Про васъ можно то же сказать, что Репетиловъ говоритъ про себя и про своихъ, бѣдному Чацкому:

„Шумимъ, братецъ, шумимъ!“

Шумите, братцы, шумите до сыта, вѣдь комедія скоро кончится.

Вами занимается можетъ тамъ и сямъ быть какой нибудь мыслитель, но занимается какъ занимается кухарка ненужнымъ, ни къ чему негоднымъ соромъ. Нерѣдко мы слышали: „а что же съ скуфейщиками, куда ихъ дѣвать?“ — „Куда? да въ помойную яму весь этотъ нечистый дрязгъ среднихъ вѣковъ, а оттуда извѣстное дѣло въ рѣку, гдѣ онъ разложится и уничтожится навсегда.“ — Туда ему и дорога. Въ Лэту его.“ —

И укажите намъ на милость, гдѣ же эта борьба католицизма съ революціею?

1848й годъ дѣлаетъ честь человѣчеству вообще, и французскому народу въ частности. Никто вѣры не затрогивалъ; никто собственности чужой не присвоивалъ; никто семейства не позорилъ. 1848й годъ доказалъ вполнѣ, что хрістіанская идея, не смотря на все срамное лже-ученіе папистское, бросила глубокія корни и въ массу народа. И гдѣ вы были, паписты, когда

народъ безсмертными подвигами ясно доказывалъ цѣлому свѣту, что онъ достоинъ той свободы, той независимости, котораго уже болѣе полувѣка домогается? Куда вы припрятались въ вашемъ страхѣ, когда цѣлый Парижъ дрался за честь, за славу, за нравственное бытіе свое, опозоренное правленіемъ Луи Филиппа? Вы скрывались въ темнѣйшихъ закоулкахъ чердаковъ и подваловъ, и только тогда рѣшились показать свои тонсуренныя головки, когда ваши покровительницы удостовѣрились, что о васъ никто и не помышлялъ.

А и эту бурю 1848го года вызвала ваша же братія. Неужели вы думаете, что ваши интриги, ваши происки съ герцогинею орлеанскою остались всѣмъ неизвѣстными. Луи Филиппъ готовился объявить протестантизмъ, офиціальною церковью: вы это очень хорошо знали. И что же? народу было не до вашихъ мелочныхъ, узенькихъ идеецъ, онъ васъ отшвырнулъ съ своей дороги. Какая обида, какая досада! И съумѣли вы воспользоваться глупымъ страхомъ однихъ, подлою корыстью другихъ, благородною простотою иныхъ. И пошли снова интриги, снова происки, снова клеветы, доносы, лесть, ложь, низкопоклонничество, слезы умиленія, воздыханія, воздѣянія рукъ, потупленіе взоровъ, вздохи, отпирательства и того и другаго, и клятвы, и увѣренія, и вся нечистая, скверная игра, достойная лишь пикпокетовъ лондонскихъ улицъ. И успѣли вы образовать партію, которая обреклась на защиту вѣры, собственности, семейства. И надписавъ эту троекратную ложь на своихъ знаменахъ, эта партія стала собирать всю бездомную сво-

лочь со всей Европы въ шанъ-де-марсъ, и четыре мѣсяца спустя, стравила ее съ обманутыми горожанами Парижа. Кому не извѣстны страшные іюньскіе дни? Спросите любова Парижанина — и онъ вамъ раскажетъ, всѣ неистовства партіи обрекшейся на жертву для защиты вѣры, семейства и собственности. Восемьнадцать тысяча человѣкъ растрѣляно безъ суда, или приговоромъ какого-то синхендріона, въ тюйльерійскихъ подвалахъ и во рвахъ городскихъ. Папизмъ восторжествовалъ!?! И за тѣмъ пошла потѣха и въ карличьихъ нѣмецкихъ тридевяти государствахъ, тридевяти царствахъ. Тѣ же мерзости, тѣ же гадости, тѣ же убійства повторялись вездѣ — кромѣ Россіи и Англіи.

И судъ божій уже ознаменовался и знаменуется въ наше время ежедневно.

Каваньяка, стащили полицейскіе за шиворотъ, какъ таскаютъ мошенниковъ и забулдыгъ, въ Мазасъ. И умеръ онъ презираемый всею Франціею, опозоренный передъ цѣлымъ народомъ.

Горгей умеръ, мучимый совѣстью, и опозоренный передъ цѣлымъ человѣчествомъ;

Шлыкъ и показаться не смѣетъ передъ своею же братіею славянами;

Хайно били по зубамъ лондонскіе пивовары, и спасла его отъ смерти старушка, зарывъ въ навозную кучку. Съ презрѣніемъ оттолкнула она отъ себя золотой кубокъ, поднесенный ей въ благодарность австрійскими офицерами, за спасеніе жизни изверга — насильника.

Бедо, Шарасъ и Ламорисіеръ, живутъ въ изгнаніи,

оставшись въ дуракахъ, и освистанные вашею братіею за совѣстливость и благородство въ помышленіяхъ;

Папа позоритъ себя, таская дѣтей у евреевъ, и свои же римляне его ругаютъ и поносятъ, называя но, но!

Прусскій король спился съ кругу;

Баварскій старый король женился на всемірной, истасканной Лоло-Монтесъ;

Австрійскій императоръ лижетъ туфлю папы, и не удивилъ міръ даже немощью своею, удивить его неблагодарностію къ Россіи.

А о мелюзгѣ германскихъ корольковъ и герцочковъ, и говорить нечего. У каждаго шуфлика въ Германіи какой нибудь сальный анекдотецъ про каждаго изъ нихъ, и всегда приклѣяна какая нибудь непристойная кличка.

Да и вся партія, обрекшая себя на возстановленіе порядка, гложетъ свой стыдъ и посрамленіе, и только помышляетъ о томъ, какъ бы свергнуть императора французовъ. Сознаемся откровенно, мы удивляемся уму и разсудительности французскаго простонародія: — оно не поддается вашимъ происканъ и подговорамъ; оно понимаетъ и глубоко проникнуто истиною, что Луи Наполеонъ, есть олицетвореніе и продолженіе революціи.

И стыдно, и прискорбно, и грустно намъ, но безпристрастіе и справедливость заставляютъ насъ заключить постыдной списокъ и именемъ покойнаго царя. Вмѣшался онъ, обманутый своею честностью, своею добросовѣстностью въ венгерское возстаніе; онъ не понялъ, что Россіи во всѣ эти интриги, во всѣ эти гадости, во весь этотъ дрязгъ не слѣдовало вмѣшиваться. Онъ спасъ

австрійскаго императора, отъ конечной, заслуженной гибели; онъ помогъ всѣмъ вамъ, и хорошо же вы его отблагодарили. Со всѣхъ сторонъ зашипѣли вы какъ ядовитыя змѣи; вездѣ вселяли вы ненависть, злость и зависть противу того, безъ котораго давно бы уже и на всегда сгинули и исчезли какъ дымъ. Вы возстановили противу Николая страшную бурю, и ослѣпленная партія, обрекшая себя на жертву и проч. и проч. освистала его за то, что онъ же ее удержалъ отъ окончательной гибели. Его слабость и заключалась именно въ его добросовѣстности; а сила Россіи и состояла именно въ православіи. Разгромъ Севастополя кончился только титломъ Малаховскаго. Вы приклѣили имя бѣглаго мошенника къ имени солдата той же партіи, которая обрекла себя и проч. и проч., и если настанетъ роковой часъ, то и васъ разгромитъ, какъ разгромилъ Севастополь.

Урокъ намъ всѣмъ, отъ царя до послѣдняго мужичка, впередъ не вмѣшиваться въ ваши дѣла. Душите другъ друга, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Вотъ почему, и надѣемся, что теперешній царь съ вами не войдетъ въ предлагаемую сдѣлку.

Да знаете-ли вы, какъ мы русскіе понимаемъ это слово? У насъ сдѣлки дѣлаютъ между собою воры да мошенники съ чиновниками, и честный человѣкъ этого слова ни за что не употребитъ. Въ старину, оно было только разъ употреблено въ государственныхъ актахъ, и съ той-то именно поры, оно и сдѣлалось синонимомъ договора между ворами. Мы читаемъ въ уложеніи царя Алексія Михаиловича, гл. II, стр. 8:

„У вотченниковъ была полюбовная сдѣлка, и по полюбовной сдѣлкѣ, кто кому своихъ крестьянъ поступился.“

Не уже-ли вы думаете, что нашъ царь чиновникъ какой нибудь? И не уже ли нашъ царь согласится передъ вашимъ папою играть роль вотченника временъ царя Алексія Михаиловича, и поступится народа православнаго, какъ стада быковъ, латинскому Но-но?

Нѣтъ, роль нашего царя, есть роль всякаго честнаго, русскаго человѣка, которому дорого православіе, составляющее всю нашу силу, и честь, и славу, и будущность.

Не нужно намъ вашей истасканной папской туфли; не хотимъ мы ею замѣнять на нашемъ знамени двуглаваго орла. Вѣдъ туфля аттрибутъ слабоумія, разслабленія, дряхлости, безсилія, немощности, бабства!

Неужели нашъ царь согласится на то, что бы и о немъ то же стали говорить, что по всѣмъ кабакамъ Нѣмечины со смѣхомъ каждый филистимлянинъ твердитъ:

„О! о! австрійскій императоръ! о, о, да онъ вѣдь глупенькая головка, подъ туфлею Но-но!“

Зло, существующее у насъ, намъ извѣстно, и мы съумѣемъ справиться съ нимъ, собственными силами. А кто можетъ предузнать то зло, которое вашъ папизмъ къ намъ неминуемо нанесетъ? Результаты всего, что папизмъ надѣлалъ на западѣ для насъ очевидны, и этихъ

результатовъ мы не хотимъ у насъ. Мы грубы, мы необразованы, мы еще варвары — но въ насъ есть еще довольно качествъ, для того, что бы не только сравняться съ вами, но и обогнать васъ. Вездѣ проявляется движеніе въ умахъ, вездѣ стремленіе къ лучшему. Есть подлыя сословія, чиновничество на примѣръ; есть слабыя сословія, дворянство на примѣръ; есть скверные люди, есть даже изверги, запятнанные всѣми пороками, всѣми злодѣяніями; есть духовные не достойные даже жить на свѣтѣ Божіемъ; но масса цѣлаго государства, улучшилась. Взяточника, всякій называетъ подлецомъ; низкопоклонника всякій презираетъ; злодѣя всякій избѣгаетъ какъ язвы; хапжу іезуита всякій ненавидитъ. Гласъ народный, гласъ Божій, и этотъ гласъ проникнетъ всякаго собственнымъ достоинствомъ и всякій начнетъ съ собственнаго преобразованія. Вся дрянь, вся тряпичность уничтожится мало по малу, и православіе наше, мы тогда еще лучше поймемъ, и вникнемъ еще глубже во все священное, во все возвышенное, которое заключается въ немъ.

Мы всѣ въ ожиданіи лучшаго. Насажденное тысячавѣковою, кровавою, утомительною, но неутомимою нашею работою, начинаетъ созрѣвать. Общество, силится стать на ноги, и раскидываетъ во всѣ стороны наносъ иноземнаго сброда, которымъ такъ щедро удѣлилъ насъ западъ. Духъ славянскій пробуждается. Истина черезъ посредство православія все свѣтлѣе и свѣтлѣе свѣтитъ сквозь сумракъ и туманъ прошлыхъ вѣковъ. Благовѣсть славянская уже гудитъ, и народы прислушиваются — и всѣ мы возстаемъ отъ сна для свѣтлаго праздника Главы

церкви, самого Спасителя, Іисуса Христа, Сына Бога живаго. Облачайся святая, православная Русь! Великая, трудная работа тебѣ предстоитъ, но о имени нашего Главы, мы и этотъ трудъ понесемъ веселымъ духомъ, и уничтожимъ всѣ преграды, предстоящія еще на нашемъ великомъ, гигантскомъ поприщѣ! Не забывай, что ты съумѣла безъ всякой иноземной помощи поглотить въ свою народную, славянскую жизнь, чуждые элементы нанесенные къ тебѣ варяго-руссами; не забывай, что ты успѣла высвободиться отъ трехвѣковаго ига монголо-татарскаго, безъ помощи запада; не забывай, что святители церкви Христовой, своимъ примѣромъ, своею проповѣдью, своимъ православіемъ заставили царей, собирать раздробленныя твои частн въ единое цѣлое; не забывай, что іезуита Гришку Отрепьева и его сообищниковъ ляховъ ты уничтожила и изгнала во имя православія; не забывай, что Польша, въ ужасной борьбѣ была побѣждена вѣрою твоихъ отцевъ, признававшихъ единаго Христа, главою церкви вселенской; не забывай, что ты сломила силу двунадесяти языковъ о имени этого же самого Спасителя міра; не забывай, что пол-Европы изнурила и истощила всуе все свое искусство, все свое усиліе, все свое просвѣщеніе, всю свою мудрость, все свое могущество, подъ земляными валами Севастополя. Внеси въ сердце твое имена незабвенныхъ святителей мужей и православныхъ: Ослябы и Пересвѣта, и Сергія радонѣжскаго, и святителей Алексія, Іоны и Петра, и мученика Филиппа, митрополитовъ московскихъ, и Авраамія Палицына, и мѣщанина Минина Сухорукова, и князя Пожарскаго, и великаго,

святаго Ермогена, замореннаго голодомъ ляхами-католиками за вѣру и вѣрность, и Георгія Конисскаго, и Суворова, и Кутузова смоленскаго! Не забывай ихъ, и Богъ тебя не забудетъ!

Станемъ же всѣ, едины сердцемъ, едины помысломъ, станемъ добрѣ, во имя Христа-Спасителя, нашего единаго Главы, на братскую любовь ко всѣмъ и къ каждому, другу и недругу, кто бы онъ ни былъ, и молимъ Бога, дабы вѣра, что Господь Іисусъ Христосъ, есть единый глава церкви вселенской, и что Духъ Святый, исходитъ отъ Отца, и просвѣщаетъ всѣхъ насъ и весь міръ наравнѣ, утвердилась бы незыблемо во всѣхъ концахъ вселенной.

Да будетъ тако!

Вотъ, ваше іезуитское сіятельство, послѣднее наше слово. Да убѣдитесь вы и все ваше скопище, что трудную штуку вы затѣяли, и что шутить съ вами мы нисколько не намѣрены. Вѣдь дѣло идетъ о спасеніи нашихъ душъ, о цѣлости и мирѣ цѣлаго государства, о нашихъ дѣтяхъ, которыхъ мы вамъ безъ боя на смерть, не выдадимъ.

И уже позвольте кстати посовѣтовать и папѣ; вѣдь сказано гдѣ-то въ священномъ писаніи: „и уста невинныхъ глаголятъ истину:

Пора ему перестать хлопотать о невозможномъ главенствѣ въ церкви и довольствоваться быть только монархомъ, тогда и не худо бы и законною папихою завестись, и на свѣтъ закошныхъ папенятъ пускать. Это будетъ и и приличнѣе и нравственнѣе, чѣмъ таскаться за — чужими дѣтьми.

Да еще прилагаемую здѣсь просьбу папѣ Но-но, переведите да доставьте ему въ собственныя руки. Мы бы и сами это сдѣлали, да боимся губъ марать опроклятую туфлю.

Просьба Петра Артамова, вяземскаго мужичка, латинскому отцу папѣ Пію Но-но, а о чемъ, о томъ слѣдуетъ ниже:

„Непогрѣшимый отче Но-но, просимъ тебя, въ слѣдствіе и въ силу твоей непогрѣшимости, и властительства, и могущества твоего надъ западомъ, и востокомъ, и югомъ, и сѣверомъ, гдѣ раскинулась вся твоя система папистская, возведи въ званіе и причти къ лику, общества Іисусова, окружавшаго его при рождествѣ и при распятіи, бывшаго русскаго вѣрноподданнаго и православнаго боярина князя Ивана Гагарина, а нынѣ латинскаго попа и іезуита и пребывающаго въ бѣгахъ въ Парижѣ, въ улицѣ почты, No. 18й, и повели его изображенію писатися тако: одѣтымъ въ черное іезуитское платье, въ колпакѣ немного повыше и поугловатѣе обыкновенныхъ іезуитскихъ колпаковъ; держащимъ въ лѣвой

рукѣ, хоругвь іезуитскую съ надписью: A. M. G. D. „о примиреніи русской церкви съ римскою“; „письма къ русской барынѣ о нескверномъ зачатіи“; и проч. и проч.; въ правой же рукѣ да будетъ у него красный пѣтушокъ, біющій крылушками и поющаго во все горло кака рѣку; и эти изображенія повели раздавать нашимъ русскимъ барынямъ въ особенности, и русскимъ знатнымъ боярамъ вообще. А также и присовокупить къ сему изображенію и слѣдующее моленіе, съ низкимъ колѣнопреклоненіемъ и троекратнымъ цалованіемъ краснаго пѣтушка незнатнымъ барынямъ русскимъ, а знатнымъ, коли охота на то окажется, цаловать и самаго патера; глаголя тако:

„Патере Гагарине-Репетилове, красный пѣтушокъ, моли Но-но, о насъ, дабы помиловалъ насъ и къ намъ бы: не спросясь броду, не совался въ воду.“

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

Тургенев, Н.

ВОПРОСЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ И ВОПРОСЪ УПРАВЛЕНІЯ КРЕСТЬЯНЪ.

ЧАСТЬ III. — ТЕТРАДЬ I.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВОПРОСЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

		Стр.
	Предувѣдомленіе	v
I.	Поставленіе вопроса	1
II.	Соображенія о выкупѣ	10
III.	Средства исполненія	32
IV.	Объ общинномъ и о личномъ владѣніи	48
V.	Перечень	52

ВОПРОСЪ УПРАВЛЕНІЯ.

I.	Поставленіе вопроса	57
II.	Устроиство сельскаго общества	70
III.	Устройство волости	73
IV.	О законныхъ принадлежностяхъ властей въ сельскомъ обществѣ, въ волости и въ уѣздѣ	85
V.	Замѣчанія о коммунальномъ устройствѣ	88
VI.	Объ устройствѣ въ уѣздахъ	93
VII.	Особенныя указанія	98
VIII.	Перечень	101
	Общее заключеніе	106

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Возникнувшій вопросъ освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ не могъ найти меня равнодушнымъ къ тому, что̀ тогда происходило въ Россіи. Въ самомъ началѣ (въ Октябрѣ 1857) я изложилъ нѣкоторыя соображенія по сему предмету въ статьѣ, подъ заглавіемъ „Пора!“ Сущность моего предположенія состояла въ надѣленіи крестьянъ малою частію земли ими теперь владѣемой.

Въ то же время я написалъ особую статью: „Объ удѣльныхъ имѣніяхъ.“ Здѣсь я старался показать, что весьма было бы полезно, еслибы правительство, остановившись на одномъ изъ извѣстныхъ способовъ освобожденія съ землею крѣпостныхъ крестьянъ, приложило сей способъ къ государственнымъ крестьянамъ, или по крайней мѣрѣ къ крестьянамъ удѣльнымъ. Обсуждая способъ

освобожденія мною предлагаемый, я прямо и ясно сказалъ, что такое устройство крестьянъ удѣльныхъ предлагается не столько для пользы сихъ крестьянъ сколько для того, чтобы указать на опытѣ: какимъ образомъ можетъ быть разрѣшенъ важный вопросъ освобожденія крестьянъ помѣщичьихъ.

Когда сдѣлался мнѣ извѣстнымъ рескриптъ 20. Ноября 1857 и послѣдовавшія за онымъ отношенія и циркуляры министра внутреннихъ дѣлъ, то я, въ видѣ бо́льшей ясности и опредѣлительности, почелъ не лишнимъ, извлечь какъ изъ рескрипта, такъ и изъ отношеній и циркуляровъ главныя распоряженія и предположенія, и изложивъ ихъ въ нѣкоторомъ систематическомъ порядкѣ, представить въ краткихъ словахъ сущность предпринимаемыхъ мѣръ, и обяснить въ какомъ положеніи должны находиться крестьяне и сами помѣщики въ продолженіе временнаго устройства крестьянъ, равно какъ и при окончательномъ ихъ устройствѣ. Вмѣстѣ съ симъ я и здѣсь указалъ на прежнее мое предположеніе о надѣленіи крестьянъ нѣкоторою частію земли, находя, что мѣры правительствомъ предписываемыя, не могутъ препятствовать принятію сего предположенія. Изъ сего вышла особая записка подъ загла-

віемъ: „О силѣ и дѣйствіи рескрипта 20. Ноября 1857.“ (5. Марта 1858).

Около сего времени я написалъ письмо къ редактору одного журнала (Journal des Débats), вызванное заключавшимся въ оном извѣстіемъ, что Стъ Петербургская Академія Наукъ предложила премію за начертаніе историческаго разсказа о различныхъ способахъ освобожденія крестьянъ въ различныхъ государствахъ Европейскихъ. Это предложеніе академіи показалось мнѣ не только излишнимъ, но особенно, если могу такъ выразиться, несвоевременнымъ. Еслибы академія поставила сей вопросъ за 10 или за 20 лѣтъ предъ симъ, то это было бы весьма похвально и новая академическая задача могла бы съ честію стать на ряду съ тою, которую, еще въ царствованіе Екатерины IIй, поставило Экономическое общество: вмѣсто одной можно было бы сказать двѣ фразы въ пользу либеральности русскихъ ученыхъ обществъ и академій. Но теперь, когда вопросъ освобожденія былъ поставленъ самимъ правительствомъ, когда онъ завладѣлъ всѣми умами, когда онъ разшевелилъ всѣ самыя сильныя страсти души человѣческой, теперь требовать отъ ученыхъ людей историческихъ изысканій о постепенномъ развитіи свобод-

наго состоянія земледѣльцевъ въ Европѣ, есть не что иное какъ умышленное или неумышленное празднословіе.

Знать какъ освобожденіе совершилось въ Европѣ конечно полезно и даже необходимо, приступая къ освобожденію крестьянъ въ Россіи. Но для сего нѣтъ никакой нужды сочинять новыя программы; задавать новыя задачи. Все что можно было сказать о симъ предметѣ было уже сказано и сказано со всѣми подробностями. Обратившись просто къ иностранной литературѣ, особенно къ литературѣ Нѣмецкой, С. Петербургская академія нашла бы задачу свою вполнѣ уже разрѣшенною; и еслибы, напримѣръ, Гда Летте и Ренне вздумали послать въ академію предисловіе къ ихъ книгѣ о поземельномъ законодательствѣ въ Пруссіи, то мы не видимъ какъ она могла бы отказать имъ въ обѣщанной наградѣ; ибо это предисловіе вполнѣ отвѣчаетъ на программу академіи.

Здѣсь мы замѣтимъ, что помѣстивъ мое письмо въ Журналѣ, одинъ изъ Гдъ редакторовъ почелъ нужнымъ изъяснить нѣкоторыя сомнѣнія относительно безвозмезднаго надѣленія землею, ссылаясь на мои слова объ Австріи и о Пруссіи, и поставляя меня какъ бы въ противорѣчіе съ са-

мимъ мною. Но почтенный Гнъ редакторъ потерялъ изъ виду что если въ Австріи надѣленіе было съ вознагражденіемъ помѣщиковъ, то въ Пруссіи оно было совершенно безвозмездно. И Такъ противорѣчія, съ моей стороны, тутъ не было. Я конечно могъ бы опредѣлительнѣе и пространнѣе изъяснить методу освобожденія въ Пруссіи, чтò и было сдѣлано мною въ другихъ моихъ запискахъ; но колонны журнала не довольно для сего обширны и я долженъ былъ ограничиться самымъ краткимъ изложеніемъ дѣла.

Въ началѣ сего же 1858 года найдя въ „Колоколѣ“ обширный и подробный проэктъ освобожденія крестянъ съ землею посредствомъ выкупа, я почелъ нужнымъ изложить на сей проэктъ мои замѣчанія и вмѣстѣ представить мои собственныя мнѣнія по сему предмеду. Находя выкупную сумму слишкомъ огромною, я старался показать невозможность въ исполненіи сего плана. Вмѣстѣ съ симъ, основывалсь на изчисленіяхъ автора сего проэкта, который, съ своей стороны, принималъ въ руководство изчисленія Опекунскихъ Совѣтовъ, я изъяснилъ, касательно вознагражденія помѣщикамъ предоставляемаго, что для сихъ послѣднихъ было бы выгоднѣе уступить крестьянамъ безвоз-

мездно малую часть земли мною предполагаемую, нежели уступить 3 десятины на душу съ вознагражденіемъ по оцѣнкѣ Опекунскихъ Совѣтовъ, авторомъ принимаемой.

Размышляя о естественныхъ и неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ всякаго освобожденія, нельзя не притти къ заключенію, что нѣкоторыя перемѣны необходимо должны воспослѣдовать по части правительственной у Судебной въ отношеніи не только освобождаемыхъ людей, но и вообще всего класса народа, къ коему сіи люди принадлежатъ. Улучшеніе быта матеріальнаго должно итти рядомъ съ улучшеніемъ быта нравственнаго. Въ семъ смыслѣ не одно воспитаніе, не однѣ школы могутъ вести къ желаемой цѣли. Еще вѣрнѣе, можетъ быть, и во всякомъ случаѣ несравненно скорѣе поведутъ къ сей цѣли нѣкоторыя судебныя учрежденія, коимъ подчиняются массы народныя. Между сими учрежденіями мнѣ представились самыми близкими къ народу суды полицейскіе, кои могутъ имѣть столь сильное и столь благодѣтельное вліяніе на нравственность народную. Тысячи, десятки и сотни тысячъ простыхъ людей, входятъ безпрестанно въ столкновеніе съ Полиціею. Между тѣмъ на какихъ основаніяхъ,

какими законами, какимъ порядкомъ законнымъ полиція разбираетъ, судитъ, рѣшитъ всѣ встрѣчающіеся безпорядки, всѣ мѣлкіе проступки, всѣ болѣе или менѣе противузаконныя дѣйствія? Съ нѣкотораго времени конечно дѣла полицейскія совершаются съ бо́льшею правильностію нежели прежде; при всемъ томъ нельзя не согласиться, что полицейскій произволъ по сію пору преобладаетъ въ семъ отношеніи. Но какого нравственнаго добра можно ожидать отъ такого произвола? и какого благаго дѣйствія на подлежащихъ вѣдомству полицейскому? Вмѣсто того, еслибы у насъ существовали настоящіе полицейскіе суды съ простымъ, но гласнымъ судопроизводствомъ, съ судопроизводствомъ предписаннымъ законами и ограждающимъ личность и достояніе подсудимыхъ; то нѣтъ сомнѣнія, что такіе суды и такое судопроизводство весьма благодѣтельно подѣйствовали бы на нравственность массъ народныхъ, которыя, увидѣвъ и убѣдясь, что и для нихъ есть судъ законный и защита законная, познали бы значеніе праваго суда, значеніе справедливости и безпристрастія судебнаго; а такія убѣжденія неминуемо содѣйствовали бы къ улучшенію ихъ нравственности. Однимъ словомъ: полицейскіе суды были бы великимъ сред-

ствомъ морализаціи народной. Введеніе такихъ судовъ представлялось мнѣ тѣмъ болѣе удобнымъ, что въ началѣ можно былобы учредить ихъ только въ столицахъ и извѣдавъ на опытѣ и такъ сказать подъ глазами самого правительства выгоды и невыгоды, удобства и неудобства новыхъ судовъ, приступить потомъ къ окончательному устройству оныхъ во всей Имперіи. Руководимый сими соображеніями, я составилъ особую записку „о судахъ полицейскихъ."

Отъ сей части судебнаго производства я перешелъ къ цѣлому, т. е. къ устройству судебнаго производства вообще, и этотъ переходъ былъ для меня тѣмъ легче, что уже за 40 лѣтъ предъ симъ я занимался симъ важнымъ предметомъ и тогда уже излагалъ по оному мои соображенія. Въ то время я исправлялъ должность Статсъ-Секретаря въ Государственномъ Совѣтѣ. Дѣла гражданскія и уголовныя проходили чрезъ мои руки. Ни мало не удивительно, что сіи занятія привели меня къ желанію, сильному и постоянному, улучшенія русскаго судопроизводства. Мысль о судѣ присяжныхъ овладѣла мною. Я принялся за подробное изученіе сего предмета и началъ писать объ томъ цѣлую книгу. Занятія по службѣ не-

позволили мнѣ окончить моего предпріятія и я ограничился краткимъ изложеніемъ статьи о введеніи суда присяжныхъ въ Россіи. Съ того времени я никогда не переставалъ думать о семъ предметѣ. Долгое пребываніе въ Англіи позволило мнѣ подробно узнать сущность суда присяжныхъ. По поводу вопроса объ освобожденіи крестьянъ въ Россіи, кончивъ статью о судахъ полицейскихъ, я написалъ: „разсужденіе о введеніи суда присяжныхъ въ Россіи, какъ въ дѣлахъ уголовныхъ такъ и въ дѣлахъ гражданскихъ.“

Въ семъ „Разсужденіи“ я имѣлъ въ виду означить истинный характеръ и настоящую сущность суда присяжныхъ. Не знаю удалось ли мнѣ это. Но я увѣренъ, что всякій добросовѣстный и просвѣщенный человѣкъ, который возметъ на себя конечно не весьма легкій трудъ узнать и постигнуть этотъ характеръ и эту сущность суда присяжныхъ въ томъ видѣ какъ онъ существуетъ въ Англіи и Америкѣ (а не во Франціи и не въ Германіи) я увѣренъ, что всякій здравомыслящій человѣкъ неминуемо придетъ къ заключенію, что судъ присяжныхъ есть единственное средство сдѣлать что либо путнаго и здраваго въ Россіи для улучшенія русскаго судопроизводства. Если я не

показалъ сего ясно и удовлетворительно въ моемъ „Разсужденіи“; то это ничего не доказываетъ противъ моего убѣжденія: другіе могутъ изъяснить и доказать эту истину, истину пользы суда присяжныхъ для Россіи, лучше и успѣшнѣе, нежели сколько я могъ сдѣлать. Но, повторяю, всѣ понимающіе настоящія свойства и необходимыя принадлежности суда присяжныхъ, не могутъ не признать не только того, что сей судъ можетъ быть удобно приложенъ къ русскому судопроизводству, но даже и того, что сей судъ присяжныхъ какъ бы нарочно былъ изобрѣтенъ для Россіи — такъ вѣрно онъ соотвѣтствуетъ духу и всему быту русскаго народа.

Всѣ изчисленныя мною выше сего статьи и записки, кромѣ двухъ послѣднихъ (о полицейскихъ судахъ и о судѣ присяжныхъ) были напечатаны.

Во всѣхъ сихъ напечатанныхъ статьяхъ и запискахъ я говорю о цѣли и о способахъ освобожденія крестьянъ. До вопроса управленія крестьянами послѣ ихъ освобожденія я не касался.

Но если я до-селѣ не трогалъ вопроса управленія освобожденными крестьянами, то это не потому что бы я терялъ изъ виду всю важность

сего вопроса. Нѣтъ. Я всегда понималъ и помнилъ, что неправильное, лживое разрѣшеніе сего вопроса можетъ сдѣлать ничтожнымъ какое бы то ни было освобожденіе. Только здравымъ, справедливымъ управленіемъ можетъ осуществиться самое освобожденіе. Управленіе противнаго рода можетъ поставить крестьянъ вольныхъ въ положеніе подобное или равное прежнему ихъ положенію. Духъ и сила сопротивляющіеся освобожденію, небывъ въ состояніи отвратить онаго, могутъ достичь своей цѣли управленіемъ, и поставить на своемъ, взять свое — какъ говоритъ простонародная пословица, которую я прошу позволенія здѣсь привести — взять свое „не мытьемъ, такъ катаньемъ.“

И такъ, признавая всю важность вопроса управленія, я однакоже не касался до онаго, потому что я не хотѣлъ рядомъ съ вопросомъ освобожденія поставлять другаго. Лучше, по моему мнѣнію, заняться напередъ обсужденіемъ одного предмета и потомъ приступить къ другому. Къ тому же, по всему что я могъ знать о ходѣ дѣла освобожденія, я не находилъ еще никакихъ особыхъ предположеній объ управленіи крестьянъ. Наконецъ, прошедшимъ лѣтомъ, чрезъ публичные

листы, я узналъ о существованіи нѣкоторыхъ проэктовъ объ управленіи крестьянами по ихъ освобожденіи. Тогда я немедленно занялся изложеніемъ моихъ соображеній по сему предмету. Дабы дать болѣе ясности и полноты моимъ предположеніямъ, я почелъ нужнымъ соединить оба вопроса: вопросъ освобожденія и вопросъ управленія, въ одномъ разсужденіи. Говоря о первомъ, я не могъ избѣгнутъ различныхъ повтореній того что́ уже было сказано мною въ другихъ запискахъ. Даже и въ семъ послѣднемъ моемъ разсужденіи встѣчаются повторенія во второмъ вопросѣ того, что́ уже сказано въ первомъ. Но сихъ послѣднихъ повтореній я и не могъ и не желалъ избѣгнуть.

Симъ послѣднимъ разсужденіемъ. „Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ“ я заключаю рядъ моихъ различныхъ статей по сему жизненному для Россіи вопросу. Наступающій 1859й годъ да узритъ свободу нашихъ добрыхъ крестьянъ и истинную, безпримѣрную славу виновника великаго и святаго дѣла!

ПРИМѢЧАНІЕ.

Различные доходящіе до меня отзывы и возра́женія касательно безвозмезднаго надѣленія крестьянъ землею, поставляютъ меня въ необходимость рѣшительно пояснить мысль мою по сему предмету.

Принявъ начало безвозмездности въ вопросѣ освобожденія крестьянъ съ землею, я обращался къ общему чувству, къ общему понятію справедливости, безпристрастія. Я былъ и продолжаю быть убѣжденъ, что сіе чувство и сіе понятіе вполнѣ оправдываютъ безвозмездное надѣленіе крестьянъ тою малою частію земли, которая назначается имъ въ моемъ предположеніи. Не менѣе того я замѣтилъ, что со владѣніемъ или собственностію земли соединялись для помѣщика не однѣ только права, но

вмѣстѣ и обязанности. Я замѣтилъ также, что права поземельнаго владѣнія имѣютъ одни и тѣ же источники во всѣхъ государствахъ и что если найдутся въ семъ отношеніи какія либо отличительные оттѣнки, то сіи послѣдніе, касательно Россіи, окажутся въ пользу моего предположенія.

Еслибы я желалъ искать иныхъ доводовъ въ подкрѣпленіе моей мысли, то я могъ бы обратиться къ нѣкоторымъ особеннымъ соображеніямъ, подобнымъ тѣмъ, кои были дѣлаемы въ другихъ государствахъ и именно въ Пруссіи. Такъ, на примѣръ, я могъ бы сослаться на историческое право крестьянъ на землю, коего дѣйствительное и неразрушимое существованіе выведено такъ здраво, такъ справедливо Гмъ Самаринымъ въ статьѣ его: Объ устройствѣ крестьянъ, во 2мъ Номерѣ 1858 „Сельскаго благоустройства," помѣщенной; я могъ бы опереться на обязанность помѣщика предоставлять часть земли для продовольствія крестьянъ, обязанность истекающая между прочимъ изъ предписанія того закона, который запрещаетъ помѣщику продавать земли свои далѣе извѣстной степени, такъ чтобы въ селеніи оставалось не менѣе $4\frac{1}{2}$ десятинъ на душу; я могъ бы наконецъ замѣтить, что помѣщики имѣютъ право не на весь трудъ крѣпостнаго

крестьянина, но только на часть сего труда и привести въ доказательство сего существующій порядокъ трех-дневной работы въ недѣлю. Таковыя соображенія, подкрѣпляя то, что я сказалъ о общихъ обязанностяхъ помѣщиковъ: не сгонять крестьянъ съ земли, кормить ихъ во время голода и пр. и пр. весьма удовлетворительно показали бы неполность, ограниченность правъ помѣщика на землю и тѣмъ самымъ открыли бы нѣкоторыя права для крестьянъ. Въ такомъ положеніи вопроса уступка одной трети всей земли явилась бы конечно не великимъ, но напротивъ довольно легкимъ пожертвованіемъ со стороны помѣщика за пріобрѣтеніе полнаго, ничѣмъ неограниченнаго права пользоваться остающимися за нимъ $^2/_3$ земли. Таковъ былъ ходъ освобожденія съ землею въ Пруссіи и потому-то прусское правительство назвало, и назвало справедливо, выкупомъ то, что я называю надѣленіемъ.

Но, повторяю, я предпочелъ обратиться къ чувству и къ понятію справедливости, безпристрастія. Я никакъ не хотѣлъ входить въ изысканія: до какой степени крестьяне могутъ имѣть совмѣстное право, съ своей стороны, на ту же или на занимаемую ими землю. Однимъ словомъ: я старался избѣгнуть всякихъ разсужденій, кои могли бы при-

вести, хоть издалека, къ заключенію, болѣе или менѣе похожему на то, на которомъ, какъ слышно, останавливаются нѣкоторые крестьяне и именно: „Мы ваши, а земля-то наша!“

ВОПРОСЪ ОСВОБОЖДЕНІЯ.

I.

Послѣ достопамятныхъ, великодушныхъ изрѣченій Императора Александра IIго къ дворянству въ Москвѣ, въ коихъ вниманіе дворянства было обращено на необходимость измѣненій въ положеніи помѣщичьихъ крестьянъ, съ приглашеніемъ заняться разсмотрѣніемъ сего вопроса и въ коихъ наконецъ было замѣчено, что лучше произвести перемѣну съ верху, нежели ожидать, чтобы разрѣшеніе началось съ низу, — послѣ сихъ изрѣченій, откликнувшихся благословеніями всѣхъ людей вѣрующихъ въ Бога и любящихъ правду, — послѣ сихъ словъ правительство русское рѣшительно поставило вопросъ освобожденія крестьянъ рескриптомъ 20. Ноября на имя Литовскаго генералъ-губернатора и отношеніями и циркулярами министра Внутреннихъ дѣлъ.

Въ слѣдствіе сего почти во всѣхъ губерніяхъ были учреждены комитеты для обсужденія сего вопроса и для представленія проэктовъ новаго крестьянскаго устройства.

Ни одинъ изъ комитетовъ еще не кончилъ своихъ занятій. По крайней мѣрѣ ничего въ семъ отношеніи не было обнародовано ни въ Россіи ни въ заграничныхъ публичныхъ листахъ, занимающихся симъ предметомъ.

Между тѣмъ, въ мнѣніи общемъ, начали проявляться различныя воззрѣнія и толки по сему предмету. Явилось нѣсколько проэктовъ, составленныхъ для разрѣшенія важнаго вопроса освобожденія. Само правительство, въ циркулярахъ министра внутреннихъ дѣлъ и въ постановленіяхъ главной коммиссіи по сему вопросу, дѣлаетъ нѣкоторыя указанія для успѣшнаго достиженія цѣли освобожденія.

Воззрѣнія и толки о семъ предметѣ, въ мнѣніи общемъ проявляющіеся, проэкты начертанные многими изъ помѣщиковъ, сужденія въ журналахъ, конечно различны и иногда противорѣчатъ одни другимъ; но вездѣ замѣтна одна главная черта: всѣ вообще или почти всѣ признаютъ, что освобожденіе крестьянъ должно быть произведено въ дѣйство съ надѣленіемъ ихъ землею, въ большемъ или меньшемъ количествѣ. И такъ освобожденіе съ землею принимается всѣми; освобожденіе только личное отвергается и даже не обсуждается.

Это весьма утѣшительно и дѣлаетъ честь русскому здравому смыслу. Правительство, въ нѣкоторой степени, освятило сіе начало поземельнаго надѣленія постановленіемъ объ усадьбахъ крестьянскихъ.

Къ сожалѣнію одно только это начало поземельнаго надѣленія крестьянъ является яснымъ и опредѣленнымъ въ общемъ мнѣніи. Всѣ дальнѣйшія начала освобожденія

по сію пору, такъ сказать, не выработались еще, не образовались въ умѣ и совѣсти народа.

Скажутъ, что есть еще кое-что яснаго въ общемъ мнѣніи, по крайней мѣрѣ въ общемъ мнѣніи помѣщиковъ: это начало выкупа, т. е. денежнаго вознагражденія за землю, предназначаемую для крестьянъ. Невозможное въ исполненіи для насъ, и ни для кого, никогда не можетъ быть яснымъ. А такой выкупъ, о которомъ говорится въ нѣкоторыхъ проэктахъ и коего желаютъ столь многіе помѣщики совершенно невозможенъ, какъ будетъ изъяснено ниже.

Признавъ непреложнымъ, кореннымъ началомъ въ семъ вопросѣ освобожденіе съ землею, постараемся пояснить дальнѣйшія начала и основанія, на коихъ такое освобожденіе можетъ быть приведено въ дѣйство.

Въ чемъ дѣло?

Освободить крестьянъ съ землею.

Такъ какъ эта земля должна быть взята отъ помѣщиковъ, и взята, по нашему мнѣнію, безвозмездно, то по сему слѣдуетъ сколь возможно ограничить количество предоставляемой земли крестьянамъ. Мы предполагаемъ отвести крестьянамъ $^1/_3$ всей помѣщичьей земли, за исключеніемъ лѣсовъ, съ тѣмъ чтобы сія треть никогда не превышала трехъ десятинъ на тягло, и сію крестьянскую землю предоставить во владѣніе сельскаго общества, а не каждаго крестьянина лично.

Прибавимъ къ сему, что еслибы правительство, предоставляя $^1/_3$ земли крестьянамъ, признало за благо опредѣлить для помѣщиковъ нѣкоторое вознагражденіе, то оно можетъ принять слѣдующую мѣру финансовую,

мѣру, которая не отяготитъ казначейства въ сильной степени.

Половина помѣщичьихъ имѣній заложена въ ломбардѣ. Капиталъ, по принятымъ оцѣнкамъ въ сихъ случаяхъ, составляетъ 390 или 395 милліоновъ рублей серебромъ. Предоставляя $^1/_3$ помѣщичьей земли крестьянамъ, правительство уменшитъ одною третью долгъ помѣщика. Тутъ казна потеряетъ 132 мил. руб. сер. Владѣльцамъ же другой половины имѣній, незаложенныхъ, правительство выдастъ, чистыми деньгами, равную сей сумму, 132 мил. руб. сер. Сей капиталъ долженъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ займа.

И такъ весь выкупный капиталъ составитъ 264 мил. руб. сер. Прибавьте къ этому 25 милліоновъ для вознагражденія нѣкоторыхъ мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ, въ видѣ выкупа не крестьянъ ихъ, а ихъ земли, и все пожертвованіе казны составитъ около 300 мил. руб. сер.

Но и это пожертвованіе можетъ быть, хотя частію, вознаграждено обложеніемъ новою податью купеческихъ капиталовъ и домовъ въ городахъ, не говоря уже, что превративъ подушный окладъ въ налогъ поземельный, правительство можетъ увеличить доходъ государственный.

Скажутъ, что такая мѣра слишкомъ рѣзка, что она коснется до лицъ и до имѣній весьма въ неравномъ размѣрѣ, что оцѣнка ломбардовъ не дѣлаетъ подробныхъ различій между различными имѣніями, что содержаніе числа крестьянъ къ количеству земли, и что самое качество земли различны въ различныхъ мѣстностяхъ и пр. и пр.

Всѣ сіи возраженія и множество другихъ, кои можно сдѣлать, справедливы. Но всегда и вездѣ законодатель находитъ себя въ необходимости избирать изъ двухъ золъ зло меншее, изъ двухъ неудобствъ неудобство менѣе важное. Желая достигнуть болѣе совершенства, болѣе правильности въ искомой мѣрѣ, вы рискуете разтеряться въ безплодныхъ соображеніяхъ и излѣдованіяхъ; желая удовлетворить всѣхъ и каждаго, вы не удовлетворите никого и будучи принуждены безпрестанно откладывать разрѣшеніе вопроса, вы, можетъ быть, предоставите это разрѣшеніе слѣпому случаю, горькой необходимости! Многіе, весьма многіе предвидятъ и такой случай и такую необходимость. Чувство нашего сердца отстраняетъ возможность подобной бѣды; но холодный разсудокъ говоритъ, что опасность существуетъ.

Если я говорю такъ рѣшительно, то это — Богъ тому свидѣтель! — не отъ большой довѣренности къ собственному моему сужденію. Напротивъ: трудно имѣть болѣе недовѣрчивости къ собственнымъ убѣжденіямъ, какъ я имѣю. Но этотъ вопросъ освобожденія крестьянъ былъ моею мыслію, моею душевною заботою въ продолженіе всей моей жизни. Я изучалъ его со всѣхъ сторонъ. Я старался подробно и обстоятельно узнать какъ онъ былъ разрѣшаемъ въ другихъ земляхъ, особенно въ новѣйшія времена въ Пруссіи, Австріи, Польшѣ, въ Англійскихъ и Французскихъ колоніяхъ. Съ тѣхъ поръ какъ вопросъ сей открылся въ Россіи, я, сколь возможно, пристально слѣдилъ за проявляющимися въ Россіи мнѣніями по сему предмету.

Доброженательство мое къ крестьянамъ конечно безпредѣльно. Но это ни мало не мѣшаетъ мнѣ видѣть и уважать выгоды помѣщиковъ, ибо я убѣжденъ, что благо крестьянъ не можетъ быть основано на разореніи помѣщиковъ. Польза и выгоды первыхъ и послѣднихъ должны соотвѣтствовать однѣ другимъ и только на такихъ обоюдно-полезныхъ основаніяхъ можетъ быть твердо созиждено благо общее, благо государственное. Дабы показать, что выгоды помѣщиковъ, въ моемъ предположеніи, охраняются покрайней мѣрѣ стольже дѣйствительно какъ выгоды крестьянъ, я сдѣлаю одинъ вопросъ.

Согласившись въ томъ, что освобожденіе крестьянъ, какими бы то ни было средствами, неизбѣжно и что остановить разрѣшенія сего вопроса не возможно, — въ чемъ могутъ и должны состоять выгоды помѣщиковъ по освобожденіи крестьянъ?

Очевидно, что главная, существенная выгода помѣщиковъ, съ нѣкоторыми рѣдкими изключеніями, будетъ состоять въ томъ, чтобы освобождаемые крестьяне оставались на землѣ, на которой они доселѣ жили, дабы чрезъ то помѣщикъ имѣлъ средство обработывать или отдавать въ наемъ свою землю. Это условіе, условіе продолженія жительства крестьянъ на прежнихъ мѣстахъ, есть самое главное, существенное условіе, conditio sine qua non, благосостоянія помѣщиковъ.

Съ уничтоженіемъ укрѣпленія къ землѣ, чѣмъ инымъ, какъ не клочкомъ этой самой земли, можете вы привязать крестьянина къ его родинѣ?

И здѣсь я осмѣлюсь сказать, что я не встрѣчаю въ

русскихъ помѣщикахъ того здраваго смысла, той смѣтливости, тѣхъ возвышенныхъ чувствъ, коими они отличаются, видя, что они спорятъ и толкуютъ объ усадьбахъ! Ихъ несомнѣнныя, очевидныя выгоды ясно предписываютъ имъ уступить даромъ усадьбы крестьянамъ, дабы по возможности удержать ихъ на мѣстѣ ихъ жительства. Эти же выгоды, здраво понимаемыя, должны бы привести ихъ и къ уступкѣ крестьянамъ части земли, сверхъ усадьбъ, кои, обеспечивая для крестьянина одинъ, такъ сказать, ночлегъ, не представляютъ никакихъ средствъ къ продовольствію.

Есть конечно возраженіе, противъ коего я не имѣю достаточныхъ доводовъ и принужденъ обратиться къ выше упомянутой необходимости избрать изъ двухъ золъ меньшее. Это возраженіе состоитъ въ томъ, что надѣленіе крестьянъ $^1/_3$ земли недостаточно для полнаго ихъ продовольствія. Такъ конечно. Но такое, хотя недостаточное надѣленіе землею, поставляетъ однакоже болѣе или менѣе крестьянъ въ возможность входить въ добровольныя, непринужденныя сдѣлки съ помѣщикомъ касательно найма или обработыванія остающихся у него $^2/_3$ земли, указывая при томъ крестьянамъ на необходимость сего найма или сего обработыванія за плату. Еслибы крестьяне остались вовсе безъ земли, то тогда они нашли бы себя въ необходимости согласиться на всякія условія предписываемыя помѣщикомъ, или въ необходимости сойти съ земли его: и то и другое и несправедливо и вредно для обѣихъ сторонъ.

Освобождая такимъ образомъ крестьянъ съ землею,

слѣдуетъ подчинить ихъ исключительно сельскому обществу. Власть полицейская помѣщика должна ограничиваться единственно правомъ, въ случаѣ безпорядковъ, арестовать крестьянина и представить его въ сельскій судъ. Въ Остъ-Зейскихъ провинціяхъ было предоставлено помѣщику право наказывать тѣлесно крестьянъ. Дать кому бы то ни было право сѣчь, по произволу, вольнаго человѣка, есть такая несообразность со всѣми началами самой простой справедливости, которая не требуетъ дальнѣйшаго опроверженія.

Помѣщикъ, по освобожденіи крестьянъ, будетъ или самъ, посредствомъ вольныхъ работниковъ, обработывать свою землю, или отдавать ее въ наемъ или всему обществу сельскому, или нѣкоторымъ членамъ онаго, или постороннимъ лицамъ. Можетъ быть въ началѣ новаго порядка полезно будетъ поощрять наемъ помѣщичьей земли всѣмъ обществомъ сельскимъ. Во всякомъ случаѣ надлежитъ совершенно запретить платежъ работою крестьянина. Плата должна быть денежная или продуктами земли. Плата работою слишкомъ близка къ барщинѣ и слѣдственно къ произволу. Вообще надлежитъ, въ опредѣленіи отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ, всячески избѣгать постановленій похожихъ на постановленія и обычаи прежняго времени. Изъ этихъ семянъ бывшаго порядка вещей можетъ вырости въ послѣдствіи новое рабство. Годуновъ только укрѣпилъ крестьянъ землѣ. Между тѣмъ не прошло болѣе ста лѣтъ какъ, по словамъ указа Петра Іго Сенату, въ Россіи уже продавали людей какъ скотовъ.

По моему полному убѣжденію нѣтъ лучшаго ручатель-

ства противъ новыхъ злоупотребленій, какъ отдѣлить, сколь возможно рѣшительнѣе, бывшихъ крѣпостныхъ людей отъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ. Сіи послѣдніе только могутъ выиграть отъ такого отдѣленія. О семъ будетъ говорено ниже.

Я упомянулъ о моей недовѣрчивости къ собственнымъ убѣжденіямъ. Такая недовѣрчивость, еслибъ она не была въ моемъ характерѣ, то важность предмета, о которомъ я разсуждаю, внушила бы мнѣ ее. Если я продолжаю, не утративъ сей недовѣрчивости, настоять на моемъ мнѣніи, то это потому что неудобства другихъ предположеній меня такъ сильно поражаютъ, что я не могу, при всемъ моемъ желаніи найти лучшій исходъ изъ сего труднаго вопроса, принять ни одного изъ сихъ предположеній. Конечно я могу видѣть сучекъ въ глазѣ другаго, не замѣчая бревна въ моемъ собственномъ. Объ этомъ я не спорю. По крайней мѣрѣ пусть же укажутъ мнѣ на непреодолимыя препятствія въ моемъ предположеніи, каковыя я нахожу въ другихъ. Вмѣсто сихъ указаній и опроверженій, я не встрѣчаю ничего, кромѣ какой-то для меня непостижимой безпечности, какого-то равнодушія даже и въ людяхъ благонамѣренныхъ, какихъ то надеждъ на русское авось и небось! Недостаетъ еще обратиться къ русскому: какъ нибудь! Между тѣмъ бѣдные русскіе мужики, съ безпримѣрною кротостію и долготерпѣніемъ, и если съ надеждою, то и со страхомъ и трепетомъ, ожидаютъ и продолжаютъ ожидать исхода изъ плѣненія Вавилонскаго. Мы не скажемъ: горе тѣмъ, кои явно противятся святому дѣлу освобож-

денія: мы не видимъ такихъ людей. Но горе равнодушнымъ и бездушнымъ, кои хладнокровно смотрятъ, хладнокровно разглагольствуютъ о происходящемъ теперь въ Россіи!

Дабы болѣе изъяснить причины моей настойчивости на моемъ мнѣніи, я обращу вниманіе читателя на другія предположенія касательно освобожденія крестьянъ.

II.

Всѣ предположенія, изъясняемыя въ составленныхъ различными лицами проэктахъ, изъ коихъ нѣкоторые особенно замѣчательны по таланту сочинителей, по ихъ обширнымъ свѣденіямъ историческимъ, по практическому характеру, свидѣтельствующему объ опытности, пріобрѣтенной въ управленіи крестьянами, всѣ сіи предположенія объ освобожденіи крестьянъ основываются на выкупѣ.

Одни предлагаютъ выкупъ самимикрестьянами. Другіе выкупъ посредствомъ правительства.

По мнѣнію первыхъ земли, крестьянамъ предназначаемыя, должны быть подвергнуты мѣстной оцѣнкѣ. Опредѣленная такимъ образомъ цѣна должна быть выплачена крестьянами въ теченіе отъ 30 до 40 лѣтъ.

Признаюсь, я не знаю съ какой стороны начать опроверженіе такой мысли: такъ она кажется мнѣ странною и невозможною въ исполненіи.

Кто долженъ дѣлать оцѣнку? — Сосѣдніе помѣщики, говоритъ авторъ одного проэкта о такомъ выкупѣ.

Кто отвѣчаетъ за вѣрность оцѣнки? — Оцѣнщики, говоритъ авторъ. Но согласятся ли сосѣдніе помѣщики быть оцѣнщиками, зная, что они могутъ быть подвергнуты такой отвѣтственности? Конечно не согласятся. И такъ на первомъ шагѣ оцѣнка является невозможною.

Далѣе: какимъ образомъ обеспечивается помѣщикъ въ вѣрномъ платежѣ со стороны крестьянъ выкупной суммы? Угрозою переселенія крестьянъ въ Сибирь.

Такое переселеніе въ Сибирь можетъ быть наказаніемъ для крестьянъ, но ни мало удовлетвореніемъ справедливыхъ требованій помѣщика.

Неудобоисполнительность такого плана, начертаннаго впрочемъ человѣкомъ весьма умнымъ, опытнымъ и особенно благонамѣреннымъ, очевидна, и мы ограничимся симъ краткимъ опроверженіемъ, не упоминая о множествѣ хлопотъ и затрудненій въ произведеніи подобной оцѣнки по всему пространству Имперіи, о времени, котораго потребуетъ такая операція.

Принять выкупъ со стороны крестьянъ общимъ правиломъ ихъ освобожденія, по нашему убѣжденію, несправедливо, вредно и противно благой цѣли, къ коей мы стремимся.

Цѣль освобожденія есть: сдѣлать изъ крестьянъ крѣпостныхъ крестьянъ вольныхъ, самостоятельныхъ, кои имѣли бы возможность существовать работою рукъ своихъ и пользоваться плодами своего труда, своей промышлености, своей бережливости. Иной цѣли въ освобожденіи быть не можетъ: въ этомъ должны наконецъ убѣдиться тѣ, кои, продолжая толковать объ осво-

божденіи, продолжаютъ вмѣстѣ съ симъ разглагольствовать о какихъ-то направленіяхъ, указаніяхъ, понужденіяхъ, ограниченіяхъ въ свободѣ жизни и дѣятельности крестьянской, кои, однимъ словомъ, хотятъ вещей совершенно противоположныхъ.

Означивъ цѣль освобожденія, взглянемъ на положеніе, въ коемъ очутится крестьянинъ, изъ крѣпостнаго сдѣлавшійся вольнымъ.

Положеніе крѣпостнаго мужика было конечно не таково, каковымъ оно могло бы быть судя по произволу, по неограниченности помѣщичьей власти и по беззащитности крестьянина. Будучи крѣпостнымъ человѣкомъ, русскій мужикъ былъ однакоже и хозяиномъ въ своемъ домашнемъ быту. Онъ работалъ не только на помѣщика, но и на самого себя, не говоря уже о крестьянахъ оброчныхъ. Онъ обязанъ былъ заботиться о своей избѣ, о своемъ скотѣ, о своемъ загонѣ и т. д. Все сіе сохраняло и поддерживало въ немъ способность думать, разсуждать и избирать средства для дѣйствія. Мірскіе сходы представляли ему случай изъявлять свой образъ мыслей, слышать мнѣнія другихъ, опровергать или принимать оныя. Но нельзя не согласиться, что при всемъ томъ вѣковая безусловная подчиненность, безпрекословное повиновеніе произволу господина, не могли если не изгладить, то по крайней мѣрѣ не притупить всѣхъ тѣхъ способностей и качествъ, кои свойственны человѣку вольному.

Въ семъ положеніи переходъ крестьянъ изъ крѣпостнаго состоянія въ вольное, какъ для пользы крестьянъ,

такъ и для пользы помѣщика и для пользы государственной, долженъ быть облегченъ для крестьянина всѣми возможными средствами. Однимъ словомъ: освобождаемаго крестьянина надлежитъ пріучать къ свободѣ, а не къ неволѣ.

Обязанность выкупа, возлагаемая на крестьянъ, не только не соотвѣтствуетъ симъ весьма естественнымъ и простымъ требованіямъ, но совершенно противна онымъ. Войдемъ въ подробности.

По предположеніямъ защитниковъ выкупа крестьянинъ долженъ получить достаточное количество земли для своего продовольствія. Вообще сіе количество изчисляется ими въ 3, 4, или 5 десятинъ на душу. За сіи десятины крестьянинъ будетъ обязанъ выплатить помѣщику опредѣленную по оцѣнкѣ сумму въ продолженіе 35 или 40 лѣтъ, вѣроятно съ процентами за суммы невыплаченныя. По всѣмъ разсчетамъ, о конхъ я могъ или читать или слышать, оказывалось, что выкупная цѣна составляла не менѣе 8 или 10 руб. сер. съ души, платимыхъ въ продолженіе 37 лѣтъ.

Землепашецъ вольный, изкони владѣющій собственною землею, можетъ быть, согласился бы вступить въ подобныя условія, т. е. обязаться платить ежегодно по 10 руб. сер. за 3 или 4 десятины прилежащія къ его полямъ, съ тѣмъ, чтобы сія земля содѣлалась его собственностію по прошествіи 37 лѣтъ. Но что возможно для изкони вольнаго землепашца, съ устроеннымъ хозяйствомъ, то не равно возможно для только-что освобожденнаго крѣпостнаго человѣка.

Получивъ въ надѣленіе для себя и своей семьи 10 или 15 десятинъ земли, и будучи обязанъ вносить выкупную сумму, освобожденный крестьянинъ долженъ имѣть свой скотъ и разныя орудія земледѣльческія. Для сего нужны денги, капиталъ. Гдѣ найдетъ онъ этотъ капиталъ? Прежде помѣщикъ, въ собственныхъ выгодахъ, помогалъ крестьянину. Теперь, будучи богатъ землею, но бѣденъ денгами, новоосвобожденный не будетъ въ состояніи извлечь изъ своего поземельнаго богатства соотвѣтственнаго дохода, необходимаго для уплаты выкупной суммы. Прибавьте къ тому различныя невзгоды, такъ часто постигающія земледѣльцевъ: неурожаи, падежъ скота, пожары и пр. Имѣя все сіе въ виду, можно ли съ какою либо достовѣрностію, съ какимъ либо вѣроятіемъ предполагать, что всеобщее освобожденіе крестьянъ можетъ быть основано на методѣ выкупа съ ихъ стороны?

Отстранимъ всѣ сіи мечтанія о выкупѣ со стороны крестьянъ и укажемъ еще разъ на необходимость облегчить для освобождаемыхъ крестьянъ вступленіе въ новое, свободное положеніе. Освобожденный крестьянинъ немедленно погувствуетъ, что въ новомъ его быту онъ долженъ надѣяться исключительно на самого себя: этой заботы будетъ достаточно для новой его дѣятельности на просторѣ свободной жизни.

Конечно найдутся и всегда находились такіе крестьяне, кои могутъ откупиться съ землею. Но это составляетъ исключеніе изъ общаго правила. Таковыя сдѣлки, доселѣ весьма затруднительныя въ исполненіи, безъ сомнѣ-

нія, должны быть облегчены законодателемъ и поощряемы правительствомъ.

Во многихъ мѣстахъ, какъ слышно, помѣщики желаютъ условиться съ крестьянами о переводѣ на сихъ послѣднихъ долга опекунскаго совѣта съ предоставленіемъ имъ въ полную собственность извѣстнаго количества земли. Такія сдѣлки былибы лучшимъ средствомъ освобожденія, будучи основаны на обоюдномъ согласіи. Но, къ сожалѣнію, по сію пору, покрайней мѣрѣ сколько намъ извѣстно, опекунскіе совѣты не имѣютъ разрѣшенія отъ правительства допускать совершеніе такихъ сдѣлокъ и переводъ долга съ помѣщика на крестьянъ.

Повторяемъ, что всякаго рода добровольныя сдѣлки, къ освобожденію клонящіяся, должны быть не только допускаемы, но покровительствуемы, лишь бы только цѣль истиннаго освобожденія была ими достигнута.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о выкупѣ посредствомъ правительства.

Здѣсь представляются два средства. Одно состоитъ въ томъ, что правительство, выплативъ помѣщикамъ выкупную сумму, должно будетъ разложить сію сумму на освобожденныхъ крестьянъ и, въ теченіе 35 или 40 лѣтъ, покрыть такимъ образомъ свои издержки.

Въ такомъ случаѣ мы найдемъ крестьянъ въ той же невозможности уплатить выкупную сумму правительству, въ каковой мы видѣли ихъ при уплатѣ помѣщикамъ.

Второе средство состоитъ въ уплатѣ отъ правительства помѣщикамъ выкупной суммы и въ принятіи всѣхъ издержекъ по сему предмету на свой счетъ, такъ что

проценты и погашеніе съ сею уплатою сопряженные, должны пасть окончательно на общіе государственные доходы.

Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ капиталы, долженствующіе служить для выкупа, могутъ быть пріобрѣтены, сотворены или посредствомъ займа за границею или посредствомъ особенныхъ кредитныхъ бумагъ.

Въ семъ-то капиталѣ, потребномъ для выкупа, заключается вся важность, вся сущность сего вопроса.

Не касаясь ни мало до самаго начала, до принципія освобожденія посредствомъ выкупа самимъ правительствомъ, соглашаясь даже въ томъ, что сія метода можетъ быть, въ извѣстныхъ данныхъ обстоятельствахъ, самою легкою въ исполненіи, мы должны однакоже напередъ удостовѣриться въ возможности приложенія сего начала на самомъ дѣлѣ. Къ чему могутъ служить самыя здравыя, самыя логическія методы, когда онѣ являются невозможными въ приложеніи? Такимъ образомъ, остановившись на методѣ выкупа правительствомъ, необходимо прежде всего узнать: до какой степени должна возвыситься выкупная сумма. Какъ бы ни была превосходна метода выкупа, она ни къ чему послужить не можетъ, если выкупная сумма окажется столь огромною, что превзойдетъ всѣ финансовыя средства казначейства.

Какія указанія находимъ мы въ различныхъ проэктахъ относительно суммы выкупнаго капитала?

По одному, во многихъ отношеніяхъ, весьма любопытному и замѣчательному проэкту, въ коемъ предпола-

гается упрочить за крестьянами пахотными ту землю, которую они теперь на себя обработываютъ, а за оброчными всю землю, коею они пользуются; выкупный капиталъ исчисляется въ 1 миліардъ 50 мил. р. сер.

Если такая сумма будетъ пріобрѣтена правительствомъ посредствомъ заграничнаго займа, то она необходимо должна въ сильной степени унизить цѣнность прежнихъ долговыхъ заграничныхъ облигацій и тѣмъ самымъ возвысить проценты, кои русское правительство должно будетъ платить по новымъ займамъ сего рода. Къ тому же обязанность платить съ такой огромной суммы какіе бы то ни было ежегодные проценты и проценты на погашеніе чрезмѣрно отяготитъ казначейство.

Если же выкупный капиталъ будетъ сотворенъ посредствомъ выпуска особенныхъ кредитныхъ бумагъ, выдаваемыхъ помѣщикамъ и приносящихъ проценты; то сіи облигаціи необходимо вступятъ въ обращеніе.

Но потребности обращенія имѣютъ свои предѣлы, кои означаются равенствомъ цѣны монеты металлической съ монетою бумажною. Сіе равенство или сіе равновѣсіе едва ли уже и теперь въ Россіи существуетъ, ибо за промѣнъ ассигнацій на серебро платится уже 2% лажа. И такъ количество бумажныхъ денегъ уже превышаетъ теперь потребности обращенія. Пустивъ въ обращеніе новые милліоны и сотни милліоновъ ассигнацій или кредитныхъ бумагъ, вы не сотворяете новыхъ цѣнностей, кои были бы представляемы вашими новыми кредитными бумагами. Сіи послѣднія необходимо войдутъ въ совмѣстничество съ старыми, такъ что если, на примѣръ, вся

сумма бумажнаго обращенія будетъ удвоена или утроена, то очевидно, что всѣ вещи, на бумажныя денги покупаемыя, удвоятся или утроятся въ цѣнѣ своей. Этого не довольно. Иногда чрезмѣрные выпуски бумажныхъ денегъ не производятъ такого соразмѣрнаго и постепеннаго дѣйствія на цѣны: одна очевидность чрезмѣрнаго выпуска можетъ вдругъ произвести всеобщее банкрутство.

Самыя неопровергаемыя и самыя ясныя начала политической экономіи часто однакоже не пріемлются такъ называемыми людьми практическими и, на примѣръ, въ семъ вопросѣ выкупа посредствомъ кредитныхъ бумагъ, они толкуютъ, что сіи новыя бумажныя денги будутъ достаточно обеспечены всѣми выкупаемыми крестьянскими землями.

Отвѣтъ такимъ людямъ практическимъ найдется всего приличнѣе на практикѣ, на опытѣ.

Революціонная Франція изнемогала подъ бременемъ чрезмѣрнаго количества ассигнацій, между тѣмъ какъ правительство было богато такъ называемыми національными имѣніями. Оно придумало выкупить ассигнаціи новыми бумагами (mandats territoriaux) и цѣнность сихъ послѣднихъ обеспечить національными имуществами. Обеспеченіе было, по видимому, совершенно достаточное. Для усиленія онаго, правительство постановило, что всякій имѣющій въ своемъ распоряженіи извѣстное количество мандатовъ, можетъ избрать любое національное имѣніе равной цѣны, и внеся сумму въ мандатахъ, немедленно вступить во владѣніе имѣніемъ. Трудно было бы придумать лучшее средство для поддержанія кредитныхъ

билетовъ. Но на дѣлѣ все оказалось иначе. Мандаты упали въ цѣнѣ своей какъ упали ассигнаціи.

Посмотримъ что̀ дѣлается теперь на глазахъ нашихъ въ Австріи, этой классической странѣ бумажныхъ денегъ. Правительство обременное чрезмѣрнымъ количествомъ бумажной монеты, борется съ сею напастію твердо, мудро и, по возможности, успѣшно. Это правительство богато государственными имуществами. Но эти богатства продолжая быть, по сущности своей, недвижимыми, не поддерживаютъ, не возвышаютъ курса бумажныхъ денегъ. Онѣ могутъ быть полезны въ семъ отношеніи тогда только, когда обращаются въ деньги, т. е. когда отчуждаются, продаются правительствомъ. Но продать всѣхъ сихъ имѣній вдругъ или въ непродолжительномъ времени невозможно. Правительство то передаетъ оныя иностраннымъ капиталистамъ за наличныя деньги, то банку въ видѣ операцій къ уменшенію количества бумажныхъ денегъ клонящихся. Въ тѣхъ же видахъ, оно продаетъ построенныя имъ самимъ желѣзныя дороги. Всѣ сіи весьма здравыя и искусныя мѣры Австрійскаго правительства, можетъ быть, приведутъ его къ полному водворенію въ обращеніи звонкой монеты, къ чему оно намѣрено приступить 1го Ноября сего года. Но все это не доказываетъ, чтобы огромныя государственныя имущества могли служить залогомъ, ручательствомъ цѣнности огромной массы бумажныхъ денегъ. Это доказываетъ совершенно противное.

Не говоря уже о непреложныхъ законахъ монетнаго обращенія, о потребностяхъ онаго, о равновѣсіи, которое

должно существовать между звонкою монетою и бумажными деньгами, мы ограничимся замѣчаніемъ, что вообще недвижимая собственность тогда только можетъ служить достаточнымъ залогомъ денежныхъ капиталовъ, когда она можетъ быть легко и скоро обращаема въ деньги.

Изъ сего слѣдуетъ, что проэктъ выкупа основаннаго на займѣ или на выпускѣ кредитныхъ бумагъ, простирающихся за миліардъ рублей серебромъ, совершенно невозможенъ въ исполненіи.

Тѣ изъ помѣщиковъ, кои мечтаютъ о сбыточности такого вознагражденія, не знаютъ что̀ ихъ неминуемо ожидало бы въ случаѣ принятія и исполненія подобнаго плана: полученныя ими облигаціи превратились бы весьма въ недолгое время въ простые листы бумаги!

Что же послѣ сего можемъ мы сказать о такихъ проэктахъ, по коимъ выкупный капиталъ простирается до двухъ миліардовъ руб. сер. и, можетъ, быть, болѣе?

Мы читали одинъ проэктъ сего рода, написанный Тмъ губернскимъ предводителемъ. Изложеніе дѣла представлено весьма хорошо и съ замѣчательнымъ талантомъ. Но заключеніе являетъ такое исчисленіе выкупнаго капитала для одной Тй губерніи, что будучи приложено, въ соразмѣрности, ко всѣмъ губерніямъ, оно доходитъ до выше означенныхъ размѣровъ. Мы слышали о такомъ же проэктѣ въ Вй губерніи.

Показавъ очевидную невозможность въ исполненіи подобныхъ предположеній выкупа, намъ остается упомянуть объ одной мысли, если не о проэктѣ, освобожденія посредствомъ выкупа. Сія мысль отличается особеннымъ

практическимъ пониманіемъ дѣла. Она не входитъ ни въ какія подробныя изчисленія и основывается на широкихъ, ясныхъ, простыхъ началахъ, кои легко могутъ быть приложены въ совершеніи великаго дѣла освобожденія. По сей мысли предполагается раздѣлить всю имперію на три полосы; для каждой полосы опредѣлить извѣстную цѣну десятины земли; отвести крестьянамъ изъ помѣщичьей земли по 3 или по 4 десятины, и заплатить за сію землю помѣщикамъ по опредѣленной цѣнѣ. По сему предположенію выкупный капиталъ простирается до 500 мил. руб. сер.

Такая сумма, какъ намъ кажется, слишкомъ значительна. Я продолжаю думать, что и для правительства и для помѣщиковъ мое предположеніе, ограничивающееся пожертвованіемъ 300 мил. за $^1/_3$ земли, выгоднѣе. Но если правительство рѣшится на пожертвованіе 500 мил. и если помѣщики найдутъ это предположеніе для нихъ болѣе выгоднымъ, то я порадуюсь за крестьянъ отъ всей души.

Сверхъ проэктовъ и предположеній на выкупѣ основанныхъ, мнѣ извѣстенъ одинъ проэктъ (Гна К.), который основывается на надѣленіи крестьянъ $2^1/_4$ десятинами земли на душу съ обязанностію платить помѣщику вѣчный оброкъ, равный оброку платимому казенными крестьянами. Этотъ проэктъ, замѣчательный по практическимъ знаніямъ автора и богатый историческими изысканіями, сдѣлался довольно извѣстнымъ и, какъ я слышалъ, пріобрѣлъ одобреніе многихъ помѣщиковъ. Я читалъ его съ большимъ участіемъ и съ великою пользою для меня собственно. Но результатъ всѣхъ предположеній автора, послѣ долгаго

колебанія, показался мнѣ неудовлетворительнымъ. Какъ бы то ни было, но тутъ нѣтъ истиннаго, полнаго освобожденія, подумалъ я. Я остался при этомъ заключеніи.

Наконецъ примѣръ австрійскаго правительства можетъ привести къ мысли: основать выкупъ на совокупномъ дѣйствіи крестьянина, правительства и самого помѣщика.

Австрійское правительство постановило, что работа, коею крестьяне были обязаны въ отношеніи къ помѣщику, должна быть изчислена на денги;

что цѣнность работы въ продолженіе одного года, взятая въ 20ти лѣтней сложности, должна составить капиталъ, назначенный служить возмездіемъ помѣщику за уничтоженную работу крестьянъ;

что $^1/_3$ сего капитала должна быть уплачена крестьяниномъ, $^1/_3$ правительствомъ или тою провинціею, въ которой имѣніе находится; послѣдняя же $^1/_3$ должна пасть на помѣщика, который такимъ образомъ теряетъ оную.

Всѣ изчисленія работъ были производимы чиновниками правительства.

Крестьяне должны были платить, въ продолженіе 20 лѣтъ, слѣдующія съ нихъ денги прямо правительству. Они по большой части немедленно и сполна выплатили слѣдующую съ нихъ $^1/_3$.

Правительство, присоединивъ къ суммѣ крестьянской трети сумму трети слѣдуемой съ его стороны, выдавало помѣщику облигацію, приносящую проценты, которую помѣщикъ могъ немедленно продать на биржѣ. Курсъ

сихъ провинціальныхъ облигацій вообще равенъ курсу другихъ государственныхъ бумагъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, именно въ Нижней Австріи, онъ гораздо выше бумагъ правительственныхъ.

Капиталъ предоставленный въ вознагражденіе помѣщикамъ долженъ быть выплаченъ посредствомъ погашенія облигацій по жребію.

Сіи постановленія австрійскаго правительства увѣнчались полнымъ успѣхомъ въ исполненіи. Вездѣ цѣнность земли вдвое увеличилась, не изключая и несчастной Галиціи, которую сіи постановленія нашли посреди ужасныхъ бѣдствій возстанія крестьянъ противъ помѣщиковъ, возстанія, если не внушеннаго, то конечно поддерживаемаго постыднымъ и безчеловѣчнымъ вмѣшательствомъ австрійскаго правительства.

Революціонныя произшествія не позволили кончить сего дѣла прежде 1853 года. Но въ семъ году всѣ мѣры, разсчеты, изчисленія, были постановлены и приведены въ исполненіе. Суммы, слѣдовавшія съ крестьянъ съ 1848 года и коихъ они до толѣ не выплатили, вошли въ окончательное изчисленіе и помѣщики ихъ не потеряли.

Для крестьянъ сія мѣра была весьма, весьма выгодна. Но и помѣщики не остались въ убыткѣ. Всѣ довольны. Если встрѣчались жалобы со стороны землевладѣльцевъ, то это только со стороны духовенства, которое, по новому положенію, лишалось доходовъ отъ множества мѣлкихъ повинностей, кои основывались на обычаѣ, а не на ясныхъ и законныхъ сдѣлкахъ и условіяхъ и потому были уни-

чтожены безъ всякаго вознагражденія. Но во многихъ мѣстахъ муниципальныя начальства и сами крестьяне добровольно обязались платить, по прежнему, духовенству нѣкоторыя повинности.

Если сія мѣра австрійскаго правительства приведетъ нѣкоторыхъ русскихъ помѣщиковъ искать возможности приложенія оной къ Россіи и чрезъ то достигнуть подобнаго совокупнаго дѣйствія къ выкупу: крестьянъ и правительства, то мы представимъ на ихъ усмотрѣніе слѣдующія обстоятельства.

Въ Австріи*) земля обработывается хозяевами имѣющими значительное количество оной, въ видѣ фермъ, хуторовъ. Полный хозяинъ имѣетъ обыкновенно отъ 30 до 50 десятинъ. Половинный хозяинъ половину сего количества и т. д.

Сіи хозяева были уже со временъ Іосифа II. владѣльцами земли, на коей жили, съ нѣкоторыми однако же ограниченіями и съ обязанностію работъ на помѣщика. Ограниченія въ правѣ собственности состояли въ томъ, что хозяинъ не могъ отдѣлить, продажею или иначе, никакой части земли безъ особеннаго разрѣшенія. Это запрещеніе и доселѣ существуетъ. Крестьянинъ могъ свой хуторъ продать, завѣщать и т. д. Но заступающій его мѣсто входилъ во всѣ его обязанности. Помѣщикъ, въ случаѣ неисправности крестьянина, могъ удалить его съ

*) По крайней мѣрѣ въ Австріи собственно, и особливо въ Богеміи, которую я видѣлъ. Мнѣ не извѣстно устройство земледѣльческаго хозяйства въ другихъ провинціяхъ.

земли, съ утвержденія начальства, и тогда ферма отдавалась другому хозяину. Равномѣрно крестьяне подлежали вѣдомству помѣщика по правительственной и по судебной части. Управленіе крестьянами, т. е. назначеніе, распредѣленіе работъ, надзоръ надъ ними и т. п. предоставлялось естественно помѣщику или его повѣренному, управителю. Власть судебная была ввѣрена судьѣ, который назначался правительствомъ, но по представленію помѣщика. Въ семъ то нанпаче состояло право судебнаго вѣдомства помѣщика (Patrimonial-Gerichtsbarkeit). Крестьяне могли аппеллировать на рѣшенія мѣстнаго суда; но, напримѣръ въ Богеміи, для всей земли существовалъ только одинъ аппелляціонный судъ (въ Прагѣ), что конечно было весьма невыгодно для крестьянъ.

Тѣлесныя наказанія были прежде извѣстны въ Австріи. Онѣ не могли превышать 24 ударовъ. Помѣщикъ не могъ самъ предписывать сихъ наказаній, кои опредѣлялись только судьею. Впрочемъ сіи наказанія существовали болѣе въ законѣ нежели на самомъ дѣлѣ. Люди, проведшіе всю жизнь въ управленіи имѣніями помѣщиковъ, увѣряли меня, что они не могутъ привести ни одного примѣра употребленія такихъ наказаній.

Опредѣленіе работъ крестьянскихъ было означено и изтолковано закономъ съ неимовѣрными подробностями. Законъ предписывалъ въ которомъ часу работникъ долженъ былъ закладывать своихъ лошадей и являться на работу, въ которомъ часу прекращать оную; было даже предписано: какъ онъ долженъ везти различныя тяжести, шагомъ или рысью, и пр. и пр.

Степень и количество работы крестьянской на помѣщика можно вообще опредѣлить тремя днями въ недѣлю.

Въ таковомъ устройствѣ сельскаго порядка мы видимъ, что правительство, предпринимая окончательное освобожденіе, имѣло предъ глазами ясныя, достаточныя данныя: оно находило съ одной стороны опредѣленные, неизмѣняющіеся въ пространствѣ своемъ, довольно значительные участки земли; съ другой земледѣльцевъ-хозяевъ, изъ коихъ каждый владѣлъ однимъ изъ сихъ участковъ. Работы, повинности, всякаго рода обязанности сихъ крестьянъ къ помѣщику были опредѣлены въ малѣйшихъ подробностяхъ. Если встрѣчались въ договорахъ помѣщиковъ съ хозяевами-земледѣльцами нѣкоторыя условія особеннаго рода, на особенныхъ правахъ основанныя, то и сіи различія были ясно означены и опредѣлены. Въ такомъ порядкѣ вещей не трудно было изчислить и опредѣлить денежную цѣнность работъ и повинностей и подвергнуть земледѣльца-хозяина уплатѣ одной трети весьма умѣренной выкупной суммы.

Конечно, кромѣ земледѣльцевъ-хозяевъ, представлялись простые работники, люди безземельные, кои проживали на землѣ помѣщичьей, питаясь трудомъ рукъ своихъ. Сіи работники, число коихъ составляетъ болѣе $^1/_3$ всего сельскаго народонаселенія, за позволеніе жить на помѣщичьей землѣ, были обязаны извѣстною работою, обыкновенно отъ 13 до 26 дней въ году. Но постановленіями 1849 года они были просто освобождены отъ

работной повинности, безъ всякаго вознагражденія помѣщику.

Я имѣю предъ глазами нѣсколько списковъ съ тѣхъ актовъ, кои окончательно опредѣлили цѣнность работъ и суммы вознагражденія помѣщику. Въ одномъ изъ сихъ списковъ я нахожу слѣдующее:

Хозяинъ В. К. владѣетъ количествомъ земли, состоящей изъ полей, луговъ и лѣса, — 72 іохъ, что составляетъ болѣе 50 десятинъ. Онъ обязанъ работать на помѣщика съ двумя лошадьми 156 дней въ году, и безъ лошадей 26 дней. Сверхъ сего онъ обязанъ давать помѣщику извѣстное число куръ, яицъ и опредѣленное количество овса. Цѣнность всѣхъ сихъ работъ и повинностей была исчислена въ 45½ гульденовъ въ годъ (28 р. с.)

Таковое исчисленіе изъясняется тѣмъ, что правительство, предписавъ оцѣнку работъ и повинностей, поставило въ обязанность оцѣнщикамъ, чтобы они не оцѣняли барщинной работы по цѣнѣ работы вольной, и чтобы ни въ какомъ случаѣ оцѣнка первой не превышала одной трети цѣны послѣдней. По сему оцѣнщики ограничили свое исчисленіе работы одного дня съ двумя лошадьми въ 14 крейцеровъ (14 копѣекъ), и одного дня безъ лошадей въ 3 крейцера (3 копѣйки).

Изъ сей суммы: 45½ гульденовъ, ⅓ падала на помѣщика, ⅓ на правительство, и одна, 15 гульденовъ, на крестьянина. Будучи взята въ 20ти лѣтней сложности, сія послѣдняя сумма составила 303 гульд. 40 кр. (183 р. с.)

Принявъ въ соображеніе всѣ сіи подробности австрійской мѣры освобожденія, мнѣ кажется, что не возможно помышлять о приложеніи сей методы къ освобожденію русскихъ крестьянъ. Къ тому же, какъ мы видимъ, вознагражденіе помѣщиковъ за утраченныя работы и повинности крестьянскія не весьма значительно. Настоящее вонагражденіе, какъ въ Австріи, такъ и вездѣ гдѣ подобныя мѣры были предпринимаемы, особливо въ Пруссіи, гдѣ крестьяне были надѣлены землею безвозмездно, настоящее вознагражденіе для помѣщиковъ пашлось само собою въ возвысившейся цѣнности земли.

Что касается до капитала употребленнаго австрійскимъ правительствомъ на выкупъ, то оный простирается, какъ полагаютъ, до 500 мил. гульденовъ (300 мил. р. с.) Баронъ Гакстгаузенъ говорилъ мнѣ о 700 мил. гульденовъ.

Въ англійскихъ колоніяхъ, гдѣ выкупъ касался только до работниковъ освобожденныхъ безъ земли и число коихъ было около 800 тысячь, выкупная сумма составила 20 мил. ф. ст. (120 мил. р. сер.) Во французскихъ колоніяхъ число Негровъ и выкупный капиталъ были половиною менѣе. Такимъ образомъ какъ въ англійскихъ такъ и во французскихъ колоніяхъ выкупная сумма одного человѣка составляла около 160 руб. сер.

Тѣ кои помышляютъ о выкупѣ крѣпостныхъ крестьянъ съ землею, по какой бы то ни было оцѣнкѣ, видя чего стоилъ выкупъ въ другихъ земляхъ и вспомнивъ, что въ Россіи дѣло идетъ о 22 мил. обоего пола людей, конечно убѣдятся въ совершенной невозможности прибѣгнуть къ подобному средству освобожденія.

Обозрѣвъ такимъ образомъ различные способы освобожденія посредствомъ выкупа, мы остаемся убѣжденными, что ни одинъ изъ сихъ способовъ не еобѣщаетъ никакой возможности успѣшнаго исполненія, и мы принуждены обратиться къ нашему предположенію, основанному на освобожденіи крестьянъ съ $^1/_3$ земли безвозмездно или съ пожертвованіемъ отъ казны 300 мил. р. сер. Этотъ планъ конечно имѣетъ свои неудобства и затрудненія, но по крайней мѣрѣ его можно исполнить. А что то или другое должно быть исполнено, и исполнено въ непродолжительномъ времени, въ семъ, кажется, никто сомнѣваться не можетъ. Такіе вопросы не могутъ оставаться долго нерѣшенными.

Я настою на простотѣ, на ясности, на несложности моего предположенія. Еслибы я увидѣлъ планъ еще менѣе сложный и болѣе удобоисполнительный, я съ радостію отказался бы отъ моего собственнаго.

Простота, несложность, ясность въ планахъ освобожденія вездѣ полезны; но въ Россіи эти условія необходимы въ самой высшей степени. Въ этомъ должны быть вполнѣ убѣждены всѣ добросовѣстные люди знающіе и понимающіе Россію.

Вовсе теряя изъ виду сіе необходимое условіе простоты, несложности въ мѣрахъ освобожденія, и въ Россіи толкуютъ объ учрежденіи банковъ, кои должны облегчить или сдѣлать возможнымъ выкупъ и крестьянъ и земли ихъ. Почтенный Гнъ Гакстгаузенъ, коего мнѣнія заслуживаютъ особеннаго вниманія и котораго я много уважаю за его любовь къ русскимъ мужикамъ, говоря со мною

о семъ предметѣ, также упомянулъ о банкахъ сельскихъ или провинціальныхъ. Финансовые вопросы мнѣ не чужды. Но признаюсь: я не могу постигнуть съ чего слѣдовало бы начать для учрежденія банковъ долженствующихъ служить орудіемъ выкупа крестьянъ съ землею въ государствѣ, гдѣ существуетъ подушный окладъ, гдѣ еще не уничтожены винные откупа; тамъ гдѣ помышляютъ предоставить помѣщику сѣчь, по произволу, вольныхъ крестьянъ; тамъ гдѣ крестьянинъ, осужденный на жестокое тѣлесное наказаніе, на ссылку въ Сибирь, на каторгу, не можетъ аппеллировать прежде исполненія надъ нимъ приговора; въ государствѣ, гдѣ бумажныя деньги начинаютъ уже терять свое равновѣсіе противъ звонкой монеты; гдѣ деревенскіе головы не могутъ обойтись безъ писарей, и сенаторы безъ секретарей; тамъ гдѣ еще не извѣстно какому суду и какой „расправѣ“, какому управленію будутъ подлежать миліоны освобожденныхъ крестьянъ, для коихъ предполагается учрежденіе сихъ банковъ!

Впрочемъ по самой сущности выкупъ посредствомъ такихъ фантастическихъ банковъ неминуемо отлагаетъ окончательное, полное освобожденіе на многія лѣта, обыкновенно на 37 лѣтъ. Сіе отлагательство имѣетъ слѣдующее значеніе для крестьянина: мы даруемъ тебѣ свободу, но ты будешь пользоваться ею не прежде 30 или 40 лѣтъ! Кто можетъ позволить себѣ такую шутку? Въ другихъ земляхъ, и именно въ Пруссіи, въ Саксоніи и пр. и пр. конечно были учреждены такіе банки. Но кому они ссужали деньги? земледѣльцамъ-хозяевамъ, имѣвшимъ

уже въ своемъ владѣніи извѣстное, довольно значительное количество земли и желавшимъ пріобрѣсти болѣе. Земля ихъ служила залогомъ банку. Но въ Россіи, вмѣсто такихъ хозяевъ, вы встрѣчаете миліоны мѣлкихъ хозяевъ-мужиковъ, и тамъ банки могутъ имѣть дѣло развѣ только съ цѣлыми сельскими обществами. Что въ Россіи найдется нѣсколько такихъ селеній, кои могутъ занять капиталы достаточные для выкупа и выплатить ихъ исправно, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія и это доказывается впрочемъ самымъ опытомъ. Но принять учрежденіе банковъ за одно изъ главныхъ основаній освобожденія — это не что иное какъ мечта, и на первомъ шагѣ приведенія ея въ дѣйство, опытъ не замедлитъ разочаровать мечтателей.

Поставьте государство въ такое положеніе, которое допускало бы водвореніе частнаго кредита, поставьте крестьянина, купца, дворянина въ такія законныя отношенія, въ коихъ каждый могъ бы безопасно ссужать, и былъ бы въ невозможности не исполнять своихъ обязательствъ и тогда приступайте къ водворенію общаго кредита, и кредита поземельнаго, если хотите.*)

---

*) Авторъ превосходныхъ статей, о коихъ мы упомянаемъ ниже, ожидаетъ многаго, слишкомъ многаго, по нашему мнѣнію, отъ поземельнаго кредита. Но вмѣстѣ съ симъ онъ согласенъ въ томъ, что самыя важныя преобразованія должны предшествовать основанію сего кредита. Вотъ слова его: ... Pour avoir de l'argent, il faut un système de crédit foncier facile, étendu, à la portée de tous, répandant sur le sol cette pluie d'or, sans la quelle le travail le plus ardu ne saurait le rendre fertile.

Ici la question touche de près à la réorganisation de la justice et

III.

Изъяснивъ сущность предлагаемой мною мѣры освобожденія, я почитаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ о способѣ исполненія.

Обыкновенно мы слышимъ, что дѣло столь важное не можетъ быть исполнено иначе какъ постепенно, что окончательная мѣра освобожденія должна быть предварительно пріуготовлена разнаго рода другими мѣрами и т. п. Совѣтъ конечно весьма благоразумный. Вообще постепенность полезна въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она означается и доказывается явными требованіями обстоятельствъ дѣла, тамъ гдѣ она ведетъ къ чему нибудь, тамъ особливо гдѣ она возможна. Такъ напримѣръ прусское правительство начало освобожденіе крестьянъ съ освобожденія личнаго, по томъ оно упрочило земельную собственность за крестьянами на казенныхъ земляхъ живущими и наконецъ уже предоставило крестьянамъ въ полную собственность $^1/_2$ или

---

de l'administration, réorganisation sans la quelle le crédit foncier restera toujours une lettre morte. Le Nord 18. Августа 1858.

Я недавно читалъ въ семъ же журналѣ, что комитетъ С. П. б.й губерніи предлагаетъ надѣлить крестьянъ каждаго 10 десятинами земли и обязать 20ю днями работы въ годъ за каждую десятину. Между корреспондентами сего журнала есть конечно люди весьма знающіе и добросовѣстные; но встрѣчаются и пустомѣли. Такое предложеніе приписываемое СПбму дворянству, можетъ быть, проистекаетъ отъ одного изъ сихъ послѣднихъ. Желательно было бы по крайней мѣрѣ знать: въ чемъ изобрѣтатели такихъ плановъ находятъ улучшеніе быта крестьянскаго. Они обязаны указать на сіе улучшеніе, ибо конечно никто, ни съ какими очками, не замѣтитъ сего улучшенія въ подобной перемѣнѣ.

$^2/_3$ земли помѣщичьей. Такая постепенность мѣръ совершавшихся въ продолженіе пяти лѣтъ должна конечно быть всѣми одобрена, тѣмъ болѣе, что правительство предпринимало сію мѣру въ самыя бѣдственныя времена для государства: въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ прусское правительство конечно могло бы привести въ исполненіе всѣ сіи мѣры въ одно и тоже время.

Другія правительства также прибѣгали къ мѣрамъ пріуготовительнымъ, къ постепенности въ разрѣшеніи вопроса освобожденія. Такъ, на примѣръ, англійское правительство, рѣшившись освободить Негровъ въ своихъ колоніяхъ, постановило для сего 9и или 10и лѣтній срокъ. Но здѣсь оказалось, что метода пріуготовительности, постепенности не только ни къ чему не послужила, но напротивъ представляла большія неудобства и очевидно препятствовала успѣшному окончанію дѣла; такъ что правительство нашлось въ необходимости отказаться отъ сей методы и, согласно желанію самихъ владѣльцевъ, въ пользу коихъ сіи неловкія предосторожности были предприняты, предписать немедленное, окончательное освобожденіе гораздо прежде истеченія предназначеннаго срока.

Французское правительство, въ царствованіе Лудовика Филиппа, подвинутое примѣромъ Англіи, приступило также къ чему-то похожему на освобожденіе Негровъ въ своихъ колоніяхъ, гдѣ, замѣтимъ мимоходомъ, Негры были уже однажды освобождены Конвентомъ и вновь обращены въ рабство Наполеономъ. Но эта попытка улучшенія состоянія Негровъ подобными пріуготовительными, постепенными мѣрами, оказалась совершенно ничтожною въ

своихъ результатахъ. Негры остались рабами по прежнему, пока революціонное правительство въ 1848 году, умѣвъ воспользоваться примѣромъ Англіи, не освободило ихъ безъ дальнѣйшихъ околичностей, и не только освободило, но дало имъ равныя права со всѣми французами.

Австрійское правительство, въ обыкновенныя времена и въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ, можетъ быть, послѣдовало бы, въ разрѣшеніи вопроса освобожденія, мнѣнію или, справедливѣе сказать, предразсудку пріуготовительности и постепенности. Но въ 1848 и 49 году это правительство нашло себя въ необходимости не пріуготовлять, а дѣйствовать; обстоятельства не допускали утомительныхъ пріуготовительныхъ мѣръ, ни даже не менѣе утомительныхъ и тщетныхъ разглагольствованій. Австрійское правительство рѣшило дѣло однимъ разомъ, однажды на всегда, и полный успѣхъ увѣнчалъ мудрое и благое предпріятіе.

Пріуготовительныя, постепенныя мѣры безполезны и вредны не только потому что онѣ отдаляютъ, безъ всякой пользы для кого бы то ни было, совершеніе предначатаго дѣла; но особенно потому что онѣ, по обыкновенной неопредѣлительности своей, могутъ возбудить и конечно возбуждаютъ въ совѣсти и въ воображеніи тѣхъ, коимъ онѣ обѣщаютъ свободу, множество сбивчивыхъ, ложныхъ понятій, множество ожиданій и мечтаній, коимъ не суждено имѣть никакого выполненія. Порывы души человѣческой къ ожидаемому благу, даже къ одному призраку блага, столь же сильны, какъ они непроизвольны; продолжаю-

щіяся надежды и ожиданія не ослабляютъ, а напротивъ увеличиваютъ стремленіе душевное. Этого не должно забывать особливо въ такихъ земляхъ, гдѣ мало пишутъ и еще менѣе читаютъ: отсутствіе слова даетъ болѣе простора воображенію.

Между мѣрами пріуготовительными могутъ быть такія, кои заключаютъ въ себѣ извѣстныя узаконенія, нѣкоторыя постановленія клонящіяся къ окончательному, опредѣленному, извѣстному освобожденію. Такимъ образомъ Датское правительство, желая приступить къ освобожденію Негровъ въ своихъ колоніяхъ, узаконило, что рождающіяся дѣти послѣ извѣстнаго срока, должны быть вольными. Такъ же правительство англійское начало освобожденіе постановленіемъ, что Негры не будутъ впредь рабами по прежнему, но что до окончательнаго и полнаго ихъ освобожденія, они должны находиться въ положеніи подобномъ тому, въ коемъ находятся отдаваемыя въ ученье дѣти, почему это положеніе и было названо „ученичествомъ“ (apprenticeship). Вмѣстѣ съ симъ правительство учредило особенныхъ прокуроровъ, кои должны были охранять интересы Негровъ въ новомъ ихъ положеніи, когда власть ихъ владѣльцевъ совершенно измѣнилась противъ прежняго. Въ Ост-Зейскихъ провинціяхъ были также приняты нѣкоторыя мѣры постепенности касательно права перехода крестьянъ отъ одного помѣщика къ другому, такъ что на первое время крестьянинъ могъ переходить только въ уѣздѣ, по томъ въ губерніи.

Такія мѣры всегда и вездѣ оказавшіяся если не вредными, то по крайней мѣрѣ совершенно безполезными,

имѣютъ однакоже то достоинство, что онѣ ясно указуютъ на цѣль, къ коей онѣ стремятся, и потому могутъ возбудить нетерпѣливость въ ожидающихъ, но не могутъ внушать имъ обманчивыхъ надеждъ и мечтаній.

Но что̀ можемъ мы сказать о такъ называемыхъ пріуготовительныхъ и постепенныхъ мѣрахъ, кои ограничиваются собираніемъ справокъ, свѣденій, статистическихъ извѣстій, изслѣдованіями о правахъ и обычаяхъ жителей различныхъ провинцій, о качествѣ и количествѣ земель въ различныхъ мѣстностяхъ и пр. и пр. и пр.?

Между тѣмъ мы безпрестанно слышимъ и читаемъ такія предложенія и изъявленія мнѣній. Одни указываютъ на различіе почвы, на различіе въ обработываніи земли, другіе на различіе крестьянина низовыхъ, степныхъ губерній отъ крестьянъ Ярославскихъ, Владимірскихъ и пр. „Какъ возможно, говорятъ они, освободить всѣхъ сихъ людей одинаковымъ образомъ? Необходимо въ подробности узнать бытъ всѣхъ категорій крестьянъ всей имперіи. Начнемъ собирать справки, статистическія и этнографическія свѣденія и тогда . . . .“

Но что же будетъ тогда? Собравъ всѣ справки, удостовѣрившись въ точности, въ справедливости, въ полнотѣ оныхъ, вы узнаете . . . . что? Тò что вы уже и теперь знаете или, по крайней мѣрѣ, должны знать.

Вы узнаете, что всѣ изчисляемыя вами различія существуютъ; вы узнаете даже подробно въ чемъ сіи различія состоятъ. Но, узнавъ это, развѣ вы рѣшитесь начертать особенные уставы освобожденія для каждой отличной отъ другихъ мѣстности? Кто возметъ на себя

сказать, что крестьянинъ одной губерніи долженъ быть освобожденъ однимъ образомъ, а крестьянинъ другой другимъ образомъ? Свобода, настоящая свобода, всегда и вездѣ одинакова. Рабство можетъ быть конечно различно. Но и рабство уравнялось во всѣхъ частяхъ Россіи: власть помѣщиковъ равна во всѣхъ губерніяхъ. Какъ же хотѣть различія въ освобожденіи?

Въ томъ-то и состоитъ важность вопроса освобожденія, что онъ долженъ быть поставленъ прямо, и рѣшенъ просто, ясно, опредѣлительно для всѣхъ и каждаго.

Вы хотите дать свободу крѣпостному человѣку.

И такъ дайте ему свободу; но свободу настоящую, а не свободу съ обязанностію обработывать нѣсколько десятинъ земли на помѣщика, съ угрозою произвольныхъ тѣлесныхъ наказаній.

Вы хотите освобожденія съ землею?

И такъ дайте крестьянину клочекъ земли, самый малый, потому что вообще онъ не можетъ пріобрѣсти его выкупомъ. Этотъ клочекъ будетъ нѣсколько болѣе тамъ гдѣ земли много и менѣе тамъ гдѣ ея мало. Но вездѣ онъ будетъ недостаточенъ для полнаго продовольствія крестьянина. Эта недостаточность укажетъ крестьянину на необходимость искать продовольствія въ наймѣ земли помѣщичьей, но въ наймѣ вольномъ, какъ слѣдуетъ вольному человѣку. Равенство невозможное въ самомъ надѣленіи, найдется въ пропорціональности, предписываемой самою силою вещей и обстоятельствъ, коей никто преодолѣть не можетъ.

Австрійская имперія представляетъ еще болѣе различія между крестьянами различныхъ провинцій: Австріи собственно, Галиціи, Венгріи, Богеміи, нежели сколько можетъ существовать между русскими крестьянами разныхъ губерній. Въ Пруссіи крестьяне также отличаются одни отъ другихъ: Нѣмцы-протестанты въ Восточной Пруссіи, Нѣмцы-католики въ Вестфаліи, Славяне въ Познани, Славяне въ Лаузицѣ и т. д. конечно не совсѣмъ похожи одинъ на другаго.

Но развѣ не одинъ и тотъ же законъ, не одно и тоже правило освободило всѣхъ крестьянъ и въ Австріи и въ Пруссіи?

Этотъ примѣръ конечно долженъ бы умѣрить рвеніе нашихъ охотниковъ до справокъ и статистическихъ свѣденій.

Отказавшись отъ всѣхъ сихъ тщетныхъ и обманчивыхъ средствъ такъ называемыхъ пріуготовительныхъ, отказавшись отъ методы постепенности, потребуется еще много времени для приведенія и самаго простаго, несложнаго и яснаго положенія въ исполненіе. Рѣшившись предоставить какое бы то ни было количество земли крестьянамъ, надлежитъ отвести сію землю въ ихъ владѣніе. По нашему предположенію $^1/_3$ земли помѣщичьей должна быть отведена во владѣніе сельскаго общества. Сей отводъ потребуетъ конечно извѣстнаго и довольно долгаго времени.

Здѣсь правительство найдетъ, можетъ быть, какія нибудь средства для скорѣйшаго окончанія сего отвода *).

*) Такъ, напримѣръ, для поощренія къ скорѣйшему окончанію

Въ царствованіе Екатерины II, для поощренія землевладѣльцевъ въ общемъ размежеваніи, правительство старалось побудить ихъ къ размежеванію добровольному. Для сего было постановлено, что тамъ гдѣ смежные владѣльцы размежуются полюбовно, правительство предоставитъ имъ въ полную собственность казенныя земли, смежныя или между землями помѣщичьими заключающіяся, — распоряженіе весьма здравое и характеризующее истинныя понятія о пользѣ государственной, которыя такъ часто проявляются въ законодательствѣ великой Императрицы.

Во всякомъ случаѣ, донустивъ различнаго рода добровольныя сдѣлки между помѣщиками и крестьянами, надлежитъ постановить рѣшительный срокъ, въ теченіе коего сіи сдѣлки должны быть кончены. По истеченіи сего срока, то положеніе, которое будетъ принято и объявлено самимъ правительствомъ, должно неменуемо быть приведено въ дѣйство.

отвода $^1/_3$ земли сельскимъ обществамъ, можно учредить преміи въ пользу тѣхъ помѣщиковъ, кои въ извѣстный срокъ, прежде другихъ совершатъ окончательный отводъ или полюбовно съ крестьянами, или съ утвержденія власти правительственной. Кромѣ времени, болѣе или менѣе продолжительнаго, преміи будутъ сообразоваться и съ важностію имѣній. Для помѣщиковъ, имѣнія коихъ заложены въ Опекунскомъ Совѣтѣ, преміи выразятся болѣе или менѣе значительною разсрочкою въ платежѣ ихъ долга. Для составленія же премій помѣщикамъ, коихъ имѣнія не заложены, можно отдѣлить отъ суммы выкупнаго капитала (132 мил. руб. сер.) 5%, и происходящіе отъ такой мѣры $6^1/_2$ мил. руб. сер. раздѣлить на различныя преміи, кои будутъ выплачены за скорый отводъ земли сельскимъ обществамъ.

Есть конечно мѣры, которыя должны быть приняты при освобожденіи крестьянъ. Но будучи, въ сущности своей, независимы отъ самаго освобожденія, сіи мѣры не могутъ быть признаны мѣрами пріуготовительными, хотя конечно весьма полезно было бы заняться изслѣдованіемъ и опредѣленіемъ оныхъ заблаговременно. Здѣсь мы разумѣемъ особенно обращеніе подушнаго оклада въ налогъ поземельный, измѣненіе въ устройствѣ судебныхъ и правительственныхъ мѣстъ, въ вѣдомство коихъ войдетъ столь огромное число новыхъ подвѣдомственныхъ лицъ.

Первоначальное предложеніе наше относительно крестьянскаго освобожденія съ землею основывалось на началѣ безвозмезднаго надѣленія крестьянъ землею. Въ другихъ нашихъ запискахъ по сему предмету, мы всегда исключительно держались сего начала.

Замѣтимъ прежде всего, что еслибы предположеніе наше не встрѣтило инаго препятствія для принятія онаго, какъ сіе надѣленіе безвозмездное, то конечно и въ мнѣніи общемъ и въ глазахъ народолюбиваго правительства, такое препятствіе могло бы быть отстранею безъ затрудненія опредѣленіемъ извѣстной суммы для вознагражденія помѣщиковъ, смотря по средствамъ казначейства. Но мы не могли и не желали поставить въ самомъ заглавіи нашего предположенія сего начала вознагражденія, предпо-

читая освобожденіе съ землею безвозмездно всѣмъ инымъ средствамъ освобожденія.

Наше мнѣніе о безвозмездности надѣленія крестьянъ землею имѣетъ свои основанія. Мы постараемся изъяснить ихъ.

Прежде всего мы сдѣлаемъ вопросъ: Для кого мы предполагаемъ сіе безвозмездное надѣленіе землею?

Для крестьянъ, кои изкони жили на этой землѣ, кои всегда ею пользовались, кои, преступною рукою Годунова, были прикованы къ землѣ сей и изъ приписныхъ и укрѣпленныхъ землѣ, мало по малу, различными притязаніями и несправедливостями, различными мѣрами правительства, не имѣвшими ни мало въ виду отяготить участь крестьянъ, однимъ словомъ неисповѣдимыми для всѣхъ и особливо для самихъ крестьянъ непостигаемыми путями, были приведены въ положеніе настоящихъ рабовъ, которыхъ, уже черезъ сто лѣтъ послѣ укрѣпленія, по словамъ Петра Іго, продавали „какъ скотовъ“, и которыхъ продолжаютъ и продавать и переселять по прежнему.

Въ такомъ положеніи вещей самыя простыя понятія справедливости и самыя прямыя внушенія совѣсти предписываютъ дать малую лепту за вѣковый трудъ, за вѣковыя страданія труженикамъ и страдальцамъ. Мы полагаемъ, что этотъ голосъ справедливости и совѣсти отзовется въ разумѣ и въ сердцѣ русскихъ помѣщиковъ и что они, одушевляемые любовію къ общей матери всѣхъ насъ, и крѣпостныхъ и вольныхъ, любовію къ Россіи, искупятъ ее святымъ пожертвованіемъ отъ грѣха Годунова, столь тяжело на нее падшаго.

Сего соображенія, сей причины для насъ въ полной мѣрѣ достаточно для оправданія начала безвозмезднаго надѣленія. Но кромѣ сихъ главныхъ, рѣшительныхъ причинъ и соображеній, существуютъ другія, коими оправдывается сіе начало.

Не говоря уже о нравственномъ впечатлѣніи, которое произведетъ на крестьянъ добровольная уступка земли со стороны помѣщиковъ, и о выгодномъ положеніи, въ каковое она поставитъ помѣщиковъ въ глазахъ Россіи и всего образованнаго свѣта, мы укажемъ на положительныя, ощутительныя выгоды, кои помѣщики найдутъ для самихъ себя отъ такого пожертвованія.

Выгоды помѣщиковъ всегда были сопряжены съ выгодами крестьянъ. Но при крѣпостномъ правѣ сіе тождество, сія нераздѣльность взаимныхъ выгодъ не могла быть всегда и вездѣ равно здраво понимаема землевладѣльцами и часто, какъ говорится, они рубили дерево дабы скорѣе снять съ него приносимый имъ плодъ; часто былъ жертвуемъ капиталъ для умноженія дохода. Въ новомъ порядкѣ вещей, истина сей взаимности выгодъ помѣщика и вольнаго крестьянина, явится несравненно яснѣе и очевиднѣе. Тогда, болѣе нежели когда либо, помѣщикъ убѣдится, что желая или отдать въ наемъ свою землю или обработывать ее посредствомъ вольныхъ работниковъ, первымъ условіемъ его выгодъ, первымъ условіемъ хорошаго и обильнаго дохода, будетъ присутствіе на мѣстѣ или въ сосѣдствѣ зажиточныхъ крестьянъ, которые могли бы нанимать его землю, или хорошихъ, надежныхъ работниковъ, кои могли бы ее обработывать.

Такихъ зажиточныхъ крестьянъ и хорошихъ работниковъ можно надѣяться имѣть тогда только, когда освобожденіе дастъ крестьянамъ возможность быть и зажиточными и хорошими работниками. Потребовать отъ крестьянина какой бы то ни было заплаты за предоставляемый ему клочекъ земли, значило бы просто положить, въ самомъ началѣ, преграду, во многихъ случаяхъ непреодолимую, къ достиженію возможности быть и зажиточнымъ и хорошимъ работникомъ.

Скажутъ, что если вознагражденіе затруднительно со стороны крестьянъ, то пусть само правительство дастъ сіе вознагражденіе. Но это правительство, откуда почерпаетъ оно свои доходы? Конечно, при собираніи налоговъ съ народа, 22 милiона крестьянъ составляютъ значительную часть въ числѣ всѣхъ платящихъ оные. Слѣдовательно они, въ качествѣ обыкновенныхъ плательщиковъ податей, будутъ подвергнуты и выплатѣ помѣщичьяго вознагражденія.

Наконецъ если помѣщики будутъ разсчитывать стоимость земли по теперешнимъ цѣнамъ, не принимая ни въ какое соображеніе цѣнъ будущихъ, кои неминуемо возвысятся при открытіи правъ владѣнія землею для всѣхъ состояній; то конечно они найдутъ, что такое пожертвованіе весьма значительно, и найдя сіе, они безъ сомнѣнія также найдутъ, что всякое вознагражденіе со стороны правительства, ограничиваясь предѣлами возможности, будетъ для нихъ недостаточно. Мы полагаемъ, что правительство не можетъ употребить на вознагражденіе помѣщикамъ болѣе 300 мил. р. сер. Пусть помѣщики

изчислятъ сколько каждый изъ нихъ получитъ изъ сей суммы за $^1/_3$ земли своей. Они, можетъ быть, тогда убѣдятся, что лучше будетъ и для нихъ и особенно для государства отказаться отъ такого вознагражденія и великодушнымъ безкорыстіемъ покрыть стыдъ и срамъ вѣковой несправедливости.

Но, повторимъ, что на всѣ возможныя возраженія противъ безвозмездности надѣленія существуетъ этотъ главный отвѣтъ, на коемъ мы настоимъ съ твердымъ убѣжденіемъ, отвѣтъ неопровергаемый и въ истинѣ коего никто не можетъ сомнѣваться; отвѣтъ: что стоимость земель, по освобожденіи, сильно возвысится. Въ семъ-то возвышеніи цѣнности ихъ земель помѣщики найдутъ неминуемое и справедливое вознагражденіе. Опытъ доказалъ это вездѣ, гдѣ подобныя мѣры освобожденія совершались. Самый разительный примѣръ представляетъ Галиція: страна сія была жертвою ужасныхъ произшествій, и мѣра освобожденія нашла ее посреди всякаго рода безпорядковъ. Но и тамъ цѣнность земель удвоилась!

Примѣръ, который всего ближе стоитъ къ нашему предположенію, это примѣръ Пруссіи. Тамъ правительство предоставило крестьянамъ въ полную собственность, безвозмездно, гораздо бо́льшую часть земли, нежели сколько мы предлагаемъ. Въ Пруссіи было два рода крестьянъ: одни пользовались землею, на которой они жили, съ правомъ наслѣдственнымъ (Erb-Bauern); другіе жили на землѣ по условіямъ срочнымъ (Lassbauern). Положеніе первыхъ было болѣе самостоятельно. Послѣдніе, въ быту своемъ, болѣе приближались къ нашимъ

крестьянамъ. И тѣ и другіе были обязаны работами и повинностями въ пользу помѣщика. Правительство узаконило, что для освобожденія крестьянъ отъ сихъ работъ и повинностей они должны уступить часть занимаемой ими земли помѣщику. Сію уступку законъ назвалъ выкупомъ, каковымъ оная была въ самомъ дѣлѣ. Наслѣдственные крестьяне должны были уступить $^1/_3$, другіе, срочные, $^1/_2$ занимаемой ими земли. Сверхъ того законъ предоставлялъ крестьянамъ на выборъ: отдать помѣщику землю натурою или цѣнность оной деньгами.

Полный, рѣшительный, опытомъ доказанный и теперь всѣми признаваемый успѣхъ сего безвозмезднаго надѣленія крестьянъ землею, служитъ твердою основою и оправданіемъ нашего предположенія.

Замѣтимъ, что никому не пришло въ голову обвинять прусское правительство въ нарушеніи священныхъ правъ собственности. Напротивъ того мѣра была всѣми одобрена и немедленно многія другія германскія правительства, Саксонія, Виртенбергъ и пр. и пр. послѣдовали примѣру Пруссіи.

Права собственности землевладѣльцевъ вездѣ имѣютъ одни и тѣже источники и основанія. Если есть особенные оттѣнки и различія, то несходство оказывается, относительно Россіи, въ пользу нашего предположенія. Это изъясняется историческимъ развитіемъ отношеній крестьянъ къ помѣщикамъ. Вездѣ въ Европѣ сіи отношенія имѣли первымъ основаніемъ завоеваніе земли и покореніе жителей завоевателямъ. Введеніе феодальнаго права обратило въ рабство побѣжденныхъ. Побѣдители вполнѣ

овладѣли и землею и людьми на ней жившими. Въ Россіи феодальнаго права никогда не существовало, потому что не было завоеванія. Напротивъ Русскій народъ самъ свергъ съ себя иго завоевателей-Татаръ и, — что особенно непостижимо, — покоренные Магометане и въ послѣдствіи разные Чухонцы и Латыши, всѣ вошли въ ряды людей свободныхъ, между тѣмъ какъ православные русскіе крестьяне или, — какъ называли ихъ Татары, — Христіяне, содѣлались жертвою крѣпостнаго права!

Впрочемъ не слѣдуетъ забывать, что если съ одной стороны помѣщикъ уступаетъ $^1/_3$ земли своей, то съ другой онъ пріобрѣтаетъ извѣстныя выгоды. Въ теперешнемъ положеніи вещей помѣщикъ не можетъ сгонять крестьянъ съ земли своей; онъ отвѣтствуетъ за исправный платежъ налоговъ; онъ обязанъ кормить крестьянъ во время голода, строить имъ избы, когда онѣ горятъ и пр. и пр. Отъ всѣхъ сихъ обязанностей помѣщики вполнѣ освободятся со введенія новаго порядка вещей.

Изложивъ такимъ образомъ мысль нашу о способѣ освобожденія, который представляетъ наименѣе затрудненій и неудобствъ въ исполненіи, мы обратимся еще разъ къ тому самому основательному возраженію, которое мо-

жетъ быть сдѣлано противъ сего способа, и именно, что одной трети земли для крестьянина недостаточно.

Мы изъяснили выше причины побудившія насъ остановиться на сей мѣрѣ надѣленія. Здѣсь мы скажемъ, что можетъ быть и сами крестьяне найдутъ такое надѣленіе недостаточнымъ. Но мы увѣрены, что если освобожденіе будетъ полное, настоящее, если крестьяне найдутъ и почувствуютъ, что они дѣйствительно сдѣлались людьми вольными, что плодъ труда ихъ будетъ принадлежать исключительно имъ самимъ и что они будутъ въ правѣ располагать имъ по своему благоусмотрѣнію; если свобода работы и промышлености и для нихъ будетъ открыта; если право и возможность искать работы и промысла вездѣ безпрепятственно и имъ будутъ предоставлены; если наконецъ они получатъ право пріобрѣтать независимую земельную собственность на собственное свое имя; мы увѣрены, что при такихъ условіяхъ освобожденія, освобождаемые вообще удовольствуются малымъ пространствомъ земли имъ предоставляемой и примутъ благій даръ съ признательностію.

Конечно, если, кромѣ столь малаго надѣленія землею, освобожденіе крестьянъ будетъ соединено съ различными постановленіями, стѣснительными для ихъ дѣятельности, если они будутъ принуждены, за пользованіе помѣщичьею землею въ бо́льшихъ размѣрахъ, платить помѣщику работою, т. е. скажемъ просто: исправлять барщину; если всякое дѣйствіе, въ управленіи сельскаго общества, будетъ подвержено усмотрѣнію и разрѣшенію помѣщика; если наконецъ полицейская власть сего послѣдняго будетъ

простираться до розогъ; то при такихъ условіяхъ надѣленіе крестьянъ одною третью земли въ ихъ особенное владѣніе, останется тщетнымъ: крестьяне не поймутъ такой мѣры освобожденія съ барщиною и съ розгами и по тому самому не могутъ остаться довольными.

IV.

Между справедливыми правами вольнаго крестьянина мы упомянули о правѣ пріобрѣтать недвижимую собственность, землю. Это приводитъ насъ къ слѣдующимъ соображеніямъ:

Крестьяне, въ Россіи, пользуются и владѣютъ землею не каждый лично, но цѣлымъ обществомъ, которое распоряжаетъ всею принадлежащею къ обществу землею.

О началѣ общинности, на коемъ основывается въ Россіи сельское устройство, всегда и особенно въ послѣднія времена было много разсуждаемо. Мы ни мало не намѣрены входить ни въ какую полемику по сему предмету, почитая сей вопросъ, въ теперешнюю минуту, преждевременнымъ. Вполнѣ соглашаясь въ томъ, что такое общинное владѣніе составляетъ непреодолимую преграду къ усовершенствованію земледѣлія, признавая, что вездѣ образованіе крѣпкаго, независимаго и благоденствующаго состоянія земледѣльческаго основывалось и основывается на личной поземельной собственности крестьянъ; мы находимъ однако же, что общинный бытъ имѣлъ свои выгоды,

выгоды не матеріальныя, но не менѣе того заслуживающія уваженія. Что̀ сталось бы съ бѣднымъ русскимъ мужикомъ, еслибъ въ селеніяхъ не существовало мірскихъ сходокъ, на коихъ онъ можетъ такъ или сякъ толковать, разсуждать, кое-что, хотя весьма немногое, рѣшить, опредѣлить? Мы увѣрены, что тѣ особенныя качества, коими отличается русскій крестьянинъ: его здравый смыслъ, его смѣтливость, его внезапное искусство преодолѣвать встрѣчающіяся затрудненія, имѣютъ, въ сильной степени, источникомъ этотъ общинный бытъ, въ которомъ онъ жилъ не смотря на рабство. Сія-то жизнь общинная сохранила въ немъ тѣ нравственныя способности, кои онъ неминуемо утратилъ бы въ своемъ беззащитномъ, безотвѣтномъ положеніи, еслибъ онъ былъ разъединенъ съ своими собратіями и принужденъ, отдѣленный отъ другихъ, только молчать и повиноваться въ своемъ одиночествѣ.

Какъ бы то ни было: общинное устройство существуетъ и основывается теперь на обычаѣ, на привычкѣ. Мы должны принять его какъ дѣйствительный фактъ, коего теперь никто вдругъ измѣнить не можетъ. Но кромѣ сего мы находимъ, что общинное устройство селеній можетъ, въ сильной степени, облегчить, ускорить освобожденіе крестьянъ, именно тѣмъ, что всѣ мѣры, которыя будутъ предприняты по сему предмету, могутъ и должны быть прилагаемы не къ лицамъ, какъ сіе происходило во всѣхъ другихъ земляхъ, но къ цѣлымъ селеніямъ, къ сельскимъ обществамъ.

И такъ мы полагаемъ, что общинный порядокъ дол-

женъ теперь остаться неприкосновеннымъ, ненарушеннымъ. Мы думаемъ даже, что на первое время по освобожденіи крестьянъ, необходимо укрѣпить сей порядокъ вещей, дать ему бо̀льшее развитіе, но развитіе соотвѣтственное прежнему духу общиннаго устройства, дабы чрезъ то, по возможности, сосредоточить и управленіе и даже до извѣстной степени судъ и расправу въ самихъ обществахъ, не обременяя сими дѣлами высшаго начальства.

Но изъ сего не слѣдуетъ, что мы желаемъ сохранить навсегда сей порядокъ вещей, съ отстраненіемъ всякаго инаго устройства и именно съ отстраненіемъ начала отдѣльной, независимой, личной поземельной собственности для крестьянъ. Нѣтъ, конечно. Мы, напротивъ того, полагаемъ, что такое дробное, личное владѣніе землею должно быть всячески покровительствуемо закономъ.

Не говоря о крестьянахъ, такіе мѣлкіе владѣльцы земли явятся уже сами собою, когда право владѣнія землею, съ освобожденіемъ, будетъ открыто для всѣхъ состояній. Нельзя не желать, чтобы ихъ явилось сколь возможно болѣе. Справедливость присовѣтуетъ, можетъ быть, включить въ сей классъ независимыхъ землевладѣльцевъ тѣхъ изъ однодворцевъ, кои сего пожелаютъ.

Мы скажемъ болѣе: что же можетъ помѣшать дозволить и крестьянамъ вообще, какъ освобожденнымъ, такъ и казеннымъ, вступать въ сей классъ независимыхъ землевладѣльцевъ? Можно, кажется, даже

допустить, чтобы крестьянинъ, оставаясь членомъ своего сельскаго общества, могъ пріобрѣтать землю на свое имя независимо отъ общества и такимъ образомъ вступать въ сей классъ, продолжая, если онъ того желаетъ, принадлежать къ своему обществу.

Можетъ быть въ послѣдствіи признано будетъ, покрайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, полезнымъ положить конецъ общинному владѣнію, раздѣливъ землю между наличными хозяевами. Сіе необходимо должно быть предоставлено будущимъ временамъ.

Говоря о надѣленіи крестьянъ $^1/_3$ земли мы не упоминаемъ о крестьянскихъ усадьбахъ, потому что этотъ вопросъ былъ уже рѣшенъ правительствомъ. Усадьбы, по сему рѣшенію, должны быть выкуплены крестьянами. Относительно сего вопроса усадьбъ мы замѣтимъ только, что въ нѣкоторыхъ малоземельныхъ мѣстностяхъ помѣщики могутъ найти для себя выгоднымъ включить усадебную землю въ надѣленіе одною третью, которая будетъ отведена крестьянамъ. Такое изчисленіе крестьянской трети со включеніемъ земли усадебной должно, по нашему мнѣнію, быть допущено, разумѣется, безъ всякаго возмездія или выкупа со стороны крестьянъ за усадьбы.

Оканчивая здѣсь соображенія наши по предмету освобожденія, мы не можемъ не обратить вниманія всѣхъ людей мыслящихъ на то правильное, стройное, величественное положеніе, въ которое Россія, любезное наше отечество, будетъ поставлена симъ преобразованіемъ. Увеличеніе силъ государственныхъ, силъ народныхъ, обиліе государственныхъ доходовъ, приращеніе богатствъ

народныхъ, все сіе неминуемо совершится по непреложнымъ законамъ событій въ жизни народовъ, по коимъ извѣстныя причины всегда имѣютъ свои извѣстныя послѣдствія. Мы укажемъ также на впечатлѣнія, которыя должно произвести сіе преобразованіе на весь образованный міръ и особенно на этотъ міръ Славянскій, который живетъ одною вѣрою съ Россіею, однѣми надеждами и упованіями!

V.

Теперь мы постараемся въ краткихъ словахъ изложить перечень всѣхъ вышеизъясненныхъ предположеній:

I.

Существовавшія доселѣ отношенія между помѣщиками и крѣпостными крестьянами, измѣняются на слѣдующихъ основаніяхъ:

§ 1. Помѣщики могутъ заключать съ крестьянами всякаго рода сдѣлки и условія объ устроеніи и опредѣленіи впредь взаимныхъ между ними отношеній, о надѣленіи крестьянъ землею, объ уплатѣ со стороны сихъ послѣднихъ выкупной суммы и т. п.

Такъ какъ между таковыми условіями нѣкоторыя могутъ касаться до перевода долга на крестьянъ зало-

женныхъ въ Опекунскихъ Совѣтахъ имѣній; то для сего правительство не замедлитъ издать особое положеніе дозволяющее симъ Совѣтамъ совершать такіе переводы долга.

§ 2. Для совершенія и представленія правительству на утвержденіе добровольныхъ договоровъ между помѣщиками и крестьянами, полагается срокомъ 1 годъ, считая со дня обнародованія сего постановленія.

§ 3. По истеченіи сего срока всѣ тѣ имѣнія, по коимъ никакихъ сдѣлокъ и договоровъ не воспослѣдовало, будутъ подлежать нижеслѣдующему правилу и разпредѣленію:

§ 4. Во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ безъ изключенія одна треть всей помѣщичьей земли, кромѣ лѣсовъ, должна быть отведена во владѣніе сельскаго общества.

§ 5. Сія треть ни въ какомъ случаѣ не должна превышать количества 3хъ десятинъ на тягло (или $1^1/_5$ на ревижскую душу).

§ 6. Тамъ гдѣ не существуетъ сельскихъ обществъ, отводимая одна треть земли будетъ предоставлена во владѣніе или въ пользованіе бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ мѣстности.

Правительство издастъ особыя правила касательно владѣнія или пользованія такою общественною землею, или раздѣла оной между крестьянами.

§ 7. Отводъ земли въ общинное владѣніе крестьянъ долженъ быть произведенъ распоряженіями и чиновниками со стороны правительства, безъ участія крестьянъ.

§ 8. Постановленія правительства о крестьянскихъ усадьбахъ въ полной мѣрѣ сохраняютъ свою силу и дѣйствіе.

§ 9. Земля, находящаяся подъ усадьбами можетъ быть, по желанію помѣщика, включена въ количество одной трети земли отводимой крестьянамъ, съ тѣмъ чтобы въ такомъ случаѣ крестьяне не были обязаны къ заплатѣ выкупной суммы за усадьбы.

§ 10. Для отвода $^1/_3$ земли помѣщичьей во владѣніе сельскихъ обществъ, постановляется срокомъ 1 годъ.

§ 11. По прошествіи двухъ лѣтъ, со дня обнародованія сего постановленія, крѣпостное право помѣщиковъ въ отношеніи крестьянъ, прекращается.

§ 12. По прекращеніи крѣпостнаго права, крестьяне будутъ подлежать исключительно общимъ государственнымъ законамъ и особымъ уставамъ и учрежденіямъ, кои будутъ по сему предмету изданы правительствомъ.

Прибавленіе.

§ 13. Одна треть долговъ, лежащая на помѣщичьихъ имѣніяхъ заложенныхъ въ Опекунскихъ совѣтахъ, принимается на счетъ казны, по тѣмъ самымъ разсчетамъ, кои наблюдаются при залогѣ таковыхъ имѣній.

§ 14. Соотвѣтственная сей трети долговъ принимаемыхъ на счетъ казны сумма и по тѣмъ же самымъ разсчетамъ, будетъ выплачена правительствомъ чистыми деньгами и единовременно, тѣмъ помѣщикамъ, коихъ имѣнія не заложены въ Опекунскихъ Совѣтахъ.

§ 15. 25 мил. руб. сер. предназначаются для вспо-

моществованія тѣмъ изъ мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ, въ имѣніи коихъ встрѣтятся особенныя затрудненія при исполненіи предписываемой мѣры.

Въ такихъ случаяхъ надлежитъ оставить крестьянъ во владѣніи предназначаемой имъ земли, заплативъ помѣщику за остальную землю и причисливъ оную къ казенному вѣдомству.

§ 16. Всѣ сіи суммы, какъ принимаемыя правительствомъ на свой счетъ, такъ и уплачиваемыя чистыми деньгами помѣщикамъ, за $^1/_3$ отходящей изъ ихъ владѣнія земли, и наконецъ сумма, для вспомоществованія мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ предназначаемая, не должны ни въ какомъ случаѣ превосходить 300 мил. руб. сер. *)

Продолженіе.

§. 17. По введеніи новаго устройства помѣщики совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ освобождаются отъ всякаго рода лежащихъ на нихъ обязанностей относительно крестьянъ, по предметамъ платежа государственныхъ налоговъ и податей, исполненія различныхъ повинностей, продовольствія крестьянъ и пр. и пр.

§ 18. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права дворовые люди, приписанные къ селеніямъ, могутъ, если по-

---

*) Половина помѣщичьихъ имѣній заложена въ опекунскихъ совѣтахъ за сумму простирающуюся до 390 или 395 мил. руб. сер.

Такимъ образомъ казна приметъ на себя .	132	„
Подобную сумму казна выплатитъ помѣщикамъ, коихъ имѣнія не заложены . . .	132	„
Пособія для мѣлкопомѣстныхъ помѣщиковъ	25	„
И того	289	мил. руб. сер.

желаютъ, войти въ сельское общество и пользоваться правами и исполнять обязанности наравнѣ съ другими членами сельскаго общества.

Дворовые люди приписанные къ домамъ, равно какъ и тѣ, кои не войдутъ въ составъ сельскихъ обществъ, должны избрать родъ жизни приписку къ городамъ, вступленіемъ въ мѣщанскія общества и т. п.

Дворовые люди, не вступившіе въ составъ сельскаго общества въ продолженіе одного года, остаются навсегда отдѣленными отъ сего общества.

ВОПРОСЪ УПРАВЛЕНІЯ.

I.

Предпринимая какое бы то ни было дѣло, надлежитъ прежде всего дать самому себѣ отчетъ что̀ мы намѣреваемся совершить, къ чему мы стремимся. Всякое дѣйствіе должно имѣть свою цѣль. Если предпріятіе такого рода, что оно не должно имѣть никакой опредѣленной цѣли, такъ, на примѣръ, когда кто нибудь приступаетъ къ занятію, какъ говорится, только для препровожденія времени, когда кто либо пускается въ путешествіе только для разсѣянія; то въ сихъ случаяхъ самое безцѣліе дѣлается уже цѣлію предпріятія. Къ сему мы присовокупимъ, что чѣмъ предпріятіе важнѣе, тѣмъ опредѣлительнѣе должна быть цѣль, къ коей оно стремится.

То̀ что мы здѣсь говоримъ есть неопровергаемая истина, трюизмъ, какъ говорятъ Англичане. Между тѣмъ мы безпрестанно видимъ, что люди, въ дѣйствіяхъ своихъ, ни мало не соображаются съ простымъ правиломъ, на такой истинѣ основанным.

Что можетъ быть важнѣе, для Россіи, какъ дѣло освобожденія крестьянъ, улучшенія ихъ быта? Въ семъ вопросѣ, болѣе нежели гдѣ либо, необходимо дать себѣ

точный отчетъ въ томъ, чего мы хотимъ, къ чему мы стремимся, и, опредѣливъ такимъ образомъ цѣль, итти къ ней прямо, неуклонно, совѣстно, по широкому пути здраваго смысла, справедливости, нравственности, не теряясь въ какихъ-то мѣлкихъ, побочныхъ тропинкахъ, изъ коихъ исходъ не вѣренъ и кои могутъ привести насъ къ цѣли совершенно противной.

Къ сожалѣнію, мы неоднократно могли убѣдиться, что правило сіе мало наблюдается, и что различныя предположенія по предмету освобожденія часто отступаютъ отъ цѣли, къ коей опѣ должны стремиться. Таковыя отступленія еще болѣе ощутительны въ тѣхъ предположеніяхъ, кои имѣютъ въ виду образовать будущее устройство, будущее управленіе крестьянъ освобожденныхъ. Въ общихъ постановленіяхъ, въ общихъ изложеніяхъ началъ освобожденія, слова могутъ еще соотвѣтствовать тому предназначенію, которое приписывалъ имъ этотъ старый грѣшникъ Талейранъ *); но въ постановленіяхъ объ управленіи крестьянъ, требуется болѣе опредѣленности, такъ какъ тутъ вмѣсто общихъ разглагольствованій, надлежитъ ясно высказать что и какъ слѣдуетъ сдѣлать, какъ поступить въ такомъ или въ такомъ случаѣ. Дабы показать до какой степени, въ приложеніи началъ освобожденія или улучшенія быта, иныя предположенія отступаютъ отъ провозглашенной цѣли, мы напомнимъ, что нѣкоторыя изъ сихъ предположеній даютъ помѣщику право сѣчь вольныхъ людей безъ суда, по произволу; я читалъ даже въ одномъ проэктѣ, что сельскій судъ долженъ имѣть право

*) La parole nous a été donnée pour cacher notre pensée.

сѣчь крестьянъ когда они подаютъ недѣльныя, ябедническія жалобы: за подачу въ судъ недѣльной просьбы — 20 ударовъ розгами. Вотъ улучшеніе быта!

Но, отстраняя сіи крайности, мы укажемъ на множество такихъ разсужденій и предположеній, кои ясно показываютъ, что цѣль, которую всѣ принимаютъ, не выработалась достаточнымъ образомъ въ умѣ многихъ, т. е. что они приступаютъ къ дѣлу, не зная ясно чего они хотятъ, не давая самимъ себѣ отчета въ томъ что они предпринимаютъ. Такъ, на примѣръ, одинъ весьма умный человѣкъ, весьма благонамѣренный и доказавшій благороднымъ дѣйствіемъ свою благонамѣренность по сему вопросу, между прочимъ говорилъ инѣ: „русскій мужикъ не можетъ обойтись безъ нѣкотораго понужденія, и потому необходимо дать помѣщику власть принуждать его къ работѣ.“ Не останавливаясь на семъ столь обвыкновенномъ, пошломъ разсужденіи: „съ русскимъ народомъ нельзя безъ..... и пр. и пр. и пр.“ я спрашиваю: но о чемъ дѣло? о свободѣ или о неволѣ? чего вы хотите? освобожденія, улучшенія быта, или принужденія, по прежнему или не по прежнему, но все таки принужденія, слѣдственно произвола съ одной стороны и безотвѣтной покорности съ другой?

Въ журналѣ „Le Nord“ (22. Іюня 1858) помѣщены два проэкта объ управленіи крестьянъ, кои, въ самомъ разительномъ видѣ, оправдываютъ слова наши; и такъ какъ сопровождающія сіи проэты замѣчанія корреспондента сего журнала изъясняютъ мысль нашу гораздо лучше нежели какъ мы сами могли бы это сдѣ-

лать, то мы не будемъ далѣе распространяться здѣсь о семъ предметѣ.

И такъ признавъ, въ вопросѣ улучшенія быта крестьянъ, т. е. въ вопросѣ ихъ освобожденія, цѣлію не что иное какъ улучшеніе и освобожденіе, мы должны, въ вопросѣ управленія крестьянами, такъ сказать, осуществить цѣль сію.

Улучшить безъ освобожденія невозможно. И такъ мы будемъ держаться сего послѣдняго выраженія.

Такъ точно какъ улучшеніе быта крестьянскаго отразится въ ихъ освобожденіи отъ крѣпостнаго права, такъ равно и начало сего самаго освобожденія должно необходимо отразиться въ полной независимости крестьянъ отъ произвола помѣщика. Средины тутъ быть не можетъ. Или свобода, или неволя. Нельзя, какъ говоритъ пословица, держать двери въ одно время и открытою и затворенною.

Свобода выражается и доказывается ни чѣмъ инымъ какъ независимостію, самобытностію. Вольный крестьянинъ долженъ быть независимъ отъ бывшаго своего помѣщика. Это указываетъ намъ на необходимость отстранить, по возможности, всѣ столкновенія между помѣщикомъ и крестьяниномъ и отдѣлить ихъ одного отъ другаго во всѣхъ отношеніяхъ гражданской жизни. Никакой произволъ не долженъ имѣть мѣста въ сихъ отношеніяхъ, кои должны быть опредѣляемы единственно правиломъ закона и обоюднаго согласія.

Намъ часто указываютъ на пользу и выгоду такихъ взаимныхъ отношеній между крестьянами и помѣщиками, кои, основываясь на нѣкоторыхъ особенныхъ правахъ

симъ послѣднимъ присвоенныхъ, выражаются въ нѣкоторомъ покровительствѣ, патронатствѣ сильнаю надъ слабымъ, просвѣщеннаго надъ непросвѣщеннымъ, богатаго надъ убогимъ. Мы ни мало не отрицаемъ пользы и выгодъ отъ такихъ отношеній произойти могущихъ. Мы настоимъ только на томъ, что подобныя отношенія, дабы быть истинно полезными, должны образовываться сами собою, силою вещей и обстоятельствъ. Закономъ такихъ благодѣтельныхъ отношеній установить невозможно. Совсѣмъ напротивъ: всякая попытка учредить такія отношенія закономъ только затруднитъ непринужденное, естественное ихъ появленіе и развитіе, и если гдѣ и права и выгодныя отношенія существуютъ въ одно и то же время, то это не значитъ, что послѣднія происходятъ отъ первыхъ.

Скажутъ, что во многихъ земляхъ гдѣ узы подданства уже не тяготили надъ крестьяниномъ, помѣщикъ пользовался однакоже нѣкоторыми правами въ управленіи и въ судопроизводствѣ (Patrimonial-Gerichtsbarkeit). Такъ, конечно. Но мы замѣтимъ, что права сіи существовали тогда когда крестьяне не были еще вполнѣ освобождены отъ работъ и повинностей на помѣщика. Сверхъ сего въ чемъ состояло главнѣйшее изъ правъ сихъ, право судное? Въ представленіи правительству на утвержденіе судьи, который долженъ былъ рѣшать дѣла крестьянскія. Помѣщикъ не могъ судить крестьянъ и дѣлъ между ними возникавшихъ, еще менѣе дѣлъ между крестьянами и имъ самимъ. Впрочемъ всѣ сіи патримоніальныя права сами собою изчезали вмѣстѣ съ полнымъ освобожденіемъ крестьянъ отъ работъ и повинностей на помѣщика. Напомнимъ

также, что если тамъ дѣло шло о власти судебной, у насъ оно идетъ о произволѣ; если тамъ настояли на привиллегіяхъ судьи, у насъ настоятъ на привиллегіяхъ становаго экзекутора, если не на привиллегіяхъ палача!

Мы не можемъ здѣсь не замѣтить, что многое неловкое и недостойное въ предположеніяхъ и проэктахъ, и именно сіе предоставленіе помѣщику права наказывать вольныхъ крестьянъ, очевидно заимствовано изъ учрежденій Ост-Зейскихъ губерній. По нашему мнѣнію нельзя избрать болѣе печальнаго, болѣе пагубнаго примѣра, какъ сіи учрежденія. Не должно забывать, что въ сихъ губерніяхъ крѣпостное право возникло отъ завоеванія. Иноземные, иноплеменные завоеватели основали, въ покоренной ими землѣ, феодальное право и притомъ въ самомъ грубомъ, въ самомъ жестокомъ видѣ. Не было и не могло быть тамъ никакого сочувствія между властителями и покоренными. Когда наконецъ дѣло дошло до освобожденія крестьянъ, то оказалось, что прежній феодальный произволъ, прежняя феодальная неволя, не могли не отразиться въ новыхъ учрежденіяхъ, тѣмъ болѣе, что въ составленіи сихъ учрежденій участвовали наиболѣе сами помѣщики. Конечно образованность и просвѣщеніе высшаго класса въ сихъ губерніяхъ привело ихъ къ сознанію неоспоримой уродливости существовавшаго порядка и сіе сознаніе заставило многихъ изъ помѣщиковъ искать улучшенія и даже обращаться для сего къ правительству. Но дѣйствіе сей образованности и сего просвѣщенія останавливается, такъ сказать, на семъ желаніи устранить существующее, на сей иниціативѣ. Въ водво-

реніи новаго порядка, просвѣщеніе и образованность подчинились, по обыкновенному вліянію страстей человѣческихъ, грубому, слѣпому чувству личныхъ выгодъ, собственаго интереса.

Сколь ни желательно было бы сохранить тѣ патріархальныя отношенія, кои могутъ теперь существовать, въ хорошо устроенныхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, между крестьянами и здравомыслящими, добросовѣстными владѣльцами; но мы повторимъ, что сохраненіе, продолженіе такихъ отношеній внѣ власти законодателя: онѣ могутъ сохраниться только сами собою, по благорасположенію помѣщиковъ къ крестьянамъ и по довѣренности, уваженію, признательности крестьянъ къ помѣщикамъ. Законы гражданскіе имѣютъ свои предѣлы: направляя и опредѣляя отношенія матеріальныя, они предоставляютъ другимъ законамъ, законамъ нравственнымъ, духовнымъ, направленіе чувствъ и мнѣній. Всякого рода такія права, выходящія изъ предѣловъ общаго гражданскаго закона, всегда будутъ соединены съ произволомъ. Какъ ни разсуждайте, чего ни придумывайте, вы никогда не найдете такого учрежденія, по коему помѣщикъ могъ бы только дѣйствовать къ общей пользѣ своей и крестьянъ. Конечно полная, закономъ провозглашенная независимость крестьянина, можетъ имѣть нѣкоторыя неудобства для помѣщика. Но и здѣсь изъ двухъ золъ: произвольная власть надъ человѣкомъ вольнымъ и неудобство для человѣка на высшей степени въ гражданской жизни стоящаго и имѣющаго несравненно болѣе средствъ защищать самого себя, изъ сихъ двухъ послѣднее зло есть меньшее и потому слѣдуетъ избрать его.

Такимъ образомъ крестьяне должны быть отдѣлены отъ помѣщиковъ и поставлены въ совершенно независимое положеніе отъ нихъ *).

Все что можно предоставить помѣщику должно ограничиваться правомъ арестовать крестьянина и представить его немедленно въ сельскій судъ.

Намъ кажется, что помѣщики желающіе сохранить болѣе вліянія на крестьянъ, болѣе правъ на ихъ личность, не отдаютъ сами себѣ надлежащаго отчета въ томъ чего они желаютъ. Сношеніе съ человѣкомъ вполнѣ вольнымъ несравненно легче нежели съ человѣкомъ полу-вольнымъ. Въ первомъ случаѣ могутъ развиться взаимныя отношенія на общихъ выгодахъ основанныя и поддерживаемыя благоволеніемъ однихъ и признательностію другихъ. Въ послѣднемъ, сношенія будучи болѣе или менѣе принужденныя, могутъ обратиться въ настоящія столкновенія, кои обѣимъ сторонамъ ничего кромѣ вреда принести не могутъ. Конечно, на первое время, помѣщику покажется страннымъ, непріятнымъ видѣть подлѣ господскаго дома

*) L'opinion de beaucoup de Gouvernements provinciaux est qu'il faudrait procéder immédiatement à la séparation complète des deux classes sans passer par la periode transitoire. Cette opinion deviendra générale sans aucun doute, plus encore lorsque les rapports obligatoires des paysans envers les propriétaires seront fixés par le nouveau règlement. Des tiraillements continuels, des mécontentements des deux parts, des altercations incessantes commençeront dès que la loi aura cru avoir tout fait pour les prévenir; et les efforts des tribunaux s'épuiseront dans des procédures infinies, fruit d'une demi-liberté qui n'aura satisfait personne.

Сіи замѣчательныя слова мы читаемъ въ одной изъ статей помѣщенныхъ въ журналѣ „Le Nord“ 13—18 Августа 1858. Свѣтлая мысль, честное, прямое слово, широкій взглядъ на важный вопросъ освобожденія, суть отличительныя черты сихъ статей.

избы вольныхъ крестьянъ. Но мало по малу всѣ къ тому привыкнутъ, тѣмъ скорѣе что привыкать къ доброму, къ справедливому гораздо легче нежели къ дурному и несправедливому. Посмотрите на эти замки, кои вездѣ встрѣчаются во Франціи, окруженные избушками независимыхъ крестьянъ. Прежде въ сихъ замкахъ жили землевладѣльцы съ феодальнымъ правомъ на своихъ сосѣдей. Теперь обитатели замковъ подлежатъ однимъ законамъ съ обитателями избушекъ; права и обязанности и тѣхъ и другихъ одинаковы. Между тѣмъ вы найдете, что вездѣ мѣлкіе владѣльцы уважаютъ владѣльца замка, часто любятъ и уважаютъ, потому что всякій владѣлецъ замка имѣетъ тысячу средствъ и случаевъ быть полезнымъ для своихъ сосѣдей, случаевъ, въ коихъ пожертвованіе богатаго ничтожно, между тѣмъ какъ одолженіе для бѣднаго существенно.

Смотря на эту сельскую жизнь французскихъ помѣщиковъ, видя ихъ мирныя, такъ сказать дружелюбныя, часто симпатическія отношенія къ мѣлкимъ владѣльцамъ, я воображалъ себѣ самаго хорошаго русскаго помѣщика посреди окружающихъ его крѣпостныхъ крестьянъ, и никогда не могъ понять какъ можно предпочесть положеніе послѣдняго положенію первыхъ.

Пусть каждый добрый русскій помѣщикъ положивъ руку на сердце, спроситъ самъ себя: перестанутъ ли любить меня крестьяне, сдѣлавшись вольными? Нѣтъ, нѣтъ; эти крестьяне будутъ по прежнему приходить на барскій дворъ и за совѣтомъ и за снадобьицемъ и за всѣми сими мѣлкими одолженіями, кои теперь хорошіе помѣщики расточаютъ для крестьянъ своихъ.

Мы впрочемъ увѣрены, что наши помѣщики привыкнутъ со временемъ, такъ какъ привыкли французскіе помѣщики, жить посреди крестьянъ въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ. Теперь во Франціи самые значительные землевладѣльцы въ каждой коммунѣ занимаютъ обыкновенно мѣста меровъ, по избранію сосѣдей своихъ. Часто дѣла исправляются товарищемъ мера и самъ меръ имѣетъ только почести своего званія. Мы находимъ, въ числѣ сельскихъ меровъ, членовъ первыхъ фамилій, какъ старой такъ и новой аристократіи. Можемъ ли мы не ожидать чего нибудь подобнаго отъ здраваго смысла и отъ возвышенности чувствъ русскаго дворянства? тѣмъ болѣе, что во Франціи новый порядокъ водворился революціею и насиліемъ; у насъ же, напротивъ того, этотъ порядокъ установляется благимъ и народолюбивымъ Царемъ.

Поставивъ крестьянъ въ независимое вполнѣ положеніе отъ помѣщиковъ, можетъ быть, на первыя времена полезно будетъ предписать, чтобы всѣ взаимныя сношенія помѣщиковъ и крестьянъ совершались посредствомъ и именемъ всего сельскаго общества. Такъ, напримѣръ, если помѣщикъ пожелаетъ отдать въ наемъ свою землю, то онъ долженъ условиться о семъ съ обществомъ; если даже помѣщикъ отдаетъ въ наемъ землю кому либо изъ крестьянъ лично, то и тогда можно обязать общество отвѣтственностію за одного изъ его членовъ. Въ наймѣ помѣщикомъ работниковъ для обработыванія земли своей, такое участіе или вмѣшательство общества невозможно.

Но вмѣшательство общества въ отношенія между по-

мѣщикомъ и крестьянами лично, въ отдѣльности, не можетъ быть поставлено правиломъ на всегда. Мало по малу всѣ сіи отношенія должны войти въ предѣлы тѣхъ законныхъ правилъ, кои существуютъ для взаимныхъ отношеній всѣхъ жителей въ государствѣ.

Здѣсь мы почитаемъ нужнымъ настоять на безусловномъ запрещеніи всякаго рода платежа со стороны крестьянъ работою. Польза такаго запрещенія признается нѣкоторыми русскими помѣщиками. Плата трудомъ или работою не есть зло само по себѣ; но это слишкомъ похоже на другое, настоящее зло, на барщину. Допустивъ копію, вы отворите дверь и для оригинала. При такой работѣ, произволъ неизбѣженъ; одинъ необходимый надзоръ уже дѣлаетъ сіе средство уплаты весьма неудобнымъ. Если крестьянинъ не можетъ платить деньгами, то ничто не мѣшаетъ ему платить произведеніями земли, продуктами.

Для окончательнаго поясненія сего вопроса полной независимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, посмотримъ въ какомъ положеніи будетъ находиться сельское народонаселеніе при такомъ устройствѣ, въ коемъ полицейская власть будетъ принадлежать помѣщику, когда старосты и судьи сельскіе, когда всѣ мірскіе приговоры будутъ утверждаемы помѣщикомъ. Тогда власть помѣщика будетъ обширна, не такова однакоже какова была прежде; сущность прежней его власти конечно сохранится въ сильной степени, но того полнаго, безотвѣтственнаго произвола, который существовалъ прежде, не будетъ. Въ такомъ положеніи вещей помѣщикъ принужденъ будетъ,

для исполненія своихъ желаній, прибѣгать къ различнымъ формамъ, къ различнымъ уловкамъ и натяжкамъ, и тѣмъ самымъ, мало по малу, онъ утратитъ то сочувствіе, которое онъ, въ собственныхъ своихъ выгодахъ, имѣлъ прежде ко благу селенія. Прежній произволъ порождалъ нѣкоторую нравственную отвѣтственность въ совѣсти помѣщика. Теперь сіе чувство отвѣтственности изчезнетъ. Тайны сердца человѣческаго неисповѣдимы: можетъ случиться, что въ нестройности, въ неудачѣ новаго порядка вещей, иный помѣщикъ найдетъ оправданіе прежняго произвола и указывая на неудавшуюся перемѣну, будетъ превозносить выгоды прежнихъ установленій. Наконецъ замѣтимъ, что сіи огромныя привиллегіи предоставляются и управителямъ въ отсутствіе помѣщиковъ. Извѣстно что́ такое управители!

Взглянемъ, съ другой стороны, на крестьянъ, на сельское общество при подобномъ устройствѣ. Это общество не будетъ имѣть никакой самостоятельности. Староста будетъ человѣкомъ не общества, а помѣщика. Какую отвѣтственность можетъ законъ возложить на такого старосту, дѣйствія коего зависятъ не отъ него, а отъ помѣщика? А безъ отвѣтственности, какой успѣхъ можетъ быть въ управленіи? Совѣщанія на мірской сходкѣ будутъ происходить въ томъ же видѣ, въ какомъ происходили до селѣ, ибо сіи совѣщанія будутъ подлежать утвержденію помѣщика. Однимъ словомъ: жизни въ такихъ обществахъ не будетъ. Чего же можно ожидать отъ такого устройства? Силы народа, нравственныя и физическія, будутъ парализированы въ самомъ основаніи,

и селенія русскія будутъ, по прежнему, имѣть видъ той обычной закоснѣлости и того унынія, изъ коего, вѣроятно, желали изторгнуть ихъ новымъ преобразованіемъ. Будетъ новое погребеніе. Воскресенія мы тутъ не видимъ..... Развѣ не довольно, въ русской исторіи, одного Юрьева дня?

А когда правительство вздумаетъ приступить къ окончательному, стройному образованію управленія государственнаго, тдѣ оно будетъ искать основаній для сего образованія? Очевидно, что сіи основанія могутъ быть обрѣтены исключительно въ сельскомъ устройствѣ. Но тщетно будетъ искать сего въ безжизненной, лишенной всякой самостоятельности, слабой въ образованіи, еще болѣе слабой въ дѣйствіи, сельской общинѣ. Это найдется только въ общинѣ живущей собственною своею жизнію, дѣйствующей своимъ смысломъ и своею силою.

Если есть что нибудь яснаго, твердаго, положительнаго въ русскомъ быту, въ русской жизни, то это сіе сельское устройство, русская община, о которой можно много разглагольствовать, которую можно находить и вредною и безтолковою, но которая не менѣе того существуетъ на самомъ дѣлѣ, и существуетъ собственною своей силою, существуетъ такъ ясно и твердо, какъ не существуетъ никакое иное государственное учрежденіе.

И сію-то общину сельскую, сіе-то единственное учрежденіе, въ коемъ отражается истинный смыслъ, истинная сила, истинная форма русской жизни, сіе-то широкое, твердое основаніе всякаго здраваго гражданскаго устройства въ Россіи, вы хотите разрушить, уничтожить или по крайней мѣрѣ ослабить до безконечности, и все это чѣмъ

вы замѣняете? По сію пору мы ничего не видимъ, кромѣ полицейской, правительственной и судебной власти присвояемой помѣщику, которая должна занять мѣсто сельской общины. Эта сельская община пережила вѣковое закрѣпощеніе крестьянъ, и пережила единственно потому что ею мало занимался законодатель. Сила вещей и обстоятельствъ, такъ сказать, взяла свое, не находя прямыхъ препятствій въ дѣйствіи своемъ. Не знаемъ устоитъ ли община противъ законныхъ предписаній и учрежденій, кои ясно, опредѣлительно подрываютъ ее въ самыхъ основаніяхъ.

II.

Изъяснивъ мысль нашу о необходимости полнаго отдѣленія крестьянъ отъ помѣщиковъ, мы приступимъ теперь къ дальнѣйшимъ соображеніямъ объ управленіи ихъ.

Здѣсь въ самомъ началѣ мы находимъ сельское общество. Сущность общиннаго устройства въ Россіи, утвержденнаго вѣками, состоитъ въ общинномъ владѣніи землею и въ общинномъ рѣшеніи всѣхъ дѣлъ сельскихъ мірскимъ сходомъ.

Всякое измѣненіе клонящееся къ ослабленію устройства сельскаго общества было бы вредно, особливо тогда когда намѣреваются приступить къ освобожденію крестьянъ. Мы полагаемъ, на противъ того, что теперешнее сельское устройство должно быть укрѣплено, развито усвоеніемъ сельскимъ обществамъ бо́льшей самостоятель-

ности, бо́льшаго простора для дѣйствія. Особливо мы будемъ настоять на томъ, чтобы законодатель не входилъ теперь въ подробности внутренняго порядка, по коему исполняются дѣла мірскія. Будетъ время заняться симъ предметомъ тогда когда новый порядокъ, введенный освобожденіемъ крестьянъ, прояснится указаніями опыта.

Такимъ образомъ внутреннее устройство сельскихъ обществъ, избраніе старостъ и десятскихъ, рѣшеніе всѣхъ до общества касающихся дѣлъ, однимъ словомъ весь внутренній порядокъ останется въ прежнемъ видѣ, на прежнихъ основаніяхъ.

Что касается до учрежденія сельскихъ судовъ или сельскихъ расправъ въ обществахъ, о коихъ упоминается въ различныхъ предположеніяхъ объ устройствѣ сихъ послѣднихъ, равно какъ и въ проэктахъ, о коихъ мы говорили выше; то мы полагаемъ, что вообще учрежденіе таковыхъ судовъ можетъ быть полезно и даже, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, необходимо. Но мы думаемъ, что объ этомъ, покрайней мѣрѣ на первое время, могутъ всего лучше судить самыя общества или волостныя начальства. Въ мѣлкихъ селеніяхъ учрежденіе сихъ судовъ можетъ быть затруднительно. И такъ мы желали бы предоставить введеніе сихъ судовъ на благоусмотрѣніе самихъ обществъ. Не менѣе того полезно будетъ опредѣлить напередъ основанія, на коихъ сіи суды должны быть устроены.

По одному изъ упоминаемыхъ нами двухъ проэктовъ сельскій судъ (расправа) долженъ состоять изъ старосты и двухъ добросовѣстныхъ людей избираемыхъ обществомъ.

Вѣденію суда будутъ подлежать мѣлкіе проступки и, вѣроятно, различные споры между крестьянами, кои не могутъ быть рѣшаемы всѣмъ міромъ. Сіи основанія принимаемыя проэктомъ, просты и здравы. Мы только никакъ не можемъ принять предписываемыхъ тѣлесныхъ наказаній, по причинамъ, кои были изложены нами въ другомъ мѣстѣ.

Не забудемъ, что не вездѣ въ Россіи существуютъ сельскія общества на общинномъ и самостоятельномъ началѣ основанныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сельское хозяйство не допускаетъ подобнаго устройства. Намъ кажется, что нѣтъ никакой необходимости въ изложеніи, теперь же, особыхъ правилъ для устройства сихъ отличающихся отъ большинства другихъ мѣстностей. Онѣ войдутъ въ составъ предполагаемыхъ волостей въ томъ видѣ въ какомъ нынѣ существуютъ. Опытъ покажетъ какого рода измѣненія должны въ семъ отношеніи воспослѣдовать. Правительство, имѣя всѣ средства судить о теперешнемъ бытѣ сихъ мѣстностей, можетъ ограничиться однѣми указаніями на тѣ перемѣны, кои должны быть исполнены въ послѣдствіи. Покуда волостное начальство, въ сношеніяхъ съ сими мѣстностями, будетъ руководствоваться правилами существующаго порядка въ оныхъ.

Желая сохранить сколь возможно то́ что теперь существуетъ касательно общиннаго сельскаго устройства, мы не знаемъ до какой степени будетъ необходимо означить предѣлы крайняго раздробленія сельскихъ обществъ, и потому мы предпочитаемъ предоставить таковое огра-

ниченіе, относительно числа членовъ малѣйшихъ обществъ, волостному начальству, которое будетъ сообразоваться въ семъ случаѣ съ мѣстными потребностями и обстоятельствами.

III.

Представивъ такимъ образомъ главныя черты устройства сельскихъ обществъ, мы обратимся къ разсмотрѣнію устройства волостей, въ составъ коихъ должны входить сельскія общества.

Но здѣсь мы должны прежде всего заняться разрѣшеніемъ сего важнаго вопроса: слѣдуетъ ли, для освобождаемыхъ помѣщичьихъ крестьянъ, учредить особенное управленіе, подобное управленію казенными и удѣльными имѣніями?

Видя, что для различнаго рода крестьянъ существуютъ въ Россіи различныя управленія, многіе находятъ весьма естественнымъ учредить и для освобожденныхъ помѣщичьихъ крестьянъ особенное управленіе.

Въ такомъ случаѣ Россія представила бы странное, можно сказать чудовищное зрѣлище земли, гдѣ 10 милліоновъ казенныхъ крестьянъ, 1 мил. удѣльныхъ, 12 мил. бывшихъ помѣщичьихъ, не говоря уже о крестьянахъ приписанныхъ къ особеннымъ вѣдомствамъ, — половина всего народонаселенія, — управляются различными, для каждой категоріи отдѣльными уставами и властями!

Если бы сіе разнообразіе проистекало отъ какихъ либо особенныхъ свойствъ, качествъ, нравовъ и обычаевъ

подвѣдомственныхъ симъ различнымъ вѣдомствамъ жителей; если бы различіе происходило отъ договоровъ заключенныхъ при присоединеніи какой либо пріобрѣтенной провинціи, отъ дарованія правительствомъ новымъ подданымъ обычныхъ льготъ, привиллегій, преимуществъ; если бы наконецъ разнородность въ управленіи была слѣдствіемъ условій правительствомъ заключенныхъ съ частными лицами, какъ сіе случается при поселеніи иностранныхъ колонистовъ; то такая пестрота въ устройствѣ государственномъ была бы по крайней мѣрѣ понятна и оправдывалась бы ненарушимостію сдѣланнаго обѣщанія, святостію даннаго слова. Впрочемъ такое многоразличіе въ гражданской жизни можетъ быть и дѣйствительно бываетъ выгодно для тѣхъ, кои пользуются сими изключеніями изъ общаго правила и можно съ достовѣрностію предполагать, что они предпочтутъ оставаться въ своемъ особенномъ быту, не желая войти въ общій составъ, подъ общій уровень.

Но между тѣмъ какъ сіи опричники живутъ, какъ говорится, на своихъ правахъ, опричники-крестьяне различныхъ вѣдомствъ живутъ на болѣе или менѣе стѣсняющихъ ихъ бытъ обязанностяхъ!

И какую выгоду можетъ имѣть государство или правительство отъ сихъ различныхъ вѣдомствъ, отъ сихъ болѣе или менѣе затруднительныхъ и докучливыхъ методъ управленія крестьянами, тогда какъ сіи крестьяне всѣ похожи одинъ на другаго, всѣ имѣютъ одинаковые нравы, обычаи, привычки, родъ жизни?

Не очевидно ли, напротивъ того, что такое много-

различіе въ управленіи должно причинять множество затрудненій? Одно уже столкновеніе властей, существующихъ и дѣйствующихъ одна подлѣ другой, должно производить не мало хлопотъ и затрудненій. Въ одномъ и томъ же дѣлѣ могутъ оказаться прикосновенными крестьяне различныхъ вѣдомствъ. Тогда вмѣшиваются въ дѣло различныя начальства и отъ множества дѣлателей дѣло совершается медленно и плохо.

Для чего же и для кого, спросимъ мы наконецъ, существуетъ общее государственное управленіе?

Или оно пришло уже въ такой упадокъ, въ столь плохое положеніе, что начальства отдѣльныхъ частей общаго государственнаго управленія стараются отстранить отъ него каждое свою особенную отрасль управленія? Должны ли мы, однимъ словомъ, признать серіознымъ тотъ параграфъ устава Аракчеевскихъ военныхъ поселеній, въ коемъ, при изчисленіи льготъ и преимуществъ военныхъ поселянъ, сказано, между прочимъ, что „они освобождаются отъ земскаго начальства?“

Но сверхъ сихъ неудобствъ и затрудненій встрѣчаемыхъ въ предположеніи особеннаго управленія освобожденными крестьянами, мы находимъ очевидную недостаточность:

Съ освобожденіемъ крестьянъ владѣніе землею откроется, несравненно въ бо́льшихъ размѣрахъ нежели какъ сіе существовало доселѣ, для всѣхъ состояній. Купцы, мѣщане будутъ пріобрѣтать землю. Самые крестьяне начнутъ, можетъ быть, покупать землю на свое имя и, оставляя сельскія общества, селиться на ней, какъ неза-

висимые владѣльцы. Сего конечно и желать должно для образованія со временемъ крѣпкаго, самостоятельнаго класса мѣлкихъ землевладѣльцевъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что однодворцы являли уже собою образецъ такого независимаго землевладѣльческаго состоянія и находя, что перемѣны постигшія ихъ ничѣмъ не оправдываются, мы заключаемъ, что они съ пользою и для нихъ самихъ и для государства, могутъ быть обращены въ прежнее свое положеніе.

Всѣ сіи независимые землевладѣльцы, кои появятся при новомъ порядкѣ вещей, не могутъ составлять сельскихъ обществъ, относительно коихъ изключительно дѣлаются означенныя предположенія особеннаго управленія. Столь же невозможно будетъ приписывать ихъ къ существующимъ сельскимъ обществамъ. Какому же вѣдомству будутъ они подлежать какъ по платежу государственныхъ налоговъ, такъ и по исправленію земскихъ повинностей, повинности рекрутской и пр. и пр.?

Всѣ сіи неудобства съ одной стороны и явная недостаточность съ другой, указываютъ на необходимость отказаться отъ всѣхъ этихъ чрезвычайно вредныхъ, но ничего незначущихъ, ни къ чему не ведущихъ сложностей и запутанностей въ управленіи государственномъ и признать начало всеобщаго, одинаковаго способа управленія вездѣ гдѣ или выгоды государственныя или самое положеніе вещей и обстоятельствъ не требуютъ особенныхъ изключеній.

Единство въ управленіи всѣми крестьянами не только не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть противно выгодамъ

государственнымъ, но напротивъ соотвѣтствуетъ имъ, очевидно упрощая и облегчая дѣло управленія.

Скажутъ, что различные крестьяне, какъ то казенные и удѣльные, находятся не въ равныхъ отношеніяхъ къ своимъ особеннымъ вѣдомствамъ; что крестьяне помѣщичьи, бывъ освобождены, очутятся съ бывшими помѣщиками и съ начальствомъ въ отношеніяхъ своего рода, не равныхъ съ отношеніями казенныхъ и удѣльныхъ.

Это совершенно справедливо. Но войдите въ подробное разсмотрѣніе сихъ отношеній, въ чемъ онѣ состоятъ, какъ совершаются, и вы увидите, что по самой сущности своей всѣ сіи отношенія ограничиваются предѣлами самого сельскаго общества.

Разсмотримъ напередъ взаимныя отношенія освобожденныхъ крестьянъ и помѣщиковъ.

Сіи отношенія будутъ касаться до исполненія обоюдныхъ сдѣлокъ и договоровъ, до условій о наймѣ или обработываніи земли, до исполненія извѣстныхъ опредѣленныхъ повинностей и вообще до сохраненія порядка въ селеніи.

Все сіе происходитъ въ предѣлахъ селенія, сельскаго общества. Въ случаѣ споровъ, тяжбъ между крестьянами и помѣщикомъ, такъ какъ и въ случаѣ безпорядковъ, дѣла или рѣшаются міромъ и сельскимъ судомъ, или идутъ далѣе законнымъ порядкомъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ, выходя изъ предѣловъ сельскаго общества сіи дѣла подлежатъ уже вѣденію судовъ, равно независимыхъ отъ сельскихъ обществъ, отъ волостей и отъ особенныхъ вѣдомствъ и начальствъ. Такимъ образомъ

все изключительно до общества касающееся, совершается въ самомъ обществѣ.

Если мы обратимъ вниманіе на селенія казенныя и удѣльныя, то мы еще яснѣе увидимъ, что все существенное и здѣсь совершается въ самомъ обществѣ.

Такимъ образомъ, не смотря на различіе отношеній, кои различные крестьяне, казенные, удѣльные, бывшіе помѣщичьи, будутъ имѣть каждый къ своему особенному вѣдомству, всѣ отношенія ихъ къ симъ вѣдомствамъ ограничиваются предѣлами сельскаго общества.

Что же можетъ препятствовать подчинить всѣ сіи различныя общества вѣдомству одной и той же волости?

Волостное управленіе будетъ видѣть, въ каждомъ сельскомъ обществѣ безъ различія, одно моральное лице и будетъ завѣдывать ими на общихъ для всѣхъ правилахъ. Оно будетъ дѣлать имъ предписанія, для исполненія ихъ обязанностей, зная при томъ, что сіи предписанія могутъ быть производимы въ дѣйство и обязанности исполняемы сообразно особеннымъ правиламъ, въ каждомъ изъ всѣхъ сихъ трехъ родовъ обществъ существующимъ, правиламъ, находящимся внѣ вліянія и власти волостнаго начальства. Такъ, на примѣръ, рекрутская повинность можетъ быть исполняема не одинаковымъ образомъ во всѣхъ селеніяхъ. Въ такомъ случаѣ волостное начальство будетъ сообразоваться съ мѣстными обычаями. Большая часть обязанностей крестьянъ, до платежа государственныхъ налоговъ и исполненія повинностей касающихся, будетъ всегда одинакова для всѣхъ крестьянъ вообще и потому, въ сихъ

главнѣйшихъ предметахъ управленія, волостное начальство будетъ дѣйствовать вполнѣ одинаковымъ образомъ для всѣхъ сельскихъ обществъ.

Для удобнѣйшаго основанія новыхъ отношеній сельскихъ обществъ съ волостнымъ начальствомъ, достаточно будетъ назначить отъ правительства одного коммисара въ каждой волости, который, въ случаѣ затрудненій, будетъ служить посредникомъ между обществами и волостнымъ начальствомъ.

Впрочемъ можно надѣяться и ожидать, что мало по малу, съ дальнѣйшимъ развитіемъ новаго порядка, всѣ крестьяне безъ различія будутъ имѣть одинаковыя права и одинаковыя обязанности, и что всякаго рода особенныя управленія и вѣдомства будутъ упразднены.

Что касается до устройства волостнаго управленія, надлежитъ прежде всего опредѣлить на какомъ началѣ должно быть основано сіе управленіе: на началѣ выборовъ или на началѣ непосредственнаго дѣйствія правительства. Въ Россіи первое начало вообще охотно пріемлется. И въ самомъ дѣлѣ, когда выборы прилагаются къ одному и тому же классу жителей, то они не представляютъ затрудненій. Такимъ образомъ совершаются выборы между дворянами, между купцами, выборы въ казенныхъ имуществахъ и т. д. и не представляютъ никакихъ особенныхъ неудобствъ.

Но здѣсь въ составъ волости, долженствующей заключать въ себѣ отъ 10 до 15 тысячь жителей, войдутъ не только крестьяне, казенные, удѣльные, бывшіе помѣщичьи, но нѣкоторымъ образомъ и помѣщики. Казна и

удѣлы конечно легко могутъ подчинить своихъ крестьянъ волостному вѣдомству; но помѣщики найдутъ, можетъ быть, для себя невыгоднымъ (пожалуй: обиднымъ!) подлежать вѣденію волостнаго начальства крестьянами избираемаго. По сей-то, вѣроятно, причинѣ одинъ изъ двухъ проэктовъ, о коихъ мы упоминаемъ, предлагаетъ предоставить выборъ волостнаго начальника дворянству изъ среды своей, предложеніе весьма основательно опровергаемое корреспондентомъ журнала „Le Nord.“ По сему проэкту предполагается также учредить волостную управу подъ предсѣдательствомъ волостнаго старосты и сверхъ сего волостную думу или совѣтъ. Но и дума и староста подчиняются начальнику волости.

Такимъ образомъ мы, на самомъ первомъ шагѣ, встрѣчаемъ вопросъ затруднительный въ разрѣшеніи: изъ какихъ лицъ должно состоять волостное управленіе: изъ лицъ, избираемыхъ крестьянами изъ среды своей, или изъ лицъ избираемыхъ изъ среды своей дворянствомъ?

Остановиться на срединѣ между двумя крайностями, т. е. допустить выборъ крестьянами членовъ волостнаго управленія какъ изъ своей среды, такъ и изъ дворянъ, едва ли будетъ удовлетворительнымъ разрѣшеніемъ затрудненія, и потому мы отстранимъ сей способъ. Вѣроятно въ послѣдствіи это будетъ болѣе возможно.

Съ одной стороны очевидно, что здѣсь элементъ крестьянскій безъ всякаго сравненія превышаетъ элементъ дворянскій: крестьянъ гораздо болѣе въ волости нежели дворянъ.

Съ другой: права, преимущества, привиллегіи усвоен-

ныя законами дворянству, ставятъ оное выше сословія крестьянъ въ гражданской жизни. Сего обстоятельства нельзя оставить безъ уваженія, особливо когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ дворянъ не токмо къ крестьянамъ казеннымъ и удѣльнымъ, но и къ бывшимъ ихъ крѣпостнымъ крестьянамъ.

Въ такомъ положеніи вещей если вы предполагаете отстранить затрудненіе давъ перевѣсъ въ волости дворянскому элементу, то вы тѣмъ самымъ принесете въ жертву элементъ крестьянскій. Для отвращенія неудобства, впрочемъ понятнаго и уважительнаго, вы совершите явную и пагубную несправедливость: изъ двухъ золъ вы изберете зло бо́льшее, а не ме́ньшее.

Но намъ кажется, что и здѣсь можно, если не отвратить совершенно, то уменьшить неудобство, давъ дворянамъ право и возможность, минуя волость, имѣть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свои сношенія только съ уѣзднымъ начальствомъ, коему волость подчинена будетъ. Конечно и тогда нельзя будетъ совершенно избѣжать нѣкоторыхъ сношеній волости съ помѣщикомъ. На примѣръ во всѣхъ распоряженіяхъ касательно платежа поземельнаго налога, исполненія нѣкоторыхъ повинностей на всѣ классы жителей распространяющихся, волостное начальство обязано будетъ обращать свои требованія къ помѣщику равно какъ и къ крестьянину. Но въ подобныхъ сношеніяхъ мы, по истинѣ, не находимъ ничего затруднительнаго или непріятнаго для дворянства. У насъ вообще уваженіе относится болѣе къ лицу, нежели къ закону; повиновеніе оказывается скорѣе живому слову представителя закона,

нежели мертвому слову самого закона и потому, между прочимъ, повиновеніе соображается съ важностію требующаго онаго лица. Въ другихъ земляхъ достаточно прибить къ стѣнѣ печатное объявленіе, касательно наблюденія такого или такого предписанія, и всѣ его наблюдаютъ; у насъ, надобно приставить будочника или даже квартальнаго офицера дабы имѣть вѣрный залогъ исполненія предписаннаго. Пора и у насъ имѣть болѣе уваженія къ закону. Когда это уваженіе утвердится, тогда помѣщики не найдутъ ничего страннаго и неприличнаго въ сношеніяхъ съ крестьянами въ сельскихъ и волостныхъ начальствахъ присутствующими, и сіе по той простой причинѣ, что сіи крестьяне исполняютъ не свою волю, а волю закона *).

И такъ мы полагаемъ, что крестьянскій элементъ долженъ имѣть въ волостномъ управленіи неоспоримую, рѣшительную самобытность, съ надлежащею и справедливою подчиненностію начальству уѣздному.

---

*) Одинъ австрійскій чиновникъ, говоря со мною о различныхъ дѣйствіяхъ новаго порядка относительно крестьянъ, разсказывалъ, что князь Шварценбергъ, значительнѣйшій помѣщикъ въ Богеміи, показалъ однажды австрійскому императору полученное имъ, въ качествѣ землевладѣльца, циркулярное предписаніе отъ сельскаго старшины касательно исполненія какой-то общей для всѣхъ повинности. Этотъ старшина былъ прежде подданнымъ князя Шварценберга. Сей послѣдній, показывая сіе предписаніе императору, ни мало не жаловался на новое устройство и находилъ только забавнымъ сіе предписаніе, исполнивъ впрочемъ оное какъ слѣдовало. Чиновникъ разсказывавшій мнѣ этотъ анекдотъ, находилъ такую перемѣну въ сношеніяхъ бывшаго подданнаго (какъ называли прежде крестьянъ въ Австріи) къ его помѣщику также нѣсколько забавною; но вмѣстѣ съ симъ приводилъ оную какъ доказательство полнаго успѣха нововведеннаго порядка.

Начало выборовъ, избирательности, при таковомъ разрѣшеніи вопроса, не можетъ, кажется, быть оспориваемо. Это начало соотвѣтствуетъ общимъ понятіямъ въ семъ отношеніи.

Если бы дѣло шло о разрѣшеніи того: лучше ли имѣть выборнаго начальника волости изъ дворянъ, или чиновника отъ правительства, то мы, безъ всякихъ околичностей, признали бы сей послѣдній способъ несравненно лучшимъ. Предоставить выборы дворянамъ, мы повторяемъ, значило бы вовсе подавить интересы крестьянскаго элемента.

Рѣшившись водворить въ волостномъ управленіи элементъ крестьянскій, постановивъ, что волостный начальникъ или голова долженъ быть избираемъ крестьянами изъ крестьянъ, надлежитъ сообразоваться съ симъ началомъ и въ избраніи засѣдателей волостнаго управленія.

Такимъ образомъ волостное управленіе будетъ существовать, если не изключительно, то преимущественно для крестьянъ и для всѣхъ тѣхъ независимыхъ землевладѣльцевъ, кои не принадлежатъ къ дворянскому сословію, и кои, участвуя въ выборахъ головъ и старшинъ или засѣдателей, могутъ быть сами избираемы на мѣста сіи.

Волостное управленіе должно оставаться въ предѣлахъ власти правительственной или исполнительной, по крайней мѣрѣ сколь сіе будетъ возможно по причинѣ смѣшенности различныхъ властей въ мірскомъ управленіи сельскихъ обществъ, начало коего не можетъ не отразиться частію и въ волости. Собственно для разрѣшенія споровъ и тяжбъ между самими крестьянами и

даже между крестьянами и помѣщиками, можетъ быть опредѣленъ мирный судья, какъ сіе предполагается въ одномъ изъ вышеупомянутыхъ проэктовъ. Мы только не можемъ согласиться въ томъ, что судья мира долженъ быть избираемъ дворянствомъ изъ дворянъ. Вообще выборы на мѣста судейскія имѣютъ большія неудобства. Мы предпочитаемъ опредѣленіе судей самимъ правительствомъ. Потому и судья мира долженъ, по нашему мнѣнію, быть опредѣляемъ отъ правительства.

Мы не можемъ здѣсь войти въ подробности и изчислить всѣ предметы, кои должны подлежать вѣденію волостнаго управленія по части исполнительной и вѣденію судьи мира по части судной. Сіи предметы означены впрочемъ въ одномъ изъ проэктовъ, о коихъ мы упоминаемъ выше сего. Мы укажемъ только на пользу и даже на необходимость учредить въ волости волостный совѣтъ, который будетъ имѣть свои засѣданія одинъ разъ или два раза въ годъ въ продолженіе 2хъ или 3хъ недѣль, и который, принявъ отчетъ въ управленіи волостію отъ головы, изъявитъ мнѣніе свое о правильности или неправильности дѣйствій волостнаго начальства и вообще о всѣхъ дѣлахъ до волости касающихся. Сіе мнѣніе будетъ представлено въ уѣздное управленіе. Волостный совѣтъ въ числѣ 25 или 30 человѣкъ, избирается сельскими обществами. Голова и старшины могутъ быть призываемы въ волостный совѣтъ для присутствія, не не имѣютъ голоса въ рѣшеніи дѣлъ.

IV.

Изъ всѣхъ нашихъ соображеній не только о волостномъ управленіи, но даже и о мирныхъ судахъ, явствуетъ, что мы ни мало не предполагаемъ предписывать и узаконять для сихъ мѣстъ положительныхъ, опредѣлительныхъ формъ и правилъ. Многое предоставляется здравому смыслу и добросовѣстности тѣхъ, кои будутъ въ сихъ мѣстахъ присутствовать. Такая неполнота, такое несовершенство въ законныхъ предначертаніяхъ, неизбѣжно при теперешнихъ обстоятельствахъ нашихъ крестьянъ. Хотѣть подвергнуть ихъ законнымъ формамъ и формальностямъ, означить въ подробности тѣсные предѣлы ихъ дѣятельности въ исполненіи ихъ должностей, значило бы парализировать ихъ добрую волю, ихъ простый, здравый смыслъ, однимъ словомъ значило бы обезоружить ихъ въ дѣйствіи. Это всѣ понимаютъ и чувствуютъ. Потому и въ выше означенныхъ проэктахъ мы видимъ то же стремленіе къ достиженію только возможной, практической цѣли и неизбѣжное смѣшеніе принадлежностей различныхъ властей и вѣдомствъ.

Но сія неопредѣленность, сія смѣшенность должна, по нашему убѣжденію, имѣть свои предѣлы. Въ означенныхъ проэктахъ эти предѣлы разпространяются слишкомъ далеко и смѣшеніе и неопредѣленность замѣтны даже и въ выраженіяхъ. Что значитъ слово: „расправа?“ Должна ли она судить или управлять? Часто употребляютъ у насъ выраженіе: „судъ и расправа.“ Это значитъ, что одно и то же присутственное мѣсто или одно и то же

лице и судитъ и управляетъ. Понятія о различіи властей будучи неопредѣленны въ законахъ, остаются неопрѣдѣленными и въ понятіяхъ и самая эта неопредѣленность рождаетъ и соотвѣтственныя неопредѣленныя слова. Дѣйствительно существуютъ только три власти: законодательная, правительственная или исполнительная и судебная. Одна даетъ законы, другая управляетъ, третья судитъ. Сіи двѣ послѣднія осуществляются въ управленіи и въ судѣ. Но такъ какъ у насъ часто однѣ и тѣ же лица и судятъ и управляютъ, то для означенія такого дѣйствія явилось особое названіе: „расправа“, означающее и то и другое, и по тому самому просто ни то, ни сё.

Означивъ неопредѣленность въ словахъ мы возвратимся къ указанію настоящихъ предѣловъ, до коихъ можетъ простираться, въ управленіи, смѣшенность принадлежностей различныхъ властей. Эти предѣлы не должны итти далѣе волости. Въ уѣздѣ надлежитъ уже ясно и положительно отдѣлить одну власть отъ другой, управленіе отъ суда, и потому отказаться отъ выраженій сбивчивыхъ, неопредѣлительныхъ, каковы: „расправа,“ „управа,“ „приказъ“ и т. п.

Въ уѣздѣ, по нашему мнѣнію, должно существовать уже настоящее управленіе, исключительно занимающееся ничѣмъ инымъ какъ собственно управленіемъ. Даже часть финансовая должна быть отдѣлена отъ сего управленія и подлежать особому вѣдомству. Равномѣрно въ уѣздѣ долженъ уже существовать настоящій судъ, независимый отъ мѣстъ и лицъ правительственныхъ.

Замѣтимъ, что въ такомъ устройствѣ является соотвѣтственность тому что́ составляетъ существенный характеръ теперешняго быта народнаго. Въ сельскомъ обществѣ все основывается на мірскихъ сходкахъ, кои дѣйствуютъ обычнымъ порядкомъ, нестѣсняемыя никакими узаконеніями и предписаніями, сообразно тому какъ сіе происходило доселѣ. Въ волости мы находимъ уже нѣкоторое раличіе въ дѣйствіи. Совѣстный или мирный судъ, учреждаемый въ одной или двухъ и болѣе волостяхъ, имѣетъ уже нѣкоторыя принадлежности, независимо отъ волостнаго управленія. Наконецъ въ уѣздѣ образуется уже правильное гражданское устройство, съ управленіемъ по части правительственной, съ судомъ по части судебной, и сіи учрежденія независимы одно отъ другого.

Прежде нежели мы пойдемъ далѣе, мы должны замѣтить, что въ проэктахъ, на кои мы ссылаемся, учрежденіе расправъ, уѣздной и губернской, имѣетъ весьма благонамѣренною цѣлію облегчить водвореніе новаго порядка. Въ полной мѣрѣ одобряя благую цѣль, мы не можемъ однакоже согласиться въ средствахъ. Намъ кажется, что для успѣшнаго водворенія новаго порядка полезнѣе было бы поставить особыхъ чиновниковъ исполнительной власти. Очевидно, что начальники уѣздовъ, упоминаемые въ сихъ проэктахъ, учреждаются съ сею цѣлію. Было бы гораздо проще и правильнѣе, оставивъ начальника уѣзда при его нормальныхъ правительственныхъ принадлежностяхъ, назначить особеннаго чиновника, отъ губернатора зависящаго, который наблюдалъ бы за успѣшнымъ введеніемъ новаго

порядка. Еще проще и легче бы возложить сію обязанность на прокуроровъ, давъ имъ товарищей въ уѣздахъ. Такіе чиновники вообще могутъ дѣйствовать скорѣе, успѣшнѣе, нежели „расправы,“ кои по самому коллегіальному составу своему, не могутъ избѣгнуть медленности и не представляютъ надлежащей отвѣтственности.

Чтожъ касается до разбора и рѣшенія споровъ и тяжбъ между помѣщиками и крестьянами, въ слѣдствіе новаго порядка возникающихъ и предоставляемыхъ „расправамъ;“ то мы рѣшительно не видимъ никакой пользы отстранять вѣденіе сихъ дѣлъ отъ обыкновенныхъ судовъ. Можно и должно дать симъ судамъ новое устройство, можно прибавить число судей и засѣдателей; но нѣтъ никакой нужды нарушать въ семъ случаѣ правила раздѣльности властей и подлѣ настоящихъ судовъ учреждать такія „расправы“ съ властію неопредѣленною.

V.

Изъяснивъ мысль нашу объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей, указавъ на неудобство учрежденія „расправъ“ для успѣшнѣйшаго водворенія новаго порядка вещей, намъ остается говорить объ устройствѣ управленія въ уѣздахъ; но напередъ мы бросимъ послѣдній взглядъ на это нравственное лице, которое мы разумѣемъ подъ именемъ волости, на то, чѣмъ, въ нашемъ предположеніи, должна быть волость въ общемъ составѣ государственномъ.

Во всѣхъ благоустроенныхъ земляхъ управленіе государственное имѣетъ главнымъ основаніемъ коммуну,

т. е. сельское общество, въ нашемъ смыслѣ волость (commune, parish, Gemeinde). Сего не довольно. Опытъ неоспоримо доказываетъ, что чѣмъ правильнѣе, чѣмъ тверже, чѣмъ независимѣе устройство волостей, тѣмъ превосходнѣе и благотворнѣе общее государственное управленіе. Ничто не содѣйствуетъ сохраненію общаго устройства государственнаго, укрѣпленію общаго порядка, какъ твердое, болѣе или менѣе независимое устройство комунальное. Самыя наши сельскія общества, не доказываютъ ли своимъ примѣромъ, этимъ призракомъ комунальнаго быта, что если есть что либо твердаго, долговѣчнаго въ гражданскомъ бытіи народовъ, то это комунальный бытъ въ селеніяхъ?

Взглянемъ на другія земли. Англія была завоевана Норманами и подвергнута Феодальному праву завоевателями. Но, къ счастію, прежнее устройство англійскихъ коммунъ сохранилось, и на основаніи сего комунальнаго устройства, болѣе нежели на чемъ либо иномъ, развился великолѣпный порядокъ англійскаго устройства государственнаго.

Иногда сіи свойства прочности, долговѣчности комунальныхъ учрежденій доходятъ до такой чрезмѣрности, что невольно заставляютъ усомниться въ пользѣ сихъ учрежденій. Такой примѣръ мы видимъ въ Индіи, этой несчастной Индіи, которой, какъ говорится, нѣтъ житья ни отъ своихъ собственныхъ варварскихъ властителей, ни отъ просвѣщенныхъ, христіянскихъ властителей европейскихъ. Въ сей обреченной на чуждое владычество странѣ, завоеванія слѣдовали за завоеваніями, все измѣня-

лось, все разрушалось; но индейская коммуна оставалась всегда таковою каковою была изкони и бѣдный индѣецъ теряя даже понятіе объ отечествѣ, сохранилъ по крайней мѣрѣ понятіе о родинѣ и имѣлъ еще хотя что нибудь, что онъ могъ любить, чѣмъ могъ дорожить.

Во всѣхъ частяхъ Германіи комунальное устройство служитъ основаніемъ государственному управленію и степень совершенства сего послѣдняго зависитъ отъ болѣе или менѣе лучшаго, независимаго устройства коммунъ. Въ Пруссіи особенно существуетъ превосходное учрежденіе муниципальное для городовъ (Städteordnung). Оно было начертано подъ руководствомъ сего великаго государственнаго человѣка, Барона Штейна, коему Пруссія обязана, болѣе нежели кому либо, своимъ славнымъ перерожденіемъ. „Сіе городовое устройство, замѣчаетъ біографъ сего министра, послужило въ послѣдствіи образцемъ, по коему и въ другихъ германскихъ земляхъ старались, въ управленіи городовъ, возстановить болѣе свободныя формы и учрежденія прежнихъ временъ.“

Въ Австріи, съ нѣкотораго времени, правительство обратилось къ централизаціи. Муниципальное и нераздѣльное съ онымъ комунальное устройство ослабло. Вездѣ чиновники отъ правительства замѣнили чиновниковъ муниципальныхъ, комунальныхъ. Мы не можемъ судить о выгодахъ такой централизаціи въ Австріи, потому что Австрія являетъ собою государство совершенно отличное отъ всѣхъ государствъ европейскихъ, и гдѣ самыя неоспоримыя истины государственнаго управленія вообще, самыя благодѣтельныя учрежденія оказываются или сом-

нительными, невозможными или вредными для такой многоглавой и мозаичной имперіи. Скажемъ только, что если австрійское правительство не нашло силы въ муниципальномъ устройствѣ, то оно конечно не найдетъ ея въ бюрократіи, которой малѣйшая невыгода состоитъ въ томъ, что она въ четверо дороже.

Во Франціи существуетъ и муниципальное и комунальное устройство. Но здѣсь, гдѣ торжество централизаціи простирается до того, что недавно одинъ изъ министровъ предпринялъ ввести для всего государства одинъ и тотъ же музыкальный діапазонъ, и гдѣ бюрократія служитъ для централизаціи столь сильною опорою, во Франціи это устройство весьма слабо, весьма ограниченно, не имѣетъ никакой значительной самостоятельности и независимости. Между тѣмъ и сей одинъ призракъ комунальнаго устройства имѣетъ свои неоспоримыя выгоды *).

Обращаясь къ Россіи, мы должны искать этой коммуны, которой мы желаемъ, въ сельскомъ обществѣ. Но эти общества слишкомъ раздроблены, слишкомъ неравны

*) Республиканская конституція Франціи въ 1848 году предоставила всѣмъ и каждому право участвовать въ избраніи и членовъ народнаго собранія и самого президента республики. Мнѣ случилось видѣть, что члены комунальнаго совѣта въ одномъ селеніи, давъ свои голоса въ выборѣ и представителей и президента, въ совѣщаніи своемъ признали нужнымъ построить въ селеніи будку, оцѣненную въ 15 франковъ. И такой издержки избиратели представителей и президента не могли сдѣлать безъ представленія высшему начальству на утвержденіе! Кто-то однажды изчислилъ, что дабы получить позволеніе имѣть лодку на рѣкѣ, просьба прибрежнаго жителя должна пройти чрезъ 15 или 20 инстанцій!

между собою, и потому не могутъ быть образованы въ видѣ прочныхъ, крѣпкихъ коммунъ. Одно уже раздробленіе коммунъ во Франціи не допускаетъ порядочнаго устройства. Мы не знаемъ: съ умыслу или безъ умысла законодатели сотворили во Франціи болѣе 35 тысячь коммунъ. Очевидно, что одно уже таковое раздробленіе должно ослаблять весь бытъ комунальный. Еслибъ, даже и при теперешнемъ законодательствѣ, во Франціи число коммунъ было втрое менѣе, то, вѣроятно, въ нихъ было бы болѣе жизни и самостоятельности.

И такъ настоящую коммуну для Россіи, такую какъ мы себѣ воображаемъ, мы можемъ найти только въ соединеніи нѣсколькихъ сельскихъ обществъ въ составѣ одного цѣлаго, подъ названіемъ волости.

На устройствѣ сихъ-то волостей должно, по нашему убѣжденію и по свидѣтельству опыта, основываться общее государственное управленіе.

Таковое предназначеніе волости указываетъ на всю важность волостнаго устройства и волостнаго управленія.

Здѣсь мы почитаемъ нужнымъ замѣтить, что предоставляемое нами выше сего право дворянамъ, минуя волостное вѣдомство, обращаться прямо къ уѣздному начальству, не можетъ, само по себѣ, ослабить волостнаго устройства, если впрочемъ сіе послѣднее будетъ поставлено въ надлежащее положеніе. Къ тому же симъ правомъ дворяне, можетъ быть, не всегда будутъ пользоваться и мало по малу сами собою отъ онаго откажутся.

VI.

Говоря объ устройствѣ сельскихъ обществъ и волостей, мы вполнѣ высказали мысль нашу. Относительно сихъ двухъ первыхъ слоевъ общаго государственнаго управленія, мнѣніе наше твердо, положительно, опредѣлительно. Въ видахъ блага общаго, блага государственнаго, мы не находимъ ничего лучшаго, ничего болѣе естественнаго, здраваго, полезнаго, какъ сохранить, укрѣпить теперешній бытъ сельскихъ обществъ и устроить волости, въ коихъ элементъ крестьянскій имѣлъ бы рѣшительный перевѣсъ. Волостное управленіе должно, сверхъ сего, служить, въ нашемъ предположеніи, главнымъ основаніемъ управленія государственнаго. Условія сельскаго и волостнаго управленія, нами изложенныя, мы почитаемъ необходимыми условіями всякого здраваго и полезнаго устройства. Мы увѣрены даже, что какого бы рода устройство управленія ни было принято правительствомъ въ высшихъ слояхъ: въ уѣздѣ, въ губерніи, устройство сельское и волостное съ нашими условіями можетъ быть всегда удержано въ полной своей силѣ.

Переходя къ соображеніямъ объ устройствѣ управленія въ уѣздѣ, мы не можемъ излагать нашихъ мнѣній ни съ тою рѣшительностію, ни съ тою опредѣлительностію, съ каковою мы излагали ихъ досель.

По нашему мнѣнію въ уѣздѣ должно уже существовать правильное разпредѣленіе властей и вѣдомствъ, какъ мы замѣтили сіе выше. Устройство судовъ, въ теперешн-

немъ ихъ видѣ, не говоря уже о признанной вообще необходимости въ ихъ преобразованіи, окажется очевидно недостаточнымъ при новомъ порядкѣ вещей, когда цѣлые милліоны людей получатъ право обращаться къ симъ судамъ по дѣламъ своимъ.

Такимъ образомъ для опредѣленія началъ правильнаго управленія въ уѣздѣ, началъ даже исключительно правительственныхъ, надлежало бы вмѣстѣ или предварительно говорить и объ устройствѣ судовъ, судовъ, кои должны судить и ни въ какомъ случаѣ управлять. Но вопросъ о судебномъ устройствѣ не можетъ входить въ теперешнія наши соображенія, тѣмъ болѣе, что мы изложили мысли наши о семъ предметѣ въ двухъ особенныхъ запискахъ: одна о введеніи суда присяжныхъ, другая объ учрежденіи судовъ полицейскихъ.

Сверхъ сего въ уѣздѣ существуютъ дворянскія собранія, дворянскіе выборы. Постановленія и узаконенія по сему предмету должны конечно, болѣе или менѣе, измѣниться, со введеніемъ новаго порядка.

Что касается до управленія городовъ, то городовое (муниципальное) положеніе также не можетъ войти въ предѣлы теперешнихъ нашихъ соображеній. Мы замѣтимъ только, что, по выше упоминаемымъ проэктамъ, полицейская власть въ уѣздѣ и лице представляющее власть сію, городничій, подчиняются вѣденію начальника уѣзда.

Однимъ словомъ: говоривъ по возможности подробно и опредѣлительно объ устройствѣ сельскаго общества и волости, мы не можемъ говорить съ одинаковою подроб-

ностію объ уѣздѣ, какъ потому что мы не имѣемъ достаточныхъ данныхъ, на коихъ мы могли бы основать наши соображенія, такъ и потому что управленіе уѣздное должно быть разсматриваемо и обсуждаемо въ совокупности съ устройствомъ судебныхъ мѣстъ и властей въ уѣздѣ.

Такимъ образомъ, означивъ выше сего въ общихъ словахъ мысль нашу о свойствѣ уѣзднаго управленія, мы ограничимся здѣсь изъясненіемъ того устройства, которое предполагается для уѣздовъ во второмъ изъ двухъ вышеупомянутыхъ проэктовъ.

I.

1. Въ каждомъ уѣздѣ поставляется начальникъ уѣзда. Онъ предсѣдательствуетъ въ уѣздной расправѣ, на которую особенно возлагается разборъ споровъ и тяжбъ между помѣщиками и крестьянами.

2. Земскій судъ и городническое правленіе будутъ составлять впредь одно уѣздное управленіе зависящее отъ начальника уѣзда.

3. Начальникъ уѣзда назначается отъ правительства. Онъ имѣетъ права 5го класса. Жалованья: 2000 руб. сер.

4. Начальникъ уѣзда есть главный блюститель законовъ въ уѣздѣ. Онъ наблюдаетъ за точнымъ исполненіемъ какъ общихъ законовъ, такъ и постановленій, кои опредѣлятъ будущія отношенія между помѣщиками и крестьянами. Онъ зависитъ отъ гражданскаго губернатора.

II.

1. Въ каждой губерніи гдѣ будетъ введено новое учрежденіе касательно улучшенія быта помѣщичьихъ крестьянъ, имѣютъ быть учреждены:

a) Судьи мира, или совѣстные судьи.

b) Уѣздныя расправы.

c) Губернская расправа.

2. Судьи мира избираются дворянами изъ дворянъ. Недовольные рѣшеніемъ мирнаго судьи аппеллируютъ въ уѣздную расправу.

3. Уѣздная расправа состоитъ изъ начальника уѣзда и двухъ засѣдателей, изъ коихъ одинъ избирается дворянами, другой крестьянами. Избраніе сего послѣдняго происходитъ въ уѣздномъ городѣ особенными депутатами, кои назначаютъ пять кандидатовъ. Изъ сихъ губернаторъ избираетъ одного засѣдателя, который можетъ принадлежать къ какому бы то состоянію ни было.

4. Уѣздная расправа, не входя въ разсмотрѣніе дѣлъ гражданскихъ и уголовныхъ, подлежащихъ вѣденію обыкновенныхъ судовъ, судитъ токмо о спорахъ и тяжбахъ, могущихъ возникнуть въ слѣдствіе введенія новаго учрежденія объ улучшеніи быта крестьянъ, и кои были уже рѣшены въ первой инстанціи судьею мира. Запрещается приносить жалобы прямо въ уѣздную расправу.

5. Окончательное рѣшеніе тяжбъ между помѣщиками и крестьянами предоставляется губернской расправѣ. Въ сей расправѣ засѣдаютъ губернаторъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель палаты государ-

ственныхъ имуществъ, губернскій прокуроръ. Вѣденію ея подлежатъ только слѣдующія дѣла:

a) Тяжбы между помѣщиками и крестьянами по предметамъ, коихъ цѣнность не превышаетъ 200 руб. сер.

b) Тяжбы между помѣщиками и сельскими обществами по предметамъ не превышающимъ въ цѣнности 1000 руб. сер.

Запрещается подавать жалобы прямо въ губернскую расправу. Запрещается аппеллировать на рѣшеніе уѣздной расправы, согласное съ рѣшеніемъ совѣстнаго или мирнаго судьи.

Въ семъ состоитъ сущность новаго устройства по проэкту, который мы находимъ въ журналѣ „Le Nord“ (22. Іюня 1858).

Мы здѣсь видимъ, что новое устройство управленія въ уѣздѣ имѣетъ главною, даже единственною цѣлію обеспечить, облегчить введеніе и утвержденіе новаго порядка освобожденіемъ крестьянъ вызываемаго. Мѣры для достиженія сей цѣли опредѣляемыя, имѣютъ весьма значительную послѣдовательность и полноту. Главнымъ орудіемъ въ исполненіи воли и намѣреній правительства представляется начальникъ уѣзда, облеченный преимуществами одного изъ высшихъ классовъ служебной гіерархіи съ соотвѣтственнымъ жалованьемъ. Споры и тяжбы по введеніи новаго устройства разрѣшаются и оканчиваются почти на самомъ мѣстѣ, въ уѣздѣ и въ губерніи.

Если сіе или подобное сему устройство уѣзднаго управленія будетъ окончательно принято правительствомъ,

то намъ остается только желать, и желать отъ всей души, полнаго успѣха предпріятію.

Но мы должны здѣсь повторить, что такое устройство уѣзднаго управленія ни мало не помѣшаетъ принятію тѣхъ предположеній нашихъ, кои мы изъяснили выше объ управленіи и составѣ сельскихъ обществъ и волостей. Устройство сихъ послѣднихъ въ томъ видѣ какъ мы изложили оное, можетъ безъ малѣйшаго неудобства быть принято при устройствѣ уѣздовъ въ смыслѣ разсматриваемаго нами проэкта.

Сверхъ сего мы замѣтимъ, что разсматриваемый нами проэктъ, учреждая думу или совѣтъ въ волости, состоящій изъ депутатовъ отъ сельскихъ обществъ, не упоминаетъ ни о чемъ подобномъ для уѣзда. Только одинъ засѣдатель въ уѣздной расправѣ избирается крестьянами, и при томъ не прямо, а посредствомъ назначенія кандидатовъ.

Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что въ окончательномъ, нормальномъ устройствѣ уѣзднаго управленія, весьма полезно учредить особенный совѣтъ, избираемый жителями уѣзда и засѣдающій одинъ или два раза въ году, въ продолженіе двухъ или трехъ недѣль, для разсмотрѣнія и рѣшенія различныхъ дѣлъ по уѣзду. Таковый совѣтъ мы предлагаемъ и для волости.

VII.

Наконецъ мы не можемъ не указать на нѣкоторыя особенныя постановленія, кои имѣютъ свою пользу. Такъ, на примѣръ, необходимо, по нашему мнѣнію, дать засѣ-

дателямъ отъ крестьянъ избираемымъ болѣе значительности, болѣе вѣсу, нежели сколько они имѣли до селѣ. Въ семъ отношеніи надлежитъ сдѣлать что нибудь болѣе серіозное теперь существующаго. Извѣстно какую печальную роль засѣдатели отъ крестьянъ играютъ въ мѣстахъ присутственныхъ. Обыкновенно ихъ не пускаютъ въ присутствіе и они засѣдаютъ въ сѣняхъ! Мы не давно видѣли по газетамъ, что при устройствѣ вновь пріобрѣтеннаго края на рѣкѣ Амурѣ, начальникамъ сельскимъ или волостнымъ усвояются права 9 или 8 класса. Для чего не сдѣлать того же для нашихъ добрыхъ крестьянъ? Для чего ихъ избранныхъ не возвысить въ глазахъ свѣта и въ ихъ собственныхъ? Покуда въ Россіи нѣтъ инаго средства дать человѣку надлежащій вѣсъ и должное значеніе какъ присвоивъ ему преимущества одного изъ классовъ табели о рангахъ. Въ такихъ случаяхъ существованіе чиновъ имѣетъ свою неоспоримую пользу.

Равнымъ образомъ мы укажемъ на необходимость устроить въ уѣздѣ первыя основанія финансоваго управленія. По сію пору государственные налоги, бо́льшею частію, вносятся самими жителями въ казначейство. Такое первобытное устройство должно наконецъ быть замѣнено инымъ, болѣе соотвѣтственнымъ выгодамъ и правительства и плательщиковъ налоговъ. Необходимо будетъ учредить для взиманія оныхъ особенныхъ собирателей. Сія необходимость окажется наиболѣе явною и очевидною, когда, съ освобожденіемъ крестьянъ, должно будетъ замѣнить подушный окладъ налогомъ поземельнымъ. Съ

освобожденіемъ и съ правомъ перехода крестьянъ, подушный окладъ сдѣлается невозможнымъ. Сверхъ сего нужно будетъ тогда прибѣгнуть къ новому средству обложенія земель помѣщичьихъ. Для введенія поземельнаго налога мы ни мало не почитаемъ нужнымъ прибѣгать къ составленію какого бы то ни было кадастра. Это было бы и невозможно и безполезно. Мы почитаемъ достаточнымъ основать поземельный налогъ на разпредѣленіи извѣстной суммы налога на земли посредствомъ самихъ жителей, подъ надзоромъ мѣстнаго начальства. Такимъ образомъ, взявъ всю сумму подушнаго оклада въ всемъ государствѣ, слѣдуетъ раздѣлить ее по губерніямъ. На каждую губернію упадетъ та сумма, которую теперь она платитъ въ видѣ подушнаго оклада. Въ губерніи сія сумма разложится на уѣзды тѣмъ же порядкомъ. До сихъ поръ разкладка будетъ сдѣлана сначала самимъ правительствомъ и потомъ губернскимъ начальствомъ.

Но въ уѣздѣ разкладка по волостямъ должна уже совершиться съ участіемъ избираемыхъ жителями разкладчиковъ. Сіи послѣдніе будутъ въ правѣ разпредѣлить слѣдующую съ уѣзда сумму не остановливаясь на томъ сколько волость платила доселѣ подушнаго оклада, но соображаясь съ возможностію каждой волости платить болѣе или менѣе, смотря по количеству и качеству земли. Опредѣленная уѣздными разкладчиками сумма по каждой волости разкладывается такими же разкладчиками въ каждомъ сельскомъ обществѣ и на тѣхъ же правилахъ, т. е. смотря по количеству и качеству земли состоящей во владѣніи или въ пользованіи каждаго лица.

Такое разпредѣленіе поземельнаго налога конечно далеко отъ той степени совершенства, на которой можетъ быть поставлено взиманіе сего налога даже и безъ кадастра. Но неравенство и другія невыгоды сего разпредѣленія сколь бы онѣ важны ни были, не могутъ превосходить всѣхъ очевидныхъ невыгодъ подушнаго оклада. Мы даже увѣрены, что при всемъ несовершенствѣ такого взиманія, налогъ поземельный легко можетъ принести болѣе дохода, нежели окладъ подушный. Въ семъ послѣднемъ случаѣ бѣдность однихъ не позволяетъ возвысить оклада для другихъ, кои легко могли бы платить болѣе.

VIII.

Въ заключеніе мы постараемся представить, по вопросу управленія, такую же перечень нашихъ соображеній, какую мы сдѣлали по вопросу освобожденія крестьянъ.

I.

§ 1. По совершеніи отвода къ обществамъ одной трети помѣщичьей земли, равно какъ и по утвержденіи правительствомъ добровольныхъ сдѣлокъ заключенныхъ между помѣщиками и крестьянами, всѣ бывшіе крѣпостные крестьяне будутъ подлежать вѣденію сельскихъ обществъ изключительно.

§ 2. Всѣ дѣла сельскаго общества разсматриваются и рѣшаются на мірскихъ сходахъ, по обычному порядку.

§ 3. Управленіе общества возлагается на старосту, избираемаго міромъ.

Староста имѣетъ въ своемъ распоряженіи десятскихъ, міромъ избираемыхъ по существующему обычаю.

§ 4. Каждое сельское общество можетъ, съ утвержденія начальства волостнаго, учредить особый судъ для рѣшенія нѣкоторыхъ дѣлъ, споровъ и тяжбъ между крестьянами.

§. 5. Всякого рода сношеніе помѣщика съ бывшими его крѣпостными крестьянами должно, впредь до отмѣны сего особеннаго постановленія, происходить не иначе какъ посредствомъ начальства сельскаго общества.

§ 6. Отвѣтственность по условіямъ заключаемымъ помѣщикомъ съ крестьянами о наймѣ или обработываніи земли тогда только падаетъ на все сельское общество, когда сіи условія были заключены съ вѣдома и согласія общества.

§ 7. Плата со стороны крестьянъ по таковымъ условіямъ можетъ быть опредѣляема токмо деньгами или натуральными произведеніями. Ни въ какомъ случаѣ не допускается плата личною работою.

§ 8. Полицейская власть помѣщика будетъ впредь ограничиваться правомъ: въ случаѣ какихъ бы ни было безпорядковъ, арестовать крестьянина и представить его, въ теченіе 24 часовъ, въ сельское общество.

II.

§ 9. Казенныя и удѣльныя имущества должны быть, по возможности, приведены, въ отношеніи устройства

сельскихъ обществъ, къ тому же порядку, каковый предполагается здѣсь для бывшихъ крестьянъ крѣпостныхъ; такъ чтобы и въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ, управленіе и рѣшеніе дѣлъ было предоставлено старостѣ и міру.

III.

§ 10. Нѣсколько сельскихъ обществъ, казенныхъ, удѣльныхъ, бывшихъ помѣщичьихъ безъ различія, имѣющихъ отъ 10 до 15 тысячь жителей, составляютъ волость.

§ 11. Независимые землевладѣльцы, не принадлежащіе ни къ сельскимъ обществамъ, ни къ дворянскому сословію, войдутъ въ составъ волости и будутъ подлежать вѣденію волостнаго начальства.

Они будутъ участвовать во всѣхъ правахъ и обязанностяхъ наравнѣ съ членами сельскихъ обществъ. Участіе ихъ въ волостныхъ выборахъ будетъ опредѣлено соотвѣтственно мѣстнымъ обстоятельствамъ.

§ 12. Въ сей классъ независимыхъ землевладѣльцевъ могутъ, если пожелаютъ, вступать какъ бывшіе однодворцы, такъ и вообще всѣ крестьяне, къ какому бы вѣдомству они ни принадлежали.

§ 13. Въ каждой волости учреждается волостное управленіе, состоящее изъ четырехъ членовъ, подъ предсѣдательствомъ начальника волости или волостнаго головы.

§ 14. Начальникъ волости, равно какъ и члены волостнаго управленія, избираются сельскими обществами или ихъ представителями на извѣстное число лѣтъ.

§ 15. Волостный голова пользуется, во время испол-

нія своей должности, правами 9 класса. Засѣдатели правами 10 класса.

§ 16. Помѣщикъ, имѣющій какую либо тяжбу съ бывшими своими крѣпостными крестьянами, можетъ, если того самъ пожелаетъ, минуя волостное управленіе, обращаться прямо къ уѣздному начальству.

Въ такихъ случаяхъ уѣздное начальство обязано удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ помѣщика.

§ 17. Каждый годъ или каждые 6 мѣсяцевъ въ волости собирается совѣтъ, изъ 20 до 30 членовъ состоящій для разсмотрѣнія дѣлъ волости, отчетовъ волостнаго управленія и для представленія уѣздному начальству своего заключенія по симъ предметамъ. Сей совѣтъ можетъ также дѣлать представленія до общихъ пользъ волости касающіяся.

§ 18. Члены сего совѣта избираются сельскими обществами смотря по народонаселенію оныхъ.

§ 19. Сіи члены могутъ быть избираемы обществами изъ лицъ всѣхъ состояній.

§ 20. По предметамъ налоговъ и повинностей одинаковымъ образомъ разпространяющихся на всѣ сельскія общества, казенныя, удѣльныя и бывшія помѣщичьи, волостное управленіе принимаетъ и предписываетъ одинаковыя для всѣхъ мѣры и распоряженія.

§ 21. По предметамъ, кои могутъ быть приводимы въ исполненіе различнымъ образомъ, смотря по различію вѣдомствъ въ сельскихъ обществахъ, казеннаго, удѣльнаго, помѣщичьяго, какъ то по предмету рекрутской повинно-

сти и пр. волостное начальство сообразуется съ особенными правилами и уставами, кои въ сихъ обществахъ существовать будутъ, впредь до введенія одинаковаго устройства во всѣхъ обществахъ сельскихъ.

§ 22. Для облегченія сношеній волостнаго начальства съ сельскими обществами казенными, удѣльными и бывшими помѣщичьими, можетъ быть поставленъ особенный коммисаръ отъ правительства для одной или нѣсколькихъ волостей.

§ 23. Для нѣсколькихъ волостей, смотря по пространству и народонаселенію, учреждается совѣстный судья, назначаемый отъ правительства, который, сверхъ переносимыхъ изъ сельскихъ обществъ на его рѣшеніе дѣлъ можетъ имѣть въ своемъ вѣденіи другія дѣла до извѣстной степени важности простирающіяся.

ОБЩЕЕ ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ всѣхъ мѣръ улучшенія быта или освобожденія помѣщичьихъ крестьянъ, какъ изъ тѣхъ, о коихъ мы говорили выше, такъ и изъ другихъ, кои могутъ быть предложены, весьма полезно было бы избрать одну, какую бы то ни было, и остановившись на оной, удостовѣрить всѣхъ и каждаго, что вопросъ освобожденія будетъ рѣшенъ сообразно сей избранной, опредѣленной мѣрѣ, а не иначе. Заключенія или мнѣнія различныхъ комитетовъ по сему предмету учрежденныхъ, могутъ облегчить выборъ такой мѣры, долженствующей привести вопросъ къ окончательному разрѣшенію. Тогда вниманіе какъ существующихъ комитетовъ, такъ и вниманіе всѣхъ мыслящихъ людей, естественно устремилось бы на принятый и объявленный способъ разрѣшенія великаго вопроса исключительно. Очевидно, что все дѣло будетъ, въ сильной степени, упрощено, когда всѣ усилія будутъ устремлены къ одному и тому же предмету, къ одной и той же мѣрѣ, къ одной и той же методѣ.

Положимъ, на примѣръ, что будетъ избранъ тотъ

способъ улучшенія быта крестьянъ, на который указываютъ циркуляры Министра Внутреннихъ Дѣлъ, способъ, по коему, послѣ выкупа крестьянскихъ усадьбъ, половина помѣщичьей земли должна быть отведена въ пользованіе крестьянъ, съ тѣмъ чтобы они исполняли для помѣщика извѣстныя, опредѣленныя повинности. Въ такомъ случаѣ очевидно, что успѣха должно будетъ искать преимущественно въ надлежащемъ разрѣшеніи вопроса объ управленіи крестьянъ, въ точномъ и ясномъ опредѣленіи взаимныхъ отношеній ихъ съ помѣщиками. Если комитеты и вообще мыслящіе люди обратятъ свое вниманіе исключительно на сей предметъ управленія, то можно ожидать, что они придутъ къ удовлетворительнымъ результатамъ скорѣе, нежели теперь когда сіе вниманіе направляется къ столь различнымъ, неопредѣленнымъ предметамъ.

Положимъ далѣе, что между разными способами освобожденія будетъ избранъ тотъ, который основывается на выкупѣ. Тогда надобно предпочтительно и прежде всего заняться изысканіемъ до какой степени можетъ быть ограничена сумма, которая падетъ на каждаго крестьянина и которую онъ будетъ обязанъ уплачивать ежегодно или помѣщику или правительству. По томъ возникнетъ вопросъ: лучше ли будетъ продлить срокъ выкупа, вмѣсто обыкновенно принимаемыхъ 37 лѣтъ, на 50, 60, и болѣе лѣтъ, дабы чрезъ то уменшить сумму ежегодной уплаты. Наконецъ необходимо будетъ опредѣлить въ какихъ отношеніяхъ крестьяне будутъ находиться какъ къ помѣщикамъ, такъ и къ правительству во все продолженіе срока, для выплаты всей выкупной суммы опредѣленнаго, т. е.

рѣшить, будутъ ли они вольными съ самого начала или только тогда, когда вся выкупная сумма будетъ выплачена. Всѣ сіи вопросы довольно важны для того, чтобы обратить на себя исключительно все вниманіе и комитетовъ и всѣхъ мыслящихъ людей.

Здѣсь, говоря о выкупѣ, мы представимъ на усмотрѣніе людей, болѣе опытныхъ, слѣдующее соображеніе.

При способѣ выкупа всегда предполагается оцѣнка земель, для крестьянъ предназначаемыхъ. Всякого рода оцѣнка сопряжена съ великими затрудненіями. Мы спрашиваемъ: нельзя ли избѣжать оцѣнки? Вотъ нашъ отвѣтъ:

Мы убѣждены въ томъ, что прежде нежели рѣшиться на принятіе методы выкупа, надлежитъ предварительно и по возможности удостовѣриться, до какихъ размѣровъ долженъ простираться весь выкупный капиталъ предназначаемый для всѣхъ помѣщиковъ. Такое предварительное и по крайней мѣрѣ приблизительное изчисленіе необходимо какъ при способѣ выкупа самими крестьянами, такъ и выкупа со стороны правительства. Употребивъ нѣсколько лѣтъ на оцѣнку, вы, можетъ быть, придете къ такому заключенію, что изчисляемая вами выкупная сумма будетъ превосходить и силы крестьянъ уплатить оную и средства казначейства. Не довольно желать такого выкупа, который удовлетворилъ бы вполнѣ и помѣщиковъ и крестьянъ и казначейство кто этого не желаетъ? Но отъ желанія до возможности удовлетворенія оному весьма далеко.

Такимъ образомъ, независимо отъ того будетъ ли принята или отстранена оцѣнка, нельзя не рѣшить предварительно и прибзилительно до какой суммы можетъ про-

стираться весь выкупный капиталъ, смотря по средствамъ крестьянъ или казначейства. Этотъ вопросъ можетъ быть рѣшенъ только самимъ правительствомъ. Въ опредѣленіи суммы сего выкупаго капитала состоитъ вся сущность методы выкупа.

Опредѣливъ сумму всеобщаго выкупа, останется только забота о равномъ, по возможности, раздѣленіи сей суммы между помѣщиками.

Нужно ли будетъ, и для сего раздѣленія, прибѣгать къ оцѣнкамъ, дабы достигнуть, если не цѣли полнаго удовлетворенія, то цѣли пропорціональности въ возмездіи?

Вотъ настоящій вопросъ касательно оцѣнки. Принимая въ соображеніе всѣ затрудненія повсемѣстныхъ оцѣнокъ и особливо долгое время, которое для сего потребуется, намъ кажется, что лучше было бы разпредѣлить весь выкупный капиталъ по губерніямъ и предоставить помѣщикамъ раздѣлить назначаемую сумму для каждой губерніи между собою по ихъ усмотрѣнію и рѣшенію. Раздѣлъ, по усмотрѣнію самихъ помѣщиковъ, будетъ конечно самымъ лучшимъ и самымъ простымъ средствомъ ихъ удовлетворенія. Затрудненія могутъ состоять особенно въ разпредѣленіи всего выкупнаго капитала между губерніями. Здѣсь, можетъ быть, всѣ данныя, коими располагаетъ правительство, относительно числа душъ, количества и качества отводимыхъ крестьянамъ земель, будутъ не вполнѣ достаточны. Въ такомъ случаѣ составивъ проэктъ разпредѣленія, правительство можетъ предоставить его на повѣрку всѣмъ губернскимъ предводителямъ дворянства.

Наконецъ если, съ принятіемъ способа выкупа, будетъ признано полезнымъ учредить банки, или какія бы то ни было кредитныя установленія, то и здѣсь, поставивъ на видъ комитетовъ и людей спеціальныхъ сію потребность, можно только облегчить успѣхъ такихъ предположеній.

16го Октября 1858.

ПРИМѢЧАНІЕ.

Желающіе участвовать въ редакціи сей публикаціи благоволятъ обратиться къ нижеподписавшемуся, который обязывается помѣстить въ ней все, что только касается Литературы, Политики и Религіи, съ тѣмъ однако же условіемъ, чтобы посылаемые къ нему труды не заключали въ себѣ ничего противнаго ни христіанскому вѣроученію, ни началамъ нравственности, ни законной власти, которая такъ дорога сердцу русскаго, которую онъ изъявляетъ теперь ея вѣнчанному представителю тѣмъ охотнѣе, что находитъ въ немъ монарха, желающаго управлять своими подданными однимъ правосудіемъ и вести ихъ къ дальнѣйшей и блистательной цѣли путями мира.

А. ФРАНКЪ

въ Парижѣ, rue Richelieu 67.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig,
Druck von Gustav Bär.

РУССКІЙ

ЗАГРАНИЧНЫЙ СБОРНИКЪ.

Q. J

АДВОКАТЫ И ПОВѢРЕННЫЕ ИЛИ ХОДАТАИ ПО ДѢЛАМЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

ЧАСТЬ III. — ТЕТРАДЬ II.

BERLIN,
A. ASHER & Co.

PARIS,
A. FRANCK
Rue Richelieu 67.

LONDON,
TRÜBNER & Co.

1859.

АДВОКАТЫ

и

ПОВѢРЕННЫЕ ИЛИ ХОДАТАИ

ПО ДѢЛАМЪ.

ФИЗІОЛОГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Что значитъ у насъ повѣренный, или ходатай по дѣламъ? То-ли самое, что адвокатъ въ другихъ государствахъ? Есть-ли между этими званіями какое нибудь сходство? Одинакова-ли, особенно, ихъ нравственная сторона? Все это постараемся изобразить въ настоящемъ очеркѣ, въ самомъ справедливомъ, по возможности, свѣтѣ, безъ преувеличенныхъ похвалъ и лести, безъ напраснаго уничиженія и незаслуженныхъ упрековъ.

Адвокатъ, съ самаго перваго шага вступленія своего въ это званіе, посвящаетъ всего себя на защиту законныхъ правъ своихъ согражданъ. Званіе адвоката весьма важное и почетное. Чтобы пріобрѣсти его, надо, не говоря уже о призваніи, спеціально изучить законы въ общественныхъ учебныхъ заведеніяхъ, предназначенныхъ преимущественно преподаванію юриспруденціи; надо получить извѣстную ученую степень, выдержать установленное испытаніе. Это не всякому и не легко достается. — Званіе адвоката существовало уже въ отдаленной древности; у Римлянъ оно было въ большомъ уваженіи. Въ нѣкоторыхъ государствахъ адвокаты составляютъ особое сословіе или корпорацію (ordre des avocats), имѣющую своего главнаго начальника или президента (bâtonnier). Иногда они причисляются къ судебнымъ мѣстамъ, гдѣ производятся

тяжебныя дѣла, и тогда должность эта принимаетъ болѣе офиціальный характеръ. Адвокаты обязываются клятвенно защищать своихъ кліентовъ по законамъ, не превращая умышленно ихъ смысла, не на счетъ истины и правды, а по совѣсти и собственному убѣжденію, и не оскорбляя общественной нравственности. Самая публичность адвокатной профессіи обязываетъ столько же, если еще не болѣе, какъ клятва. Наконецъ, одно уже слово адвокатъ-соединяетъ въ себѣ какое-то неразрывное понятіе о самоотверженіи въ пользу ближняго и какъ-то невольно желаешь, чтобы званіе это было чисто отъ всякихъ злоупотребленій. Конечно, какъ ни одно человѣческое учрежденіе несвободно отъ нихъ, а во всякомъ сыщутся темныя пятна, то нельзя сказать, чтобы и адвокатура не заслуживала никогда и ни въ какомъ отношеніи упрековъ, и чтобы исторія ея не представляла вовсе грустныхъ и мало назидательныхъ примѣровъ; но во всякомъ случаѣ, перевѣсъ всегда былъ и, вѣроятно, будетъ на сторонѣ приносимыхъ ею обществу пользы и заслугъ.

Можно-ли сказать тоже самое въ отношеніи существующихъ у насъ въ Россіи, такъ называемыхъ, повѣренныхъ, или ходатаевъ по дѣламъ? Нисколько; эти господа представляютъ оборотную сторону медали. Повѣренными по дѣламъ могутъ быть у насъ всѣ желающіе, коимъ по закону не воспрещено вступать въ договоры, съ самыми малыми изъятіями. По этому не могутъ быть ими развѣ только малолѣтніе и безумные, или, вѣрнѣе сказать, формально признанные такими. А то для всѣхъ дорога открыта: крѣпостные (слава Богу, что отъ этихъ скоро

избавимся), отставные солдаты, мѣщане, купцы, люди безъ всякаго образованія, едва грамотные, — имѣютъ право быть повѣренными. Для этого не нужно ни особаго знанія дѣлъ и законовъ (можно, пожалуй, не имѣть объ нихъ никакого понятія), ни экзаменовъ, ни свидѣтельствъ, ни присяги. Достаточно облечь кого бы то ни было законно-совершенною довѣренностію и дѣло съ концомъ Отъ такого свободнаго, безразборчиваго вербованія и составился огромный нечестивый легіонъ. Большею же частью повѣренными по дѣламъ у насъ становятся мелкіе чиновники, удаленные по какимъ нибудь причинамъ изъ службы (безъ внесенія о томъ, изъ христіанскаго чувства состраданія, въ ихъ формуляры), отставные аудиторы, стряпчіе, писаря, выгнанные изъ какого нибудь вѣдомства, люди наторѣлые въ писаніи форменныхъ бумагъ, превосходно изучившіе самоучкой не права и законы, а мудрую науку „имѣть хожденіе.“ Это техническое выраженіе превосходно уже характеризуетъ обязанность повѣренныхъ по дѣламъ. Имѣть хожденіе — не правда-ли какія звучныя, многозначущія слова? Отъ нихъ, кажется, такъ и вѣетъ какимъ-то запахомъ крючкотворства, ябедничества, сутяжничества. Не даромъ-же и замѣшался здѣсь дѣйствительный глаголъ — имѣть, — заключающій въ себѣ понятіе о собственности, объ интересѣ, о деньгахъ. Одни уже слова — имѣть хожденіе — какъ бы служатъ предвареніемъ, что нужно итти не прямой дорогой, а кривыми путями, кляузничать, подкупать. Это не то, что просто ходить, какъ всѣ ходятъ; нѣтъ, — имѣть хожденіе значитъ дѣйствовать не только ногами, а язы-

комъ и особенно руками. Хожденіе это начинается собственно по приходѣ въ судъ или присутственное мѣсто, но оно можетъ производиться и на квартирѣ, и на улицѣ, сидя, стоя и даже ползкомъ.

Случается, впрочемъ, что по присутственнымъ мѣстамъ имѣютъ хожденіе не одни только люди, принадлежащіе къ классу черненькихъ, но и лица, получившія блестящее воспитаніе въ университетахъ и школѣ правовѣденія; бываютъ повѣренные и генеральскаго чина, служившіе въ военной службѣ. Это, конечно, большая честь для ввѣрителей, но за то и дороже имъ обходится. Повѣренный — бывшій студентъ — обыкновенно воображаетъ себя юристомъ ex-professo; ему, какъ говорится, и чортъ не братъ. Повѣренный, съ титуломъ превосходительнаго, старается ухватками своими напомнить прежнее свое фронтовое величіе. Но, собственно въ отношеніи нравственнаго достоинства, и эти отборнаго сорта ходатаи мало въ чемъ различествуютъ отъ простыхъ повѣренныхъ-плебеевъ, воспитанныхъ на мѣдныя деньги. Подъяческое ремесло придаетъ свою отличительную физіономію, всѣхъ уравниваетъ и накладываетъ на всѣхъ свою печать; оно скоро сглаживаетъ всякій лоскъ свѣтскости, дѣлаетъ обрюзглымъ, сварливымъ, грубымъ. Занимаясь этимъ ремесломъ, трудно сохранить въ непогрѣшимой чистотѣ первоначальный свой типъ — открытый-ли и размашистый студентческій, или величественный и побѣдоносный воинскій. А потому всѣ повѣренные по дѣламъ, какого бы званія и происхожденія ни были, какъ будто сотворены на одинъ образецъ и по внутрен-

нимъ своимъ качествамъ и даже по наружной своей оболочкѣ. Какія эти качества и наружный видъ сей часъ увидимъ. — Весьма любопытно было бы изслѣдовать, когда впервые появились у насъ въ Россіи повѣренные по дѣламъ, какое прежде они имѣли значеніе и какъ развивалась и совершенствовалась у насъ наука хожденія по чужимъ дѣламъ. Не были-ли, пожалуй, и первоприбывшіе къ намъ Варяги приглашены только въ качествѣ повѣренныхъ, для разсмотрѣнія запутанныхъ дѣлъ и водворенія въ нихъ порядка, а уже потомъ, воспользовавшись благопріятнымъ случаемъ, завладѣли верховною властью. Не въ этой-ли младенческой и почти варварской эпохѣ надо искать первообразъ нашихъ нынѣшнихъ повѣренныхъ по дѣламъ? Впослѣдствіи, быть можетъ, и татарское дикое владычество, придавливая всякой прогрессъ и разумное развитіе, укоренило обычай жить чужимъ умомъ и повѣрять всегда свои дѣла постороннему лицу. Впрочемъ, историческія изысканія и предположенія не составляютъ предмета настоящей статьи, а потому и возвращаемся къ современному положенію дѣлъ.

Прославившихся адвокатовъ всегда ожидаетъ блестящая карьера. Изъ нихъ дѣлали судей, государственныхъ прокуроровъ, членовъ парламентовъ, депутатовъ въ законодательныхъ собраніяхъ, нерѣдко вручались имъ прямо министерскіе портфели. Сколько было и прежде и въ наше время знаменитыхъ личностей, вышедшихъ изъ адвокатуры. Повѣренные же по дѣламъ, какъ мутные ручьи, вытекающіе изъ грязныхъ и неизвѣстныхъ болотъ, — всегда въ грязи и безвѣстности и исчезаютъ, даже если

и успѣваютъ всѣми неправдами разжиться и набить свои карманы на счетъ легковѣрныхъ довѣрителей своихъ. Весьма справедливо кто-то сравнилъ послѣднихъ съ мухами, попадающимися въ паутинныя сѣти. Адвокаты болѣе всего дорожатъ своею репутаціею и правдою; ходатаи по дѣламъ о такихъ бездѣлицахъ нисколько не заботятся, а помышляютъ единственно о собственныхъ выгодахъ. Они, для достиженія своей пользы, прибѣгаютъ ко всякаго рода уловкамъ; ложь и кривое толкованіе законовъ имъ ни по чемъ. Само собою разумѣется, чѣмъ многочисленнѣе законы, чѣмъ болѣе запутанности и менѣе симметрическаго порядка въ ихъ изложеніи, тѣмъ лучше и сподручнѣе для повѣренныхъ по дѣламъ и тѣмъ прибыльнѣе ихъ профессія. Извѣстно, что удобнѣе всего ловить рыбу въ мутной водѣ. Адвокаты существуютъ и могутъ существовать съ пользою только при открытомъ судопроизводствѣ, когда царствуетъ гласность, когда общественное мнѣніе можетъ выражаться свободно; повѣренные по дѣламъ, какъ совы и сычи, любятъ мракъ и таинственныя продѣлки. Одни способствуютъ судамъ разбирать и обсуждать дѣла; другіе затрудняютъ судей и сбиваютъ ихъ съ толку, а иногда и съ прямаго пути. Первые возвышаютъ достоинство судовъ, — вторые ихъ унижаютъ и компрометируютъ. Адвокатъ не скажетъ своему кліенту, что ему нужны деньги для подкупа судей: онъ, если возметея за дѣло, то увѣренъ въ правоту его, въ самого себя, въ силу своего краснорѣчія. Повѣренный по дѣламъ болѣе всего надѣется на подкупъ: это его главнѣйшій ресурсъ; на этомъ фундаментѣ онъ

созидаетъ цѣлое зданіе сплетней и интригъ. Повѣренный по дѣламъ, въ счетѣ своему довѣрителю, всегда ставитъ статью расхода на подарки судьямъ, и всѣмъ вообще чиновникамъ, отъ самаго младшаго и до самаго старшаго. Будь судья или какой чиновникъ аристидовой честности, повѣренный по дѣламъ, безъ зазрѣнія совѣсти, станетъ увѣрять, что и ему всунулъ въ руку благодарность. Деньги, выставленныя на такого рода расходы, остаются весьма часто цѣликомъ въ карманѣ повѣреннаго по дѣламъ, а между тѣмъ довѣритель убѣжденъ, что судья подкупленъ, и такимъ образомъ, въ особенности благодаря ловкой смѣтливости ходатаевъ по дѣламъ, нѣтъ у насъ вовсе вѣры въ честность и неподкупность чиновниковъ.

Адвокатъ берется за дѣло съ разборчивостію; нечистое и неправое дѣло не находитъ въ немъ сочувствія. Повѣренному по дѣламъ рѣшительно все равно, какое ему предлагаютъ дѣло, и чѣмъ дѣло неправѣе, чѣмъ болѣе въ разладѣ съ совѣстью, тѣмъ лучшее для него: ибо такія дѣла ближе сходятся съ нравственными его наклонностями и вообще съ его натурою. Адвокаты не только занимаются по дѣламъ гражданскимъ, но часто принимаютъ участіе въ дѣлахъ уголовныхъ, когда защита обвиняемаго, или поддержаніе обвиненій обиженной стороны оказывается необходимымъ. Здѣсь роль адвоката представляется особенно въ яркомъ свѣтѣ. Повѣренный по дѣламъ только и дышетъ въ тяжелой и душной атмосферѣ гражданскихъ исковъ, гдѣ чуетъ поживу. Черствая душа его неспособна увлекаться патетическими фразами уголовныхъ процессовъ. Адвокаты не рѣдко

берутъ на себя защиту обвиняемаго безъ всякаго возмездія; ихъ вознаграждаютъ рукоплесканія слушателей; награда имъ — слава. Никто лучше повѣренныхъ не понимаетъ, что слава есть дымъ. — Адвокатъ всегда воодушевленъ искреннимъ чувствомъ привязанности къ своему кліенту и часто становится его другомъ въ ту роковую минуту, когда тотъ, по истощеніи всѣхъ средствъ къ оправданію, приговаривается къ казни и восходитъ на эшафотъ. Адвокатъ не стыдится, въ виду безчисленнаго множества зрителей, жать руку осужденному и принимаетъ послѣдній прощальный поцалуй его. Такія минуты составляютъ апогею славы и величія адвокатовъ. Исторія представляетъ намъ много подобныхъ знаменитыхъ процессовъ. Повѣренный по дѣламъ рѣшительный матеріалистъ: онъ не постигаетъ въ дѣлахъ моральной стороны; душевныя волненія и всякія чувства ему чужды и незнакомы, и потому ничто не въ состояніи его разжалобить и растрогать. Онъ твердъ, какъ кремень, и нѣженъ въ такой же степени, какъ цѣпной сторожъ. Въ какое бы жалкое положеніе ни впалъ его довѣритель, но если онъ, въ условленное время, не заплатитъ ему за хлопоты и часто за воображаемые только труды его, то повѣренный по дѣламъ становится страшнымъ врагомъ его и съ нимъ же заводитъ тяжбы и процессы. Эту вражду, въ случаѣ смерти довѣрителя, онъ переноситъ и къ его наслѣдникамъ, хотябъ они были еще въ пеленкахъ. Мѣсто адвоката открытое, почетное, на кафедрѣ, на высокихъ подмосткахъ, въ виду публики, какъ проповѣдника правды и закона. — Ходатаи по дѣламъ избѣгаютъ публичности;

они предпочитаютъ заднее крыльцо — парадному входу; мрачная и грязная передняя имъ милѣе свѣтлой и опрятной залы. Даже самая одежда и наружный видъ этихъ двухъ антиподовъ различны. — Адвокатъ всегда прилично и даже щегольски одѣтъ; у него хорошія манеры. Повѣренный по дѣламъ враждебный врагъ чистоты и опрятности, а вовсе неграціозныя манеры его какъ-то отзываются харчевеннымъ заведеніемъ и бурлацкимъ тономъ. Пальцы его всегда запачканы чернилами — знакъ, что онъ много пишетъ; платье его смято, волосы, если есть только, нечесаны и взъерошены. — Взглядъ адвоката свѣтлый и открытый; повѣренный по дѣламъ смотритъ изъ подлобья, злобно и лукаво. — Первый выражается сильно, но скромно и особенно ясно; второй грубо и нагло и всегда туманно; одинъ старается разъяснить дѣло, другой путать и затемнять. — Адвокату необходимы не только ясные законные доводы, но и нравственныя убѣжденія; повѣренному по дѣламъ не нужно ни того, ни другаго. Адвокатъ и даже всякій простой смертный, лично своимъ дѣломъ занимающійся, держатъ себя въ судѣ или вообще въ присутственномъ мѣстѣ прилично и скромно. Повѣренный же по дѣламъ, если является и съ задняго крыльца, все таки выступаетъ задравши вверхъ голову, а на лицѣ его напередъ уже написано какое-то нахальное торжество. По своей жесткой и неотесанной натурѣ, онъ не можетъ и не умѣетъ быть вѣжливымъ. — Если онъ и улыбается, когда дѣлаютъ ему угодное, то все равно слова его грубы и неприличны, и, Боже мой! что это за тяжелая и отталкивающая улыбка. Если онъ

иногда и тихо изъясняется, когда усиливается быть любезнымъ по своему, то все таки съ бездушнаго лица его не сходитъ дерзкая усмѣшка. Наконецъ, въ адвокатѣ трудно подозрѣвать дурныя нравственныя качества; въ повѣренномъ по дѣламъ трудно полагать хорошія. Правда, вездѣ случаются исключенія; но онѣ столь же рѣдки въ первомъ, какъ и въ послѣднемъ случаѣ.

Оставимъ теперь это неслишкомъ, какъ видно, выгодное для нашихъ повѣренныхъ въ дѣлахъ сравненіе и поговоримъ собственно объ нихъ. Отвѣтственныя-ли они лица и передъ кѣмъ? Передъ своими довѣрителями они никогда и ничѣмъ не отвѣчаютъ; напротивъ, тѣ легковѣрныя и несчастныя лица, которыя съ ними связываются становятся въ ихъ полной зависимости и въ отвѣтственности передъ ними. Если заключено между ними особое условіе, кромѣ выданной повѣренному формальной довѣренности, то онъ всегда съумѣетъ помѣстить какой нибудь неопредѣленный пунктъ, который впослѣдствіи и объясняетъ въ свою пользу, или же оставляетъ для себя какую нибудь лазейку, чтобы въ случаѣ неудачи, имѣть возможность вывернуться отъ отвѣтственности и поддѣть своего довѣрителя. Эта мудрая предосторожность никогда имъ не пренебрегается. Если, не смотря на всѣ уловки и происки повѣреннаго, онъ разбитъ въ судѣ и дѣло проиграно, то онъ самъ все таки выходитъ сухъ изъ воды, цѣлъ и невредимъ, а вся тяжесть неуспѣха обрушивается на голову простодушнаго довѣрителя, который одинъ и отплачивается своими боками. А повѣренный, не смотря на всѣ повѣренныя отъ него часто значительныя деньги на явные и тайные расходы,

отказывается даже платить присужденныя судомъ гербовыя пошлины, хотя это и составляло бы самую ничтожную сумму. — Вообще самоувѣренность въ повѣренномъ по дѣламъ доходитъ до высшей степени нахальства. Онъ считаетъ себя и особенно себя выдаетъ за такого законовѣда, которому подобнаго не бывало и быть не можетъ. По этому всякую неудачу по дѣлу, пропускъ какого нибудь узаконеннаго срока и т. п., онъ нисколько не краснѣя, смѣло приписываетъ своему довѣрителю, хотя бы тотъ и носу не показывалъ въ тѣ присутственныя мѣста, гдѣ производится дѣло. По его увѣренію, не будь такого то промаха со стороны неловкаго довѣрителя, онъ, навѣрно, одержалъ бы побѣду и выигралъ бы дѣло. Однимъ словомъ, онъ всегда и во всякомъ случаѣ правъ, а виноватъ и отвѣчать за все долженъ его довѣритель. Передъ судомъ повѣренный по дѣламъ тоже ничѣмъ не отвѣтствуетъ. — Въ просьбахъ и жалобахъ своихъ онъ обыкновенно дозволяетъ себѣ, по существующему издавна и терпимому у насъ обычаю, чернить и злословить судей и присутственныя мѣста, а все таки это легко сходитъ ему съ рукъ, не смотря на законъ, недопускающій подобныхъ выходокъ, подъ страхомъ строгаго наказанія. — Да онъ, слава Богу, не ребенокъ, чтобъ этого опасаться. — Случается, и даже часто, что повѣренный по дѣламъ, объясняя съ обычною ему настойчивою дерзостью сомнительную или неправую сторону дѣла, и не успѣвая изворотливыми аргументами своими убѣдить судей, заносится чрезъ чуръ далеко и, забывая, что стоитъ предъ зерцаломъ, наговоритъ судьямъ несовсѣмъ пріятныя комплименты, или, просто сказать,

разбранитъ ихъ въ пухъ и прахъ. Что жъ ему за это? А ничего больше, какъ развѣ въ какомъ нибудь указѣ будетъ сказано, что бы на будущее время не дозволялъ себѣ подобныхъ поступковъ, подъ опасеніемъ строжайшаго наказанія по законамъ. А съ него это, какъ съ гуся вода. И странное дѣло: какъ бы изъ какого-либо особаго чувства уваженія къ повѣренному по дѣламъ, существующій законъ не примѣняется никогда къ совершенному уже имъ дѣйствію, или поступку, а всегда указывается ему на него въ перспективѣ, въ будущемъ, какъ будто въ насмѣшку и судьямъ, и самому правосудію. Возобновится опять такой же случай и опять таже исторія, такой же указъ; будущее никогда не наступаетъ. И такъ, повѣренный по дѣламъ не есть отвѣтственное лицо ни передъ своимъ довѣрителемъ, ни передъ судомъ, а самое главное ни даже передъ общественнымъ мнѣніемъ, такъ какъ адвокаты. Чудесное ремесло, внѣ всякаго отвѣта и контроля! За то какъ охотно за него и берутся. Чтобъ сдѣлаться купцомъ, трактирщикомъ, извощикомъ, надо впередъ заплатить за гильдію, за свидѣтельство, за ярлыкъ, а повѣренный по дѣламъ за свое званіе ни одного гроша ни куда не вноситъ, хотя впрочемъ и есть законъ, обязывающій взиматъ и съ него небольшую пошлину въ пользу городскихъ доходовъ за право имѣть хожденіе по чужимъ дѣламъ. Этотъ законъ впалъ въ забвеніе и не исполняется, вѣроятно, изъ снисхожденія къ повѣреннымъ по дѣламъ за оказываемыя ими и безъ того уже обществу многостороннія услуги. Должно полагать, что они всегда родятся подъ счастливою звѣздой, или какая нибудь ба-

бушка имъ ворожитъ, такое непостижимое имъ во всемъ счастіе. Проказничаютъ и плутуютъ они вдоволь, нисколько не стѣсняясь, а все таки публика въ какомъ-то странномъ ослѣпленіи, почитаетъ ихъ дѣльными и полезными людьми и безпрестанно прибѣгаетъ къ ихъ посредничеству. Какъ бабочки къ огню, легковѣрные довѣрители одинъ за другимъ обращаются къ повѣренному по дѣламъ и каждый какъ бы упрашиваетъ, чтобы повѣренный и его поскорѣе надулъ и обобралъ.

Можно быть повѣреннымъ по дѣламъ и въ тоже время состоять на службѣ. Начальство ваше и вниманія не обратитъ на это и даже знать не будетъ, что вы занимаетесь имѣніемъ хожденія. Во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ и даже министерствахъ есть много чиновниковъ, ходатайствующихъ по дѣламъ своихъ довѣрителей. Не смотря на воспрещеніе закономъ, есть и такіе повѣренные, которые ходатайствуютъ по дѣламъ производящимся въ тѣхъ самыхъ присутственныхъ мѣстахъ, гдѣ служатъ. — Начальство ихъ этого не замѣчаетъ, или снисходительно смотритъ на то сквозь пальцы. Другіе, болѣе ловкіе и проворные, имѣютъ хожденіе въ одно и тоже время по нѣсколькимъ дѣламъ одного лица, или по дѣламъ многихъ лицъ, въ числѣ коихъ есть и враждующія между собой, или имѣющія одинъ съ другимъ процессы. Повѣренный по дѣламъ искусно лавируетъ между этими противуположными интересами и взаимными враждами, надуваетъ и мастерски проводитъ всѣхъ вообще и каждаго въ отдѣльности; но за то никогда не упускаетъ изъ виду своихъ собственныхъ выгодъ. — Случается и то, что повѣренный

оставляетъ своего довѣрителя и въ тоже самое время становится повѣреннымъ его противника, предложившаго ему выгоднѣйшія условія. Такой переходъ во вражій станъ на подъяческомъ поприщѣ не считается вовсе измѣной или безчестіемъ.

Трудна-ли обязанность повѣренныхъ по дѣламъ? труда-то, признаться, въ собственномъ значеніи этого слова, у нихъ не много; за то хлопотъ бездна. Они всегда въ суетахъ, въ какомъ то раздраженномъ, лихорадочномъ состояніи; бросаются всюду, какъ угорѣлые, языкъ у нихъ вѣчно въ работѣ. Дѣло иногда самое ничтожное, а судя по озабоченной ихъ физіономіи и по торопливымъ движеніямъ, подумаешь, что рѣчь идетъ о важномъ предметѣ, или о какомъ нибудь сокровищѣ. Въ одно и тоже утро они успѣваютъ побывать и у своихъ кліентовъ или довѣрителей и избѣгать всѣ присутственныя мѣста. Въ столицахъ ихъ можно встрѣтить и въ Уѣздномъ Судѣ и въ Надворномъ, и въ Гражданской Палатѣ и въ Магистратѣ, и въ Управѣ и въ Губернскомъ Правленіи, и въ Министерствахъ и въ Сенатѣ. Мимоходомъ, они завернутъ и въ аукціонную камеру, и въ почтовую Контору, и въ Контору Надзирателя; успѣютъ забѣжать и въ кондитерскую, чтобы червячка заморить. Вездѣ ихъ встрѣтишь, а не найдешь только тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть. И эти путешествія по присутственнымъ мѣстамъ дѣлаются вскачь, на рысяхъ, а то не хватило бы времени. Справедливѣе по этому было бы вмѣсто имѣть хожденіе, говорить — имѣть бѣготню. Повѣренные по дѣламъ самые обычные и неизбѣжные

посѣтители присутственныхъ мѣстъ. Они тамъ какъ у себя дома; всѣ ихъ тамъ знаютъ и они знаютъ всѣхъ. — Канцелярскіе чиновники, Экзекуторы, сторожа, курьеры, счетчики, швейцары, ждутъ ихъ ежедневно съ самаго утра. — Они между собой на пріятельской ногѣ: здороваются съ привѣтливою улыбкою, жмутъ другъ другу руку, цалуются другъ съ другомъ. Благодаря такимъ пріятельскимъ отношеніемъ, для повѣреннаго въ дѣлахъ нѣтъ и не бываетъ, что называется — канцелярской тайны. Ему все извѣстно: когда какая получена бумага и за какимъ номеромъ; когда поступила въ регистратуру, когда сдана въ столъ, какая послѣдовала или должна послѣдовать резолюція, когда состоялся или состоится журналъ, какимъ чиновникомъ написанъ, когда подписанъ членами присутствія, когда пропущенъ прокуроромъ и, наконецъ, когда приведенъ будетъ въ исполненіе. Такимъ образомъ повѣренный по дѣламъ знаетъ и прошлое и настоящее и будущее. Точно будто колдунъ или какой оракулъ. Вотъ онъ, весь въ попыхахъ, прибѣгаетъ въ одно присутственное мѣсто и объявляетъ, что уже подписанъ указъ по его дѣлу и долженъ прибыть вслѣдъ за нимъ, и указъ дѣйствительно является, или же приходитъ въ другое присутственное мѣсто и предваряетъ, что такой-то рапортъ по его дѣлу, ожидаемый оттуда-то, уже отправленъ и рапортъ этотъ, какъ тутъ, получается вслѣдъ за его приходомъ, точно по волшебному свистку ярморочнаго фокусника. Во всякомъ присутственномъ мѣстѣ у повѣреннаго по дѣламъ есть какая нибудь подкупленная чиновничья душа, которая обо всемъ его пред-

варяетъ заблаговременно, обо всемъ акуратно доноситъ ему. Лишь только члены суда задумаютъ что нибудь постановить или сдѣлать не такъ, какъ бы хотѣлось повѣренному по дѣлу, какъ преданная ему душа успѣетъ уже незамѣтно шепнуть ему о томъ въ ухо, гдѣ нибудь на лѣстницѣ, въ прихожей, или въ какомъ-либо нескромномъ уголкѣ. Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно еще прежде, чѣмъ судьи оканчиваютъ свое совѣщаніе и рѣшаются на что нибудь, повѣренный по дѣлу подымаетъ страшную тревогу, укоряетъ судей, забрасываетъ ихъ упреками, жалуясь что дѣло вовсе не такъ ведется, какъ слѣдуетъ, цитируетъ законы, толкуя ихъ вкривь и вкось, и путаетъ, путаетъ... Часто, опѣшенные этими неожиданными и внезапными возгласами и нареканіями, атакованные въ расплохъ судьи оставляютъ въ тунѣ предположенное уже рѣшеніе и, опасаясь мстительной злобы повѣреннаго по дѣламъ, опредѣляютъ другое, угодное ему. Повѣренному во что бы то ни стало надо выиграть дѣло; онъ взялся за это, его интересъ того требуетъ; отъ успѣшнаго окончанія зависитъ его счастіе, а ему только и грезится обѣщанная за то награда. Вотъ почему онъ такъ усердно старается и хлопочетъ; приходитъ въ ярость и исступленіе, объясняясь съ судьями; изъ кожи лезетъ, чтобы настоять на своемъ, точно опъянѣлый бросается на штурмъ. Дайте только ему выиграть дѣло и посмотрите какую онъ будетъ умѣть извлечь для себя пользу: онъ не только потребуетъ отъ своего довѣрителя обѣщаннаго и условленнаго вознагражденія, но, привязавшись къ какому нибудь темному или неясно высказан-

ному пункту заключеннаго съ нимъ условія, обдеретъ его же до чиста, какъ липку. Дѣло можетъ быть всего идетъ о какихъ нибудь ста рубляхъ, а онъ станетъ домогаться, и съ какимъ еще надменнымъ нахальствомъ, съ попавшагося въ его тенета простодушнаго довѣрителя 10, 20 и 30 тысяч. или, пожалуй, и болѣе неустойки. Подобные случаи весьма обыкновенны. А вотъ дѣло самое простое и несложное, которое можно было бы, безъ всякаго затрудненія, рѣшить въ одинъ присѣстъ, но благодаря проискамъ и ловкимъ изворотамъ повѣреннаго по дѣламъ, оно длится безконечно, подъ предлогомъ собиранія какихъ нибудь пустыхъ и вовсе ненужныхъ справокъ. Такими справками можно до такой степени начинить и затемнить любое дѣло, что изъ него подъ конецъ образуется настоящій сумбуръ, въ которомъ никакого толку не доберешься. Повѣренному по дѣламъ этого-то именно и хотѣлось, и онъ торжествуетъ. — Если же напротивъ, интересъ его требуетъ скораго рѣшенія дѣла, то онъ различными средствами съумѣетъ и этого достигнуть, безъ всякихъ справокъ, хотябъ и дѣйствительно онѣ были нужны. — Поговорка дѣло мастера боится — еще справедливѣе можетъ быть примѣнена къ повѣренному. Оно его боится, да и какъ еще! Онъ великій мастеръ на всякія штуки и фокусы; какую угодно истину и непреложную аксіому онъ объяснитъ вамъ на изнанку; какой угодно законъ растолкуетъ на выворотъ. Всякое дѣло въ его рукахъ принимаетъ какую онъ захочетъ форму и направленіе: оно или кипитъ отъ быстроты движенія, или плѣснѣетъ отъ застоя, смотря по его желанію.

Обыкновенно у насъ на Руси рѣдко кто самъ занимается своимъ дѣломъ, а потому число повѣренныхъ или ходатаевъ весьма значительно. Весьма часто въ иномъ присутственномъ мѣстѣ въ числѣ просителей нѣтъ ни одного по своему дѣлу, а все ходатаи по чужимъ. Они размножаются по присутственнымъ мѣстамъ, какъ черви въ разлагающемся, гниломъ тѣлѣ. Чтобы возвратить ему жизненныя силы, надо истребить этихъ вредныхъ насѣкомыхъ. Какъ же это сдѣлать, когда наша судебная организація не допускаетъ еще адвокатовъ, а между тѣмъ мало лицъ знакомыхъ съ законами, посвящающихъ себя изученію ихъ, которыя были бы въ состояніи сами заниматься своими дѣлами и даже написать самую простую, немудреную просьбу? Сейчасъ представимъ мы на судъ общій мнѣніе наше объ этомъ; прежде нелишнимъ считаемъ сдѣлать еще нѣкоторыя замѣчанія. — Часто самъ сознаешь, что привычка дурная, обычай скверный, а съ трудомъ отъ нихъ отучаешься. Не даромъ же говорятъ — привычка вторая натура. И еще досаднѣе то, что отъ внѣшнихъ, наружныхъ привычекъ человѣкъ отстаетъ легко и скоро, — доказательство скоро-проходящая, измѣнчивая мода, — а отъ привычекъ или, лучше сказать, заблужденій внутреннихъ, моральныхъ, какъ бы онѣ ни были смѣшны, глупы и порочны, освобождается съ большими усиліями. Но если и это свидѣтельствуетъ въ нѣкоторомъ отношеніи о превосходствѣ духа надъ плотью, то все таки, съ такой точки зрѣнія, утѣшеніе небольшое для человѣчества и нечѣмъ, признаться по правдѣ, намъ гордиться. Напримѣръ, обычай нашъ употреблять по всѣмъ дѣламъ повѣренныхъ и

общее странное предубѣжденіе въ ихъ необходимости, можетъ-ли вести къ какому-либо выгодному для насъ заключенію? Доказываетъ-ли и это смѣтливость русскаго народа, умственное его развитіе, практическое умѣніе жить и пользоваться своими правами и добромъ своимъ? Намъ кажется, что привязанность или страсть наша къ повѣреннымъ по дѣламъ ничего этого не доказываетъ, а скорѣе свидѣтельствуетъ о какомъ то нравственномъ ослѣпленіи и несомнѣнной наклонности къ лѣни. Привили сами себѣ поганую болѣзнь, видимъ и сознаемъ вредную ея прилипчивость, и вмѣстѣ съ тѣмъ стараемся увѣрять себя, что она для насъ необходима, и что безъ нея нельзя намъ существовать. Быть безъ повѣренныхъ по дѣламъ, безъ милыхъ и достойныхъ ходатаевъ возможное-ли дѣло? А что тогда дѣлать несчастному смертному, у котораго тяжебное дѣло на рукахъ, а никакого смысла въ головѣ? Для него повѣренный можетъ быть нужнѣе, чѣмъ нянька для ребенка. — Что-же за бѣда, если повѣренный и имѣетъ кое-какія слабости, за то онъ все таки въ нѣкоторомъ отношеніи благодѣтель для своего кліента. — Правда, оказываемыя имъ благодѣянія всегда чего-нибудь, да стоятъ, и часто даже разорительны, но за то какъ удобно и покойно: точно нанялъ себѣ извощика, да и ѣдешь куда угодно. Жаль только, что не положено таксы для повѣренныхъ по дѣламъ и особенно, что у нихъ нѣтъ на спинѣ ярлыковъ, а то еще было бы удобнѣе: не нужно было бы ихъ отыскивать, а при встрѣчѣ тотчасъ можно было бы узнать, что идетъ повѣренный.

Но, не смотря на все, что мы говоримъ, найдутся,

пожалуй, и жаркіе апологисты повѣренныхъ по дѣламъ, которые за нихъ заступятся, станутъ превозносить ихъ до небесъ, доказывать несомнѣнную ихъ пользу и несправедливость нашихъ словъ. Извѣстно, что и самые скверные гады и фетишы имѣютъ своихъ поклонниковъ. Что же удивительнаго, что и въ пользу повѣренныхъ по дѣламъ можетъ раздаться хвалебный гимнъ. Посмотрите, скажутъ, сколько трогательныхъ, умилительныхъ примѣровъ въ защиту высокаго призванія повѣренныхъ по дѣламъ. Вотъ бѣдная вдова, неуспѣвшая еще осушить слезъ своихъ послѣ смерти мужа, повѣряетъ дѣло свое и своихъ малолѣтнихъ дѣтей искреннему другу покойнаго и тотъ считаетъ священнымъ долгомъ припять на себя обязанность повѣреннаго, безъ всякаго возмездія. Вотъ этотъ дѣлается повѣреннымъ по дѣламъ дѣтей умершаго своего брата, или сестры, дяди, тетки или кузины, а этотъ по дѣлу своей жены. Вотъ здѣсь вы видите повѣреннаго по дѣламъ своего начальника и онъ также взялся за это безвозмездно, изъ одного чистаго усердія или изъ благодарности за оказанныя по службѣ благодѣянія. А вотъ еще прекрасная личность, хотя несвязанная никакимъ родствомъ, но сдѣлавшаяся повѣреннымъ сиротъ изъ одного чистѣйшаго христіанскаго чувства состраданія и т. д. Сколько, подумаешь, приносится этими добродѣтельными мужами при такихъ занятіяхъ жертвъ и трудами, и временемъ и здоровьемъ. Право, можно расплакаться отъ умиленія. Тутъ уже нечего и нельзя подозрѣвать никакихъ корыстныхъ побужденій и видовъ: и цѣль, и побужденія чисты и достойны всякой хвалы, а слѣдовательно

и дѣйствія должны быть такія же. Тутъ уже нѣтъ мѣста сомнѣніямъ, укорамъ и нападкамъ. Повѣренный по дѣламъ съ этой точки зрѣнія представляется въ такомъ же пышномъ ореолѣ, какъ самый честнѣйшій адвокатъ, да и того, пожалуй, по суммѣ добродѣтельныхъ качествъ, за поясъ заткнетъ. Положимъ, что такъ, и что дѣйствительно въ числѣ повѣренныхъ есть люди самой высокой нравственности, но, скажите на милость, много ли у насъ такихъ фениксовъ? — Что значатъ нѣсколько исключеній въ огромной массѣ зла и обмана? — Да и точно-ли существуютъ эти исключенія въ такомъ кристальномъ, непорочномъ видѣ, какъ мы воображаемъ? Кто можетъ въ томъ поручиться, гдѣ удостовѣренія? Допустимъ, что побужденія и цѣль прекрасны, а развѣ все таки не можетъ случиться, что, при самомъ дѣйствіи, и честный повѣренный вдругъ вспомнитъ пословицу, что своя рубашка ближе къ тѣлу и станетъ слѣдовать этому мудрому правилу? Вотъ вся иллюзія и пропала! Забота о вдовахъ, о сиротахъ, о милыхъ родственникахъ, о начальникахъ-благодѣтеляхъ, и усердное хожденіе по ихъ дѣламъ суть такого рода обязанности, которыми, по всей законной справедливости, можно гордиться. Но извѣстно, что и при исполненіи самыхъ святыхъ обязанностей вчастую западаетъ въ слабое человѣческое сердце сначала малый только зародышъ какого-нибудь нечистаго помысла, а послѣ изъ него вырастаетъ страшная бѣсовщина. Собственный интересъ, самое преобладающее изъ человѣческихъ побужденій, сопротивляется всегда, особенно тихомолкомъ, безусловнымъ самопожертвова-

ніямъ и самоотверженіямъ на пользу ближняго. Вотъ отчего и трудно думать, чтобы въ числѣ нашихъ повѣренныхъ по дѣламъ могли быть такіе праведники, какъ сказано выше. А развѣ, возразятъ, адвокаты не въ такомъ же положеніи, развѣ у нихъ другая, не человѣческая натура? Натура-то у нихъ такая же, но положеніе совсѣмъ не то: мы уже сказали, что адвокатовъ контролируетъ публичность, общественное мнѣніе, кромѣ, разумѣется, собственной совѣсти; повѣренный же по дѣламъ подчиненъ единственно только контролю собственной совѣсти, а это, всякій знаетъ, по шаткости нашей натуры и склонности человѣка къ грѣховному паденію, не совсѣмъ еще достаточно. Адвокатъ, какъ актеръ, выступаетъ на сцену и дѣйствуетъ передъ множествомъ устремленныхъ на него глазъ и навостренныхъ на его рѣчи ушей. Ни одно движеніе его не сокрыто, ни одно слово не проронено, а потому будь онъ первый въ мірѣ эгоистъ, ему все же не такъ ловко устраивать дѣла свои на счетъ своего кліента. Вѣдь онъ же не чародѣй, что бы въ то время, какъ всѣ на него внимательно смотрятъ, умѣть переводить незамѣтно деньги изъ чужаго кармана въ свой. Повѣренный по дѣламъ, какъ мы уже знаемъ, обставленъ другими условіями; онъ, какъ искусный минеръ, ведетъ подземную, глухую атаку на карманъ своего довѣрителя и часто, прежде нежели послѣдній успѣетъ очнуться, карманъ его уже пустъ. — Все это случается; но мы, свидѣтели, а часто и жертвы такихъ продѣлокъ, не обращаемъ на нихъ вниманія и продолжаемъ итти своею дорогой или жить постаринному, а между тѣмъ жизненный

опытъ долженъ былъ бы давно уже насъ образумить и научить чему нибудь лучшему.

Впрочемъ, если и допустить невозможное, или, покрайней мѣрѣ, весьма, весьма сомнительное, т. е. что дѣйствительно бываютъ у насъ повѣренные по дѣламъ самые честные, самые безкорыстные, самые добродѣтельные люди, то все таки почти неизбѣжно появляется другая бѣда: эти-то именно повѣренные не знаютъ дѣла, не изучили законовъ, плохіе дѣльцы, не пріобрѣли опыта. Что жъ послѣ этого толку въ ихъ честности и добродѣтели? Безспорно, это прекрасныя качества, но не въ практическомъ приложеніи къ существующему у насъ порядку производства тяжебныхъ дѣлъ. На однихъ такихъ качествахъ, безъ другихъ условій, не далеко уѣдешь, да, того и смотри, еще, пожалуй, скорѣе въ дуракахъ останешься. Весьма утѣшительно имѣть повѣреннаго съ такими выспренными качествами, но ужъ несовсѣмъ выгодно. Правда, онъ васъ не надуетъ и не воспользуется ни однимъ грошемъ, вамъ принадлежащимъ, но за то, въ утѣшеніе вамъ и въ бо̀льшее еще доказательство своей непорочности и неумѣнія вести житейскія суетныя дѣла, навѣрное проиграетъ вашъ процессъ. Продувной же повѣренный, несоставляющій исключенія изъ общаго правила и не принадлежащій къ малому сонму безгрѣшныхъ, общиплетъ васъ порядкомъ, но за то случается и нерѣдко, что, благодаря его ловкости и умѣнію, вы выигрываете дѣло, хотя даже и несовсѣмъ правое. Конечно, и такой успѣхъ часто болѣе обращается въ пользу самого повѣреннаго, нежели въ пользу довѣрителя,

но во всякомъ случаѣ и на долю послѣдняго остаются кое-какія косточки. Рѣшайте же теперь, который изъ описанныхъ нами двухъ сортовъ повѣренныхъ приходится вамъ болѣе по вкусу. Мы же откровенно сознаемся, что намъ ни одинъ не нравится и мы желали бы никогда не имѣть съ ними дѣла и не нуждаться въ ихъ услугахъ. Странное, право, дѣло: у насъ какъ будто въ насмѣшку какой-то злой духъ устроилъ такъ, что честность и добродѣтельныя свойства всегда почти бываютъ въ обратной пропорціи къ умѣнію, ловкости, знанію дѣлъ и законовъ. Пройдоха и мошенникъ обладаетъ этими послѣдними качествами въ превосходной степени, а человѣку честному онѣ какъ-то не даются, и можетъ быть именно потому, что у насъ для пріобрѣтенія опыта на тяжебномъ поприщѣ и уразумѣнія всѣхъ тонкостей судебной процедуры необходимо съ самаго уже начала засунуть честность свою въ карманъ. — И такъ, какъ ни углубляйся въ настоящій предметъ, съ какой стороны его ни разсматривай, а не найдешь ничего, что можно было бы сказать въ пользу повѣренныхъ по дѣламъ. Все равно что ломать себѣ голову, дабы придумать что нибудь въ защиту саранчи, или нашего домашняго бича моли. Впрочемъ, слабому уму человѣческому многое что не доступно. Все въ природѣ имѣетъ свою цѣль, свое предназначеніе: и моль, и саранча, пожалуй и зараза, приносятъ какую нибудь таинственную, незримую для насъ, непостижимую намъ пользу. Такъ и повѣренный въ дѣлахъ, можетъ статься, въ какомъ нибудь отношеніи и полезный человѣкъ. Не будь его, кто знаетъ, можетъ быть, произошелъ

бы еще бо́льшій административный хаосъ. Пускай и такъ, но, не слѣдуя системѣ оптимизма, мы не объясняемъ себѣ всякаго зла къ лучшему. По нашему уразумѣнію, повѣренные по дѣламъ, въ томъ видѣ, какъ нынѣ существуютъ, составляютъ чистое зло, безъ малѣйшей примѣси добра. Теперь, когда общество наше, получивъ сильный толчокъ, двинулось полнымъ ходомъ къ различнаго рода улучшеніямъ и усовершенствованіямъ, впору и кстати было бы подумать, какъ бы избавиться намъ и отъ этого зла. Противу заразы, саранчи и моли вѣдь придуманы же кое-какія средства, болѣе или менѣе дѣйствительныя: окуриванія, сожиганія, персидскій порошокъ, выстрѣлы изъ пушекъ и проч. Конечно, противъ повѣренныхъ по дѣламъ, по уваженію къ человѣческой натурѣ, нельзя употребить подобныхъ истребительныхъ средствъ (да еще вопросъ — помогли-ли бы онѣ); но можно прибѣгнуть къ другому, самому простому способу. Отчего бы, напримѣръ, впредь до преобразованія нашей судебной организаціи и до учрежденія можетъ быть со временемъ и у насъ настоящей адвокатуры, не воспретить формально закономъ быть повѣреннымъ по дѣламъ всякому, кому только вздумается, а постановить нѣкоторыя для сего ограниченія? Можно было бы, мы полагаемъ, завести такой порядокъ, чтобы на будущее время каждый, желающій заниматься ходатайствомъ по дѣламъ, предварительно былъ подвергаемъ балотировкѣ своего городскаго сословія и не иначе, какъ по избраніи имъ, получалъ на то свидѣтельство. — Этихъ лицъ можно было бы назвать частными стряпчими, или придумать какое нибудь другое

для нихъ названіе (всего бы лучше и проще именовать адвокатами, чтобы пріучить къ будущему порядку); но только, ради Бога, не оставляйте имъ названія повѣренныхъ или ходатаевъ по дѣламъ: ибо оно всѣмъ уже надоѣло и опротивило не хуже названія выше-поименованныхъ почтенныхъ насѣкомыхъ. По избраніи городскими сословіями частныхъ стряпчихъ или адвокатовъ, слѣдовало бы надлежащему начальству утверждать ихъ и приводить къ присягѣ, а за тѣмъ, назначивъ каждаго къ какому-нибудь присутственному мѣсту, объявлять о томъ во всеобщее свѣдѣніе. Цѣлое обществе рѣдко ошибается, а потому можно надѣяться, что предполагаемый нами выборъ городскими сословіями, предваренными напередъ, что это касается до пользы всѣхъ и каждаго былъ бы всегда или большею частью удаченъ. — А чтобы еще вѣрнѣе достигнуть этой цѣли, можно было бы право быть избираемымъ въ частные стряпчіе или адвокаты предоставить только тѣмъ лицамъ, которыя предварительно представятъ надлежащіе аттестаты, что получили воспитаніе въ общественныхъ заведеніяхъ и выслушали курсъ правъ, а также одобрительное свидѣтельство нѣсколькихъ извѣстныхъ лицъ о своемъ поведеніи. Обязанность этихъ частныхъ стряпчихъ, само собою разумѣется, должна была бы состоять въ томъ, чтобы ходатайствовать по дѣламъ просителей, которые станутъ къ нимъ обращаться; защищать ихъ въ судѣ по законамъ и по совѣсти, наставлять ихъ, сочинять имъ нужныя бумаги, объяснять законы и т. п. — Справедливость требуетъ, чтобы всякій частный трудъ, всякое занятіе въ пользу другаго,

получало равномѣрное вознагражденіе, а потому слѣдовало бы опредѣлить закономъ и для стряпчихъ извѣстный процентъ по тѣмъ дѣламъ, которыя они будутъ вести. Кажется, что лучше было бы назначить это вознагражденіе напередъ закономъ, нежели предоставлять взаимному соглашенію, для предупрежденія всякихъ споровъ, жалобъ и злоупотребленій. — За нарушеніе своей обязанности и вообще за поступки вопреки закону и совѣсти частные стряпчіе должны были бы подвергаться отвѣтственности и даже лишаться этого званія. Для контроля ихъ дѣйствій, разбора и рѣшенія приносимыхъ на нихъ жалобъ, можно было бы изъ среды ихъ же избрать трехъ достойнѣйшихъ и болѣе извѣстныхъ лицъ, которыхъ и облечь начальственною надъ ними властью. Все, что мы предлагаемъ, составляетъ одну только мысль, требующую бо̀льшаго развитія и обсужденія. Всякое законоположеніе должно обнимать глубоко и со всѣхъ сторонъ предметъ, до котораго касается; пропускъ какой нибудь частности возбуждаетъ обыкновенно новые вопросы, требующіе разъясненія закона или дополненія, а между тѣмъ возникающія отъ того недоразумѣнія не всегда остаются безъ вредныхъ послѣдствій. Въ настоящую счастливую эпоху нашему законодательству легче избѣгать этого, потому что ему содѣйствуетъ общественное мнѣніе, подвергающее своему подробному разбору и анализису всякій заслуживающій интереса вопросъ. При бо̀льшемъ числѣ мнѣній по одному и тому предмету уясняется взглядъ на него и облегчительнѣе становится постановленіе на то полнаго и опредѣлительнаго закона, точно такъ какъ при бо̀льшемъ числѣ дан-

ныхъ, рѣшеніе задачи бываетъ вѣрнѣе и непогрѣшимѣе. По этому желательно было бы, чтобы общественное мнѣніе удостоило обратить свое вниманіе на настоящій предметъ и заняться имъ, а за тѣмъ уже по выслушаніи его свободнаго голоса, пусть будетъ постановлено справедливое и безпристрастное рѣшеніе: должны ли наши повѣренные или ходатаи по дѣламъ оставаться въ счастливомъ, безотвѣтственномъ и спокойномъ положеніи, въ какомъ нынѣ они находятся или же слѣдуетъ ихъ, какъ нечестивыхъ торгашей, завладѣвшихъ неподобающимъ имъ святымъ мѣстомъ, изгнать на всегда изъ храма правосудія. —

А. Г.

Лейпцигъ,
въ типографіи Густава Бера.

Leipzig.
Druck von Gustav Bär.